WWW.ISTRODINA.COM

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА

05 | 2008

ТРЕТИЙ ПРЕЗИДЕН

БОГОЛЮБСКИЙ ИЛИ БАРБАРОССА

БРИЛЛИАНТЫ КОМИССАРА ФЕНТЕКЛЮЗА

ПРЕСТУПНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ НАРКОМПРОСА

КАК ГИТЛЕР ЧУТЬ В ПЛЕН НЕ ПОПАЛ

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

«Родина» – в обновлённом списке ВАК!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

За почти 20-летнюю историю своего существования журнал «Родина» стал одним из самых авторитетных и читаемых отечественных исторических изданий, на страницах которого публикуются и ведущие историки страны, и перспективные молодые учёные из разных регионов России.
Мы рады сообщить вам, что в июле 2007 года экспертный совет ВАК Министерства образования и науки России включил журнал «Родина» в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени уже не только кандидата, но и доктора исторических наук.
Страницы нашего журнала открыты для работ аспирантов, докторантов и соискателей. Мы будем рады опубликовать статьи, написанные интересно и увлекательно и отвечающие концепции нашего издания. Научная новизна, умение автора ясно, чётко, логично и увлекательно излагать свои мысли — таковы важнейшие критерии, которыми мы руководствуемся, принимая решение о публикации присланного в редакцию материала. Иллюстрации должны органически входить в систему доказательств автора.
К рассмотрению принимаются работы объёмом 20–25 тысяч знаков (включая пробелы), снабжённые научным аппаратом и иллюстративным рядом.
Свои работы присылайте по адресу: istrodina@mail.ru. В сопроводительном письме просьба прислать своё краткое резюме и указать ориентировочную дату защиты.

Редакция журнала «Родина» совместно с АФК «Система» проводит благотворительную годовую подписку для 200 детских домов, детских домов семейного типа, многодетных приёмных семей в разных регионах нашей страны.
В настоящее время подписки уже отправлены в детские учреждения Костромской, Калужской, Орловской, Ивановской, Псковской, Кировской, Оренбургской, Архангельской, Челябинской, Томской, Омской областей, Республики Татарстан, Кабардино-Балкарской республики, Республики Башкортостан. Работа эта продолжится.
Мы очень надеемся, что доброе дело АФК «Система» поддержат и другие коммерческие структуры, и количество детей, приобщённых к истории государства Российского, увеличится, они станут достойными гражданами своей страны.

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА:

Председатель Совета –

стема»

ПОЛЕЖАЕВ Леонид Константинович,
Губернатор Омской области

РАХИМОВ Муртаза Губайдуллович,
Президент Республики Башкортостан

САВЧЕНКО Евгений Степанович,
Губернатор Белгородской области

СЛЮНЯЕВ Игорь Николаевич,
Губернатор Костромской области

СУМИН Пётр Иванович,
Губернатор Челябинской области

ФИЛИПЕНКО Александр Васильевич,
Губернатор – Председатель правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

ЧЕРНЫШЁВ Алексей Андреевич,
Губернатор Оренбургской области

ШАЙМИЕВ Минтимер Шарипович,
Президент Республики Татарстан

ШАКЛЕИН Николай Иванович,
Губернатор Кировской области

РОДИНА

№ 5, май 2008

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Встреча на Белорусском вокзале возвратившихся из Берлина демобилизованных воинов Красной армии.
Фото М. Озерского.
1945 г. РГАКФД.

Подписаться на журнал «Родина» можно по каталогам: «Роспечати» (индекс 73325), «Почта России» (индекс 63436), Объединённому (индексы 40687, 16398)

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ООО «Компания «Родина-Пресс»
Генеральный директор
Маркарян В. Л.
Т./ф. **8 (499) 242 89 04**
E-mail:
inbox@rodinapress.ru,
mvl@rodinapress.ru

Адрес редакции: 127025, Москва, ул. Новый Арбат, 19.
тел. 203 73 98,
факс 203 75 98.

Отдел подписки:
203 45 36
(С. М. Бусуёк).

E-mail:
istrodina@mail.ru

Рукописи не возвращаются.

Зарегистрировано Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство № 291 от 24 августа 1994 г.

ISSN 0235-7089

Индекс издания 73325
Отпечатано в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат».
Заказ № 20060
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1

©Все печатные и иллюстративные материалы являются собственностью журнала «Родина».

Наш сайт в Интернете:
www.istrodina.com

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Виктор **БОНДАРЕВ**
Третий президент 2

Пётр **ПИМАШКОВ**, Юлия **РАХИМКУЛОВА**
Город, устремлённый в будущее 4

Владимир **ЯКУНИН**, Борис **СТАРЦЕВ**
Диалог цивилизаций — это диалог между личностями 9

Андрей **ПЕТРОВ**
«Не расплескать патриотизм» 12

«Фирляндия», «Исдония», «Овгонистан» 15

Вадим **ЭРЛИХМАН**
Микроскопом по истории 21

Тимур **ШАОВ**, Лев **АННИНСКИЙ**
Бокал боржома за успех! 24

Артём **НОВИКОВ**
Спасение памятников — наша миссия 28

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

Андрей **СМИРНОВ**
Наступление ради наступления 30

Рафаэль **ГОЛЬДБЕРГ**
Зачем вы остались живы? 35

Дмитрий **КАРАЛИС**
Забытая страница блокады? 40

Борис **НЕМЕНСКИЙ**
Живая память 43

Елена **ОГАРКОВА**
«Просто, без прикрас, очевидно...» 47

Владимир **МАКАРОВ**
Неслыханная удача фюрера 51

Алексей **ИСАЕВ**
Наша «атомная бомба» 57

МИНУВШЕЕ

Мария **РОДИНА**
Наплечники Боголюбского или армиллы Барбароссы? 63

Олег **УСЕНКО**
Арабские «принцы» и скопинский мужик 67

Олег **ШЕРЕМЕТЬЕВ**
Эскадрон гусар летучих 71

Анжела **ЧЕУЧЕВА**
Волосатая рука Джона Буля 76

Борис **МИРОНОВ**
Когда в России жилось хорошо? 80

Анатолий **ЕГОРИН**
Доро́гой Грефения и Зосимы 86

Илья **ЗАЙЦЕВ**
«Урус», «москов», «казак»... 91

Альфина **СИБГАТУЛЛИНА**
До Мекки через Стамбул 94

Александра **МАТВЕЕВА**
Евразиец здравого смысла 96

Борис **МОРОЗОВ**
Бриллианты комиссара Фентеклюза 99

Ярослав **ЛЕОНТЬЕВ**
Провал дела «Свинец» 104

Лев **АННИНСКИЙ**
Поджог и выстрел 110

Альбина **АБАЙХАНОВА**
Полсотни тонн протухшей рыбы 115

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Елена **БЕСПАЛАЯ**
«Без тебя я, как без жизни...» 118

Ольга **ИЛЮХА**
Новый мир «дитяти-корела» 122

Татьяна **ПАШКОВА**
Смерть гимназиста Колышкина 126

Учредители:
Правительство Российской Федерации
Администрация Президента Российской Федерации

Журнал основан в 1879 году

Генеральный директор ФГУ «Редакция журнала «Родина»
В. В. Зубкевич

Главный редактор
Ю. А. Борисёнок

Редакционный совет:
Г. В. Вилинбахов, *председатель Геральдического совета при Президенте РФ, зам. директора Государственного Эрмитажа*
А. Н. Кирпичников, *доктор исторических наук*
М. А. Колеров, *кандидат исторических наук*
А. С. Кулешов, *зам. начальника управления Главного управления специальных программ Президента РФ*
Ю. А. Левенец, *директор Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины*
Г. Ф. Матвеев, *профессор исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*
С. В. Мироненко, *директор Государственного архива РФ*
К. В. Никифоров, *директор Института славяноведения РАН*
Е. И. Пивовар, *ректор РГГУ*
П. В. Стегний, *Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ*
А. О. Чубарьян, *академик, директор Института всеобщей истории РАН*
В. Л. Янин, *академик РАН*

Редколлегия:
Л. А. Аннинский, *обозреватель*
С. Г. Антоненко, *редактор отдела истории религии*
Т. О. Максимова, *зам. главного редактора— ответственный секретарь*
А. И. Ольденбургер, *главный художник*
А. Е. Петров, *редактор отдела древней истории*
Т. А. Филиппова, *зам. главного редактора — шеф-редактор*
С. А. Экштут, *зам. главного редактора*

В. В. Остроухов, *координатор Попечительского Совета*
тел.: 203 75 98
e-mail: sovet@istrodina.com

В. Г. Иванов, *директор по маркетингу и рекламе*
тел.: 203 57 58

Редакторы отделов:
А. В. Ганин, *военной истории*
С. В. Кудряшов, *архивного дела*

А. А. Багаутдинов, *фоторедактор*
В. С. Бондарев, *обозреватель*
В. П. Грицюк, *руководитель фотослужбы*
Ю. Ю. Козырев, *специальный фотокорреспондент*

Собственные корреспонденты:
Л. М. Ермакова, *по Уралу и Сибири*
А. И. Филюшкин, *по С.-Петербургу и Северо-Западу России*

В. А. Алексеев — *системный администратор*
М. Е. Кузнецова,
Е. С. Яценко — *вёрстка*
Л. С. Макарова,
Е. В. Бирюкова — *корректура*
В. В. Немчинова — *оператор набора*
В. П. Жбанов — *зав. редакцией*
С. С. Прохорова — *зав. приёмной*
Д. Ю. Таскаев, О. В. Цветкова — *бухгалтерия*

Ведущие рубрик:
«Российская повседневность» —
Н. Б. Лебина, *профессор СПб. университета экономики и финансов*
***«Наряд»* — Р. М. Кирсанова,** *ведущий научный сотрудник Института искусствознания Министерства культуры РФ*
***«Конкурс»* — Ю. М. Медведев,** *устроитель конкурса «История России глазами современных художников»*

Виктор ***БОНДАРЕВ***

ТРЕТИЙ ПРЕЗИДЕНТ

Биографию Дмитрия Медведева обычно начинают с его родителей и прочих предков. Родословная разобрана до прадедов с обеих сторон, «анализ крови» будущего президента и первой леди вот уже несколько месяцев занимает как «патриотов», так и «либералов».

Дмитрий Анатольевич — интеллигент в третьем поколении, то есть его деды уже принадлежали к образованному слою, а значит Медведев — абсолютно полноценный представитель пресловутой «прослойки». Более того, он из города великой культуры, где сама атмосфера создаёт особое магнитное поле духовности и истории. (К тому же мать-филолог работала экскурсоводом, и мальчик с детства был погружён в культурную среду своего города.)

Отец Медведева — преподаватель, дослужившийся до профессора. Будущий политик родился в профессорской семье. Когда пишут, что это не номенклатура, то несколько ошибаются. Слово «профессор» при советской власти звучало не хуже, чем «генерал». Этому соответствовала и заработная плата, очень приличная. Правда, солидное учёное звание преподаватели получали уже в солидном возрасте, а потому Дмитрий родился, скорее всего, в семье доцента, причём был довольно поздним ребёнком. Учился достаточно старательно, но не перенапрягался, до школьных медалей не добрался, и посему путь в престижный университет был не прямой: устроили работать лаборантом — появился трудовой «стаж», и можно было учиться на вечернем. На втором курсе удалось перейти на дневное отделение — иначе была прямая дорога в армию, совсем скоро, с 1984-го, широко открытая для всех студентов с лёгкой руки тогдашнего министра обороны Дмитрия Устинова. В жизни будущего государственного деятеля это был первый барьер, который был преодолён не в лоб, а обходным манёвром.

При всей важности семьи специфика жизненного пути Дмитрия Медведева видится в том, что с ранней молодости у него появились наставники и авторитеты, за которыми он шёл по жизни. Используя семейную терминологию, можно сказать, что Дмитрий Медведев сегодня — прямой наследник Путина.

А пока для начала два символичных и контрастных факта: Дмитрий Медведев успел побывать членом КПСС, а до того был и октябрёнком, и пионером, и комсомольцем. Был такой особый, «горбачёвский», призыв, длившийся совсем недолго. А совсем скоро все демократические силы победили 6-ю статью Конституции СССР. Время было антикоммунистическое по сути, и, как вся столичная интеллигенция той эпохи, Дмитрий Медведев, конечно же, был западник и либерал. Но в истории может остаться как последний руководитель страны, присягавший, пусть и формально, на верность «делу Ленина»!

1970–1980-е годы — время либеральной гегемонии и поражения сверхдержавы, которая на разных фронтах отступала, сдавая одну позицию за другой. Поражение США во Вьетнаме в 1975-м, которое произошло с активным участием СССР, стало фактически последней победой нашего государства. Потом пошли одни неудачи. Идея коммунизма уже считается анекдотом, хотя самоидентификация СССР как великой державы всё равно остаётся. У власти либо «кремлёвские старцы» — Брежнев, Черненко, либо неудачники — Андропов (здоровье подкачало, ничего не успел) и Горбачёв. Провал в развитии электроники и научно-технического прогресса в целом, нарастающий экспорт зерна, неспособность страны себя прокормить, афганский тупик, Чернобыль, причуды горбачёвской перестройки...

Проигрываем даже в шахматы: в 1972-м американец Бобби Фишер прерывает многолетнюю советскую гегемонию. Вслед за проложившим ещё в 1960-е дорогу на Запад Нуриевым за границу уезжают Барышников, Тарковский, высылаются звёзды мирового масштаба — Ростропович, Вишневская, Любимов. Противники Системы — Сахаров, Солженицын, Бродский — получают Нобелевскую премию. Би-би-си и «Голос Америки» — главные источники информации. Нынешний разоблачитель Америки Михаил Задорнов с восторгом (впрочем, как и остальные сатирики) рассказывает о Западе, где даже йогуртов сотни сортов, а у нас

только кефир и тот одного вида. Все хотят жить как в Европе или Штатах.

Есть достаточно сведений о том, что третий президент Российской Федерации с детства был ориентирован на западную культуру. Компьютерами заинтересовался ещё на первом курсе, когда ходил в институт к отцу, а сейчас, по его словам, он весьма «продвинутый» пользователь, начинающий утро с просмотра газетных интернет-версий, владеющий и «олбанским» языком, и с некоторых пор ассоциируется с интернетовским персонажем Медведом. Любимая музыка — Deep Purple (собрал полную коллекцию записей), Black Sabbath и Led Zeppelin; неслучайно на 15-летии Газпрома именно группа Deep Purple выступала перед сотрудниками нашего экономического гиганта, Совет директоров которого возглавляет Медведев. Его студенты и сотрудники отмечают, что одежду предпочитает модную и качественную. К политике приобщился естественно и просто: преподаватель, активный демократ, привлёк его к избирательной кампании в 1989 году. Семь лет в команде Собчака — это «либеральный стаж» Дмитрия Медведева.

В 1990–1995 годах Дмитрий Медведев — советник председателя Ленинградского городского совета, эксперт Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, то есть непосредственный подчинённый Владимира Путина. В Смольном Медведев занимался разработкой и оформлением сделок, договоров и различных инвестиционных проектов. Помимо этого была консалтинговая работа.

Служение либеральной идее не привело юриста к изобилию. Уровень семейного благосостояния был не слишком высок — наверное, ещё и потому, что при Собчаке его команда не воровала. Когда женился в 1989 году, пошёл в «примаки» — жил с тёщей. Собственную квартиру приобрёл в 1996-м, в этом же году родился и ребёнок — поздновато, но, видимо, условий для подобных семейных пополнений ранее не было. Десять лет работал преподавателем университета: здесь, по-видимому, и лежала трудовая книжка — доцент, соавтор учебника, получившего Госпремию. Докторскую, правда, защитить не успел.

Перелом в жизни Медведева произошёл в 1999 году, когда Путин призвал его в своё правительство. За восемь лет Медведев занимал следующие ключевые посты: заместитель главы аппарата правительства, заместитель главы Администрации Президента; Медведев возглавляет предвыборный штаб Владимира Путина, затем он — первый заместитель Председателя Правительства, руководивший реализацией национальных проектов, председатель Совета директоров ОАО «Газпром», возглавляет комиссию по развитию телерадиовещания, избран председателем Попечительского совета Ассоциации юристов России и т. п.

Итак, на российской политической арене Медведев появился сразу как претендент на самые высокие должности: ещё в 2000-м он был назначен заместителем Александра Волошина с явной целью быть на его месте, как будто его уже в то время избрали наследником. И то, что происходило с Медведевым последующие восемь лет, иначе как подготовкой «цесаревича» к вступлению на русский трон назвать трудно. В Империи цесаревичам уделялось огромное внимание, хотя иногда они не становились царями, и трон доставался другим, которых не готовили специально. Трудно отделаться от впечатления, что Медведева «обкатывали» на всех важнейших постах, чтобы он получил необходимый опыт руководства страной. Таким образом, юрист-государственник прошёл большую школу управления. Теперь это менеджер высочайшего уровня, который, как считает Путин, за это время стал и «националистом» — в хорошем смысле этого слова. Кстати, последние цари, немцы по крови, действительно именно на троне становились настоящими русскими националистами.

Таким образом, можно говорить о принципиальной разнице между действиями Ельцина и его команды, которая, заканчивая прошлое тысячелетие, форсированно искала надёжного преемника. Как известно, тогда кандидатами были Степашин, Аксёненко и Путин. Нынешний же президент готовил не «преемника», а наследника — человека, который был бы максимально готов к выполнению сложных государственных обязанностей, с одной стороны, а с другой — был бы единомышленником и продолжателем курса, а может, и партнёром, но уже в новых условиях.

Любопытно, что Дмитрий Медведев — пятый, после Керенского, Ленина, Горбачёва и Путина, глава государства с дипломом юриста, причём все они, кроме Михаила Сергеевича, получали дипломы в одном и том же вузе в историческо-временном промежутке почти в сто лет. Кстати, есть ещё одна закономерность: Ленину, Сталину и Путину, когда они приходили к власти, было примерно 47 лет, остальные были старше. К этому показателю Дмитрий Анатольевич выйдет только к следующему сроку.

Итак, Россию возглавил образованный, опытный, подготовленный, современный топ-менеджер. Его программа очевидно интеллектуальна: инвестиции, инновации, инфраструктуры, институты — ключевые направления развития страны в ближайшем будущем. После Ленина впервые государством руководит русский интеллигент, понимающий Россию умом. И он прекрасно помнит, как всего двадцать лет назад именно интеллигенции удалось сокрушить СССР.

ГОРОД, УСТРЕМЛЁННЫЙ В БУДУЩЕЕ

Пётр ПИМАШКОВ,
глава города Красноярска

Если попытаться выразить мысли и чувства о Красноярске одной ёмкой фразой, то, пожалуй, самым верным будет сказать: это город, в котором хочется жить!

380 лет назад казак Андрей Дубенский, основав вместе с дружиной первопроходцев острог на Стрелке — там, где в Енисей впадает река Кача, начал отсчёт истории одного из красивейших сибирских городов. Впрочем, тогда основатели одной из сибирских крепостей не могли представить, каким будет Красноярск даже через несколько десятков лет. Современная логика развития городов предполагает не просто футурологические экскурсы в ближайшее будущее, а обязательное планирование на десятилетия вперёд. Поэтому нынешний глава Красноярска Пётр Пимашков легко видит Красноярск образца 2020 года.

— Мы не просто пытаемся рассмотреть неясные контуры грядущего, но выстраиваем чёткие стратегии достижения масштабных целей, — рассказывает глава Красноярска Пётр Иванович Пимашков. — В течение десяти лет Красноярск должен стать одним из наиболее крупных мегаполисов России. Должен стать городом, живущим по самым высоким стандартам постиндустриального общества. Главная цель всех наших преобразований — люди. Новый столичный уровень жизни в Красноярске создаётся для жителей столицы края.

Красноярцы уже немало сделали для того, чтобы столица края была успешным городом, в котором хочется воспитывать детей и строить планы на будущее. По итогам 2006 года Правительство Российской Федерации, Администрация Президента, авторитетные общественные объединения признали Красноярск самым динамично развивающимся городом России. Красноярские достижения в области повышения качества городской среды высоко оценены Организацией Объединённых Наций. В 2007 году Красноярск вошёл в тройку наиболее благоустроенных городов страны. В начале апреля нынешнего года Международной Ассамблеей столиц и крупных городов Красноярск был признан «Лучшим городом СНГ» за формирование эффективной модели социальной поддержки населения.

Именно в Красноярске создан вуз «третьего тысячелетия» — Сибирский федеральный университет. За право формирования университета такого уровня боролись несколько сибирских городов. Тем не менее, на уровне правительства страны было принято решение о формировании СФУ в Красноярске.

Университет сопоставим по масштабам лишь с МГУ. В нём будут преподавать более восьми тысяч педагогов, количество студентов превысит 30 тысяч человек. Попечительский совет Сибирского федерального университета возглавил Дмитрий Медведев. В ноябре 2007 года он побывал на встрече со студентами и преподавателями СФУ и обсудил с ними создание принципиально новой модели вуза, ориентированной в том числе и на задачи социально-экономического развития столицы края.

Сейчас в Красноярске возводится кардиологический центр, один из крупнейших в России. В год здесь будет производиться до 9 тысяч сложнейших операций. Новый центр примет пациентов из всех регионов Сибири.

Один из приоритетов социальной политики города — поддержка материнства и детства. Программа «Дети Красноярска», в рамках которой финансируются мероприятия, направленные на повышение качества медицинской помощи мамам и новорождённым, строительство детских садов, поддержку молодых семей, — одна из самых «весомых»: в 2008 году на её выполнение будет потрачено более одного миллиарда рублей. Несмотря на то, что программа действует всего два года, позитивные изменения демографической ситуации в Красноярске уже налицо. В 2007 году впервые в современной истории города было отмечено значительное увеличение рождаемости. В Красноярске родилось 10,5 тысячи малышей! Таких показателей не было уже 25 лет, со времён бэби-бума начала восьмидесятых.

Ещё один красноярский бум — строительный. В прошлом году в городе было введено 95 многоквартирных домов, а это 763 тысячи квадратных метров жилья. Для сравнения — в лучшие, советские, времена градостроительства в Красноярске сдавали в год по 450 тысяч квадратных метров.

— В ближайшие годы планируем выйти на миллион, — комментирует ситуацию глава города. — Это совершенно реальная цифра для строительной отрасли Красноярска.

А вот дорожное строительство Красноярска уже измеряется в миллиардах. В период до 2012 года на трассы города будет израсходовано порядка 10 миллиардов рублей. На эти средства будут проложены новые, восьмиполосные магистрали, построены многоуровневые развязки и паркинги, сдан в эксплуатацию четвёртый мост через Енисей и начато строительство пятого. Одно из дорожных направлений — городские железнодорожные пути. Они свяжут самые отдалённые районы столицы края. Городская «железка» будет скоростной.

Новые подходы в формировании транспортной инфраструктуры, практика комплексного строительства, создание новых, современных форм досуга и отдыха станут условиями для воплощения одного из наиболее амбициозных планов столицы края — создания Красноярской агломерации.

Грядущие преобразования необходимы и для проведения в Красноярске выставки «ЭКСПО-2020». Это проект, схожий по масштабности с «Олимпиадой–2014» в Сочи. Города, в которых выставка пройдёт в ближайшие годы — мировые мегаполисы: Пекин и Шанхай. Тем не менее, у Красноярска есть все шансы принять у себя выставку самого высокого мирового уровня.

— Я отчётливо вижу Красноярск 2020 года, — говорит Пётр Пимашков. — Это красивый, успешный, цветущий город, крупный социально-экономический центр России, город, которым гордятся не только красноярцы, но и вся страна. Я вижу город, который устремлён в будущее.

Юлия Рахимкулова

ВЫШЕ, БОЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ

Компания была основана в 1989 году под названием «Монолитстрой». Именно эта компания стала первой в Красноярском крае, освоившей монолитно-кирпичное домостроение и другие современные направления строительной индустрии.

Позже, в 2004 году, был создан строительный холдинг, объединивший ООО «Монолитстрой» и созданные ранее на его базе предприятия ООО «Монолитресурс», ООО «Монолиттехносервис» и ООО ФСК «Монолитинвест».

В настоящее время «Монолитхолдинг» является современным и динамично развивающимся предприятием, реализующим проекты различного уровня сложности. В структуру холдинга входят строительные и производственные предприятия, инвестиционные, проектные, ремонтные направления деятельности, обеспечивающие замкнутый технологический цикл строительства жилой и коммерческой недвижимости в Красноярске и регионах России.

Статистика. За период с 1990 по 2006 год компанией введено в эксплуатацию более 80 объектов жилой и нежилой недвижимости общей площадью более 510 000 м². В 2007 году в сумме с нежилыми помещениями введено 150 000 м², а также 110 000 м² — первая очередь ТРК «Планета» (заказчик «РосЕвроДевелопмент»).

В 2008 году планируется к сдаче в эксплуатацию 176 000 м² жилья в Красноярске, 25 000 м² в Павловском Посаде (Московская область), 12 000 м² в Иркутске, 12 000 м² в Минусинске, 16 132 м² нежилой недвижимости, 34 970 м² — бизнес-центр класса «А».

Развитие в регионах. «Монолитхолдинг» активно развивается за пределами Красноярского края. В этом году в Павловском Посаде (Московская область) будет сдан в эксплуатацию первый дом, построенный «Монолитхолдингом» за пределами СФО. Уже начато строительство посёлка таунхаусов в Томилино под Москвой. В ближайшее время начнётся строительство жилого комплекса в 10 километрах от МКАД.

Усиливает своё присутствие компания и в Сибири. Сейчас «Монолитстрой-Иркутск» ведёт строительство жилого комплекса в Иркутске (общая площадь застройки — 38 000 м²). В стадии разработки находится ещё несколько проектов. Компания планирует строить в Иркутской области до 100 000 м² жилья в год. Ещё одно подразделение компании «Монолитхолдинг» будет создано в этом году в Дагестане. Помимо строительства «Монолитстрой-Юг» будет заниматься подготовкой кадров в этом регионе для работы на основных объектах компании.

Коммерческая недвижимость. Потребность в качественной коммерческой недвижимости в Красноярске растёт в связи с реализацией масштабных экономических проектов объединённого края — освоения Ванкорского нефтегазового месторождения, строительства Богучанской ГЭС, алюминиевого завода. По оценкам специалистов, дефицит деловой недвижимости в Красноярске составляет порядка 300 000 м². Большая часть офисных зданий — переоборудованные под офисы старые административные помещения с неудобным расположением либо с неразвитыми транспортными схемами. Исторический центр города неудобен из-за транспортной перегруженности, невозможности обеспечить крупные торгово-офисные комплексы достаточным количеством парковочных мест. И для крупных компаний наличие офиса в современном бизнес-центре высочайшего класса — вопрос и престижа, и удобства функционирования. В этом году «Монолитхолдинг» открывает два бизнес-центра: класса «В» на ул. Весны и класса «А» на ул. Молокова. Этот бизнес-центр класса «А» по инфраструктуре не будет иметь аналогов в Красноярске: он включает ресторанные комплексы, офисные помещения административного и производственного назначения, предприятия бытового обслуживания; магазины, отель, конференц-залы.

В настоящее время реализован ещё один масштабный проект — строительство торгово-развлекательного комплекса «Планета». Группа компаний «Монолитхолдинг» была признана победителем в тендере на строительство этого торгово-развлекательного комплекса, обойдя несколько иностранных компаний.

Жилой квартал «Городок».

Бизнес-центр класса «А».

«Красноярск-Сити». В этом году планируется старт значимого не только для города, но и для всего Сибирского региона проекта «Красноярск-Сити». Сейчас «Монолитхолдинг» совместно с партнёрами готовит документы для регистрации одноимённой компании «Красноярск-Сити», через которую будет осуществляться инвестирование в этот проект.

В основе «Красноярск-Сити» лежит идея нового центра Красноярска образца 1973 года — так называемый микрорайон «Слобода Весны». Район отличается выгодным расположением с точки зрения наличия и направленности транспортных магистралей города — ул. 9 Мая, пр. Авиаторов, ул. Шахтёров, плюс примыкание наземной железной дороги как потенциальной ветки наземного метро.

Разработанный инициативной группой эскизный проект «Красноярск-Сити» реализует концепцию многоэтажного высотного домостроения. Возведение высотных зданий административно-коммерческого и жилого назначения позволяет без потери площадей уменьшить плотность застройки и создать условия комфортного проживания и работы людей.

Проект предусматривает более 116 гектаров комплексно застроенной территории: жилой микрорайон, состоящий из пятнадцати 20–28 этажных жилых домов, стоящих по периметру участка, общей площадью порядка 600 000 м²; административно-офисные центры 25–50 этажей общей площадью 200 000 м²; Ледовый дворец, Аква-парк и торгово-досуговый центр спортивного плана; рекреационная зона; медицинский центр, открытый стадион и т. д.; объекты сервисного обслуживания и транспортной инфраструктуры; многоуровневые подземные автостоянки и гаражи по всей территории микрорайона.

МОНОЛИТХОЛДИНГ
УПРАВЛЯЮЩАЯ КОМПАНИЯ

660077, г. Красноярск, ул. Весны, 18
Тел.: (3912) 555-727
Факс: (3912) 755-589
www.monolit-holding.ru

МЫ — НАДЁЖНЫЕ ПАРТНЁРЫ

Владимир БЕСПАЛОВ,
директор

Лидия ВЕРХОТУРОВА,
главный инженер

Институт был основан в мае 1936 года на базе группы проектировщиков из Новосибирского института «Сибтранспроект», перед которой ставилась задача обеспечить проектной документацией объекты стремительно развивающейся железнодорожной отрасли, в том числе жилые дома и социально-культурные объекты.

За время своего существования институт не раз менял название и статус (Красноярское отделение Иркутского филиала института «Желдорпроект» Сибири и Дальнего Востока, Красноярский филиал института «Сибжелдорпроект», Красноярский проектно-изыскательский институт «Красноярскжелдорпроект», филиал ОАО «Российские железные дороги»). Но смена вывесок не меняла главного — специалисты института всегда были готовы решить самые сложные инженерные задачи.

За высокий профессионализм и умелую организацию труда министр путей сообщения наградил знаками «Почётный железнодорожник» С. П. Николаева, Н. Н. Веселова и И. С. Аксёнова.

В настоящее время институт «Красноярскжелдорпроект» является одной из крупнейших проектно-изыскательских организаций в регионе. Его основными видами деятельности являются инженерные изыскания для строительства, строительное и технологическое проектирование жилых и общественных зданий и сооружений и их комплексов, детских садов, школ, учреждений образования, зданий здравоохранения, спортивных комплексов, объектов железнодорожного и автомобильного транспорта, железнодорожных путей и станций, производственных и сельскохозяйственных зданий.

При этом следует учесть, что значительная часть объектов, запроектированных институтом, расположена в сложных геолого-климатических условиях: районы распространения специфических грунтов, развития опасных природных и техноприродных процессов, с сейсмичностью 7–9 баллов. Большинство объектов, запроектированных институтом, построены и введены в эксплуатацию.

Для управления качеством проектно-сметной документации в институте внедрена система менеджмента качества (СМК) на основе стандартов ИСО 9001–2001.

Институт оснащён современным электронно-вычислительным оборудованием, программным обеспечением (с выходом в единую локальную сеть), высокоточным геодезическим оборудованием (спутнико-навигационные GPS-системы «Trimble», «Status», электронные тахеометры «Sokkia», «Mrimble», электронные теодолиты и т. д.), мобильными средствами связи, современным лабораторным оборудованием, буровыми установками на базе автомобилей «КамАЗ» («Батыр») и ЗИЛ-131. Всё это позволяет выполнять полный комплекс проектно-изыскательских работ.

Среди завершённых объектов хочется выделить железнодорожный вокзал на станции Чернореченская (2003), реконструкцию пункта налива нефти на 10 миллионов тонн в год на станции Уяр, реконструкцию жилых домов в центре Красноярска (1991), строительство санатория-профилактория «Магистраль» Красноярской железной дороги в посёлке Удачный Красноярска, детской железной дороги в центральном парке Красноярска (2006). В настоящее время специалисты института трудятся на следующих объектах: реконструкция станций Сисим и Чернореченская Красноярской железной дороги, Богучанский алюминиевый завод, железнодорожная станция «Заводская»; православный храм в Лесосибирске; жилые дома по Светлогорскому переулку в Красноярске; пункт налива нефти на 15 миллионов тонн в год на станции Сковородино; железнодорожный вокзал на станции Ачинск. И это далеко не полный перечень объектов.

Репутация и авторитет проектировщиков «Красноярскжелдорпроекта» настолько высоки, что известность о нём давно уже вышла за границы Красноярского края. Основными заказчиками помимо Красноярской железной дороги являются компании из Москвы, Санкт-Петербурга и Красноярска.

За высокие производственные показатели, активное участие в общественной жизни, плодотворную работу в деле развития железнодорожного транспорта и модернизации железных дорог страны, большой вклад в сохранение и развитие культурного потенциала Красноярска институт не раз награждался благодарственными письмами, дипломами и медалями.

В январе 2008 года институт стал победителем конкурса архитектурных проектов «Ордер воплощения 2008» за проект «Храм Святого Андрея Первозванного в городе Лесосибирске» и смотра-конкурса «Лучшая организация по развитию социального партнёрства» в номинации «Прочие виды деятельности».

Коллектив института 1955 года.

660079, Красноярск, ул. Свердловская, 15
Тел./Факс: (3912) 59-4292
E-mail: kzhdpr@krw.ru

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

ТОРГОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КРАСНОЯРЬЯ

Юрий АЛЕКСАНДРОВ,
ректор, доктор экономических наук, профессор

В октябре 1911 года в Красноярске по инициативе и на средства местного купеческого общества были открыты одногодичные коммерческие курсы для тех, кто уже работал в торговых или промышленных учреждениях.

С 1913 по 1920 годы в городе функционировала торговая школа, где учащихся готовили к коммерческой деятельности на восточных окраинах Российской империи и в прилегающих к ней азиатских государствах. Обучение было трёхгодичным. Изучались Закон Божий, русский, монгольский и английский языки, бухгалтерия, коммерция со сведениями по торговому и промышленному законодательству (русскому и монгольскому), коммерческая арифметика, геометрия, топография, отечественная история, коммерческая география, сведения о товарах местного торгового района, коммерческая корреспонденция и каллиграфия.

В 1925 году открылась школа конторско-торгового ученичества. Контора содержалась на средства красноярских торговых организаций, а не государства. Имелось два отделения: торговое и счетоводческое. Набор в школу осуществлялся через профсоюз совторгслужащих. В течение трёх лет слушатели изучали предметы специализации (кооперация, счетоводство, товароведение и др.) и общеобразовательных дисциплин (русский язык, математика, естествознание, экономическая география, обществоведение). Высшее образование имели преподаватели счётно-экономических дисциплин, экономической географии и русского языка. Остальные были выпускниками училищ и партийных школ.

В 1930-е годы подготовку работников торговли вели Красноярский рабфак Иркутского института советской торговли, Красноярский учебный комбинат Восточносибирского краевого потребительского союза «Востоксибкрайпотребсоюз», Красноярский краевой учебный комбинат.

В 1947-м году в Красноярске открылся техникум советской торговли, а в 1960-м — Красноярский техникум потребкооперации.

Переход на новые методы торгового обслуживания потребовал подготавливать более квалифицированных специалистов. С этой целью в 1965 году открылся учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного института советской торговли. В 1979 году на его базе был открыт Красноярский филиал Ленинградского института советской торговли.

Наличие соответствующей материальной базы и профессорско-преподавательского состава стало одним из факторов, определившим образование в марте 1990 года самостоятельного Красноярского института советской торговли, ныне Красноярского государственного торгово-экономического института. В настоящее время в институте обучается свыше восьми тысяч студентов по очной и заочной формам обучения. В его составе четыре факультета, 19 кафедр (10 из них выпускающие), отделение среднего профессионального образования, четыре филиала. Из 289 преподавателей 33 доктора наук, профессора, 156 кандидатов наук, доцентов. Подготовка ведётся по трём укрупнённым группам специальностей в сфере экономики, сервиса и общественного питания.

За последние годы лицензированы специальности «Финансы и кредит», «Таможенное дело», «Социально-культурный сервис и туризм», востребованные на рынке труда региона. В вузе накоплен значительный опыт обучения специалистов сфер торговли и общественного питания: экономистов, экономистов-менеджеров, менеджеров, маркетологов, товароведов-экспертов, коммерсантов, инженеров. За 1997–2007 годы Красноярский государственный торгово-экономический институт подготовил свыше 13,5 тысяч специалистов.

Послевузовская подготовка осуществляется в аспирантуре по четырём специальностям и в докторантуре. Центр дополнительного образования вуза специализируется на повышении квалификации, подготовке и переподготовке кадров для сферы услуг.

Важнейшая часть педагогического процесса в КГТЭИ — методическое обеспечение учебного процесса. За последние четыре года преподаватели вуза подготовили и издали более 200 учебно-методических разработок общим тиражом свыше 40 тысяч экземпляров. По заказу ряда учебно-методических объединений Министерства образования России центральные издательства выпустили десять учебных пособий.

Студенты КГТЭИ достойно представляют вуз на всероссийских студенческих олимпиадах, конкурсах, конференциях. Лучшим из них установили ежегодные именные стипендии. В течение многих лет в институте осуществляются проекты и социальные программы. Более десяти лет КГТЭИ работает по научно-образовательному проекту «Профессия и здоровье», в рамках которого реализуется модель непрерывного образования детей с ограниченными физическими возможностями (заболевания опорно-двигательного аппарата) с финансированием за счёт внебюджетных средств института. Кроме того, в КГТЭИ разработаны стратегически важные для социально-экономического развития края документы: методология и обоснование создания организаций потребительского и взаимного кредитования, программа развития рынков города и магазинов дисконтной торговли, концепции развития потребительского рынка Красноярска на среднесрочную и долгосрочную перспективу. В институте создан и действует научно-исследовательский центр мониторинга потребительского рынка.

Большинство выпускников, получивших дипломы Красноярского государственного торгово-экономического института, уверены, что их знания будут востребованы и найдут практическое применение.

Ю. Л. Александров,
доктор экономических наук, профессор
Т. А. Катцина,
кандидат исторических наук, доцент

660075, г. Красноярск,
ул. Л. Прушинской, д. 2
Тел./факс: 8 (3912) 21-93-33
E-mail: kgtei@kgtei.ru
www.kgtei.ru

НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕСА, УПРАВЛЕНИЯ И ПСИХОЛОГИИ»

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННЫХ СЕГМЕНТОВ ЭКОНОМИКИ

Владимир ЗАБУГА,
кандидат экономических наук, профессор, член Российской академии поддержки образования, почётный член Международной академии психологических наук, член-корреспондент Российской инженерной академии, Почётный работник высшего профессионального образования. Ректор с 1994 года

Сибирский институт бизнеса, управления и психологии является членом Аудиторской палаты России, членом Ассоциации юридических и негосударственных вузов России, официальным региональным представительством Центра тестирования МГУ «Гуманитарные технологии», а также Консорциума российских вузов в Монголии, участником Тайской торговой палаты и членом Тайско-русской торговой ассоциации.

За время существования институт превратился в динамично развивающееся образовательное учреждение. Реализуя подготовку специалистов в области психологии, экономики, лингвистики и юриспруденции, институт имеет возможность давать знания, необходимые для подготовки выпускников, востребованных на рынке труда города и края.

Одной из основополагающих целей подготовки и обучения специалиста в институте является формирование его профессиональной компетентности.

Большая роль в учебном процессе отводится интерактивным методам обучения. Для оптимизации учебного процесса широко применяются интернет-технологии. Студенты института обучаются системному подходу в решении профессиональных задач, работе в команде и в условиях конкуренции.

Гордостью института является библиотека, где представлены учебники и научная литература последних лет издания, электронные учебники, видео- и аудиоколлекции. Имеются репринтные дореволюционные издания.

В вузе функционирует система менеджмента качества. Институт участвует в эксперименте «Федеральный Интернет-экзамен в сфере профессионального образования», а внедрение рейтинговой системы оценки знаний студентов позволяет эффективнее организовать процесс обучения. Институт заинтересован в выпускниках, из которых получаются специалисты, способные поддержать имидж института и конкурировать в современных условиях.

Серьёзное внимание в институте уделяется трудоустройству выпускников. Факультеты помогают студентам включиться в предпринимательскую деятельность, имеют долгосрочные взаимовыгодные договоры с предприятиями и организациями по предоставлению мест для прохождения практики и стажировок.

Практикуется выполнение студентами в качестве выпускных квалификационных работ реальных проектов, присутствие на защите заказчиков, что укрепляет сотрудничество института с работодателями. Институт поддерживает связь с выпускниками, изучает их отзывы и предложения.

Достойное внимание уделяется формированию у студентов научного мировоззрения. Работают Студенческое научное общество, Клуб молодого учёного, на базе института проводятся научно-практические конференции. Многие студенты становятся победителями и лауреатами Всероссийских научных конференций, принимают участие в разработке проектов социальной значимости. Ряд студентов участвует в исследованиях по молодёжным грантам. Среди студентов есть стипендиаты президента РФ, губернатора Красноярского края, лауреаты премий мэра города Красноярска, конкурса «Молодость. Творчество. Профессионализм», ассоциации «Интеллект и культура». Имеются стипендии заказчиков образовательных услуг (предприятий и организаций).

Институт регулярно посещают иностранные делегации. Делегации студентов и преподавателей института посетили ряд университетов КНР и Королевства Таиланд. Заключены договоры о совместной деятельности в области образования. В институте реализуются программы изучения китайского языка с участием преподавателей из КНР. СИБУПом учреждён культурно-образовательный центр в Королевстве Таиланд, где ведётся обучение русскому языку.

Воспитательная работа в институте рассматривается как единый учебно-воспитательный процесс. В вузе работают творческие коллективы, сформирован студенческий отряд дружины, студенческий строительный отряд, совет студентов, поддерживается волонтёрское движение, издаются поэтический сборник и газеты.

Широко пропагандируется физическая культура и спорт. Команды СИБУПа участвуют в Универсиаде среди вузов Красноярского края и в первенствах города.

Такой подход к организации обучения и воспитания студентов в институте является основой успешной образовательной деятельности в подготовке специалистов для инновационной экономики.

В. Ф. Забуга, В. Н. Ксанф

660037, г. Красноярск, ул. Московская, 7а.
Тел.: (3912) 58-91-94, 78-60-20
Факс: (3912) 64-55-29
E-mail: info@sibup.ru
www.sibup.ru

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ — ЭТО ДИАЛОГ МЕЖДУ ЛИЧНОСТЯМИ

На вопросы «Родины» отвечает председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы, президент ОАО «РЖД» Владимир Якунин

— Уважаемый Владимир Иванович, одно из направлений деятельности Центра Национальной Славы носит название «Русский мир». Как получилось, что вы обратились к этой теме?

— Центр Национальной Славы и Фонд Андрея Первозванного вот уже 16 лет стремятся своей деятельностью быть полезными нашему государству в деле укрепления духовных и культурных основ жизни общества. Мы не занимаемся политикой и экономикой. Сфера наших интересов — духовные устремления человека, его отношение к Родине, историческая память народа, позиции России в диалоге с другими народами и культурами.

В последние годы стало очевидно, что укрепление нашей страны требует от всех нас умножения усилий по преодолению исторически обусловленных внутренних противоречий российского общества. Я имею в виду трагедию гражданского раскола, произошедшего в начале прошлого века.

В конце XX — начале XXI века начался процесс сближения двух ветвей Русской Православной Церкви — Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви. Фонд Андрея Первозванного с 2003 года участвует в этом процессе. Тогда никто не верил, что нам удастся инициировать первый совместный проект РПЦ и РПЦЗ. Однако в 2004–2005 годах состоялся семимесячный крестный ход с мощами святых преподобномучениц великой княгини Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары. Их мощи покоятся в иерусалимском храме Марии Магдалины, находящемся в ведении Зарубежной Церкви. Очень непросто шли переговоры. Приходилось преодолевать чувство недоверия, опасения. Именно поэтому я считаю крайне важным, что практически в течение всего времени пребывания святынь в пределах Русской Православной Церкви их сопровождал епископ Женевский и Западноевропейский Михаил. Он был потрясён тем, как его встречают люди в разных регионах России. В общей сложности более 10 миллионов человек поклонились великим святыням. То внимание, уважение и любовь, с которыми к нему относились и архиереи, и простые верующие, владыка сохранил в своём сердце и подробно рассказал о своём путешествии на архиерейском соборе Зарубежной Церкви. Покойный владыка Лавр отмечал впоследствии важность принесения мощей преподобномучениц Великой княгини

Награждение Международной премией Андрея Первозванного митрополита Лавра, первоиерарха РПЦЗ. 27 февраля 2008 года в Покровском соборе Марфо-Мариинской обители.

Передача Благодатного Огня патриарху Московскому и всея Руси Алексию II.

Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары в деле объединения двух ветвей Русской Православной Церкви. А соответственно и в укрепление Русского мира.

— А что вы вкладываете в это понятие?

— Я говорю в первую очередь о людях. Тех, кто идентифицирует себя с Россией. В силу исторических, культурных, религиозных мотивов. Недаром же существует прекрасное слово «соотечественник». Русский мир объединяет людей, имеющих общее Отечество.

Центр Национальной Славы и Фонд Андрея Первозванного в своей деятельности ориентируются на сохранение исторической преемственности, уврачевание ран, нанесённых русскому обществу в бурный XX век, преодоление раздора и установление диалога поколений.

— В 1990-е годы идея Русского мира поднималась, но не находила активной поддержки. Что изменилось, почему о Русском мире говорят сейчас и на государственном уровне?

— Просто мы стали думать не только о хлебе насущном. Нам стало важно разобраться с тем, кто мы, каковы наши корни, традиции, как нас воспринимают в мире, какую роль Россия играет в международных отношениях. Конечно, это является следствием проводимой Президентом России политики, направленной на укрепление нашего государства. А мы на общественном уровне стремимся этому способствовать.

— Вы ведь являетесь в первую очередь главой крупной госкорпорации. На этом посту как вы видите роль железнодорожной отрасли в становлении и укреплении Русского мира?

— Российские железные дороги, безусловно, имеют стратегическое значение в объединении бескрайних просторов России, стягивании отдалённых регионов нашей страны в одно целое. Многие часто вспоминают, что наше государство сталкивалось с серьёзными проблемами, в частности, в ходе Крымской войны, из-за отсутствия развитой железнодорожной инфраструктуры. Слишком долго шли на фронт боеприпасы, продовольствие. Сейчас всё, конечно, по-другому. Но и в мирное время железные дороги имеют исключительно важное значение для развития России. Они являются основным видом транспорта для миллионов наших сограждан, путешествующих на дальние расстояния. Большинство грузов перевозится железнодорожным транспортом.

— В чём, на Ваш взгляд, секрет того, что система железнодорожного транспорта смогла выстоять, сохранить преемственность и единство дважды на протяжении XX века — в революционные и постперестроечные годы?

— Железные дороги — это ресурс, инструмент, без которого невозможно развитие государства. Поэтому, какие бы идеологические изменения и потрясения ни происходили, целостность страны напрямую связана с эффективным функционированием железных дорог.

— Можно ли прогнозировать возрастание востребованности системы российских железных дорог в свете геоэкономических реалий XXI века?

— Можно не только прогнозировать, но и констатировать значительное возрастание нагрузки на железные дороги. И это, с одной стороны, не может не радовать, так как подобные факты свидетельствуют об интенсификации экономической жизни нашей страны. Вместе с тем, это заставляет серьёзно задуматься о необходимости расширения нашего транспортного потенциала. ОАО «РЖД» подготовило программу стратегического развития отрасли, основная цель которой — способствовать росту российской экономики за счёт значительного расширения спектра предоставляемых услуг и улучшения их качества.

— Глобализация — это данность. Плохая ли, хорошая — можно спорить. Но как сохранить себя в этом стандартизирующемся мире? Как сохранить нашу уникальную культуру, отступающую под натиском универсального ширпотреба?

— Именно этот вопрос и является центральным в ходе наших дискуссий на Форуме «Диалог цивилизаций». У меня ответ один — надо укреплять «иммунную систему нации» и вместе с тем не стремиться избегать взаимодействия с другими культурами и цивилизациями.

Для России основополагающим факто-

Схождение Благодатного Огня в Храме Гроба Господня в Великую Субботу.

ром культуры и истории является православие. Поэтому многие проекты Фонда Андрея Первозванного проводятся совместно с Русской Православной Церковью.

Я имею в виду, в первую очередь, принесение в Россию христианских святынь. Это всегда праздник для верующего человека. Однако часто к мощам Андрея Первозванного, Иоанна Крестителя приходили и невоцерковленные люди. Для всех них многочасовая очередь к святыне, прикосновение к мощам подвижников веры, принявших мученическую смерть — возможность духовного роста, укрепления в вере. Принесение святыни даёт возможность людям стать лучше, добрее, человечнее.

С 2003 года Фонд Андрея Первозванного по благословению Патриарха Алексия Второго занимается принесением Благодатного Огня из Храма Гроба Господня в Иерусалиме в московский Храм Христа Спасителя. Сотни людей приезжают в аэропорт, чтобы взять Огонь для своих храмов. Традиционно Благодатный Огонь доставляется не только в Москву и Санкт-Петербург, но более чем в 50 регионов нашей страны, а также в Украину, Беларусь, Эстонию, Латвию, Узбекистан, Азербайджан, Грузию, Армению.

Когда видишь искреннюю радость на лицах тысяч людей, получивших возможность прикоснуться к святыне, взять частицу Благодатного Огня, — понимаешь, что занимаешься небесполезным делом, что не зря преодолеваешь многие препятствия, чтобы реализовать тот или иной проект.

— Каково Ваше прочтение этого многозначного понятия — «диалог цивилизаций»?

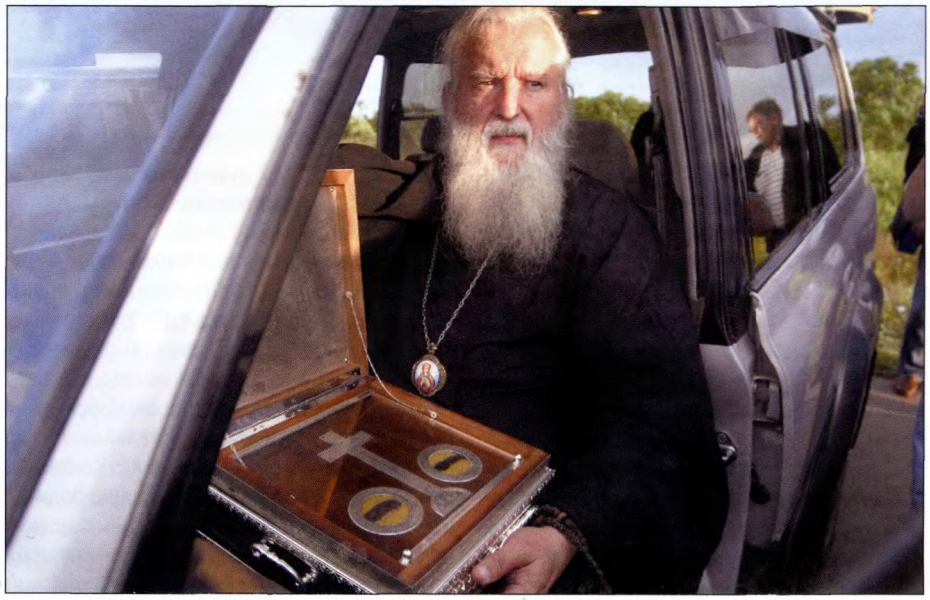
— В первую очередь хочется сказать, что диалог цивилизаций — это диалог между отдельными личностями, а не структурами, как государственными, так и деловыми. В общении между представителями государств или бизнеса доминируют интересы собственной структуры, в диалоге же самое главное — желание понять другую сторону.

Диалог цивилизаций строится на понимании того, что есть «мы», а есть «другие», которые могут отличаться от нас по любым признакам — расовым, национальным, религиозным и другим, но это не значит, что «другие» в чём–то хуже или лучше «нас». Надо учиться строить диалог, понимая различия и находя общность интересов.

У меня недавно была встреча с научным сообществом Санкт-Петербургского университета. Для выступления я сформулировал следующее определение понятия «цивилизация»:

«Цивилизация — это сообщество, обладающее исторически сложившейся культурой и устоявшимся образом жизни. Цивилизация характеризуется собственными идеалами, целями развития и совокупностью ценностей, регулирующих взаимоотношения людей в том или ином сообществе через систему законов. Земная цивилизация — это все люди на Земле и цивилизационные сообщества, в рамках которых они живут, а всё это вместе взятое является взаимодополнительным и взаимосвязанным единым целым».

Встреча мощей преподобномучениц великой княгини Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары.



Епископ Женевский и Западноевропейский Михаил с мощами преподобномучениц великой княгини Елизаветы Фёдоровны и инокини Варвары.

— Каково значение диалога цивилизаций для России, какую роль в намечающемся диалоге может сыграть возрождаемый Русский мир?

— Глобалистские тенденции новейшего времени внесли в межцивилизационные взаимодействия и новый элемент: явно просматривается тенденция убеждать в преимуществах той или иной модели глобализации, по возможности не прибегая к прямому насилию, апеллировать к общечеловеческому содержанию тех или иных моделей, предлагая их в качестве универсальных технологий взаимного развития. Что часто, как мы видим, встречает обратную реакцию у народов, которым навязывается универсальная модель.

Россия являет собой обратный пример. Мы против универсализации. Мы жители огромной страны, на территории которой сосуществуют представители совершенно разных культур, религий. Мы обладаем уникальным опытом нахождения путей к диалогу.

Материал подготовил
Сергей Антоненко
Полностью текст интервью
В. И. Якунина будет опубликован
в № 16 Вестника актуальных прогнозов
«Россия: Третье Тысячелетие»
(аналитическое приложение к «Родине»).

Андрей ***ПЕТРОВ,***
кандидат исторических наук

«НЕ РАСПЛЕСКАТЬ ПАТРИОТИЗМ»

Разделы доклада Общественной палаты Российской Федерации «Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в своё будущее?», посвящённые преподаванию гражданских дисциплин и духовно-нравственному воспитанию школьников, комментирует учёный секретарь отделения историко-филологических наук РАН, член редколлегии журнала «Родина» Андрей Петров*.

«НАШИ ГРОМКИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ С ВЫСОКИХ ТРИБУН О НЕОБХОДИМОСТИ ВОСПИТЫВАТЬ ПАТРИОТИЗМ В ДЕТЯХ НЕ СОВСЕМ КОРРЕКТНЫ»

«Любить свою Родину и гордиться принадлежностью к ней — не значит мифологизировать её историю и оправдывать все ошибки и преступления, совершённые существовавшими на её территории режимами по отношению к собственному и другим народам». Доклад Общественной палаты. Глава 1.2.

«Нужно преодолеть возникшую в 90-е годы тенденцию сосредоточения молодёжи на частных и узкогрупповых интересах, её социального аутизма… Речь не должна идти о новых пионерах или комсомольцах, о какой-либо управляемой государством унитарной организации. Но в существующих объединениях по интересам, равно как и в учебных заведениях, надо всячески поощрять формы детского и юношеского самоуправления и самоорганизации». Глава 4.7.

— Профессор Поляков в своём интервью указал авторам доклада, что они применяют апофатическую технику определения патриотизма, то есть объясняют, что нельзя считать патриотизмом. Андрей Евгеньевич, а что нужно сделать, чтобы воспитать детей патриотами?

— На этот счёт у меня есть исключительно личное мнение. Патриотизм — это любовь к Родине, присущая нормальному человеку от природы. На самом деле, все наши громкие заявления с высоких трибун о том, что мы должны воспитывать патриотизм в детях, не совсем корректны. Ребёнок, родившийся в нормальной семье, от рождения патриот: он любит свою мать, свою семью, свой дом, свою малую родину, и любовь к большой Родине в нём заложена генетически. Дуализм «своё — чужое» присущ малышу, играющему в песочнице. А вот когда его кругозор расширяется, возможно возникновение противоречий между накопленным опытом и информацией, которую он получает извне.

Задача системы образования состоит в том, чтобы эту любовь «не расплескать», точно так же как задача государства состоит в том, чтобы не разочаровать своего юного гражданина. По большому счёту, для этого в том числе существуют и государство, и государственная система образования. Но не меньшая роль в выполнении этой задачи принадлежит институтам гражданского общества.

— В докладе подчёркивается необходимость гражданской активности учащихся, без которой не может быть подлинного патриотизма. И хотя авторы возражают против воссоздания пионерских организаций, это первое, о чём тут же вспоминаешь. Лет десять назад московскую пионерскую организацию собирался сформировать Юрий Лужков. Вице-мэр Москвы Людмила Швецова совершенно серьёзно говорила тогда, что атрибутом московского пионера может быть не галстук, а кепка.

— Про кепку — это, конечно, смешно, хотя символы детских организаций могут быть самыми разными. Дело в том, что в силу возрастных особенностей детей и юношества им присуще стремление к самоорганизации. Откуда мы получили всевозможные молодёжные субкультуры, которые сегодня изучаются психологами, этнологами, антропологами? Среди молодёжи есть поклонники звёзд эстрады, футбольные фанаты — кто угодно. Стайки подростков, формируемые по территориальному и возрастному принципу, в народе именуемые шпаной, — тоже субкультура. Исследователи оценивают эти явления спокойно и непредвзято. Давайте забудем о пионерской организации, но предложим что-то взамен. Здесь я абсолютно согласен с выводами членов Общественной палаты.

Направляя энергию молодых людей в нужное русло, мы поможем им не расплескать патриотизм. Пусть будут клубы любителей истории, пусть дети ухаживают за мемориалами героев Великой Отечественной войны. Сегодня это делают несколько человек, а завтра их примеру последуют десятки, сотни.

— Авторы доклада Общественной палаты наверняка помогут школьникам в создании клубов любителей альтернативной истории.

* Окончание. Начало см. Родина. 2008. № 4.

— Почему бы нет? Нужно только понимать, что идея создания единой детской или даже молодёжной организации в нашей стране дискредитирована. Представителей движения «Наши» иначе, как комсомольцами, не называют. Но, если верить данным социологических опросов, большинство людей среднего и старшего возраста с большой теплотой вспоминают свои пионерские и комсомольские годы. Они, конечно, немного стыдятся идеологии тех лет. Если бы в будущем удалось избежать этого противоречия, все были бы только счастливы — и семьи, и общество, и государство.

— В чём, на ваш взгляд, должно заключаться внимание государства к историческому образованию, о необходимости которого говорится в докладе? Вот выделили деньги на проведение конференций, президент принял делегацию учителей. А что ещё? По закону «Об образовании» 1992 года каждая тема, которая изучается в школе, должна была утверждаться депутатами Госдумы. Теперь же решающая роль отводится профессиональному сообществу. Да и новая структура образовательного стандарта включает не только и не столько содержание обучения.

— Я надеюсь, государство не ограничится выделением средств на проведение восьми конференций в прошлом году. Нужно и дальше вести концептуальные разработки по обновлению содержания исторического и обществоведческого образования. Конечно, у этих разработок должна быть научная основа, но не менее важным условием является соблюдение консолидированных требований семьи, общества и государства к результатам образования. Функция государства — это не только финансирование, но и законодательное, организационное обеспечение многих процессов, которые происходят в науке и образовании. Одновременно задача государства — обеспечить доступность результатов разработок для широкой общественности, её участие в обсуждении. По большому счёту, именно такая модель была опробована на конференциях по истории и обществознанию.

— Но ведь на конференциях была представлена только педагогическая, а отнюдь не самая широкая общественность.

— Конференции проходили при повышенном внимании СМИ, и информация о них проходила в печати. Новые подходы к преподаванию истории обсуждаются в Интернете на общедоступных сайтах. Конечно, прецеденты всенародного голосования за учебники исторической науке неизвестны, и надеюсь, никому не придёт в голову его организовать. Хотя некоторое время назад Государственный стандарт образования утверждался Федеральным Собранием Российской Федерации. Сейчас, мне кажется, найден оптимальный путь профессионального экспертного отбора содержания образовательного процесса. Естественно, что организация такого процесса осуществляется соответствующим федеральным органом исполнительной власти. Другой вопрос, что, выбирая свою власть, демократическое общество делегирует право принятия решений государственным органам. Если общество приходит к мнению, что система образования никуда не годится и ничего в ней не меняется к лучшему, — это вопрос доверия исполнительной власти. Но обвинить нынешнее Министерство образования и науки в невнимании или в инертности к преподаванию истории у меня язык не повернётся.

— Авторы доклада Общественной палаты говорят о необходимости переподготовки учителей истории. В чём, на ваш взгляд, она должна заключаться? Чем может здесь помочь Российская академия наук?

— Я полагаю, что в самое ближайшее время вопрос переподготовки учителей истории станет одним из основных для Минобрнауки. Российская академия наук и сегодня проводит мероприятия, цель которых — расширение кругозора учителей и преподавателей вузов, их знакомство с современными достижениями исторической науки. В сотрудничестве с Государственным университетом гуманитарных наук Институт всеобщей истории РАН проводит двухнедельные курсы повышения квалификации учителей. Хотя, конечно, это разовые акции, стройной системы пока нет, и её нужно создавать. Ведь даже за одну–две недели работы со взрослыми людьми, не потерявшими вкуса к учёбе, можно познакомить их с новинками литературы, объяснить, где найти ту или иную информацию, которая им точно пригодится в учебном процессе. Не нужно забывать, что в каждой школе сегодня есть скоростной Интернет, а различные проекты по информатизации образования, о важности которых также говорится в докладе Общественной палаты, открывают учителям доступ к самым современным ресурсам.

«СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ МОЖЕТ ПРИЙТИ К ШКОЛЬНИКАМ ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК МИЛИЦИОНЕР»

«Происходящая в некоторых регионах «латентная ревизия» принципа светскости школы в такой стране, как современная Россия, с очевидностью ведёт (особенно в сочетании с другими факторами, отмечаемыми в настоящем докладе) к превращению образования в зону социальной нестабильности. Светскость школы, однако, отнюдь не означает отказа от приобщения детей к высотам творческого духа, достигнутым в веках «верующим человечеством». Доклад Общественной палаты. Глава 1.2.

— Один параграф доклада посвящён образованию в духовно-ценностной системе координат. «Латентная ревизия» принципа светскости школы в некоторых регионах — это, очевидно, попытки преподавания основ вероучения. Насколько серьёзна эта проблема? И что можно сделать для её решения?

— Эту проблему нужно рассматривать в историческом контексте. Откуда она вообще взялась? На протяжении как минимум семидесяти лет в нашей стране господствовала традиция тотального атеизма, любые религиозные ценности отвергались как таковые. И сегодня Русская православная церковь выступает инициатором общественной дискуссии о введении вероучительного компонента в систему общего образования.

— Именно вероучительного, а не культурологического?

— Судя по материалам Всемирного русского народного собора, речь идёт о том, что культурологического компонента недостаточно (без вероучения суть религии становится непонятной). Моя позиция по этому вопросу такова: нужен диалог. Не нужно нагнетать напряжения и спешить в решении этого сложного вопроса. Как правило, спешка в принятии столь ответственных и рассчитанных на долгосрочную перспективу решений чревата ошибками, результаты многих из которых проявляются не сразу. Церковь и государственная система образования не враги друг другу. Нужно время, чтобы спокойно подумать и принять взвешенное решение.

Такой диалог, конечно же, будет иметь ряд объективных трудностей, но придётся искать способы решения существующих противоречий, предлагать какие-то рецепты. Трудно себе представить практическую реализацию идеи изучения религии в масштабах всей страны.

— Вы считаете, что такое в принципе возможно?

— Да, но в определённом контексте. Говоря об изучении комплекса обществоведческих дисциплин, мы не можем игнорировать важную составляющую общественной жизни — религию. Но от светского понимания содержания школьного образования отходить ни в коем случае нельзя, и вероучительный компонент в обязательную школьную программу вводить недопустимо. Для этого нет необходимой законодательной основы, к тому же есть риск возникновения противоречий в самом образовательном процессе. Такие содержательные конфликты обнаружатся

не только в науках о жизни и земле, но и в истории. Например, в вопросах соотношения хронологий «гражданской» и церковной историй. Согласно Священному Писанию, мир был создан немногим более семи с половиной тысяч лет назад, а по данным археологов человек появился на территории нашей страны свыше 1,2 миллиона лет назад. Об этом свидетельствуют прошлогодние находки учёных РАН в Дагестане.

— И школа, как говорится в докладе, станет зоной социальной нестабильности...

— Совершенно верно. В школе и без того хватает проблем, вызванных национальными, социальными и другими различиями, которым уделяют внимание авторы доклада. Нельзя допустить деления ещё и на религиозной основе. Но точно так же нельзя игнорировать многовековой духовный, эстетический, моральный, этический опыт важнейших мировых религий. Включать его в школьную программу нужно.

— И изучать по учебнику под редакцией академика А. О. Чубарьяна «История мировых религий»...

— На мой взгляд, самым органичным способом включения духовно-нравственного компонента в школьную программу было бы изучение истории и основ мировых религий в рамках тех образовательных областей, где они лучше всего будут поняты. Это история, обществознание и литература. А вот на факультативной основе возможны и более глубокие курсы, в том числе по истории мировых религий — учебник по этому курсу был недавно подготовлен коллективом академических авторов.

Исторический контекст развития религий действительно очень важен. Конечно, во всех традиционных мировых религиях есть универсальные ценности, но каждая имеет свой исторический путь развития и национальные традиции. В каждой стране своё католичество, что бы ни говорил по этому поводу официальный Ватикан. Никто не сможет меня убедить, что византийское православие XIV–XV веков ничем не отличается от современного российского православия.

— Батюшка, который ведёт урок в школе, — это нонсенс?

— Не вижу ничего вредного и в том, чтобы в школу мог прийти батюшка, мулла или раввин и рассказать всем желающим о своём вероучении. Это будет честнее и правильнее по отношению к социализации детей, чем обязательный курс вероучения, который будет вести неизвестно кто.

Но приход в школу представителя религиозной организации — это не урок, а скорее встреча с интересным человеком, который точно произведёт впечатление на детей. Когда я учился в школе, на меня подобное впечатление произвёл приход

милиционера, который просто, по-житейски поговорил с нами о правилах дорожного движения, о своей работе и об ответственности подростков перед законом. Точно так же, если в школу придёт батюшка, он найдёт у детей больше понимания и поддержки, чем преподаватель обязательного вероучительного предмета.

— Но ведь батюшка или любой другой священнослужитель наверняка постарается, грубо говоря, обратить детей в свою веру, если они вдруг ещё с ней не знакомы. Пригласит в церковь или в мечеть, а то и в воскресную школу или медресе.

— Ничего плохого в этом нет. Конституция России предусматривает свободу вероисповедания. Все конфессии имеют свои образовательные структуры — воскресные школы, медресе и другие. Если школьники придут туда, чтобы изучать основы веры, такое образование будет отделено от всеобщего обязательного. Не возникнет явных противоречий с данными науки, которые дети изучают в рамках традиционных школьных предметов. Понимание естественнонаучных дисциплин и той же истории в воскресных школах — это одно, в обычных школах — другое.

— Сторонники введения вероучительных курсов в школьную программу вспоминают, что в дореволюционной России такая практика существовала и положительно влияла на духовно-нравственное развитие молодых людей.

— Действительно, в светских гимназиях Российской империи Закон Божий был обязательным предметом, влияющим на оценку по прилежанию. Но я бы не стал говорить о положительном влиянии — напротив, эта «обязаловка» негативно сказалась на отношении к религии просвещённого населения. Среда нигилистов и воинствующих атеистов во многом формировалась и пополнялась благодаря тем негативным ощущениям, которые испытывали подростки, зубрившие Закон Божий в школе. Конечно, времена изменились и богословское образование в России сегодня совсем другое. Но сам принцип обязательности и отсутствие гарантии качества, скорее всего, отрицательно сказался бы на отношении молодых людей к конфессии в целом.

Кстати, если воспринимать марксистскую идеологию как разновидность религии, можно вспомнить, что в школах не было курса марксизма или атеизма, но они были «вмонтированы» в программы других предметов. Как отдельные обязательные курсы типа научного коммунизма они появлялись только в вузах. И отношение к ним было сродни отношению к Закону Божьему в дореволюционной России.

— На конференции по вопросам духовно-нравственного воспитания, которая прошла в декабре прошлого года в Калуге с участием министра Андрея Боровского и управляющего делами Московской патриархии митрополита Климента, батюшки предложили Министерству образования и науки включить в новый стандарт отдельную образовательную область «Духовно-нравственная культура». Эта инициатива реализуема на практике?

— В докладе Общественной палаты приводится таблица, в которой сравнивается количество часов на преподавание тех или иных дисциплин в школах разных стран. Из таблицы видно, что в России больше времени отводится на математическое образование, почти в два раза меньше времени — на естественнонаучные дисциплины, мы немного проигрываем в физической подготовке, сильно проигрываем в трудовом обучении. Объём часов на социальные дисциплины примерно на одном уровне, но если при сравнении включить в эту область ещё и искусство как неотъемлемую часть духовного и нравственного воспитания, мы будем сильно проигрывать. Так что и здесь напрашивается вывод, что вопросы духовно-нравственной культуры нужно изучать в рамках существующих предметов данной области. А времени на них, очевидно, нужно отводить больше.

— Андрей Евгеньевич, вы в данном случае выступаете как типичный представитель своей предметной области, добивающийся увеличения часов на её изучение.

— Но ведь никто не отрицает, что российская школа даёт хорошие знания по математике и по естественнонаучным дисциплинам. Но, может быть, не теряя эти преимущества, стоит немного пересмотреть пропорции? Та ориентация на компетенции, на решение практических задач, где наши школьники как раз отстают, если верить данным PISA, предъявляет дополнительные требования к обществоведческому образованию. Этому сейчас нужно уделять больше внимания, а всё остальное постараться не расплескать.

Беседовал Борис Старцев
Фото Альберта Багаутдинова

«ФИРЛЯНДИЯ», «ИСДОНИЯ», «ОВГОНИСТАН»

Уровень знаний советских школьников 1930-х годов и сталинская реформа школы

Преобразования школьной системы в Отечестве нашем неизбежны и бесконечны, задуманный же при начале реформы результат, как известно, достижим далеко не всегда. Обращение к историческому опыту образовательных перестроек часто приводит к обнаружению до боли знакомых сюжетов, случившихся задолго до наступления эпохи ЕГЭ и Болонского процесса. В этом лишний раз убеждают крайне любопытные документы, хранящиеся в Архиве Президента Российской Федерации. Сегодня мы познакомим читателей «Родины» с актуальнейшей и в наши дни проблемой *повышения уровня преподавания* русского языка. При осуществлении масштабных образовательных перемен 1930-х годов, означавших поворот к традиционным ценностям обучения, выяснилось немало странного, а то и чудовищного, о чём оперативно докладывал лично товарищу Сталину заведующий Отделом школ ЦК ВКП(б) Борис Михайлович Волин. Этот старый большевик был на горе тогдашнему руководству Наркомата просвещения РСФСР человеком грамотным и въедливым. Уроженец местечка Глубокое Витебской губернии окончил горное училище в Екатеринославе, экстерном — гимназию в Орле и проучился несколько лет на юридическом факультете Московского университета. Судя по письмам Сталину, знание русского языка Волину удалось сохранить на приличном уровне — помогла, наверное, и предыдущая работа начальника всесильного Главлита. Борис Михайлович по-дружески напоминает Иосифу Виссарионовичу о преимуществах старорежимного образования («все мы изучали в дореволюционной школе 9 твёрдо установленных частей речи») и беспощадно клеймит «преступления Наркомпроса РСФСР в отношении русского языка». Волин своего добился — стал первым заместителем наркома просвещения и, самое главное, уцелел в годы массовых репрессий. Ныне здравствующий карикатурист Борис Ефимов, муж его сестры Раисы, в 2000 году удивлялся удачливости родственника: «Не изменило везение Волину и в 1937 году. Тогда была арестована вся коллегия Наркомпроса, включая наркома Андрея Бубнова. Избежали ареста только вдова Ленина Надежда Константиновна Крупская и Борис Волин». Из ниже публикуемых документов становится понятно, почему не тронули активного борца с безграмотностью.

Директор школы выступает перед школьниками младших классов. Ставропольский край. 1938 г. РГАКФД.

Б. М. Волин.

А. С. Бубнов.

№ 1
О СТАДИЯХ РАЗВИТИЯ ЛЯГУШКИ

ЗАПИСКА Б. ВОЛИНА[1]

25 сентября 1935 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) —
тов. СТАЛИНУ И. В.
тов. КАГАНОВИЧУ Л. М.[2]
тов. ЖДАНОВУ А. А.[3]
тов. ЕЖОВУ Н. И.[4]
тов. АНДРЕЕВУ А. А.[5]

О СОСТОЯНИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ОСНОВНЫХ ПРЕДМЕТОВ В НАЧАЛЬНОЙ, НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ В 1934–1935 УЧЕБН. ГОДУ

Школьным управлением Наркомпроса РСФСР подведены итоги учебной работы школ в 1934–1935 уч. году.

Анализ состояния преподавания по основным предметам в начальной, неполной средней и средней школе — даже на основании данных школьного управления, неспособного к самокритике, — показывает, что уровень знаний учащихся соответствующего класса за истекший учебный год, сравнительно с 1933–1934 уч. годом, не улучшился, наоборот, по некоторым предметам даже снизился.

На протяжении последних трёх лет в школе упорно держится ряд одних и тех же ошибок в знаниях учащихся.

Как и в прошлые годы, по арифметике отмечается слабое уменье учащихся делать именованные числа, производить деление с остатком и правильно решать задачи. 52% учащихся обследованных начальных школ не могли даже правильно прочитать многозначные числа. Окончившие в этом учебном году неполную среднюю школу дали в среднем по алгебре всего 65% успеваемости и по геометрии 68%.

По-прежнему формально и поверхностно учащимися усваиваются законы физики, химии и биологии. В 6 классе обследованных школ контрольные работы по физике решили 63% в городских школах и 59% в сельских. Учащиеся обнаружили полное неумение применить свои познания при решении задач. В то время как формулу закона Бойля–Мариотта–Гей-Люссака написали правильно 84% учащихся, задачу на применение этой формулы решили только 33% учащихся. По химии простую по содержанию задачу решало в 7 классе только 46%.

Как и раньше, у учащихся отсутствуют конкретные представления о растительной клетке. На такой элементарный вопрос, как о стадиях развития лягушки, в среднем получено при выборочном обследовании школ лишь 11,4% правильных ответов.

Как и в прошлом году, крайне плохо поставлено в школах преподавание гражданской истории. До сих пор изучение исторических фактов подменяется общими социологическими суждениями и схемами.

По географии учащиеся чаще всего читают не карту, а надписи на карте. Отмечается также неумение правильно писать географические названия. Учащиеся 7-го класса пишут: «Фирляндия», «Исдония», «Овгонистан» и т. д.

Если за истекший учебный год уровень знаний учащихся в соответствующих классах, сравнительно с 1933–1934 учебн. годом, остался «стабильным», то в некоторых, в наиболее ответственных, разделах программы школ он даже снизился. Так, возросли ошибки по письменному русскому языку: ошибки на «безударные гласные», занимавшие по 7 классам в 1933–1934 уч. году 42% в общей сумме орфографических ошибок, в истекшем году занимают 46%, по 9 классам — соответственно — 12% и 19%; ошибки в 7 классе «на мягкий знак» в середине и конце слова занимали 7%, в истекшем году — 11%, в 9 классе — соответственно — 5% и 8,4%. По пунктуации в 7 классе среднее количество ошибок на одного учащегося увеличилось с 2,6% до 3% … Степень грамотности учащихся старших классов средней школы всё ещё низка и находится у учеников 7, 8, 9 и даже 10 класса на одном уровне.

Казалось бы, столь неудовлетворительное состояние преподавания основных предметов в школе должно вызвать тревогу в среде работников Наркомпроса, мобилизовать их для энергичной работы в наступающем учебном году. Но «докладная записка» со спокойствием летописца только регистрирует факты.

Правда, т. Бубновым А. С.[6] издан приказ «Об итогах 1934–35 учебного года о (?) преподавании основных предметов в начальной, неполной средней и средней школе», в котором предлагается для руководства в учебной работе школ направить всем органам народного образования докладную записку управления начальной и средней школы. Но, к сожалению, никакого руководства эта записка не даёт. Не даёт его и приказ Наркома. Тов. Бубнов находит, что за истекший учебный год школа добилась дальнейших улучшений в постановке своей учебно-воспитательной работы, что материалы выборочного обследования обнаружили только большую пестроту в знаниях детей и в работе школ в целом.

В приказе об итогах истекшего учебного года по преподаванию основных предметов в школе ничего об этих итогах не сказано. В нём имеются общие фразы о необходимости ликвидировать безграмотность в школе и ряд мероприятий аппаратного характера. Ссылка на докладную записку, никому неизвестную, кроме заведующих край обл. ОНО (эта записка, напечатанная на ротаторе, совершенно неудобочитаемая), может вызвать у рядового учителя только вполне понятное раздражение, так как ничего полезного для себя учителя не найдут в этом неудачном приказе Наркома, опубликованном в газете «ЗКП»[7] и напечатанном отдельной брошюрой в тысячах экземплярах.

Таким образом, Наркомпрос РСФСР не сумел сделать ни должных выводов из итогов слабой работы истекшего учебного года, ни мобилизовать учительские массы на преодоление в новом учебном году важнейших недостатков в учебной работе школы, с которыми он не справился в истекшем учебном году.

ЗАВ. ОТДЕЛОМ ШКОЛ ЦК ВКП(б)
Б. ВОЛИН
25.IX.35 г.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 39. Л. 137–139. Подлинник.

№ 2
«В УЧИТЕЛЬСКОЙ НА СТОЛЕ — ГРЯЗНАЯ СКАТЕРТЬ»

ЗАПИСКА Б. ВОЛИНА И. СТАЛИНУ

19 ноября 1935 г.
Товарищу Сталину И. В.

11 ноября я посетил опытную школу им. Лепешинского (МОПШК) (2 Обыденский, № 9). По установкам Наркомпроса РСФСР эта опытная школа должна являться той педагогической лабораторией, в которой изучаются разнообразные методы преподавания, учебные пособия, школьное оборудование и т. д. Лучшие методы преподавания, наиболее пригодные учебные пособия и оборудование, проверенные в опытной школе, должны быть переданы в массовую школу. Само собой разумеется, что данная школа, как и две другие опытные школы в Москве (им. Радищева и М. Горького), находящаяся в непосредственном ведении Наркомпроса РСФСР, должна быть лучшей опытной школой, образцовой во всех отношениях. Таковой её и считает Зам. Наркома по просвещению т. Эпштейн[8].

На меня же эта школа произвела самое отрицательное впечатление.

Я присутствовал на уроке по русской истории в 8 классе. Урок по истории в опытной школе должен быть особенно тщательно обставлен: в классе должны быть исторические карты, картины (так должно быть, впрочем, и во всех школах Союза).

Между тем на уроке по истории, проходившем в химической лаборатории(!), не было ни одной карты. Ученики говорили о городах Владимире, Ярославле, Муроме и проч., не представляя их географического положения. Ответы учеников поражали неуменьем связно излагать свои мысли, были односложны и поверхностны.

Прервав урок, я провёл краткую беседу с учащимися. Выяснилось, что ни один из них не пишет без ошибок, что учащиеся при прохождении истории литературы ничего не заучивают наизусть (отрывков из лучших образцов литературных памятников, из «Слова о полку Игореве», былин и т. д.).

В первом и во втором классах также не создана необходимая для нормальных занятий обстановка. Вместо наклонных соответственно парт, ребятишки пишут на плоских столах. Классная доска не имеет наклонных разлиновок, в то время как дети приучаются писать в тетрадях с наклонными линиями. Здесь же, в классе, висят клетки с чирикающими птицами и стоят аквариумы с золотыми рыбками. Это последнее, разумеется, не может не отвлекать внимание детей. *Учителя находят такое положение* нормальным.

Безобразное зрелище представлял урок физкультуры. В пыльном зале маршировали ученики VII кл., часть которых не имела физкультурных костюмов и тапочек, многие маршировали в грязных и порванных носках. Костюм преподавателя физкультуры — неряшлив.

В учительской на столе — грязная скатерть. Рядом — облезлые стулья. На большом плакате, висящем на стене и посвящённом ликвидации коренного недостатка в школе — неграмотности, я обнаружил и отметил три синтаксических ошибки.

Школу посещает массовое учительство. Едва ли могут они вынести что-нибудь ценное от посещения такой «опытной» школы!

Из беседы с директором я выяснил, что никакой опытной работы по существу школа не ведёт, что НКПрос и не пытается опыт школы обобщить и пускать в ход.

Для меня совершенно ясно, что Наркомпрос не занимается опытными школами (как, впрочем, и образцовыми). В таком беспризорном виде они существовать дальше не могут.

Я подготовляю вопрос об опытных школах для постановки его на Оргбюро ЦК ВКП(б).

ЗАВ. ОТДЕЛОМ ШКОЛ ЦК ВКП(б)
Б. ВОЛИН
19/XI 35

АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 39. Л. 155–156. Подлинник

№ 3
«САМЫМ СЕРЬЁЗНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ЯВЛЯЕТСЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА ШАПИРО»

ЗАПИСКА Б. ВОЛИНА И. СТАЛИНУ

23 ноября 1935 г.
Товарищу Сталину И. В.

О РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ А. ШАПИРО[9]

Для меня сейчас не подлежит сомнению, что за преступно-легкомысленное отношение руководителей НКПроса к преподаванию русского языка — этой основы всех основ в школе — они должны полностью понести заслуженное наказание. Вопрос этот в полном объёме я сейчас подготовляю и внесу своевременно в ЦК.

Среди всех ошибок и преступлений, совершённых Наркомпросом по отношению к школе, самым серьёзным преступлением является грамматика русского языка Шапиро.

Учебник по грамматике для средней школы А. Шапиро*, предназначенный для детей 12–13 летнего возраста, не может не вызвать у ребят отвращение и ненависть к изучению русского языка. В самом деле, разве возможно вызвать у 12–13 летнего ребёнка живой интерес к языку бесконечными дефинициями и перечислениями, абстрактными и чисто формальными, которыми переполнен учебник! Всей нашей борьбе за грамотность этот учебник нанёс и наносит серьёзнейший удар!

С первых же страниц «морфологии» (1 часть учебника) ученика 5-го класса (11–12 лет) подкарауливают Сцилла и Харибда фонетики, с её бесконечным делением звуков, с путаницей произношения (в слове «голова», первое «о» похоже де на «ы»), с явно неверными установками вроде того, что звуки «ц» и «ч», являющиеся оригинальными звуками русской речи, разлагаются на составные части («ц», по Шапиро, = т+с; «ч» = т+ш). Про эти звуки, в развитие чепухи, сказанной о согласных, утверждается: «При их произнесении в начале делается взрыв (!), потом происходит трение(!). Слогу дано такое определение: «Часть слова, на которую приходится отдельный толчок воздуха, наз. Слогом».

Язык учебника сухой и трудный, а местами — просто неправильный; например, «какой согласный будет после этого слышаться, то (!) и нужно писать».

На первой же странице «синтаксиса» (2 часть учебника) есть такая псевдонаучная и косноязычная формулировка: «Но если говорящий хочет, чтобы слушатель сразу понял, какие мысли с какими связаны теснее и какая именно связь существует между мыслями, он связывает два или несколько предложений в одно целое». Связаны, связь, связывает — это ужасно!

Я давал это предложение читать не только ученикам, но и взрослым, и никто не мог мне изложить эту «дефиницию» своими собственными русскими словами.

Я не останавливаюсь уже на тех новшествах, в силу которых в грамматике (во всех грамматиках!) Наркомпрос уничтожил определения, дополнения и обстоятельственные слова, ликвидировал неопределённые наклонения и проч.

Учебник полон этимологических и синтаксических ошибок и коверкает русский язык.

Грамматика Шапиро, отредактированная неким Фридляндом и утверждённая Эпштейном, — преступление против русского языка!

23/XI 35
Б. Волин

*Выпущено 10 изданий, и только в этом году напечатано не менее 1 миллиона экз. — *Примечание автора документа*.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 56. Л. 115–116. Подлинник.

№ 4
«УЧИТЕЛЬНИЦА ... НАПИСАЛА ДИКТАНТ, СДЕЛАВ В НЁМ 83 ОШИБКИ»

ЗАПИСКА Б. ВОЛИНА И. СТАЛИНУ

№ 5-10/2 14 декабря 1935 г.
СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) — товарищу СТАЛИНУ И. В.

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НАРКОМПРОСА РСФСР В ОТНОШЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Преступные эксперименты, которые проводились Наркомпросом РСФСР в отношении школы, в особенности в преподавании русского языка, привели к ужасающей безграмотности, как окончивших за последние десять лет среднюю и даже высшую школу, так и обучающихся сейчас в школе и вузах.

Студенты высших учебных заведений в своей значительной части — малограмотны, делают очень большое количество орфографических ошибок в простейших письменных работах и совершенно не владеют элементарными познаниями в области русского языка.

Проверка грамотности, проведённая в Ленинградском государственном университете, показала, что из 2561 студента — 1743 человека, т. е. 68%, пишут безграмотно. Не составляют в этом отношении исключения и студенты педагогических институтов. Студенты второго курса исторического факультета Ленинградского педагогического института им. Герцена в диктанте в среднем сделали 22 ошибки. В Кировском педагогическом институте из 1103 студентов — 780, т. е. 70% — безграмотны.

Очень низкая грамотность была у поступавших в текущем учебном году в высшую школу. Из поступивших в Московский энергетический институт 347 человек, окончивших среднюю школу, не выдержало экзамены — 218, т. е. 63%. В Ленинградский государственный университет не выдержало по русскому языку 43% поступавших. Некоторые из поступавших делали в диктантах до 40 ошибок.

Такая же картина и в «техникумах». Из 700 поступавших в Пензенский медицинский «техникум» только один написал без ошибок диктант из 160 слов. Споровскую неполную среднюю школу (Калининская область) окончило 38 учащихся, и только три из них выдержали испытания в «техникумы».

Поступающие в высшую школу делают ошибки, недопустимые для учащихся второго–третьего класса начальной школы (пишут «куритца» — вместо «курится», «сем десят», подлежащее от сказуемого отделяют запятой и т. д.).

Как констатируют (!) Ленинградский, Московский и Ивановский городские отделы народного образования, до настоящего времени не только нет улучшения грамотности учащихся, но наоборот имеется даже ухудшение.

Контрольная работа, проведённая по русскому языку в 10 классе Ефремовской образцовой школы (Московская обл.), дала следующие результаты: из 34 учащихся только один получил оценку «хорошо», три — «посредственно», остальные получили «плохо» и «очень плохо».

В 4 классе Полужской школы (Западная обл.) за первую четверть неуспевающих по русскому языку оказалось 74%.

При моём посещении школ я лично опрашивал учеников 9–10 классов относительно их грамотности. В классе оказывалось 1–2 ученика, пишущих грамотно, 3–4 более или менее посредственно, остальные — плохо, с большим количеством грубейших ошибок. Даже в Ленинградской первой образцовой школе, получившей на общереспубликанском конкурсе образцовых школ красное знамя (портрет директора Перкиной помещался в «Известиях») и претендующей на ту же роль, на какую в Москве претендует 25 школа Октябрьского района, — вывешиваются безграмотные стенные газеты.

Такое тяжёлое положение в школе в отношении грамотности. Наркомпрос РСФСР, который до сих пор не понимает исключительного значения русского языка в школе, пренебрежительно относится ко всем многочисленным сигналам, идущим с разных сторон о неблагополучии с грамотностью учащихся, и совершенно не желает по настоящему заниматься этим делом*.

Я считаю, что важнейшей причиной той безграмотности, какая имеется среди учащейся молодёжи, является преступная политика Наркомпроса в отношении русского языка. Наркомпрос не только не боролся за грамотность в нашей стране, но наоборот, сам насаждал в течение ряда лет безграмотность в школе. Насаждалась безграмотность и постоянным сокращением количества часов русского языка в учебных планах школ, и нелепыми программами, и безграмотными грамматиками.

В учебных планах начальной школы за последние годы, до вмешательства отдела школ ЦК, Наркомпрос отводил на преподавание русского языка 880 часов, в то время, как даже в дореволюционной начальной школе русскому языку отводилось 1500 учебных часов, почти при том же объёме программы.

*Ничего удивительного в этом нет: сам Нарком недавно писал в письме в ЦК, что «конкретная школа с её запросами, потребностями и недостатками выпала из поля зрения... Наркомпроса». — Примечание автора документа.

До сих пор Наркомпрос РСФСР не сумел выработать для школы удовлетворительной программы по русскому языку.

Вместо обеспечения школы обязательными государственными программами и стабильными учебниками, вместо твёрдого установления и применения в школе проверенных на практике методов преподавания русского языка, Наркомпрос занимался «левацким» прожектёрством, искоренял глубокое изучение языка в школе, культивируя «кустарщину» на местах, предоставив каждому учителю право преподавать русский язык по собственному разумению, настроению и «вкусу».

Во имя «левацких» экспериментов над школой Наркомпрос выбросил всё ценное, что было накоплено дореволюционной школой, как в области содержания грамматики, так и методики её преподавания.

В ныне действующих программах по русскому языку в центре внимания не поставлена работа над навыками по орфографии, пунктуации, технике чтения, письменному изложению мыслей.

В программах ликвидированы второстепенные члены предложений, в старших классах не преподаются залоги глаголов, сокращения придаточных предложений и т. д.

Исключительный сумбур и грубейшие извращения царят в учебниках по грамматике. О преступной грамматике Шапиро я уже сообщал в ЦК 23 ноября с. г.

В грамматиках, изданных в 1928–1930 гг., были ликвидированы имена числительные, местоимения, введены путающие ребят «местоименные прилагательные», «существительные счетные», «местоименные существительные» и т. д. НКпрос утверждал, что «я, ты, он», «первый–второй–третий» — имена существительные.

Грамматики были написаны заумным языком, совершенно не доступным учащимся. Вот какие фразы давались в «рабочей» книге Абакумова[10] «Русский язык»: «причастными оборотами называются причастия вместе с относящимися к ним второстепенными членами предложения, стоящие после слов, к которым они относятся, и интонационно обособляющиеся». И эта книга Наркомпросом была допущена в среднюю школу!

Хаос царит и в существующих стабильных учебниках грамматики.

В то время, как все мы изучали в дореволюционной школе 9 твёрдо установленных частей речи, Наркомпрос не имеет в этом отношении никакого определённого мнения и фактически отдал на откуп авторам части речи в русском языке. В грамматике Аванесова[11] и Сидорова[12] на-

считывается «самостоятельных частей речи» — 5 и «служебных слов» — 2, всего — 7; в грамматике Шапиро их — 8, в грамматике Крючкова[13] и Светлаева[14] их уже — 10 (!).

Слово «сколько», по Шапиро, — вопросительное местоимение или наречие, по Аванесову — неопределённое (?) числительное (!)

По количеству ошибок, неряшливости формулировок, абстрактности и схоластическому изложению все существующие учебники грамматики превзошёл, конечно, учебник Шапиро.

В учебнике Шапиро нет второстепенных членов предложения: определений, дополнений, обстоятельств, нет слитных и придаточных сокращённых предложений. Видимо, по «идеологическим соображениям» ликвидированы также имена существительные одушевлённые.

Все учителя русского языка не могут без раздражения говорить об учебнике Шапиро, а школьники питают к нему ненависть и отвращение.

Да и как не питать отвращения к такой, например, фразе для учеников 5 класса: «Сложная мысль может быть выражена одним предложением, которое состоит из двух или нескольких частей, имеющих отдельное подлежащее и сказуемое».

«Объяснения Шапиро учащиеся 5 класса понимают почти с таким же трудом, как немецкий текст», — пишет специалист по русскому языку Крупский, учитель средней школы Ейского района (Азово-Черноморский край).

Сам автор отказался уже от учебника, один только тов. Бубнов (вместе с Эпштейном) признаёт его «неплохим», годным к употреблению в школе, и готов его защищать.

Другие книги по русскому языку, употребляемые в школах, также составлены совершенно неудовлетворительно.

В букварях большое количество трудных для первоначального чтения слов, между букварём и первой книгой для чтения нет преемственной связи, первая книга для чтения — очень трудна, в ней трудный для чтения и усвоения материал, имеется много неточностей и прямых ошибок.

Поток безграмотных грамматик, словарей, программ, направляемых из Наркомпроса в школу, часто встречается здесь, в школе, с другим потоком — безграмотностью самих учителей, не только на селе, в начальной школе, но и в городах, в средней школе — значительная часть учительства безграмотна.

Директор Тагильской средней школы (Западная Сибирь) в письме в Отдел школ ЦК ВКП(б) пишет: «щекатурщиков», «ни какой» «я есжу уполномоченным».

П. С. Капанадзе, педагог Хатурской железнодорожной школы (Грузия), учившийся вместе со Сталиным в духовном училище в Гори и в семинарии в Тбилиси, выступает перед школьниками. 15 декабря 1939 г. Фото С. Каменецкого. РГАКФД.

В планах работы учителя одной из школ г. Иванова написано «колидор», «вовлеч» и т. д.

В одном небольшом письме учительница Большакова (Ивановская обл.) сделала 164 ошибки.

В Ленинграде учительница 2-го класса начальной школы Овчаренко, работавшая в школе 4 года, написала диктант, сделав в нём 83 ошибки.

При посещении московских школ я обнаружил висящие на стенах неграмотные лозунги, плакаты и объявления. Коллекция их имеется в Отделе школ ЦК.

Отдел школ Ленинградского комитета ВКП(б) утверждает, что из 3000 учителей русского языка ленинградских школ около тысячи человек малограмотны.

В Харькове были организованы 2-х месячные курсы повышения квалификации учителей. По окончании курсов 98 учителей в контрольных работах допустили от 18 до 30 орфографических ошибок.

Не являются исключением и руководящие работники отделов народного образования: их приказы, «циркуляры», «методические разработки» нередко неряшливы со стороны стиля, а иногда и просто безграмотны. Так, в небольшом письме заведующего Ивановским городским отделом народного образования, т. Быковского, адресованном в Отдел школ Ивановского областного комитета ВКП(б), было сделано десять грамматических ошибок. Завед. Кондопожским отделом народного

образования (Карельская АССР) разослал по школам диктант, в котором обнаружено десять орфографических и пунктуационных ошибок (на 17 строк).

Самый текст диктанта имеет, между прочим, такие фразы: «читая его, сперва получается сдержанная улыбка и недоумение».

Методическое руководство учителем со стороны Наркомпроса и местных органов народного образования совершенно отсутствует.

Все учителя школ, и даже преподаватели русского языка, не мобилизованы на борьбу за грамотность. Ученики пишут в тетрадях много по истории, по географии, по естествознанию. Преподаватели этих предметов не исправляют ошибок учащихся, даже в письменных работах, на что Отдел школ ЦК уже обратил внимание Наркомпроса. Ново-Сибирский ГорОНО сообщает, что только 8% всех письменных работ исправляется учителем. Ученик привыкает писать неграмотно. Более того, до самого последнего времени на основании всяческих «левацких» теорий считалось преступлением подчёркивать и исправлять ошибки.

Весь процесс изучения русского языка поставлен в школах очень плохо. Даётся мало объяснительных (предупредительных) диктантов. Учащиеся мало пишут переложений небольших рассказов и изложений, мало списывают с книг печатного текста. Речь ученика не обогащается заучиванием наизусть стихотворений, басен и более или менее значительных отрывков русских и европейских классиков литературы. С другой стороны, в программу IX класса включено «Преступление и наказание» Достоевского, и в классе идут длительные дискуссии о законности и этичности убийства.

При изучении истории литературы в VIII классе не заучивается наизусть ни одна строчка из таких важнейших памятников русской словесности, как былины, «Слово о полку Игореве» и др.

Плохо читают вслух даже ученики старших классов. Не развивается вкус к чтению художественных произведений, плохо поставлено внеклассное чтение, никем оно не направляется и не контролируется.

Молодой учитель не получает никакого руководства: инспектора районо и горono не могут, в силу своей слабой квалификации, дать ему необходимые указания о преподавании русского языка. Директора и профессора университетов заявили мне, что Наркомпрос ни разу их не собирал и не ставил перед ними вопросов о борьбе с неграмотностью в школе.

Ни Наркомпросом РСФСР, ни его местными органами никто не привлечён к ответственности и даже никому не вынесено порицания за преступное отношение к русскому языку.

Всё, что делается с русским языком в русской школе, меркнет перед тем, что делается в отношении преподавания русского языка в нерусской школе (т. Гикало[15], а также украинские товарищи заявляют, что преподавание родного языка в нерусской школе поставлено еще хуже).

* * *

В этой записке далеко неполно отражена вся преступная политика Наркомпроса в отношении изучения русского языка.

Прошу поставить на Политбюро ЦК доклад т. Бубнова. Пусть т. Бубнов ответит перед ЦК за все творящиеся в школе безобразия и за преступное отношение Наркомпроса к русскому языку.

ЗАВ. ОТДЕЛОМ ШКОЛ
Б. Волин
14/XII 35

АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 39. Л. 163–171. Подлинник.

Публикация Александра Степанова, Александра Короткова и Сергея Мельчина

Примечания

1. Волин (Фрадкин) Б. М. (1886–1957) — в 1918–1921 гг. председатель губисполкомов в Орле, Костроме, Харькове, секретарь Брянского губкома РКП(б), заместитель наркома внутренних дел УССР, затем работал в газетах в Ростове-на-Дону и в Москве, в 1925–1926 гг. заместитель редактора газеты «Известия», в 1927–1929 гг. заведующий отделом печати НКИД СССР, в 1931–1935 гг. член коллегии Наркомпроса РСФСР и начальник Главлита, одновременно директор института литературы Института красной профессуры и редактор журнала «Борьба классов», в 1935 г. заведующий Отделом школ ЦК ВКП(б), в 1936–1938 гг. первый заместитель наркома просвещения РСФСР, одновременно в 1936–1945 гг. редактор «Исторического журнала», с 1945 г. научный сотрудник Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).
2. Каганович Л. М. (1893–1991) — в 1922–1924 гг. заведующий отделом ЦК РКП(б), в 1924–1925, 1928–1939 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1925–1928 гг. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1930–1935 гг. первый секретарь МК ВКП(б), одновременно в 1931–1934 гг. первый секретарь МГК ВКП(б), в 1934–1935 гг. председатель КПК при ЦК ВКП(б) и заведующий Транспортным отделом ЦК ВКП(б), в 1935–1937, 1938–1942, 1943–1944 гг. нарком путей сообщения СССР, в 1937–1939 гг. нарком тяжёлой промышленности СССР, в 1939 г. нарком топливной промышленности СССР, в 1939–1940 гг. нарком нефтяной промышленности СССР, одновременно в 1938–1947 гг. заместитель председателя СНК (Совмина) СССР, в 1942–1945 гг. член Государственного Комитета Обороны, в 1942–1943 гг. начальник политуправления Закавказского фронта, в 1946–1947, 1956–1957 гг. министр промышленности строительных материалов СССР, в 1947 г. первый секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1953–1957 гг. первый заместитель председателя Совмина СССР, одновременно в 1955–1956 гг. председатель Госкомитета Совмина СССР по вопросам труда и заработной платы, в 1957–1961 гг. директор Уральского калийного комбината, с 1961 г. на пенсии. В 1930–1957 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС.
3. Жданов А. А. (1896–1948) — в 1922–1934 гг. заведующий отделом, первый секретарь Нижегородского губкома (обкома, крайкома), Горьковского крайкома ВКП(б), в 1934–1948 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1934–1944 гг. первый секретарь Ленинградских обкома и горкома ВКП(б), в 1941–1945 гг. член военных советов Северо-Западного направления, Ленинградского фронта, в 1946–1947 гг. председатель Совета Союза Верховного Совета СССР. В 1939–1948 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б).
4. Ежов Н. И. (1895–1940) — в 1930–1934 гг. заведующий Организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б), в 1934–1935 гг. заместитель председателя, в 1935–1939 гг. председатель КПК при ЦК ВКП(б), одновременно в 1934–1935 гг. заведующий Промышленным отделом ЦК ВКП(б), в 1935–1936 гг. заведующий Отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), в 1935–1939 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в 1936–1938 гг. нарком внутренних дел СССР, в 1938–1939 гг. нарком водного транспорта СССР. В июне 1939 г. арестован и в феврале 1940 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. В 1937–1939 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б).
5. Андреев А. А. (1895–1971) — в 1920–1922 гг. секретарь ВЦСПС, в 1922–1927 гг. председатель ЦК союза железнодорожников, одновременно в 1924–1925 гг. секретарь ЦК РКП(б), в 1927–1930 гг. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в 1930–1931 гг. председатель ЦКК ВКП(б), нарком рабоче-крестьянской инспекции СССР и заместитель председателя СНК СССР, в 1931–1935 гг. нарком путей сообщения СССР, в 1935–1946 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1939–1952 гг. председатель КПК при ЦК ВКП(б), в 1943–1946 гг. нарком земледелия СССР, в 1946–1953 гг. заместитель председателя Совмина СССР, в 1953–1962 гг. член Президиума Верховного Совета СССР, с 1962 г. на пенсии. В 1932–1952 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б).
6. Бубнов А. С. (1883–1938) — в 1922–1924 гг. заведующий отделом ЦК РКП(б), в 1924–1929 гг. начальник Политуправления РККА, член РВС СССР и ответственный редактор газеты «Красная звезда», одновременно в 1925 г. секретарь ЦК РКП(б), в 1929–1937 гг. нарком просвещения РСФСР. В октябре 1937 г. арестован, приговорён к ВМН и в августе 1938 г. расстрелян. В 1917 г. член Политбюро ЦК РСДРП(б).
7. Газета «За коммунистическое просвещение».
8. Эпштейн М. С. (1890–1938) — член РВС IX армии, секретарь ЦК Компартии Туркменистана, с 1923 г. член коллегии Наркомпроса РСФСР, с 1929 г. заместитель наркома просвещения РСФСР, репрессирован.
9. Шапиро А. Б. (1890–1966) — языковед, доктор филологических наук, профессор МГУ, работал также в Институте русского языка АН СССР.
10. Абакумов С. И. (1890–1949) — языковед, методист, член-корреспондент АПН РСФСР (1947), в 1933–1941 гг. преподавал в Московском пединституте.
11. Аванесов Р. И. (1902–1982) — советский языковед, член-корреспондент АН СССР (1958), с 1937 г. профессор МГУ.
12. Сидоров В. Н. (1903–1968) — языковед, работал в НИИ языкознания (1931–1933), в 1934 г. был приговорён к пяти годам лагерей (по «делу славистов»), затем работал в институтах языкознания и русского языка АН СССР (1944–1968), преподавал в Московской пединституте и МГУ, один из основателей московской фонологической школы, основные положения которой изложены им (совместно с Р. И. Аванесовым) в книге «Очерки грамматики русского литературного языка».
13. Крючков С. Е. (1897–1969) — советский филолог, языковед, методист, один из создателей современной школьной грамматики русского языка. В 1920-е годы работал в школах и др. учебных заведениях Москвы и Московской области, с 1932 г. в педагогических вузах, с 1933 г. преподаватель Московского педагогического института им. В. И. Ленина (с 1954 г. — профессор). Автор стабильных учебников и учебных пособий для средней школы и педагогических училищ.
14. Светлаев М. В. (1898–1959) — педагог-методист, преподавал в Московском пединституте.
15. Гикало Н. Ф. (1897–1938) — в 1925–1926 гг. секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в 1927–1928 гг. член Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), в 1929–1930 гг. секретарь ЦК КП(б) Узбекистана, в 1929–1930 г. первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана, затем заместитель заведующего орграспредотделом ЦК ВКП(б), в 1931 г. секретарь МК и МГК ВКП(б), в 1932–1937 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, в феврале—октябре 1937 г. первый секретарь Харьковского обкома КП(б) Украины. В октябре 1937 г. арестован и в апреле 1938 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Вадим ***ЭРЛИХМАН,***
кандидат исторических наук

МИКРОСКОПОМ ПО ИСТОРИИ

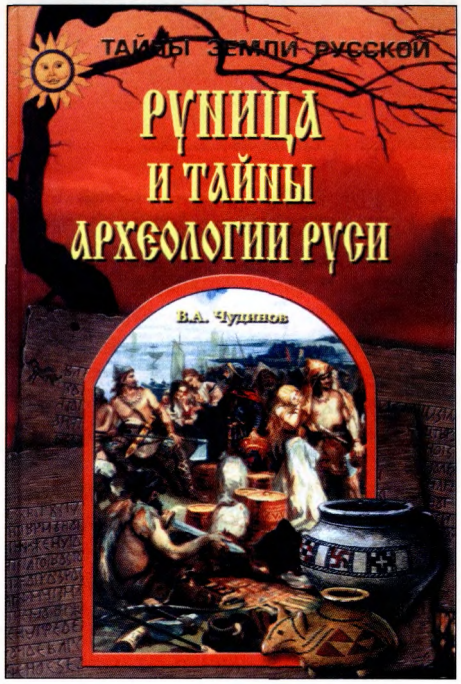
Рунотворчество академика Чудинова

Учёным, сетующим на недостаток письменных источников о древней истории нашей страны, пора раз и навсегда позабыть об этой проблеме. Оказывается, таких источников вокруг нас не меньше, чем вирусов гриппа. Но найти их может лишь один человек — академик РАЕН Валерий Чудинов.

Я ПОМНЮ ВСЕ ТВОИ ТРЕЩИНКИ...

Недоброжелатели Валерия Алексеевича, которых у него хватает, называют его дилетантом в области истории. Это верно лишь отчасти: родившийся в 1942 году Чудинов хоть и окончил физфак МГУ, параллельно слушал лекции по литературе Древней Руси. От физики он плавно перешёл к философии, стал доктором наук, много лет преподавал в Университете дружбы народов. В лихие девяностые вплотную занялся любимым делом — поиском и дешифровкой древнерусских надписей. Всем, кто хоть немного знаком с этой темой, известно, что таких надписей довольно мало (около сотни), они кратки и порой нечитаемы. Такое положение выводило из себя начинающего эпиграфиста, и он начал бороться. Для начала прочитал все непонятные надписи при помощи остроумных, хоть и неприемлемых для традиционной науки методов. А потом начал находить новые — в таком количестве, о котором учёные и мечтать не могли. В одном из своих интервью он гордо рапортует: «Мною прочитано более 3000 древнерусских надписей».

Секрет Чудинова прост, как всё гениальное. Он берёт для исследования не сами древние памятники, где теоретически могут отыскаться надписи, а их фотографии и зарисовки из книг, чаще всего с неважным качеством печати. Понятно, что камень, дерево или проржавевший от времени металл изобилуют трещинками, щербинками и отметинами, которые воображение академика легко превращает в буквы. Там, где эти буквы совсем уж не похожи на привычные, он объявляет их «русскими рунами» и читает как бог на душу положит — поворачивая в разные стороны, разделяя на части или, напротив, соединяя. При таком подходе отыскать древние письмена можно где угодно, хоть и очень маленькие, высотой в доли миллиметра. Без тени сомнения академик



пишет: «Ещё одна удивительная загадка мастеров того времени: как, не имея микроскопов, они ухитрялись... гравировать надпись, где, например, слово «мастерская» умещалось на длине всего в 2 мм?» Не иначе, микроскопы у русских мастеров всё-таки были — а заодно и у их клиентов, которым приходилось читать написанное.

Это открытие приводит Валерия Алексеевича в восторг: «Наши предки в течение многих тысячелетий обладали традициями письма — и это в то время, когда большинство европейских народов писать и читать не умели». Между тем в его изображении суперграмотные предки выглядят невероятными тупицами и растяпами. Если верить академику, они на каждом предмете писали его название — чтобы не забыть, для чего этот предмет нужен. Так на топоре появилась надпись — «топор», на ложке — «ложка», на котелке для каши — «горяча каша» (когда каша остывала, надпись, очевидно, меняли). Деревянный гребень из Белоозера украшает надпись: «Не мой — пса»; оказывается, в XII веке русские хозяйки уже заботливо вычёсывали домашних любимцев. На кирпичной опоре церкви написали — «столп», как считает проницательный автор, чтобы ненароком *не треснуться лбом. Это особенно занятно*, если учесть, что надпись и там сделана такими мелкими буквами, что без микроскопа не разберёшь. Рядом с инструкциями, совсем как сейчас, писали имена производителей товара, звучащие очень современно: «мастер Иван Маслов» или «мастер Кропоткин». Всё это относится к V веку, хотя фамилии у незнатных россиян появились лет этак на тысячу позже. Чудиновские мастера обладали фантастическим упорством: похоже, они тратили на надписывание своих изделий больше времени, чем на их изготовление. Академик отыскал надписи даже на косах и серпах, хотя там они должны были постоянно стачиваться и бедным Левшам приходилось писать их заново.

Но и этого им было мало — рядом обязательно указывали национальную принадлежность изделия. На любом браслете, ведре, даже на берестяном поплавке гордо писали: «Русь», «Перунова Русь» (так по мысли автора называлась «русская» Литва) или даже «Чертовщина Тверская Славянская» (интересно, где это?). К указаниям добавлялись занятные изречения типа «Женщинам сударя полюбить — умереть» или «Чай Перуна руне и игру». На обломке кувшина из хазарского Саркела (X век) академик вычитал целый диалог: «Рыло, цаво же ты не пивал водьки в чаре сей? Ворую я же». В его переводе: «Рыло, почему ты не пил водяру из этой чары? Я же безобразничаю» (хотя «водяра»-то появилась на Руси не ранее XVI века). Маленький шедевр — загадочная берестяная грамота из Новгорода, написанная немецкой тайнописью. Академик

смело читает её: «Ильза — девка похоти», то есть «проститутка», и комментирует: «Какие замечательные «посетители из Германии» приезжали к новгородцам в XI веке! Кстати, а почему эпиграфисты считают, что посетители были из Германии? Имя Ильзе является скорее прибалтийским, ибо немецким будет имя Эльза, да и характер поведения Ильзы больше напоминает некоторых прибалтиек, чем немок»...

Последний штрих — вывески и указатели, якобы во множестве украшавшие древнерусские города. Среди них — кирпич из Путивля, на котором академик прочёл надпись: «се Эрота ротонда», что позволило ему сделать вывод о широком распространении на Руси храмовой проституции. На таких же кирпичах он разглядел знаки дорожного движения — стрелки или рунические надписи «стой», «иди», «выезд», «изьвьвы» (то есть извивы). В общем, сплошь грамотные древние русичи так много писали и читали (особенно под микроскопом), что ни на что другое им времени просто не хватало. Хорошо, что эти несчастные жертвы образования существуют только в воображении нашего академика, который в усердии возвеличивания русской старины перешёл все границы разумного.

ОХОТА НА КОРКОДИЛОВ

Каковы же итоги эпиграфических изысканий Чудинова? Они не менее удивительны: оказывается, кириллица существовала за много веков до Кирилла, причём не только на Руси, но и по всей Евразии — от Великобритании до Аляски. Ей предшествовала ещё более древняя письменность — руница, уходящая корнями в эпоху палеолита.

Доказывается это элементарно: с помощью своего метода академик умудряется разглядеть в чёрточках и трещинках всё, что ему нужно, а именно данные о «высочайшем уровне развития древней славянской цивилизации», которая произошла по прямой линии от кроманьонцев и дала начало всем народам Европы. Вывод далеко не оригинальный: то же самое утверждают В. Кандыба, В. Шемшук, Ю. Петухов и легион их соратников по «альтернативной истории». Чудинова отличает от них уверенное владение научной терминологией, а роднит полное пренебрежение к данным археологии, хронологии, сравнительного языкознания и прочих наук о прошлом. Характерно, что прочитанные им надписи звучат совсем по-современному, да и имена у «древних русичей» подозрительно знакомы — Вовка, Жека, Толян. Тут же ряд

дом (в XI веке!) появляются некий Оскар (имя вошло в обиход в XVIII веке благодаря британцу Джеймсу Макферсону и его «Поэмам Оссиана»), «Руслан Легкомыслов» и «Родион Лермонтов». В последнем случае не выдерживает даже Чудинов: «Фамилия, конечно, вызывает подозрение... но не исключено, что при повторных исследованиях в чтение могут быть внесены изменения».

Бывает, академик находит новые слова, которые ничтоже сумняшеся объявляет древнерусскими. Так случилось со словом «дил», якобы обозначающим коня. Отсюда и крокодил, точнее «коркодил» — конь, покрытый коркой. То, что слово это происходит от греческого «крокодилос» (каменный червь), мало заботит академика — ведь по его версии и Греция, и Рим есть забывшие о своём родстве наследники великой русской цивилизации. Как и Египет, где русичи могли вволю наглядеться на коркодилов. На фотографиях египетских пирамид (конечно же, нечётких) Чудинов разглядел слова «Храм Рода» и «Храм Макоши». Те же лейблы ему удалось найти на фото Кёльнского собора, храма Святой Софии в Константинополе и Стоунхенджа — прямо на земле у знаменитых трилитов (согласно академику, наши предки умудрялись писать даже на земле, да так, чтобы навечно).

Эти находки позволили Чудинову в недавней книге «Священные камни и языческие храмы древних славян» разработать схему славянской мифологии. Согласно ей, главным и самым древним славянским божеством была богиня-мать Макошь (она же Мокошь). За ней появились Род, Дажьбог и Стрибог, а уже потом — Перун, Велес и другие. Одних богов автор отвергает (так, Симаргл, по его мнению, — «сей рьгл», то есть «этот рыкающий», другое название Велеса-Волоса), других создаёт (например, неких Масок). По его мнению, после принятия христианства русские много веков оставались двоеверами, почитая Макошь под именем Девы Марии (она же Маришка и Маркуша). Христианские храмы были одновременно храмами Рода и Макоши; понятно, что на их фотографиях академик углядел соответствующие надписи. Только в XVII веке после реформы Никона началась борьба с язычеством, а заодно и с руницей, которую забыли все, кроме представителей духовной элиты.

Одним из таких избранных, по данным академика, был Пушкин, который с детства прекрасно знал древнюю русскую письменность (не иначе, няня Арина Родионовна научила). В недавней книге Чудинова доказывается, что все рисунки поэта (почти 1500) покрыты мельчайшим бисером рунических надписей. Одну из них Чудинов расшифровал так (просим у читателя прощения): «Шикаръной нъчьной ресторан с блядями и авантюрами — земная пирушка». В своих шифровках поэт поругивал друзей: Денис Давыдов у него «гусар, гуляка и врун», Грибоедов — «он мне мешал. Я и он — мука». Пострадал и нарисованный Пушкиным кот, на спине которого Чудинов узрел надпись: «Кот Георгий писает и какает мимо». По мнению нашего академика, на все эти пакостные шуточки классик тратил времени куда больше, чем на сочинение стихов.

На этом чудеса не кончаются. Оказывается, руницу знали и гении других стран, например, Вильям наш Шекспир или, по крайней мере, его издатели. В издании Джона Бенсона (1640) академик прочёл на гравированном портрете Шекспира немало русских надписей, включая такую: «Поэт и актёр и прочее, драматург — мистификация и крупная афера сарацин и корсар». Что это значит, понять трудно. Но можно пожелать Валерию Алексеевичу применить тот же метод при изучении рисунков других известных людей, а также памятников Азии, Африки и Америки — наверняка там найдётся немало русских надписей...

Кое-что в этом направлении уже сделано. Например, на фото мавзолея индийского падишаха Акбара (в книге — Акбер) Чудинов прочёл заветные слова: «Храм Макоши». Мавзолей, как известно, — погребальное сооружение, а Акбар умер в 1605 году. Выходит, в это время мусульмане Индии всё ещё были правоверными русскими язычниками! Много нового академик поведал и о древних народах. Например, об этрусках, которые не

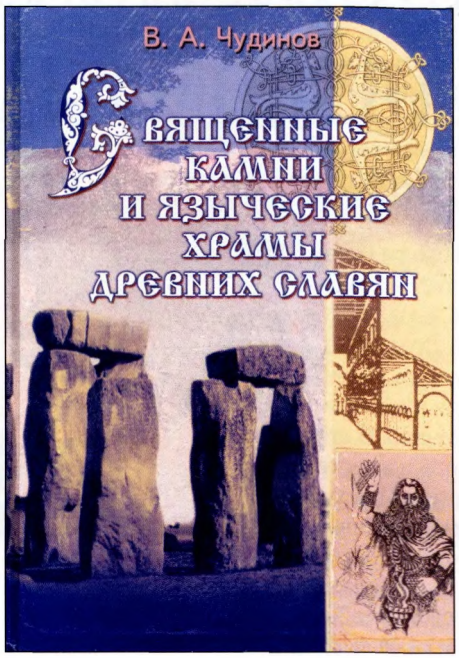
только говорили на вполне современном русском языке, но и усердно потребляли кокаин — очевидно, наладив его прямые поставки из Южной Америки. На этрусском зеркале примерно VII века до нашей эры автор увидел сцену излечения врачом двух наркоманов. Врач этот — москвич, как можно узнать из надписи «Рука Масквы», пациенты — этруски, а вот стоящий в сторонке наркодилер — чех. На голове у него надпись — «Само»: так звали чешского князя, жившего в VII веке (правда, нашей эры). Рядом надписи: «кока», «атрава» и «укол», из чего автор заключает, что «чехи предпочитали делать укол колючкой коки и выжимать в кровь сок из листьев». Однако Москва разрушила планы международных дельцов, что следует из надписи: «кидай атраву», то есть «покончил с наркоманией».

Дальше ехать некуда, решите вы — и ошибётесь. В своём научном поиске академик дошёл уже до палеолитических рисунков на стенах пещер Франции и Испании. И, конечно же, обнаружил там русские надписи, например, на мамонте — «мамонт», а на лошади — «дил». Эта охота на «коркодилов» сулит ещё много возможностей. Вот только выдержат ли мозги поклонников Чудинова, с восторгом внимающих его «эпохальным открытиям»?

ТРИНИТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Понятно, что расшифровки академика не вызвали энтузиазма среди историков. Сам он, правда, намекает на сочувственное отношение к своим идеям Б. А. Рыбакова и О. В. Творогова, что трудно доказать по причине смерти обоих учёных. Живые же относятся к нему сплошь негативно, что Чудинова обижает: «Что за перевёрнутый мир у этих эпиграфистов! Получается, что отсутствие чтения или чтение с ошибками выдаётся за науку, а правильное чтение — за фантазию! Отчего же их мир поставлен с ног на голову? Я хотя фантазёр, но правильно читаю и даю объяснения, тогда как «строгая наука» не делает ни того, ни другого. Но её ни в невежестве, ни в фантазиях не обвиняют. И такая двойная мораль существует потому, что эпиграфисты для РАН — свои, а я для них — чужой». Но дело не только в этом: многих учёных не устраивает вольность, с какой Чудинов интерпретирует результаты их исследований, их же при этом обвиняя в невежестве.

Нет у академика согласия и с коллегами по, так сказать, альтернативной эпиграфике. Первым пострадал его наставник — Геннадий Гриневич, внушивший Чудинову мысль о существовании славянского слогового письма. Почти все его расшифровки ученик вполне справедливо счёл фантастическими, за что получил упрёк в предательстве. Рассорился с ним и былой соратник Александр Асов: Чудинов обвинил его в неправильном прочтении «Влесовой книги», в подлинность которой он свято верит. С тех пор Асов зовёт его не иначе как «больным человеком», отмечая (тоже весьма справедливо): «Ранее Чудинов хоть буквы и руны пытался читать — как дилетант, конечно. Теперь же он читает «по-русски» трещинки на бивнях мамонта, штриховки разные на рисунках Пушкина и просто грязь на снимках». Рассорился академик и с Павлом Тулаевым — издателем журнала «Атеней» и пропагандистом русского язычества. Задумали вместе издавать книгу, потом что-то не заладилось, и, разумеется, дело кончилось взаимными обвинениями в научной и финансовой нечистоплотности. В кругу «альтернативщиков» такое случается нередко: фактов у них немного (даже учитывая придуманные), а интерпретации у каждого свои. Вот и происходят ссоры с хватанием друг друга за грудки и упрёками в нерусскости и непатриотизме.



Для укрепления своих позиций в подобных сварах академик ищет сторонников. Дистанцируясь от радикальных язычников-националистов, он заигрывал с представителями «северной традиции», искал Гиперборею с покойным Валерием Дёминым, а потом примкнул к недавно возникшей академии тринитаризма — общественной структуре, изучающей три источника... нет, не марксизма, а всего сущего. На практике тринитарии проповедуют причудливую смесь ноосферно-торсионно-уфологических идей с антиглобализмом и ксенофобией. Для Чудинова эта академия — неплохая трибуна для пропаганды своих идей, но гораздо больше он гордится присутствием в Российской академии наук. Не будучи историком, он каким-то образом стал председателем Комиссии по истории культуры древней и средневековой Руси (когда-то эту должность занимал Б. А. Рыбаков). В родной РАЕН он в 2005 году возглавил Институт древнеславянской и древнеевразийской цивилизации, правда, так и оставшись там единственным сотрудником ввиду нежелания серьёзных историков работать под его началом.

Однако титулы и должности сделали своё дело: Чудинов как специалист по древнерусской культуре читает лекции в нескольких вузах, ему посвящают телепрограммы, десяток его увесистых томов украшают полки книжных магазинов. В прошедшем году газета «Красная звезда» напечатала цикл интервью с академиком, всерьёз решив укреплять боевой дух нашей армии с помощью псевдоисторических толкований. С недавних пор Валерий Алексеевич излагает свои идеи на сайте http://chudinov.ru, вокруг которого группируются его адепты. В прессе он бодро заявляет: «В том, что наука пойдёт именно по тому пути, по которому я иду сейчас, у меня нет ни малейшего сомнения».

Что ж, подведём итоги. За время своих изысканий господину Чудинову удалось:

— привлечь внимание к малоизвестным и недооценённым историческим источникам или целым их группам (например, камням-следовикам);

— ещё раз отметить недостатки в изучении славянской эпиграфики: консерватизм, отсутствие новых подходов, объявление всех нечитаемых надписей «орнаментами» или «знаками собственности»;

— раскритиковать псевдонаучные теории Гриневича, Асова, Шилова и других «ревизоров» древней истории Руси.

Увы, все эти «положительные» результаты перевешиваются одним отрицательным: третируя традиционную историческую науку как сборище обскурантов и невежд, академик Чудинов, подобно многим своим собратьям-конкурентам, попытался заменить её собственными построениями, далёкими и от науки, и от здравого смысла. И пусть намерения у него благие, но ими вымощена дорога в ад исторического невежества для нашего общества, которому всё труднее внушить, что учёный может быть патриотом и при этом не выдумывать факты, не подделывать источники, не унижать другие народы, приписывая их памятники баснословным «русичам палеолита».

БОКАЛ БОРЖОМА ЗА УСПЕХ!

Тимур Шаов в гостях у «Родины»

Читающая (и слушающая) Россия знает Тимура Шаова как поэта, который великолепно чувствует не только плотность песенного русского стиха, но и тонкую нюансировку русской речи. Читающая (и слушающая) Россия числит Шаова в первом ряду русских бардов. Но читающая (и слушающая) Россия чувствует в Тимуре Султановиче ещё и кавказское начало. В этом соединении есть что-то остросовременное и вместе с тем тысячелетне-традиционное для России. Поэтому первая просьба к гостю — рассказать о корнях.

КОРНИ

Шаов: Родители мои — из Карачаево-Черкесии, но они разной национальности. Мама — ногайка, ногайцы — это тюркская народность, в родне есть и татары. Отец — черкес.

«Родина»: *То есть — мама мусульманка, отец — христианин?*

— Нет, отец тоже мусульманин, черкесы мусульмане — это результат турецкого этапа кавказской истории. К сожалению, среди самого старшего поколения я застал в живых только мать отца — бабушку по отцовской линии.

— *А по материнской — никого?*

— Никого. Но линия интересная. Дед мой был, как это иногда формулируют, просветитель ногайского народа. Он, можно сказать, основал ногайскую письменность на кириллице. Это произошло в начале прошлого века. Дед был светский учитель, собиратель фольклора, историк, писатель Абдул-Хамид Джанибеков.

— *Фамилия известная…*

— Да, сейчас уже по космической линии. Дело в том, что моя двоюродная сестра вышла замуж за космонавта, и он взял её фамилию.

— *Неисповедимы пути господни, непредсказуемы встречи… Деда, конечно, помнят на Северном Кавказе?*

— Очень хорошо помнят. В Ногайском районе Дагестана он увековечен, есть памятник, есть школа его имени, а в Астрахани…

— *Как, и в Астрахани?*

— Так дед-то родом из Астрахани, из астраханских ногайцев… В Астрахани есть дом-музей Джанибекова, и каждый год там проходят в его память Джанибековские чтения.

— *Вы принимаете в них участие?*

— Я — нет, и скажу почему. А мама — ездила, каждый год, вплоть до её кончины десять лет назад. И другие родичи ездили, это был, можно сказать, ещё семейный праздник.

— *А вы?*

— Я не был ни разу. Стыдно сказать, я считал, что мне неловко там появляться, потому что я не знаю ногайского языка, а кстати сказать, и черкесского…

— *Мама ногайскому не обучила? Кто она была по профессии?*

— Она была директором института… Он и сейчас есть, называется Институт гуманитарных исследований, а тогда назывался — Научно-исследовательский институт истории языка и литературы народов Карачаево-Черкесии. Мама была кандидат наук, окончила истфак МГУ, аспирантуру…

— *В какие годы?*

— В пятидесятые.

— *Значит, в семье ни ногайского, ни черкесского языка?*

— В семье говорили только по-русски.

— *И бабушка только по-русски?*

— Нет, бабушка по-черкесски. Но ко мне это уже не перешло… Так вот, о Джанибековских чтениях. Там часть докладов — на ногайском языке, мне непонятном…

— *Но часть — на русском?*

— Да. Но чувство неловкости мне всё-таки мешало. Может, один пример поможет… Я как-то видел потомков Льва Толстого, они приехали в Ясную Поляну почтить память своего пращура и — ни слова по-русски не понимали. Мне стало неловко за них, но и за себя тоже: я-то тоже родительские языки не удержал. А теперь подумал: чего стесняться? И на будущий год с братом вместе поеду в Астрахань. Восстановлю связь по материнской линии.

— *А теперь — про отцовскую, пожалуйста.*

— Про эту линию мы много в семье выясняли и даже фамилию пытались истолковать: «шауа» — это по-черкесски молодой человек… Но если говорить о стариках, то дальше прадеда я никого не знаю. Но прадед был человек интересный. Имел четыре жены, что разрешалось по Корану, и все четыре — разных национальностей: карачаевка, абазинка, русская и черкешенка.

— *Интернационал…*

— От всех, кроме карачаевки, есть потомки. Так что родственники у меня — и русские, и горские…

— *А степные? Ногайцы-то степняки.*

— И степные. В общем, интернационал. На уровне прадедов.

— *А на уровне дедов?*

— На уровне деда-черкеса — «чистка». Деда репрессировали в 1932 году.

— *За что?*

— За то, что в Гражданскую войну служил у Деникина. Русский офицер!

— *А потом в Деникине разочаровался?*

— Разочаровался или не разочаровался, не знаю, но домой его после той войны явно потянуло. Он вернулся. Шашку привёз на память, но так боялся, что эту шашку найдут, что держал её в подвале. До начала 1930-х годов его не трогали. После его ареста бабушку с четырьмя детьми исключили из колхоза, они стали «лишенцами». Реабилитировали его уже в послесталинское время, реабилитацией занимался его сын, мой отец…

— *А кем был ваш отец?*

— Отец закончил Политех в Харькове, стал инженером, рационализатором, изобретателем.

— *Где? В Харькове?*

— Нет, в Черкесске. Где я и родился, когда пришло время.

— *В это время город уже не переименовывали? В известную эпоху он побывал ещё и Ежово-Черкесском…*

— И Сулимовым какое-то время. А в корне — Баталпашинск. По станице Баталпашинской. Потом станица стала городом. Так что я уже по рождению го-

родской житель. С горскими и степными корнями.

— Какой же в итоге менталитет? Горский? Степной?

— Я так скажу, что по менталитету я русский человек. Хотя корни свои чувствую. Я по культуре — русский. По языку.

— По стихам и песням?

— Да. По песням.

ПЕСНИ

— Когда вы написали первую из них?

— В школе. Под влиянием Андрея Макаревича и Владимира Высоцкого.

— А кроме них кто ещё влиял?

— Никто. В Черкесске только этих и знали. Ну, ещё Окуджаву. Ни Анчарова, ни Визбора, ни Галича — их записей не было вообще. С записями Галича я познакомился уже в Ставрополе, в институте, в 1980-е годы. Он встал у меня сразу рядом с Высоцким. И даже чуть потеснил Окуджаву, которого я изначально обожал. Не задаваясь вопросом, почему. И только потом понял: меня завораживала в песнях Окуджавы простота. Заманчивая и обманчивая простота — такая, что послушал его и тотчас сел писать… а не тут-то было!

— Но ведь нашли вы свою интонацию и свою дорожку в бардовском поле… Звуковую дорожку, скажем так? Как это произошло?

— А я до сих пор, честно говоря, воспринимаю всё, что произошло, с чувством лёгкого удивления. Самоирония помогает, но комплекс неполноценности при мне. Я лишний раз лучше не выступлю, чем выступлю. Люди приходят, слушают. Но я себя поэтом не считаю. Это я без всякого кокетства говорю. Поэтов я читаю, но поэзия и то, что я делаю, это всё-таки разные вещи. Есть стихи, которые пишутся для чтения, а есть тексты, которые поются, это совершенно другая интонация, другая подача.

— А ваше первое выступление можете вспомнить?

— Оно было не в бардовском жанре. А в жанре, который рождался в недрах так называемых ВИА: было такое музыкальное явление в позднесоветскую эпоху. «Вокально-инструментальный ансамбль». Мы играли на танцах…

— И только?

— Не только, конечно. И «Битлов» играли, и «Машину времени».

— А гитарой где овладели?

— В музучилище, куда ходил на педпрактику. Лет с тринадцати гитарой занимался. Нашёлся друг, который знал на пять аккордов больше, — показал их мне.

— А из отечественных авторов кого пели?

— Высоцкого.

— Перед школьниками?

— Перед школьниками, потом перед студентами. Что называется, перед своими. Писали не для широкой аудитории, а для друзей. Так что к каждому празднику друзья ждали от меня чего-то нового. Чего-нибудь ко дню рождения. Может быть, поэтому и стилистика определилась такая, шутливая.

— И оказалась востребована не в узком кругу друзей, а в широком контексте русской песенной культуры? Не задумывались, почему?

— Нет. Просто пел, и всё.

— На одном из концертов вы сказали, что на сцене валяете дурака и надеетесь валять дальше. Это сказано всерьёз? Есть такой жанр: человек шутит, будто он шутит, а на самом деле прячет сокровенное. Ваши лирические стихи о родных ущельях, они же отнюдь не в шутливой интонации — там проникновенный лиризм. Как эти две стихии уживаются в вашем искусстве? Параллельно?

— Да, пожалуй, параллельно. Да надо же учесть моё состояние: молодой человек подвержен влияниям. Послушал Розенбаума и тотчас написал «Дорожную песню»…

— Казачью?

— Псевдоказачью-псевдонародную.

— А Большой Кубанский хор как исполнял эту песню — как псевдонародную? Как псевдоказачью?

— Я этим вопросом не задавался.

— В таком случае я задам вопрос в более широком контексте. Та капля живительного яда, которая чувствуется в ваших песнях, — она необходима для того, чтобы переживание не растворилось в сентиментальности? Русскому духу нужна скоморошина…

— Совершенно верно.

— А что такое русский дух?

РУССКАЯ СКОМОРОШИНА И ГОРСКАЯ ЭТИКА

— Русский дух вы как воспринимаете — изнутри или немного извне? Как человек, выросший в поле русской культуры и вместе с тем как бы выросший в неё с южного края? Есть ведь разница меж краями?

— Есть. Вот вы сказали о сентиментальности. Так я её не то что лишён — я её прячу. Это черта горской этики. Сдержанность чувств. Я не скажу жене лишний раз, что я её люблю. У нас это не принято. У нас, у горцев, проявить нежность к ребёнку, взять на руки маленького сына не принято, по крайней мере, при посторонних. Он — мужчина! Какая уж там сентиментальность! Поэтому моих чисто лирических песен я немножко стыжусь. Говоря, что «Дорожная песня» псевдонародна, я так защищаюсь.

— А слушатели как её воспринимают?

— А один из них слушал-слушал, а потом спрашивает: «Когда ж прикол-то будет?»

— Воспитали вы себе слушателей… Но вот вопрос: как оценить эти новые приколы? Как они соотносятся с традицией бардовской песни? Чувствуется ли традиция? Как развивается бардовская песня?

— Бардовская песня развивается, я бы сказал, от фестиваля к фестивалю. Поедешь на Грушинский или на Домбайский, послушаешь, что туда привезли, и чувствуешь, куда идёт бардовская культура. Конечно, она за эти десятилетия поменялась.

— Как именно?

— В музыкальную дорожку привносятся новые ноты: от блюза, от рока. Это очень характерно для молодёжи. И важно для профессионалов. Есть сейчас профессиональная бардовская песня, которая звучит с высоких подмостков, например, в концертном зале «Россия», и есть то, что поют у костра, — это совершенно разные вещи! У костра не требуется виртуозность, у костра требуется искренность.

— А поют ещё у костров или уже нет?

— Поют!

— Что поют?

— «Милая моя, солнышко лесное, где, в каких краях встретимся с тобою?» Я всё боюсь, что надоест… Нет, поют! Те же самые люди, что на концертах! Он выходит на фестивальную сцену и исполняет нечто блюзовое, а потом идёт к костру и — «Милая моя…»

— Но ведь это всё старое…

— Ничуть не старое! Для новых поколений оно новое!

— Значит, какая-то константа остаётся, мелодия, подхватываемая новыми поколениями?

— Конечно. Так что слухи об угасании бардовской песни сильно преувеличены. Можно сейчас приехать на фестиваль и увидеть огромное количество молодых людей. Бардовская песня — это ж самый демократичный жанр! Этого же нигде в мире нет!

— Как нигде в мире? А карнавалы латиноамериканские?

— Это не бардовское. Ну, вариант… по каким-то там внешним признакам. Не больше.

— А пляжные поэтические фестивали в Средиземноморье?

— Совсем другое. Бардовская песня — только у нас. Она демократична! Нужна гитара за какие-нибудь 1500 рублей — и вперёд!

— А не за 50?

— Семь пятьдесят стоила когда-то моя первая гитара.

— А блюз или рок, включённые в бардовский мелодизм, не меняют жанра?

— Да это ж всего только ответ молодёжным вкусам. Молодёжи нравится — и хорошо.

— А что сегодня молодёжи нравится? Вашим детям..?

— Их трое.

— Что они любят?

— Старший сын любит рок. Он барабанщик. Барабанщиков в бардовской песне не бывает (*смеётся*). Но вкус у молодых хороший. Полной ерунды они не слушают.

НОСИТЕЛИ И РАЗНОСЧИКИ

— К вопросу о полной ерунде: включаешь телевизор и выдерживаешь три минуты...

— Я выключаю сразу, никаких трёх минут.

— Там двадцать пять каналов, и везде одно и то же... Откуда такое?

— Но это же легко воспринимается. Это легче, чем Жванецкого слушать. Мне одна слушательница сказала: «Зачем вы поёте так быстро? Нельзя ли помедленнее? Я не успеваю соображать». Если юмор ниже пояса, все всё успевают. Думать не надо. То же и с музыкой.

— А чем объяснить перемену от прежней культуры ТВ к нынешней?

— Деньги.

— Как... и только?

— Да вы представляете себе, какие огромные деньги там крутятся? Ведь стоит где-то наметиться малейшему успеху, какая-то программа, особенно если это что-то хорошее, тотчас все бросаются — на запах! — и выжимают это до такой степени, что остаётся полное дерьмо и макуха. Вот, например, «Комеди-клаб». Меня туда както пригласили, мой продюсер сказал, что открывается кабаре, и тогда я отказался: кабаре — не мой вариант. А потом посмотрел первую их передачу и подумал, что зря отказался. Интересно начали! А теперь если смотрю, то говорю спасибо моему администратору. Это действительно «кабаре».

— Но с чем связаны такие поветрия? С характером народа?

— Очень трудно понять, что же такое сейчас с культурой народа произошло, откуда всё это. Я подозреваю, что наше мнение о народе сильно завышено. Чересчур благостно. Мол, народ — носитель культуры. А на самом деле не народ — носитель культуры. А носители — кто?

— Как сказал Юрий Шевчук, есть носители и есть разносчики.

(*Общий смех.*)

— А Алёна Свиридова сказала, что у нас не спрос рождает предложение, а наоборот, предложение рождает спрос. Провоцирует. Вот сидит перед ящиком моя дочь, слушает всё это и не знает, что есть что-то другое. Слава богу, у неё хороший иммунитет, она Хармса любит. Она сейчас по Хармсу какую-то работу пишет.

— А вы Хармса прошли в своё время?

— Конечно. Я-то и приохотил к Хармсу и старшего сына, и дочь.

— А когда к Хармсу повернулись?

— Как только узнал. В студенчестве. К Хармсу, Олейникову, обериутам, Заболоцкому. Это же бриллианты!

— В советскую эпоху всё-таки в системе культуры были фильтры, которые самое низменное отсекали. И самое высокое заодно. Оставалось средне-серо-статистическое...Может, опять худсоветы пора ввести?

— А где граница самодурства худсоветов? Сейчас их лучше не возрождать. Но с другой стороны... Мы с моими коллегами-музыкантами недавно включили ТВ, там шёл концерт из цикла «Песня года» — 1976-й. Мы с таким наслаждением это смотрели! Какой мелодизм! Нас совершенно не задевала идеология, но какая тогда была профессиональность! А теперь... включаю для детей мультик и жду, не донесётся ли из мультика что-нибудь матерное. Конечно, хорошо бы это всё фильтровать, но ведь у нас же всё качнётся в другую крайность, по закону маятника! А что делать? Это же снизу идёт.

— Дебилизация общественного сознания идёт не только с низов, когда «пипл хавает», но и от сознательной политики наших телеканалов — чтобы этот «пипл» был поспокойнее... И ещё это дополняется глобальной дебилизацией...

— Что-то с разговора о культуре мы уже переходим на политику... Я не против политики, но, как писал Иосиф Бродский, «дурная политика портит нравы, а это уже по нашей части». А чтобы улучшить нравы, надо для начала вернуться к свободе слова. Вернуться к правовому государству. А главное препятствие на этом пути — телевидение. Это сейчас основной источник информации. Особенно для молодёжи. Наши нравы портить уже поздно. А вот моих детей испортить можно. Читают-то мало! Интернет и телевидение — всё. Ну, Интернету я даже рад. Они там переписываются, от этого улучшается стиль. А ТВ стиль портит. Звёзды, цирк, циркачки... это чтобы 25-й кадр туда проваливался, который незаметно действует на «пипл».

— Что же дальше?

— Я вообще оптимист. Но на вопрос «что делать?» отвечать не берусь. Тут я толстовец: каждый человек должен сам решать, что ему делать. Правда, ещё вопрос: а не подсунуть ли ему, молодому человеку, кассету с Тарковским? Я дочери подсунул, когда ей исполнилось 15 лет.

— Что именно?

— «Андрея Рублёва». Посмотрели мы с ней, обсудили, кое-что я ей рассказал. Так что не надо ждать, пока придёт хороший президент, поставит хорошего руководителя на ТВ и тот покажет нам хорошие фильмы, надо самим действовать. Быть носителями, а не разносчиками...

ЕСЛИ ДУРАКОВ ЗАМЕНИТЬ УМНЫМИ...

— Вернёмся к разговору о перспективах диалога разных культур в рамках общероссийской культуры. Христианство, ислам...

— У меня жена христианка. Хотела старшего сына покрестить, я сказал: «Подожди, вырастет — сам решит, креститься или нет». Тем временем решила дочь: «Хочу». Окрестили и её, и младшую дочь тоже, я махнул рукой: «Ну, если маме так хочется...»

— Не жалеете, что дочери отошли от ислама, — это же огромная культурная традиция...

— Я должен сказать, что, к сожалению, у меня нет такого исламского менталитета, хотя корни свои я помню. Я — «дитя русификации», и это уже не изменить.

— Потому-то я и задаю вам вопрос о будущем российской культуры: куда мы идём?

— Мы теряем свою самость. Берём от Европы самое плохое. Мы не берём оттуда уважение к индивидуальности, а берём их отстранённость, некоторую холодность...

— И в Америке то же самое?

— Нет, Америка больше на нас похожа, там полно такого же раздолбайства, как у нас. Правда, и запас прочности там очень хороший.

— Может, на Юге чему-нибудь поучиться?

— Не знаю. Надо самими собой оставаться.

— Всё же вопрос вам как человеку, помнящему свои корни: возможен ли симбиоз христианства и ислама и может ли Россия стать таким местом встречи?

— Да, если будет на то Божье благоволение. Но надо для начала убрать радикализм с обеих сторон...

— А есть опыт сосуществования?

— Есть. Положительный! В царские времена, когда все цветы расцветали без прополки.

— А советская власть разве не делала то же самое, провозглашая дружбу народов?

— Нет, что вы! При советской власти делалось совсем другое. Когда чертят карандашом и говорят: вот тут будет Черкесия, а тут Карачай, а там Кабарда, а там Балкария, то это всегда приводит к тому, к чему и привело. Царизм этого не делал, не рисовал границы карандашом. Не было такой глупости.

— Вы думаете, что при советской власти эти границы нарисовали только от глупости?

— От глупости! От идиотизма и необразованности! Вот уж где роль личностей в истории оказалась определяющей.

— Если дураков во власти заменить умными, легче будет?

— Будет. Я оптимист. Исторический оптимист.

ГИЛЬЗА В ПОДАРОК

— Вопрос оптимисту: что у нас с Грузией будет дальше?

— О, Грузия — это моя тема. У меня ведь жена не только христианка. Она грузинка. Из Абхазии.

— Абхазка?

— Нет! Грузинка из Абхазии.

— Как же она... как же вы пережили девяносто второй год, грузино-абхазскую войну?

— Я их отвёз к её родителям в Абхазию. Жена беременна вторым ребёнком, с нею маленький сын. Сам я уехал домой в Черкесск, к маме, которая умирала. И тут начинается война. Я черкес, жена грузинка. Звоню туда, в телефонной трубке слышу разрывы. Жена говорит: «Надо уходить в Гагры, но не знаю как: пути перекрыты чеченцами, которые на стороне абхазов...»

— Там и Басаев начинал свой боевой путь...

— Да-да, именно там. На стороне, можно сказать, федералов. Между прочим, и черкесы поддержали абхазов. Мы же родственные народы, адыги... Так что та война прошлась прямо по моей семье.

— Как же ваши близкие добрались тогда до Гагр?

— По пляжу. Им сказали: «Пляжи заминированы, идите по воде». Вот они по воде и пошли: беременная жена моя и наш сын. Девять километров. Дошли до Гагр, оттуда и уехали в Россию. Четырёхлетний сын привёз мне в подарок гильзу, подобранную на пляже.

— Неисповедимы пути господни, а тем более человеческие. Как же нам теперь быть с людьми, чьи сердца разорваны?

— Конкретно я выхода не вижу. То есть в человеческом сердце выход один: излить страдание в песне. А вот выхода из внешней ситуации, выхода в геополитическом аспекте я для России и Грузии не вижу. Отрезано. Через сто лет, может быть, залечится. Только ... «жить в эту пору прекрасную уж не придётся ни мне, ни тебе...»

ОТРЕЗАНО ЛИ?

— А с братьями-славянами как? Тоже отрезано?

— У меня на Украине было в самую «оранжевую» пору два подряд концерта: в Донецке и в Киеве. Пел одно и то же. Но по запискам чувствовал, что аудитории в зоне «голубой» и в зоне «оранжевой» настроены диаметрально противоположно. Однако почувствовал, что у людей есть ощущение, что от них что-то зависит. У нас на Северном Кавказе это ощущение утрачено. Так что я украинцам завидую. Я думаю, они найдут выход.

— Теперь полегче стало пересекать русско-украинскую границу?

— Вы имеете в виду мою песню на таможенную тему? В 2001 году я её боялся там петь, но песня прошла на ура: украинцев на границе шмонали не хуже, чем россиян, и они от той моей песни пришли в восторг. А когда я её решил спеть в прошлом году там же, в Украине, то песню встретили ледяным молчанием, и я думаю, меня за неё побили бы, если бы не старая любовь ко мне постоянных слушателей.

— С тех пор этой темы не касались?

— Нет, отчего же. Написал песню «Боржом»...

— Поднимем же бокал боржома за успех нашего безнадёжного дела!

Записал Лев АННИНСКИЙ
при участии Юрия БОРИСЁНКА

Тимур ШАОВ
Боржом и дружба народов

Исчез боржом, он, как Ясон, покинул нас.
Нарушен мой кислотно-щелочной баланс.
И вот теперь болят желудок и душа,
Хочу узнать: кому баланс мой помешал?
Мне говорил знакомый друг грузин Реваз:
«В Тбилиси пишут, что плохи дела у вас».
А я сказал: «А наша пресса донесла,
Что на холмах Грузии лежит ночная мгла!»

Пишут, вы за рубежом — нам враги. Я поражён!
Пишут, будто к нам грузины шлют неправильный боржом!
Дескать, стали проверять, спирт боржомом разбавлять,
Санитарный врач загнулся, и решили : «Не пущать!»
И сказали нам: «Шабаш! Лучше кушайте лаваш!
А взамен боржома пейте наш C_2H_5OH!»

Боржом! Разве вкус твой хуже вкуса пепсикольного?
Боржом! Что ж там химики нашли в тебе крамольного?

Ещё сказал знакомый друг грузин Реваз:
«Вы, россияне, цены ломите за газ».
А я сказал: «Кто — я ломлю? Вай, дорогой!
Бери мой газ, прям вместе с газовой плитой!»
Ну что тут скажешь? А тут скажешь только «вах!».
Свихнулось что-то в наших мудрых головах.
Хохлы, жиды, кавказцы, чурки, москали —
Ну, что, ребятушки, свободы огребли?

Пишут, внешний враг хитёр! Он коварный экспортёр.
И у нас от их товара — аллергия и запор!
Кто ответит, чья вина? Ищет крайнего страна,
Я спрошу с жены-грузинки: явки, шифры, имена!
Да ещё родимый сын на две четверти грузин,
Плюс две дочки. Обложили! Сыпят в воду мне стрихнин!

Представьте: рай, красоты, ангелы поют,
В беседке Пушкин с Руставели чачу пьют.
Как выпьют, вниз кричат, раздвинув облака:
«Эй, там, на шхуне! Не валяйте дурака!»
В раю неважно — русский, чукча, армянин,
Рай, он ведь, как СССР, на всех один.
А в центре там фонтан огромный сооружён.
Не Церетели. Но в фонтане бьёт боржом!

Боржом! Широко известна марка легендарная!
Боржом! Так о чём же плачет служба санитарная?

Я мыслю, дело не в кавказцах, москалях,
Сдаётся мне, что здесь всё дело в дураках.
Их дураки, а также дураки у нас
Ещё покажут нам дурацкий мастер-класс.
Я съем хинкали и горячий хачапур.
Живу, как бог, на перекрёстке двух культур!
Запью украинской горилкой шашлыки,
Пока её не запретили дураки!

СПАСЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ — НАША МИССИЯ

На наши вопросы отвечает председатель «Российской Ассоциации Реставраторов» Артём Михайлович Новиков.

— «Российская Ассоциация Реставраторов» («Росрегионреставрация») — крупнейшее в России профессиональное объединение. В каких регионах России сегодня существуют её филиалы?

— Мы подписали соглашения о сотрудничестве в области охраны культурного наследия и развития реставрации с Комитетом по культуре Брянской области, с Департаментом культуры и искусства Кировской области, с Комитетом по культуре администрации Волгоградской области, с администрацией Костромской области, Службой по охране и использованию объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа, с Департаментом по культуре и искусству Оренбургской области и Комитетом по культуре и искусству Мурманской области. В Республике Карелия работаем с Республиканским центром по государственной охране объектов культурного наследия.

В 2007 году были открыты филиалы «Росрегионреставрация» в Центральном федеральном округе, Калининградской и Нижегородской областях; представительства — в Астраханской, Иркутской и Псковской областях. В этом году планируем открыть филиалы в Ростове-на-Дону, Саратове, Волгограде.

— Как складываются отношения между петербургской и московской школами реставрации?

— Причин для конфликтов у нас нет. Подходы к реставрации памятников культуры одинаковые. У нас есть общие регионы работы: Новгородская, Нижегородская, Астраханская области. Нас объединяет общая цель — сохранение культурного наследия России. В Москве успешно работает филиал Ассоциации по ЦФО.

— «Росрегионреставрация» провела два конкурса на лучшую реставрацию объектов культурно-исторического наследия в Санкт-Петербурге. Каковы основные критерии оценки при отборе лучших мастеров?

— Хочу заметить, что проводим мы его совместно с СПб ГУ «Центр контроля качества товаров, работ и услуг» под патронажем правительства Санкт-Петербурга в системе конкурсов по качеству «Сделано в Санкт-Петербурге».

В 2007 году победителями стали ООО «Реставрационная мастерская «Наследие», ООО «Карэ», ЗАО РПНЦ «Специалист»; лауреатами — ООО «Левкас», ООО «Пассим», ООО «Веста-2С», ЗАО «Пикалов и сын».

Критериями оценки при отборе заявок в первую очередь являлись: проведение реставрации памятника наиболее прогрессивными организационными методами; соответствие выполненных работ проектной документации; соблюдение установленных сроков реставрации, исполнительской сметы на производство работ, правил технической безопасности при проведении работ; наличие молодых специалистов на производстве.

Во время конкурсов происходит налаживание деловых контактов, продвижение продукции на внешние рынки, а главное — с продукцией конкурсантов знакомятся горожане.

— Заключены ли соглашения между Ассоциацией и Московской патриархией, епархиями Русской православной церкви?

— Ассоциация и Санкт-Петербургская епархия Русской православной церкви создали общественную комиссию по обеспечению сохранения объектов культурного наследия религиозного назначения, находящихся в пользовании епархии и её канонических подразделений. Подобное соглашение есть и с Нижегородской епархией.

Комиссия составляет и рассматривает заявки на финансирование и проведение проектных и ремонтно-реставрационных работ, проверяет их качество. Такие комиссии будут созданы и в региональных представительствах «Росрегионреставрации».

— Ассоциация имеет контакты с профессиональными сообществами реставраторов в других государствах. Какие возможности эти контакты открывают для российской реставрационной школы?

— Мы подписали соглашения о сотрудничестве с Государственным центром по охране и реставрации памятников культуры Республики Венгрия и Ассоциацией продвижения ремёсел центрального Массифа (Франция), Гильдией мастеров Франции. Это очень важный аспект деятельности «Росрегионреставрация». Ведь работая на объектах с зарубежными коллегами, посещая международные выставки, реставраторы получают современные знания в области реставрации.

— Полезны ли контакты с ассоциациями реставраторов Европы для выработки отечественных стандартов реставрации?

— Результат международных контактов — это адаптирование европейских достижений в области реставрации для российских объектов, обмен опытом и знаниями.

Уже второй год идёт совместная работа «Росрегионреставрации» и парижского бюро архитектурной мастерской «X. Fabre/Speller» над проектом реконструкции и реставрации Тверского областного академического театра драмы. Объект непростой, при реконструкции нужно учитывать как аспекты охраны историко-культурного наследия, так и современные требования к оформлению театров. Международное сотрудничество особенно полезно на объектах, имеющих сложную архитектурную историю.

— Каковы итоги проведения мониторинга инвентаризации объектов культурного наследия в 2007 году? Какие объекты требуют срочных ремонтно-реставрационных работ?

— Мониторинг выявил памятники, находящиеся в хорошем состоянии, например, церковь Спаса Нерукотворного на территории усадьбы Рябово. Здание занято под церковный приход и отреставрировано. В хорошем состоянии находится усадьба барона Л. Г. Николаи Монрепо под Выборгом благодаря регулярно проводимым реставрационным работам.

Порадовало состояние дворцово-паркового комплекса Приорат в Гатчине. Павильон Венеры в дворцово-парковом комплексе в Гатчине — красивейший памятник классицизма, здание крепкое, однако нуждается в реставрационных работах. Усадьба А. П. и Г. А. Ганнибалов в посёлке Суйда знаменита тем, что в 1759–1805 годах в ней жили родители и сёстры А. С. Пушкина. Она находится в хорошем состоянии, однако в помещении располагается администрация посёлка, поэтому многие экспонаты музея находятся в кладовых.

Многие объекты требуют срочного вмешательства реставраторов. Это усадьбы А. Г. Демидова в Больших Тайцах, Н. Е. Ефремова, И. В. Рукавишникова — единственное деревянное здание эпохи классицизма на территории Ленинградской области. На территории архитектурно-дворцового ансамбля Ропша когда-то была резиденция Петра II и дом Фаберже, однако сейчас этот объект требует особого внимания реставраторов. Есть и утерянные памятники, например, усадьба Зиновьева XIX века и усадьба Батово — имение матери поэта-декабриста К. Ф. Рылеева.

ХРАНИМ ПРОШЛОЕ, ТВОРИМ БУДУЩЕЕ

Оренбургская область — наследница многовековой истории Южного Приуралья. Медные рудники «Каргалы» бронзового века, курганы и белокаменные бабы кочевых племён, курени и церкви казачьих поселений, торговые комплексы, мельницы и доходные дома купцов — всё это материальные носители многослойной памяти об эпохах, культурах и людях. Прекрасные усадебные комплексы, расположенные в заповедных уголках лесостепного края, хранят память об Аксаковых, Державиных, Рычковых, Стобеусовых, Чистозвоновых, Звенигородских.

Многонациональный народ Оренбуржья построил храмы и монастыри (среди которых есть и пещерный), мечети и медресе, придающие незабываемый колорит его поселениям.

С храмов началось моё знакомство с родным краем 20 лет назад. Оказалось, что я, молодой преподаватель архитектуры, практически не знал её местных особенностей. Поиск церквей, сохранившихся после двух волн закрытий и разрушений, изучение их, обмеры, архивная работа оказались настолько увлекательными, что захватили полностью на всю оставшуюся жизнь. Набранный материал стал базой и логически подвёл к проектированию восстанавливаемых святынь, что стало возможным в начале 1990-х годов. Появился новый заказчик — настоятель русского православного прихода.

Таким образом, рождение «Научно-производственного предприятия РОНА» совпало с процессом духовного, религиозного возрождения русского народа.

Сегодня организация осуществляет полный комплекс исследовательских и проектных работ на памятниках истории и культуры. По проектам ООО «НПП РОНА» восстановлены, восстанавливаются, строятся и реставрируются более 40 православных храмов. Среди них памятник архитектуры федерального значения — церковь Спаса в селе Спасском, Екатерининская церковь в селе Тугустемир, кафедральный собор в честь Казанской иконы Божьей Матери и Введенская церковь на набережной (в Оренбурге), Троицкий храм и колокольня в Свято-Троицкой обители милосердия (Саракташ), комплекс Преображенской церкви (Орск), церковь Михаила Архангела (Сорочинск), церкви в сёлах Шарлык, Караванное, Переволоцк, Новосергиевка, Пономарёвка, Акбулак…

Из объектов историко-культурного наследия гражданского назначения: комплекс Гостиного двора, Дворянское собрание, Гауптвахта; комплекс Караван-Сарай в Оренбурге, медеплавильный завод XVIII века в селе Воскресенское (Башкортостан), Оренбургский драматический и Татарский театры.

Завершается работа над проектом охранных зон исторического центра Оренбурга.

Организация непрерывно работает над улучшением качества принимаемых архитектурных, конструктивных и технологических решений. Создана система контроля качества, формируется современная многоуровневая система менеджмента, ведётся работа по подготовке к сертификации соответствия ГОСТ Р ИСО 9001-2001. Рабочие места оборудованы современной компьютерной техникой с лицензированным программным обеспечением. Сотрудники фирмы постоянно повышают квалификацию в ведущих организациях страны. Проводится набор перспективных студентов оренбургских вузов. За последние два года численность работников организации выросла более чем вдвое и достигла 70 человек.

Стабильности в работе организации помогает её многопрофильность. По программе Министерства культуры РФ и заявкам владельцев объектов недвижимого наследия архитектор-реставратор В. О. Швец, инженер С. Ю. Кудинов и архитектор А. Д. Кириченко проводят паспортизацию памятников истории и культуры, составляют акты их технического состояния. Проводится экспертиза программ хозяйственной деятельности, влияющей на недвижимое наследие.

Проектирование вновь строящихся объектов в исторической среде — сложное, но вместе с тем очень интересное направление. Оренбург, Орск, Бузулук, Бугуруслан сохранили не только интересные архитектурные памятники, но и дух исторических поселений — одно-, двухэтажные постройки с богатым лепным декором и каменной выкладкой, деревянной резьбой дверей и ковано-литым узорочьем решёток и козырьков. Смогут ли они выжить в процессе всевозможных приспособлений, когда рыночная стоимость земли под зданием дороже его самого, сегодня уверенно утверждать нельзя. Нужна широкая пропаганда, мощное общественное мнение и, конечно, профессиональный подход в проектировании.

Последний объект нашей работы этого направления — реконструкция комплекса областной научной библиотеки им. Крупской, состоящего из купеческих зданий и нового книгохранилища на 1,5 миллиона единиц хранения. Авторам — архитекторам А.Н. Гоношилину и О. С. Репях, на мой взгляд, удалось деликатно вписать в историческую ткань городского центра объёмное шестиэтажное здание.

Проект реставрации Екатерининской церкви в с. Тугустемир.

За 17 лет своего существования организация и её сотрудники неоднократно награждались дипломами всероссийских и региональных выставок архитектурного творчества, дипломами, почётными грамотами и благодарственными письмами. По результатам 2005 и 2007 года ООО «НПП РОНА» признана лидером экономики Оренбургской области в номинации «Проектные организации».

Предприятие в 2006 году было принято в Оренбургский союз промышленников и предпринимателей, в 2007-м — в Российский союз реставраторов. Цеховая поддержка, плечо соратников ощутимо помогает нам на нелёгком поприще реставрации.

С праздником, коллеги! Творческих вам успехов и просвещённых заказчиков!

Юрий ГРИГОРЬЕВ,
директор ООО «НПП РОНА»,
член Союза архитекторов России,
архитектор-реставратор I категории

460000, г. Оренбург,
ул. Кобозева, д. 32.
Тел./факс (3532) 94-42-47, 58-34-84.
E-mail: npp-rona@yandex.ru

Троицкий храм в Свято-Троицкой обители милосердия.
Саракташ.

Церковь Михаила Архангела.
Сорочинск.

А. А. Дейнека.
Окраина Москвы. Ноябрь 1941 года. 1941 г.

Андрей ***СМИРНОВ,***
кандидат исторических наук

НАСТУПЛЕНИЕ РАДИ НАСТУПЛЕНИЯ

О записках генерала Иллариона Толконюка

С таким источником по истории Великой Отечественной, как вышедшие в 2005 году в издательстве «Троица» воспоминания генерал-лейтенанта Иллариона Авксентьевича Толконюка[1] (1913–1995), исследователи, кажется, ещё не сталкивались. Написанные, как видно из текста, ещё в советское время, между 1971 и 1991 годами (скорее всего, в 1970-е), они абсолютно не похожи на издававшиеся тогда во множестве мемуары советских фронтовиков, и отнюдь не только потому, что, не будучи изданы в то время, не были выхолощены цензурой и литобработчиками, превращавшими любые воспоминания в неотличимые один от другого материалы «Блокнота агитатора». Переделке записки Толконюка просто не подлежали — фактов и суждений, «неудобных» для официальной советской версии истории войны, в них столько, что на основе их одних можно выстроить другую версию, с официальной не имеющую ничего общего.

Полковник И. А. Толконюк.

При этом автор был отнюдь не диссидентом, как генерал-майор П. Г. Григоренко, а убеждённым коммунистом, который и сам иной раз спохватывался, что пишет что-то не то — что-то «очерняющее» или «недооценивающее»; спохватывался и включал пресловутый «внутренний редактор»: спешил, например, заверить читателя, что слухи о хамс-

тве и самодурстве известного генерала В. Н. Гордова «сильно и несправедливо преувеличены» (с. 264). Однако дальше приводились такие факты о Гордове, что слухи впору было назвать преуменьшенными, но надо же как-то поддержать авторитет лица, «облечённого доверием партии и правительства»... Подозрительны и рассказы про то, как начальник штаба 19-й армии в Смоленском сражении комбриг В. Ф. Малышкин «с подчинёнными разговаривал только криком, с угрозами, матерщиной и оскорблениями» (с. 158, 161–162). По словам хорошо знавшего Малышкина русского эмигранта Д. А. Левицкого, тот «производил впечатление человека очень мягкого и интеллигентного, совершенно не похожего на военного»[2], но советскому мемуаристу здесь с чёрной краской не грех и переборщить: попав в октябре 1941-го в плен, генерал-майор Малышкин стал одним из ближайших сподвижников Власова...

Но прежде всего Илларион Авксентьевич был человеком с большим здравым смыслом и обострённым чувством справедливости, побуждавшими его выполнять свой долг «как учили», по всем правилам, служа делу, а не лицам и отказываясь мириться с глупостью. Вдобавок — и это отличает его от абсолютного большинства советских военных тех лет — он обладал хорошим общим развитием: в Киевскую артиллерийскую школу в 1933-м пришёл, уже будучи студентом вуза, и, пока его малограмотные однокашники вникали на занятиях в то, что он схватывал на лету, успел прочитать 101 роман. Заметим, что лейтенантам, окончившим в том же, что и Толконюк, 1936 году 2-ю Ленинградскую артиллерийскую школу, «минимум художественной литературы, обязательный даже для младшего командира», не был известен «даже на 50%»[3]). А человек с широким кругозором привыкает иметь по очень и очень многим вопросам собственное мнение и не спешит мириться с глупостью, даже если она имеет силу приказа начальника. (Читавшим «Цусиму» этот тип полуинтеллигента или интеллигента в первом поколении, взыскующего правды и позитивного знания, должен быть хорошо знаком по личности самого А. С. Новикова-Прибоя, точнее, баталёра Алексея Новикова). Так что удивляться нелицеприятному изображению советской действительности искренним коммунистом не приходится. Зато приходится признать это нелицеприятное изображение как минимум не «очерняющим» действительность: если уж такое написал искренний коммунист — и не в перестройку, а в 1970-е — значит, не лучше было и в действительности (возможно, если вспомним о «внутреннем редакторе», даже хуже).

Начнём с того, хуже чего быть не может. Записки Толконюка — ещё одно, и притом из самых убедительных, свидетельство, что в 1941 году известная часть русского (подчёркиваем: не латышского, не украинского) населения СССР если и не прямо желала победы немцам, то, во всяком случае, и не возражала против этого. Если унтер-офицер вермахта Гельмут Пабст, продвигаясь со своей 129-й пехотной дивизией к Калинину (ныне — Тверь) записывал в октябре 1941-го: «Люди в целом отзывчивы и дружелюбны. Они нам улыбаются. Мать велела своему маленькому ребёнку помахать нам ручкой из окна»[4] — это ещё можно попытаться объяснить тем, что не знавший России немец чего-то в поведении русских недопонял. Если русский офицер-эмигрант, служивший во Французском легионе вермахта, писал в конце 1941-го о приходивших на него посмотреть подмосковных крестьянах: «Видно, что всё население ждёт подходящего момента, чтобы начать задавать традиционные вопросы: когда же возьмёте Москву, когда кончится война, хоть бы Бог дал поскорей»[5] — это ещё можно попытаться отнести на счёт заинтересованности пишущего, который видит то, что хочет увидеть. Если о том, что «некоторая часть населения» Смоленской и Московской областей, «в особенности из пожилых, настроены к нам враждебно, ведут к/р (контрреволюционные. — *А. С.*) разговоры и надеются, что при немцах будет жить лучше», — сообщал 1 ноября 1941 года начальник особого отдела НКВД Западного фронта комиссар госбезопасности 3 ранга А. М. Белянов; если 10 ноября о том, что часть крестьян Московской области «была рада приходу немцев и желала им победы»[6], — докладывал и начальник транспортного отдела НКВД Западной железной дороги старший лейтенант госбезопасности Мошенский, — всё это ещё можно попытаться списать на гипертрофированную подозрительность чекистов.

Но здесь свидетельствует командир Красной армии, «патриот социалистической Родины». Пробираясь в октябре 1941-го по Смоленщине и Подмосковью из окружения под Вязьмой, работник штаба 19-й армии Западного фронта капитан Толконюк ожидал встретить в деревнях «гостеприимных советских людей» (с. 209), а встречал граждан, которые, «за малым исключением, казались неразговорчивыми, отвечали на вопросы нехотя и односложно». А главное, «бойцов Красной Армии они называли «ваши», а немцев — «они»» (с. 223)! О противнике русские солдаты говорили «он» ещё в XIX веке, но чтобы русский крестьянин считал армию государства, в котором живёт, чужой — до такого могла довести только власть Советов...

«Иногда встречались, — пишет Илларион Авксентьевич о красноармейцах, попадавшихся ему при выходе из вяземского «котла», — группки и таких, которые шли в обратном направлении, стремясь незаметно рассеяться по сёлам или, в крайнем случае, как они откровенно признавались, сдаться в плен» (с. 215). Явное нежелание воевать было и у той, встреченной Толконюком ещё до окружения, в первые дни октябрьского наступления немцев на Москву, «толпы красноармейцев», которая, будучи пленена немецким

Танки Красной армии проходят по улицам Москвы. Декабрь 1941 г.

разведотрядом, продолжала сидеть на траве даже тогда, когда отряд устремился дальше в советский тыл и оставил их без всякой охраны (с. 174–175). В августе 1941-го, во время разгрома 34-й армии Северо-Западного фронта под Старой Руссой, с таким же случаем столкнулся и ещё один из весьма немногих наших неподцензурных мемуаристов-фронтовиков — В. М. Иванов. Выходя из окружения, он, лейтенант-артиллерист, встретил колонну советских пленных, которая без охраны, самостоятельно шла на сборный пункт, и приказал ей бежать. Однако «некоторые не спешили, переходили на шаг и, оборачиваясь, поглядывали на дорогу, словно в надежде увидеть немцев, чтобы стать под их защиту. Не уверен, — пишет Валентин Максимович, — что это так. Но у меня сложилось такое впечатление и, думаю, не без основания»[7]. Воспоминания Толконюка ещё раз подтверждают, что основания такие были: многочисленные случаи добровольной (не из-за отсутствия возможности сопротивляться противнику, а из-за нежелания воевать) сдачи красноармейцев в 1941 году в плен, описанные в немецкой литературе, отнюдь не являются пропагандистской выдумкой. Здесь, подчеркнём, на вес золота каждое отдельное свидетельство. Ведь информации «из первых рук» у историков практически нет: большинство советских военнопленных 1941-го вымерли в первую же лагерную зиму, а вернувшиеся в СССР о причинах, по которым они оказались в плену, искренне поведать, понятно, не могли.

Мемуары Толконюка дают также исключительно наглядное представление о причинах, по которым на освобождение территорий, потерянных в сорок первом за четыре месяца, потребовалось два–три года. Серьёзным исследователям эти причины известны; о них ещё полвека назад писали Ф. фон Меллентин и многие другие немецкие военачальники — но здесь «измышления битых гитлеровских генералов» постоянно подтверждает советский офицер-коммунист...

Так, он рисует картину крайне негибкого, излишне централизованного управления войсками, не позволявшего нижестоящим командирам вовремя влиять на развитие событий, а вышестоящих заставлявшее подменять нижестоящих, вместо того чтобы сосредоточиться на координации их усилий и своевременном обеспечении их действий имеющимися у вышестоящего командира средствами. Одно дело — пробежать глазами подобную академичную формулировку и совсем другое — читать, как командующий 19-й армией генерал-лейтенант М. Ф. Лукин испрашивает 2 октября 1941 года у командующего Западным фронтом разрешения... переместить свой командный пункт на 10–15 километров; как начальник штаба дивизии (!) не решается (осенью 1942-го) без санкции комдива послать за позарез необходимым «языком» бойца, который вызвался в поиск добровольно, но у которого «замарана анкета». «Вы же понимаете положение начальника штаба, — говорит он заместителю начальника оперативного отдела штаба 33-й армии Западного фронта подполковнику Толконюку. — Один я не решаю» (с. 280). И это при том, что за разведку, согласно уставу, отвечает начштаба!

Далее мы читаем, как командарм-33 генерал-лейтенант Гордов не только не позволял командирам корпусов самим вводить в бой их вторые эшелоны, не только проверял организацию системы огня в батальонах и ротах, подменяя уже командиров полков и комбатов, но и считал, что попытки захвата подобравшейся к переднему краю разведгруппы противника и те должно предпринимать только с ведома командующего армией! Как командующий 8-й гвардейской армией 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Василий Иванович Чуйков принимал решения «и за командиров корпусов и дивизий», а «к возражениям и отстаиваниям своих мнений подчинёнными» проявлял «нетерпимость» (с. 391, 403). Как начштаба 33-й армии генерал-майор С. И. Киносян в феврале 1944-го искренне внушал получившему очередное звание начальнику оперативного отдела Толконюку, что теперь тот «как полковник не должен так упорно, как до этого, отстаивать свои суждения и возражать начальникам» (с. 362). Как зимой 1944-го, когда наступление 33-й

Воины Красной армии в немецком плену.
Трофейное фото. РГАКФД.

армии под Витебском стали срывать «тигры» 505-го тяжёлого танкового батальона и «единственно надёжным средством» борьбы с ними оказались четырёх-семитонные 122-миллиметровые пушки и 152-миллиметровые гаубицы и гаубицы-пушки (с. 359), для контроля за установкой каждого отдельного орудия на огневой позиции командарм выделил по генералу или офицеру штаба армии, включая начштаба и самого себя...

Мы не говорим уже о постоянных упоминаниях того, как работников штаба каждой из армий, в которых служил Толконюк, — и 19-й в 1941 году, и 33-й в 1942–1944, и 8-й гвардейской в 1944–1945 годах, — чуть ли не в полном составе рассылали, дезорганизуя работу штаба, в войска — контролировать, подгонять, подменять командиров... Эта сверхцентрализация была вызвана как низкой культурой управления, так и общим низким уровнем профессионализма советских командиров тактического звена, которых часто и впрямь проще было подменить, чем направлять их работу. Ведь помимо таких установок, как «добиться выполнения корпусом задачи дня во что бы то ни стало» (с. 357) перед направляемыми в войска штабистами ставили и такие, как проверить подготовку к атаке, «помочь командирам подразделений и докладывать в штаб армии истинное положение дел» (с. 322; сообщать «наверх» о развитии событий советские командиры «забывали» ещё в середине 1930-х, а в войну это часто было ещё и невыгодно). Если стратегией и оперативным искусством в Красной армии к 1944 году, в общем, овладели, то в тактике с вермахтом сравняться так и не смогли[8]. Ведь большинство командиров тактического звена находилось в гуще огня, и слабо подготовленных взводных, ротных и батальонных выбивало прежде, чем они приобретали должный опыт. К примеру, за две с половиной недели участия пяти дивизий 50-й армии Западного фронта в Орловской операции (с 13 по 30 июля 1943 года) из них выбыло убитыми и ранеными до 40 процентов комбатов, до 91 процента командиров рот и до 80 процентов командиров взводов[9].

Записки Толконюка ярко высвечивают и характерное для советских командиров пренебрежение профессионализмом, подмену его «волевизмом»[10]. Пример этого — постоянное стремление наступать, не накопив необходимого для надёжного подавления огневых средств обороны количества снарядов: на Западном фронте так было и при попытке прорвать в конце марта 1943-го позицию «Бюффель», на которую отошли немецкие войска, оставившие ржевско-вяземский выступ, и в Смоленской операции в августе 1943-го, и в бесчисленных наступлениях под Оршей и Витебском в октябре 1943 — марте 1944 года. В результате пехота и танки раз за разом посылались под огонь оставшихся неподавленными немецких пулемётов, орудий и миномётов. «Сколько ни поднимались в атаку, — вспоминал писатель Олег Смирнов о январских боях 1944-го под Оршей, — немцы укладывали страшенным огнём. Нигде после я подобных потерь не видывал: труп на трупе — закаменевшие, занесённые снегом. Ими были забиты нейтралка, окопы и траншеи...»[11]. Типичная реакция на это советского командования хорошо видна из рассказа Толконюка о попытке прорыва позиции «Бюффель»: «Командарм ещё во что-то верит, ему не хочется так вот, сразу, признать неудачу, и он понукает командиров соединений, требует, упрекает. В течение дня неоднократно предпринимаются усилия возобновить атаку, но она каждый раз захлёбывается в первые минуты» (с. 299). Примерно так же реагирует на предложение прекратить не обеспеченное силами и средствами наступление и командующий Западным фронтом генерал армии Василий Данилович Соколовский в феврале 1944-го: «Наступать будем» (с. 364).

В основе этой замены профессионализма «волевизмом» лежала низкая культура мышления, — когда из всех способов решения задачи выбирается не наиболее эффективный, а наименее мудрёный, требующий наименьшей затраты умственных усилий. При подобном подходе в поле зрения, естественно, оказывается только та часть проблемы, которая находится на переднем плане, видна, что называется, невооружённым глазом, но которая не

Немцы конвоируют взятых в плен воинов Красной армии. Трофейное фото. РГАКФД.

Дважды Герой Советского Союза генерал-полковник В. И. Чуйков.
1946 г. РГАКФД.

Герой Советского Союза генерал-полковник В. Н. Гордов.
1946 г. РГАКФД.

перестаёт от этого быть лишь одной из многих... Понятное желание как можно быстрее выиграть войну у руководителей с низкой культурой мышления оборачивалось усвоением лишь той, лежащей на поверхности, идеи, что победа достигается наступательными действиями, и они стремились наступать, наступать и наступать, наступать — во что бы то ни стало! Отсюда и нежелание тщательно подготовить наступательную операцию: ведь то же накопление достаточного количества снарядов требует времени, а значит, отодвигает и завершение войны.

Отсюда и наступление ради наступления, активность ради активности. Тем, что «командарм не волен обрекать армию на пассивность и бездействие» (с. 363), тот же Гордов мотивировал и нежелание поставить перед Соколовским вопрос о прекращении плохо подготовленных попыток наступать в районе Витебска, и свой отданный зимой 1942–1943 года приказ о ежедневном расходе каждым бойцом передовой линии пяти винтовочных патронов — дабы «не давать врагу ни минуты покоя». Ведь «пассивность и бездействие» отодвигают конец войны... Отсюда и запрет отводить войска даже на километр назад с тех рубежей, которых они достигли в ходе наступления, — запрет, с которым в марте 1943-го, по очищении от противника ржевско-вяземского выступа, столкнулись и части 33-й армии: ведь оставленный километр потом придётся отвоёвывать заново — а это опять-таки отодвигает конец войны...

Низкая культура мышления не позволяет осознать, что не обеспеченное силами и средствами наступление всё равно провалится и не ускорит, а, наоборот, затянет окончание войны: чтобы добиться реального успеха, всё равно потребуется оперативная пауза для накопления боеприпасов, но начнётся она уже после той недели или месяца, которые будут зря потрачены на неподготовленное наступление. Низкая культура мышления не позволяет понять, что «активность ради активности» не приблизит, а затянет конец войны: ведь полезный эффект приносят отнюдь не любые действия, а вот затрат людских и материальных ресурсов они требуют все. В первом из описанных выше случаев — с нежеланием добиваться прекращения не обеспеченного силами и средствами наступления — активность должна была привести (и привела) лишь к истощению сил наступавших. Во втором — с желанием, чтобы каждый боец давал в день по «фрицу» не менее пяти выстрелов, — в основном к напрасной трате патронов. «Приказ выполнялся. Стреляли. Но большей частью в божий свет, так как немцы... не стали появляться на глаза в пределах винтовочного или пулемётного выстрела» (с. 276). Низкая культура мышления не позволяет осознать, что если достигнутые в ходе наступления рубежи находятся (как в 33-й армии по завершении Ржевско-Вяземской операции 1943 года) в низинах, которые не только просматриваются занимающим высоты противником, но и заливаются талой водой, то на удержание их уйдёт больше сил и средств, чем на повторное овладение ими после отхода на более удобные позиции, и что, следовательно, конца войны запрет отходить с таких рубежей не приблизит, а отодвинет: на восстановление перемолотых в бессмысленных боях частей нужно время.

В свою очередь, низкая культура мышления советского командования сформировалась как из-за нехватки у него в целом общего образования, которое развивает привычку напрягать мысль, так, безусловно, и под воздействием повседневной практики правящей партии, слишком часто абсолютизировавшей значение такого фактора, как воля, и не желавшей считаться с объективной реальностью (вспомните лозунг: «Нет таких крепостей, которых бы не смогли взять большевики»). Вполне убедительным выглядит, например, мнение историка флота А. В. Платонова о мотивах, побудивших командира 1-го дивизиона подводных лодок Северного флота капитана 2 ранга М. И. Гаджиева приказать 12 мая 1942 года командиру лодки «К-23» атаковать немецкий конвой из надводного положения артиллерией. Всплыв и оказавшись на виду, «К-23» была потоплена. Теория «уже однозначно высказалась о нецелесообразности» таких решений; «...всё это, безусловно, комдив знал, но был советским человеком, воспитанным в духе превосходства социалистической целесообразности над законами или правилами: нельзя, но если очень хочется, то можно»[12]. Вот и генерал Гордов ещё в 1944-м упорно «не хотел верить расчётам», доказывающим невыполнимость из-за нехватки снарядов его приказа о разрушении артогнём полотна железной дороги (с. 361)...

В общем, картина войны, постепенно восстанавливаемая независимыми историками, получает более чем существенное подкрепление. Сведения немецких источников и рассекреченной советской военной документации на 100 процентов подтверждаются мемуарами советского офицера уже не ротного или полкового, а армейского звена.

Примечания

1. Толконюк И. А. Раны заживают медленно. Записки штабного офицера. М. 2005.
2. Александров К. М. Русские солдаты вермахта. Герои или предатели. М. 2005. С. 582.
3. РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 239. Л. 102.
4. Пабст Г. Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941–1943. М. 2004. С. 42.
5. Александров К. М. Указ. соч. С. 516.
6. Лубянка в дни битвы за Москву. По рассекреченным документам ФСБ РФ. М. 2002. С. 153, 162.
7. Иванов В. М. Война глазами лейтенанта. 1941–1945 годы. СПб. 2001. С. 45–46.
8. См.: Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943–1945. М. 1985. С. 202.
9. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15 (4–4). М. 1997. С. 358.
10. Бешанов В. В. Танковый погром 1941 года. (Куда исчезли 28 тысяч советских танков?) Мн.; М. 2001. С. 368.
11. Смирнов О. П. Неизбежность// Роман-газета. 1985. № 16 (1022). С. 53.
12. Платонов А. В., Лурье В. М. Командиры советских подводных лодок 1941–1945 гг. СПб. 1999. С. 44.

Рафаэль **ГОЛЬДБЕРГ**

ЗАЧЕМ ВЫ ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ?

Женское лицо войны

Е. Е. Моисеенко. Дома. 1984–1985 гг.

Генеральный штаб считает, что в немецком плену оказалось 4 миллиона 559 тысяч наших солдат и офицеров. Сталинская военная доктрина не признавала плена: красноармейцы должны были застрелиться, но не попасть в плен. Так поступали многие, но большинству хотелось выжить.

Уже 27 декабря 1941 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) издал постановление о проверке и фильтрации бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении. На следующий день появился приказ № 001735 наркома внутренних дел Берии «О создании специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника», предписывающий выявлять среди них «изменников Родины, шпионов и диверсантов».

Военные неудачи войны были поставлены в вину солдатам. Как встретила родина своих сыновей и дочерей? Фильтрационными спецлагерями, допросами сотрудников военной контрразведки «Смерш» и территориальных органов МГБ — КГБ. Долгие годы они оставались под подозрением, долгие годы их считали предателями. И только полвека спустя оставшимся в живых были дарованы права ветеранов войны. Но многие так до этого и не дожили.

У войны — не женское лицо? Светлана Алексиевич, писательница, автор книги с таким названием, думается, была не права. У войны на советской стороне фронта как раз было женское лицо.

1 сентября 1939 года, в тот день, когда началась Вторая мировая война, в СССР был принят закон «О всеобщей воинской повинности». Тринадцатой, роковой, статьёй этого закона наркоматам обороны и военно-морского флота предоставлялось право брать на учёт и принимать на службу в армию женщин. По официальным данным, в годы Великой Отечественной войны более 800 тысяч женщин были призваны на фронт. По мнению исследователей, более миллиона женщин «с оружием в руках защищали родину». Не считая медиков, телефонисток, регулировщиц, вольнонаёмных служащих в банно-прачечных подразделениях и передвижных армейских хлебозаводах…

30 июня 1941 года ГКО принял постановления о мобилизации женщин в войска ПВО, связи, ВОХР. Не остался в стороне и Центральный комитет комсомола: он провёл специальные мобилизации девушек в Красную армию, а в 1942 году и во флот. По призыву, а точнее, по мобилизации комсомола 550 тысяч девушек надели военную форму, 70 процентов из них служили в действующей армии. Среди комсомольцев-красноармейцев женщины составляли 14 процентов, среди санинструкторов их было 40 процентов, среди фронтовых врачей — 41, среди медсестёр — 100 процентов. 222 тысячи женщин получили в годы войны специальности миномётчиц и пулемётчиц. А ещё были лётчицы и танкистки, снайперы и кавалеристы, в том числе командир сабельного эскадрона, диверсантки и морские пехотинцы (пехотинки?)… Когда в Ишиме формировалась 229-я стрелковая дивизия, в её составе был создан 380-й медсанбат, укомплектованный девушками из этого сибирского городка и соседних сёл и посёлков. Летом 1942 года дивизия была прижата к Дону и распылена.

Медицинские сёстры не могли оставить раненых и попали в плен. До конца своих дней они помнили (а те немногие, кто жив, помнят до сих пор) названия пылающих станиц между большой излучиной Дона и Сталинградом — Чир и Нижне-Чирская, Суровикино, Абганерово… И пересыльный лагерь в Славуте. И женский концентрационный лагерь Равенсбрюк…

… Ах, война, что ты, подлая, сделала?
Вместо свадеб — разлука и дым…
Наши девочки платьица белые
Раздарили сестрёнкам своим…

Несколько строк поэта-фронтовика Булата Окуджавы — и в них вся война, все судьбы сотен тысяч молодых женщин и де-

вушек, которым пришлось принять на свои плечи неимоверную тяжесть боёв, отступления, окружения, плена, окопной жизни, людского непонимания — и в годы войны, и после неё. В их сдержанных рассказах столько похожего, словно одна судьба развёрстана на тысячи жизней... И столько личного, особого, неповторимого, что пережито, но не забыто, не выболело ещё за шесть с половиной десятков лет.

МАРИЯ

10 августа 1942 года 229-я стрелковая дивизия фактически перестала существовать. 10 августа во многих фильтрационных делах бывших бойцов 229-й отмечено как первый день плена. 17 августа оперативная сводка зафиксировала: «Связи с 33-й, 181-й, 147-й и 229-й стрелковыми дивизиями установить не удалось. На вызовы по радио они не отвечают...» Не успевшие выйти из окружения и не погибшие в арьергардных боях бойцы и командиры оказались в плену.

В списках дивизии нет живущей в Ишиме на улице Энгельса ветерана войны Марии Бердюгиной. Зато есть Маша Родькина.

В июне 1941 года она закончила школу. 22 утром весь класс уехал в Синицынский бор, домой вернулись вечером. Мама встретила у ворот: «Война!» Назавтра пришли в горком комсомола и распределились по сборным пунктам — в качестве писарей. Там увидели и слёзы разлуки, и горечь прощаний. Не как в кино, где звучат громкие речи, обещания вернуться с победой и встретиться «в шесть часов вечера после войны», а прощание по-деревенски, со слезами и рыданиями в голос.

5 апреля сорок второго в пять утра принесли повестку и Маше. С указанием: через четыре часа явиться в расположение медсанбата № 380.

Маша в семье была шестая, «поскрёбыш». К этому времени ушла на фронт одна из старших сестёр, а в тот самый день, когда Маше было велено явиться в медсанбат, почта принесла домой первую похоронку — на брата... Через несколько месяцев потерялась и Маша.

Но будущее *никому из нас неведомо.*

«Полки формировались в Синицынском бору, там и сейчас ещё заметны следы учебных окопов, — вспоминала в 2006-м году Мария Михайловна. — А медсёстры учились в городе, где сейчас железнодорожный мост. Чему учились? И перевязкам, и по-пластунски ползать! Потом поехали на запад. Там ещё месяц поучились и поплыли вниз по Волге на трёх пароходах. Прямо в Сталинград. Тут и случилась первая бомбёжка... Некоторые говорят: не страшно! Да как же на войне не страшно? Но всё обошлось, ни в один из трёх пароходов бомбы не попали... Вот и Сталинград. Потом переправа через Дон...»

Марии Михайловне — восемьдесят четыре. Чёткая память — на даты, на названия... Хотя можно сверять её рассказ по протоколам допросов в фильтрационном деле. Немудрено: сколько их было, этих допросов! Сколько усердных особистов, скрипящих пёрышком, записывали её показания о первых боях, о плене, о лагерях — в Славуте и в Равенсбрюке... Давно пожелтела грубая бумага послевоенной поры, а в рассказах бывшего санинструктора Маши Родькиной снова и снова оживают события тех лет.

Из фильтрационного дела Родькиной Марии Михайловны (протокол допроса от 2 января 1946 года):

«Наша 229-я дивизия находилась в районе хутора Калач. 8 августа 1942 года дивизия попала в окружение немецки войск. Мы были в степи, в балках. Коман дир батальона Девятов сообщил, что вс дивизия пошла на прорыв из окружения Но выйти не было возможности, так ка немец всё время атаковал. Мы, санитарки находились в лесу вместе с ранеными. Ра неных было много, а оружия не было сов сем, нам его и не выдавали.

10 августа в 5 часов вечера в лес, где мы находились, зашли немцы. Нас было сем санитарок и врач Троицкий. К нам подошли два автоматчика, мы в это время находилис в яме, уничтожали комсомольские билеты Автоматчики повели нас на сборный пункт потом в станицу Чир, потом в Нижний Чи и дальше на Суровикино, куда свозили всех раненых... И до 13 сентября 1942 года в Суровикино ухаживала за своими ране ными. Пока нас эшелоном не отправили г. Славуту, а уже оттуда в немецкий город Фюрстенберг, рядом с которым и находи лась наша каторга — женский концлагер Равенсбрюк. Там я пробыла до 1 мая 194 года, работала на ткацкой фабрике, где вы пускали полосатую ткань — специальн для заключённых...»

Из рассказа Марии Михайловны Бердю гиной (Ишим, 18 мая 2006 года):

— Немецкие солдаты кричали на плен ных. Я выросла в провинции, немецки язык слышала только в кино. Этот крик бы точно такой же — резкий, лающий... На погнали по степи. Впереди — мы, женщи ны. Жарко, пить хочется. Но если солдат бросались к воде, конвоиры в них стреля ли. А медсёстрам разрешали набирать воду в пилотки. Почти не кормили. Иногда вари ли мясо убитых лошадей: мол, русские сви ньи всё съедят... В Славуте колонну загнали в помещение бывшей погранзаставы. На чался сыпной тиф. В казарме 500 пленны женщин, мы из-под Сталинграда, и другие военнослужащие из только что взятого не мцами Севастополя. Многие умирали. Мне повезло, я выжила...

Сначала военнопленных пытались от править на военные заводы. Женщины от казались. Сопротивление возглавила воен врач Евгения Клем, которая хорошо знала немецкий язык. Удалось настоять на своём И снова глухие товарные вагоны, неведо мый путь. Ночная станция Фюрстенберг Моросящий дождь пополам со снегом Эсэсовки в чёрной форме, грубые окрики лай собак. Со скрипом расходятся створки громадных ворот — это концлагерь Ра венсбрюк.

Чтобы знали, куда попали отказчицы их, раздетых, уложили на усыпанный фев ральским снежком аппельплац. Потом баня. Стрижка наголо. Грязная полосатая одежда и винкель — цветной треуголь ник — с номером.

Памятник ишимцам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны.

— У вас нет ни имени, ни фамилии. Только номер! — прокричала лагерфюрерин. Этот номер Маша Родькина помнит до сих пор: 19396.

... Картинки Равенсбрюка не стираются, не тускнеют в памяти. Дети, привезённые из Освенцима, и среди них трёхлетний мальчик Миша... Работа на ткацкой фабрике, наказания за каждую ошибку... У Маши однажды «сбежал» челнок... «Девочки замерли — сейчас меня забьют... Мастер-румын подошёл, а меня из-за станка еле видно. Он только глянул и ушёл... Наши раненые девочки работать не могли, их взяли на «чёрный транспорт». Это значит: в газкамеру. Евгения Лазаревна Клем сказала: «Объявим голодовку, пусть наших вернут!» День, другой, третий... Только воду пьём. Чешки-заключённые несут нам продукты, мы отказываемся... Вы знаете, девочек вернули!

Мы всё время настаивали, что с нами не имеют права поступать так, мы — военнопленные, есть соответствующая конвенция...»

А потом пришло освобождение.

Из фильтрационного дела Родькиной Марии Михайловны (протокол допроса от 2 января 1946 года):

«Я помню день освобождения. Но... это не радость была для меня. Здесь я увидела ужасное отношение к освобождённым девушкам. Помощи нам никакой не сделали. И сказать по совести, я лучше бы согласилась оставаться там, в лагере, чем сейчас носить пятно пленника... Я предполагала, что тысячи упрёков могут быть брошены по моему адресу. Так и случилось. Человек в гимнастёрке, увешанной медалями, стучал себя в грудь кулаком и повторял: «Я — ваш освободитель!» Как нас унижали в офицерской столовой части, разместившейся в бывшем концлагере! Как пренебрежительно к нам относились! Как будто все они — герои, а мы — изменники Родины. Да, мы — не герои. Мы — жертвы войны. И если бы за нас тогда не вступился комиссар Рубежанский, не знаю, смогла бы я всё это вынести».

ПОСЛЕ БЫЛ РОДНОЙ ИШИМ

Из рассказа Марии Михайловны Бердюгиной:

— Я вернулась и стала искать работу. Мне подсказали: иди в горком комсомола, они тебя посылали на фронт. Пришла. Там был некий Кириенко, который, я думаю, ни разу не слышал, как летят самолёты и воют сброшенные бомбы. Он сказал мне: «Я за тебя партбилет ложить не буду!» Я сначала не поняла. Так он объяснил: «Зачем ты вернулась? Зачем попала в плен? У тебя в сумке были бинты, а вокруг стояли берёзы».

Мария Родькина (Бердюгина).

Значит, я должна была покончить с собой? А то, что у меня вокруг двадцать раненых и все кричат: «Сестричка!» и просят помочь? Вот так меня встретили из плена...

И была ещё одна, личная, причина для переживаний. Сверстник Костя Ражев, ещё довоенная симпатия, пришёл домой героем. Настоящим, с Золотой Звездой на гимнастёрке.

Из фильтрационного дела Родькиной Марии Михайловны:

«У меня ещё был яркий — из случаев случай. Это было здесь, в Ишиме. Я встретилась со старым другом, у меня пробудилась к нему прежняя любовь, прежнее желание видеть его, встречаться с ним. Но как пушинка против ветра я была отброшена. Он мне с ехидством ответил: «Ах, вы были в армии? были в плену?» Между нами пропасть. Больше мы не встречались... И что мне осталось? Замкнуться, уединиться и только жить для своих стариков».

Нельзя было не спросить: неужели в самом деле после всего пережитого она готова была наложить на себя руки, как сообщал «источник» в Ишимский РО МГБ?

— А как вы думаете? Если с января до сентября — бесконечные допросы. Если спрашивают об одном и том же... Да меня хоть ночью сейчас разбуди, я всё повторю слово в слово: как в плен попала, как болела тифом в лагере в Славуте, как ткала мерзкую полосатую ткань, как мы наших раненых девочек отбивали от «чёрного транспорта» в крематорий, как в конце апреля эсэсовцы гнали заключённых из Равенсбрюка, а сами прятались от наших самолётов в середину колонны...

И снова надо было выстоять. Выдержать. Пройти всё, получить разрешение на работу и кормить своих стариков. Дома — отец-пенсионер. И есть нечего, жили от картошки до картошки...

Только в сентябре, придя на очередной допрос, Маша услышала, что следствие по её делу окончено, теперь можно получить паспорт и устроиться на работу.

Потом из армии демобилизовался Михаил Бердюгин, зашёл по делам в горком физкультуры. И всё пошло своим чередом — дети, внуки.

Счастливый финал? Душа успокоилась и прошлое забыто?

Внешне — может быть.

НАДЕЖДА

Галанцева Надежда Спиридоновна. 1923 года рождения, место рождения — станция Ламенская Голышмановского райо-

Санитарка перевязывает раненого. РГАКФД.

на. Работала в конторе связи сортировщицей писем, город Барабинск Новосибирской области. Призвана в РККА в апреле 1942 года. Санинструктор 524-го СП 112-й СД 62-й армии. Попала в плен 8 августа 1942 года в районе станицы Чир Сталинградской области. Бежала из плена через шесть дней, скрывалась на оккупированной территории. Освобождена советскими войсками в 1943 году.

Надя Галанцева (в Голышмановском районе её фамилию пишут и произносят иначе — Галанцова) перед самой войной уехала в Барабинск и призвана в армию была там. Осталась бы дома, ушла бы на фронт вместе с Валерией и Машей. Но воевала в той же армии и в тех же местах. И в плен попала в окружении, когда перевязывала раненого командира.

Из фильтрационного дела № 685 Галанцевой Надежды Спиридоновны:

«28 июля 1942 года наш 1-й батальон 524-го СП находился в обороне на разъезде Рачковом. Затем командование полка приняло решение отходить, несмотря на то, что противника нигде не было близко. Так дошли почти до Дона, когда командование получило приказ — вернуться назад…

Но сумели дойти только до станицы Чир и с ходу вступили в бой. Полк находился в обороне шесть дней. 7 августа был дан приказ занять оборону на правом фланге от станицы Чир. Пришли ночью, отрыли окопы. 8 августа наши боевые порядки пробомбардировала вражеская авиация, затем прошли танки и за ними пехота противника. Я в это время находилась в окопе и перевязывала рану лейтенанту. К окопу подбежал автоматчик, приказал мне выйти. Я вышла. Он пристрелил лейтенанта, а мне сказал идти в тыл. Я пошла и обнаружила красноармейцев первого батальона, которых, как и меня, немцы взяли в плен…

После того как пленных собралась порядочная партия, нас повели в лагерь. Колонна ушла вперёд, а мы, три девушки, отстали, так как среди нас была раненая и не могла идти быстро… В станице Чир мы ушли из лагеря, переоделись в гражданское платье и скрывались до прихода Красной армии».

В плену санинструктор Надежда, девятнадцати лет, пробыла недолго — шесть дней. В январе 1943 года красноармеец Галанцева Надежда вновь зачислена санинструктором — в 119-й гвардейский стрелковый полк 40-й гв. СД.

Тогда же особый отдел дивизии завёл на красноармейца Галанцеву, которая «бежала из плена при весьма подозрительных обстоятельствах», учётное дело № 399 «ввиду наличия на красноармейца Галанцеву подозрений в шпионской деятельности».

Таким образом, с января 1943 года красноармеец 119-го гвардейского стрелкового полка Надежда Галанцева существовала как бы в двух образах.

Одна Надежда Галанцева, санинструктор первого батальона, жила в землянке в три наката, просыпалась от близких разрывов, бежала по ходу сообщения к месту боя, под пулями и минами поднималась за атакующими ротами, волоча тяжёлую санитарную сумку. Без колебаний, сжимая страх в кулачке, бросалась на зов раненых… Другая, «подозреваемая», жила в воспалённом воображении руководства особых отделов, в замусоленных агентурных донесениях.

Судя по оказавшимся в нашем распоряжении документам, контрразведка «Смерш» Южного фронта намеревалась всерьёз раскрутить дело «немецкой шпионки» Галанцевой. Начальник особого отдела 5-й Ударной армии полковник госбезопасности Карпенко подписывает развёрнутые мероприятия по разоблачению «целой шпионской группы». В окружение Галанцевой «вводят агента со схожей легендой» — мол, тоже была в плену, подписала согласие работать на гестапо и сейчас боится расплаты. Вот и фронтовая контрразведка шлёт указание выяснить, нет ли у Галанцевой «интереса завязать знакомство с лицом, имеющим доступ к секретным документам?» (письмо от 22 марта 1943 года). Однако агент Танцура доверия не оправдал, характеризует подозреваемую исключительно с положительной стороны: «За отличную работу на поле боя Галанцева награждена орденом Красной Звезды. Антисоветских проявлений, напротив, не замечено».

А война идёт. «Секретные агенты», как легко догадаться, — те же бойцы и медработники стрелкового батальона. Вот и Танцура неожиданно выбывает из части по ранению. «Нового агента, докладывают полковнику Карпенко, ввести в окружение подозреваемой невозможно: в первом батальоне 119-го ГСП (гвардейского стрелкового полка) девушек вовсе нет. Начальник особого отдела 40-й гв. стрелковой дивизии Дмитриев агента нашёл. Псевдоним — Шмидт.

И Шмидт начала работать.

Донесение от 28 марта: «Открылась Галанцевой, что «тоже» была в плену». На что Галанцева ответила: «Тише ты, дура, разве об этом говорят? Знаешь, как на тебя будут смотреть?»

И в тот же день «наверх», во фронт отправлены «планируемые мероприятия». Оттуда срочный запрос: «Каковы результаты проведения агентурной комбинации по делу разрабатываемой как подозреваемой в шпионаже красноармейца 119 гв. СП Галанцевой Н. С.?» (8 мая 1943 года). Запрос подписали заместитель начальника управления контрразведки фронта Михайлов, начальник 4 отделения майор Честнейший. Из запроса вытекает, что фронтовые контрразведчики всерьёз предполагали существование в одной из вверенных их попечению дивизий, а именно в прославленной сороковой гвардейской, немецкой разведывательной резидентуры. И фигуранты уже, кажется, подобрались. Каждый с соответствующим «пятном» в послужном списке. Легко догадаться, что этим пятном было краткосрочное пребывание в немецком плену. А что касается побега бойцов и командиров из плена и возвращение их в боевые порядки дивизии, то, по мнению контрразведки, это вызвано исключительно инициативой гестапо, заславшего бывших пленных со шпионскими целями.

В 119-м полку не одна Галанцева бежала из плена. Комроты-1 Заволоцкий. Санинструкторы Уржумова и Лошкарёва… Все они состоят на оперативном учёте «по окраске — немецкий шпионаж». Особисты, дивизионные, корпусные, армейские и фронтовые, похоже, потирают ручки и осматривают гимнастёрки: есть ли место для орденов? В потоке бумаг проскальзывают формулировки: «наличие резидентуры в дивизии…»

А война идёт. И растёт учётное дело № 399 на Галанцеву Надежду Спиридоновну, двадцати лет, уроженку сибирского села Ламенка. Тексты переписываются, повторяя друг друга, — так создаётся видимость оперативной работы, поскольку «других материалов на Галанцеву не добыто», а Шмидт перевести в 1-й батальон не удалось, так как там «полный штат санинструкторов». Иные попытки агента Шмидт (в прошлом она тоже попала в плен, будучи санинструктором первого батальона 421-го СП 112-й стрелковой дивизии 62-й армии) вызвать Галанцеву на откровенность — безуспешны. Обмозговывается вариант провокации:

«Разработать агентурную комбинацию о создании условий, при которых комроты-1 Заволоцкий имел бы возможность выкрасть данные об оборонных сооружениях батальона или полка. Проследить: не совершит ли это Заволоцкий…» (подписано: нач. ОКР НКО «Смерш» 31-го гв. стрелкового корпуса майор Миронов).

На дворе — июнь 1943 года. Новая попытка агента Шмидт вызвать Галанцеву на откровенность рассказом о своих злоключениях в немецком плену. Мол, теперь ожидает связника с паролем «Вильгельм», чтобы «все сведения передать ему». Надежда выслушала «подругу»: «Да, с тобой нехорошо случилось. Ну, ладно, я пойду обед сварю, а ты стирай бельё…»

«Рыбка» упорно не желала садиться на крючок.

«Галанцева по характеру — серьёзная девушка. Теперь она — орденоносец и,

кроме того, работает комсоргом... Никому не доверяет, даже в вопросах личного характера. Судя по её фигуре — беременна, но когда я спросила, она заявила, что не беременна...» (из агентурного донесения от 16 июня 1943 года).

На донесении резолюция: «Агент Шмидт для Галанцевой не авторитет и, судя со слов, над агентом Шмидт большинство посмеивается...»

Новый виток событий — попытки собрать на Галанцеву «моральный компромат». Для этой цели к ней подведён агент Шевчук. (По понятным причинам не всегда удаётся установить подлинную фамилию человека, которого вынуждали следить за своими боевыми товарищами. — *Р. Г.*) Шевчук и другие осведомители собирают различные слухи, но ничего, что оправдало бы интерес контрразведки, не добыто.

Агент Шевчук сообщает (июль–сентябрь 1943 года): «Галанцева уклонялась от бесед, принимала активное участие в боевых действиях подразделений по оказанию медпомощи офицерскому и рядовому составу, а также сама лично с оружием в руках... В боях ведёт себя храбро, часто идёт впереди роты, стреляет из винтовки по немцам и одновременно оказывает помощь раненым, за что командованием представлена к ордену Красное Знамя» (из спецсводки № 6).

30 сентября 1943 года санинструктор Галанцева переведена во вновь формируемый батальон. Очередная спецсводка фиксирует тем временем, что «продолжительное время на Галанцеву не поступает агентурных материалов, дающих основание подозревать её в причастности к разведорганам противника. Она в боях проявила себя с положительной стороны, награждена орденом Красной Звезды и представлена к ордену Красное Знамя... Следует решить вопрос о дальнейшем содержании её на оперативном учёте...»

Всё? Ну, о «причастности к разведорганам противника данных не добыто» — так и оставить бы санинструктора Галанцеву в покое. Пусть воюет, спасает раненых... Мы-то, нынешние, знаем, что впереди ещё двадцать месяцев войны. Но — «органы не ошибаются»! Значит, надо убрать с глаз долой строптивого санинструктора, почти что выигравшую единоборство сразу с четырьмя структурами контрразведки «Смерш» — дивизии, корпуса, армии и фронта.

«...в зависимости от добытых материалов решить вопрос о дальнейшем пребывании её в части...» (из донесения дивизионной контрразведки в корпус).

«...если нет, то сделать из неё агента, подчеркнув ответственность за разглашение о работе органов контрразведки...» (из корпуса — в дивизию).

СПЕЦСВОДКА № 7

«...учитывая поведение Галанцевой, что она ведёт себя очень скрытно, ни с кем близких связей не поддерживает, ведёт очень замкнутый образ жизни, что не даёт возможности нашей агентуре добиться чего-либо реального или заслуживающих нашего внимания материалов... Полученные материалы характеризуют Галанцеву как искусно маскирующего себя человека, что в целях личной корысти старается поддержать близкие, интимные отношения только с командирами частей... Благодаря таких связей она уже раз награждена орденом и сейчас вторично представлена, умеючи маскировать себя и только благодаря нашего вмешательства она не была командирована от дивизии к шефам в Саратов... Всё это диктует необходимость удаления её вовсе из Красной армии, через командование корпуса отозвать её из нашей дивизии и откомандировать как незаслуживающую политического доверия в распоряжение РВК по месту жительства... или направить её в лагерь НКВД по тем компрометирующим данным, которыми мы на неё располагаем, ибо дальнейшая агентурная разработка её положительных результатов не даст.

Начальник ОКР «Смерш» 40 гв. СД гв. майор Спектор, 25 октября 1943 г.»*

(*Из фильтрационного дела Галанцевой Н. С.*)

«Органы» не знают снисхождения, чувства жалости. Они злопамятны и последовательны, не оставляя преследования однажды избранной жертвы.

«Начальнику отдела кадров 31 ГвСК гв. майору Коншину

Прошу дать распоряжение командиру 40-й ГСД об отчислении из рядов Красной Армии Галанцеву Надежду Спиридоновну, красноармейца санроты 199 ГСП 40-й гвардейской Енакиевской стрелковой дивизии. Нач. ОКР «Смерш» 31-го ГСК гв. майор Поливанов. 8 ноября 1943 г.»**

12 ноября 1943 года старшего сержанта медицинской службы Надежду Галанцеву вызвали в политотдел корпуса.

«...До штаба корпуса я дошла с офицером связи. Пом. нач. (политотдела? — *Р. Г.*) корпуса меня спросил: не беременна ли я? Я ответила: нет, откуда я могла забеременеть? Потом сказал: куда ты хочешь ехать? — Как куда? — Вы откомандировываетесь домой. Тогда я сказала: к родным в Омск поеду.

Стала его спрашивать: почему меня домой посылаете? — Сейчас много девушек откомандировывают. И выписал мне литер до дому.

Да, ещё начальник спрашивал: хочешь совсем выбыть из армии или быть военнообязанной, работать при своём военкомате? Я сказала: не хочу выбывать из армии. Тогда он говорит: мы дадим тебе пакет и направление в военкомат...» — так записали рассказ Нади агенты, приставленные к ней контрразведкой.

(*Из фильтрационного дела Галанцевой Н. С.*)

«СПРАВКА. Галанцева Н. С. отозвана и откомандирована в распоряжение Голышмановского РВК Омской обл. 25 ноября 1943 г.»

С глаз долой — из сердца вон? Как бы не так! Руки у «Смерша» длинные — от берегов Днепра до Сибири достают:

«... Галанцева Надежда Спиридоновна... отчислена из рядов Красной Армии, в связи с чем учётное дело на неё отправляется в РО НКГБ Голышмановского района».

Понятно, что никакого «направления в военкомат» Надежда не получила. Из фильтрационного дела видно, что выставленная из Красной армии 20-летняя Галанцева какое-то время работала секретарём совхоза «Ламенский». Потом след её затерялся.

...В Голышмановском райвоенкомате, сотрудницей которого шестьдесят с лишним лет назад так и не стала старший сержант медицинской службы Галанцева, нас сразу поправили: не ГаланцЕва, а ГаланцОва. Но никаких данных в архиве РВК не обнаружено. В книге «Солдаты Победы» о ней тоже нет упоминаний. Но попросили перезвонить позднее, а после звонка выдали телефоны тюменских родственников Надежды Спиридоновны. И уже в Тюмени, по цепочке, от Галанцовых к Рогачёвым и обратно, удалось собрать крохи сведений — о том, что много лет назад Надежда Спиридоновна уехала в Нижний Тагил. И оттуда никаких связей с родными не поддерживала. Её двоюродные сёстры деталей и причин отъезда не помнят. Был ли ей вручён в конце концов орден Красного Знамени, к которому она представлена, — никто не знает. Давно это было, да и большинство собеседников моих — люди весьма преклонных лет. Лишь знают, что ветеран войны Надежда Галанцова умерла несколько лет назад и там же, в Нижнем Тагиле, похоронена.

* * *

Эти истории разнятся деталями. Но вместе, на мой взгляд, что-то добавляют, дорисовывают к большому историческому полотну под общим названием «Двадцатый век». Тот самый век, который принёс столько обид, что, и официально закончившись, он всё ещё в нас, всё ещё бередит сердце старой болью.

*Стиль документа сохранён.
**Стиль документа сохранён.

Дмитрий ***КАРАЛИС***

ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА БЛОКАДЫ?

С сентября 1941 года советское военное командование предприняло четыре попытки прорвать блокаду Ленинграда. Лишь с пятой, 18 января 1943 года, стальной ошейник удалось разорвать. В районе Рабочего посёлка и Шлиссельбурга встретились войска Ленинградского и Волховского фронтов. В ту историческую ночь Ленинград не спал. Люди обнимались на улице, всю ночь по радио читали стихи, звучали песни. Шёл пятисотый день блокады.

Звонкая оплеуха фюреру была услышана на всех фронтах. Мир рукоплескал Ленинграду, символу стойкости русских людей.

Гитлер истерично воспринял поражение. Немецкая печать заранее известила, что узкая полоска болотистой земли рядом с линией фронта, которую отвоевали русские, — это игольное ушко, в которое не пролезть даже истощавшему коммунистическому медведю.

Но советское командование, готовившее операцию по прорыву блокады, знало истинную цену будущему коридору рядом с Ладогой. Вечером того же дня Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве железнодорожной ветки длиною в тридцать три километра. Она должна была соединить внутреннюю блокадную сеть железных дорог с внешней, ведущей на Волховстрой и далее на восток страны. Уже на следующий день вслед за минёрами по январским снегам двинулись геодезисты и военные железнодорожники — они начали разметку и прокладку трассы.

Медаль «За оборону Ленинграда».

Строительство велось с двух сторон. Пять тысяч человек днём и ночью рубили деревья, заготавливали шпалы, подносили и подвозили рельсы. Почти вся трасса просматривалась с близких Синявинских высот вражескими наблюдателями. Фашисты методично и довольно точно обстреливали каждый её километр. Машинам там было не пройти. Грунт приходилось таскать в трофейных мешках с карьеров, возить на санках и кусках кровельного железа. Ссыпали в хлюпающее болото. Поверху настилали клети из брёвен, вмораживали рельсы.

Рабочий поезд проходит через разрушенный немцами и заново построенный мост. Ленинградская область, 7 февраля 1944 г. Фото В. Федосеева. РГАКФД.

Дорогу под бомбёжками и обстрелами построили за семнадцать дней. Особенно трудно дался строителям свайно-ледовый мост через Неву напротив Шлиссельбурга. Течение реки сносило сваи. Временный мост-эстакаду строили полукругом, выгнутой стороной навстречу мощному напору Невы. В дно реки копрами забивали сваи, поверх льда вмораживали шпалы, на них укладывали рельсы. В сутки давали по сто погонных метров готовой эстакады!

Немецкие офицеры ещё не допили французский коньяк, присланный фюрером к Новому году, как вдоль линии фронта ночью прошёл первый состав с танками. 7 февраля 1943 года Ленинград встретил первый поезд с Большой земли. Под гром оркестра и мощное «ура!» паровоз втянул к перрону Финляндского вокзала состав с продовольствием. Гремел оркестр. В воздух взлетали шапки. Люди плакали, не скрывая слёз. Шёл пятьсот двадцатый день блокады. Возобновление связи с Ленинградом стало второй пощёчиной Гитлеру.

Буквально через две недели после начала действия шлиссельбургской трассы ленинградцы ощутили результат прорыва блокады — их хлебный паёк сравнялся с московским! Вскоре по карточкам уже выдавали свежее мясо, сало, пшеничную крупу. Каждый день в город поступало продовольствие, побеждая главного врага ленинградцев — голод. Но какой ценой оно поступало — знали немногие...

Для обслуживания трассы, проходившей в прямой видимости противника, была создана 48-я Паровозная колонна особого резерва Наркомата путей сообщения. Машинистов не хватало — их разыскивали на фронтах и доставляли в блокированный город самолётами. Кочегарами и стрелочницами, кондукторами и помощниками машинистов стали ленинградские девушки, пришедшие по комсомольским путёвкам. Котловое питание, на которое их зачислили, помогло хоть немного встать на ноги. Когда они впервые выехали за пределы блокадного кольца, на них, измождённых и серых, прибывших из другого мира, смотрели с восхищением: обнимали, целовали, поздравляли с прорывом блокады, угощали...

Первые поезда продвигались по шлиссельбургскому коридору только ночью, с погашенными фонарями. Немцы, располагавшиеся на близких Синявинских высотах, отчётливо просматривали большую часть трассы. Сильнейшие авиационные прожектора и звукоуловители засекали поезд, едва он въезжал на свайно-ледовую переправу через Неву. Начиналась дуэль: едва немецкие орудия начинали обстрел эшелона, наша дальнобойная артиллерия открывала по ним контрбатарейный огонь. В светлое время суток, а потом и во время белых ночей вражеская артиллерия била прямой наводкой по каждому составу. Дыбом вставала земля от разрывов снарядов и бомб. Рельсы закручивало, как проволоку.

30 марта ледовая трасса Дороги жизни растаяла, и всю тяжесть перевозок взял на себя железнодорожный коридор. Ставка делала всё, чтобы продовольственный поток в осаждённый город не прерывался. Контрбатарейную борьбу с противником вели группы дальнобойной артиллерии, бронепоезда, морские орудия крупного калибра, установленные на железнодорожных платформах. Зенитно-пулемётные взводы защищали поезда от самолётов. Истребители и бронепоезда сопровождали эшелоны с бензином и боеприпасами.

Шлиссельбургскую трассу разрушали 1200 раз — это три прямых попадания в день. Разбитые паровозы и вагоны лежали под откосами. Огромные воронки

Старший стрелочник А. Александрова на вахте. Ленинград. Варшавский вокзал. 1942–1943 гг. РГАКФД.

Поезд с эвакуированными из Ленинграда детьми блокадников подходит к перрону Московского вокзала.
Ленинград. 1945 г. РГАКФД.

прерывали путь. Но удивительно чётко действовали восстановительные поезда и летучки: сгоревшие вагоны растаскивали тракторами, опрокидывали под откос мощными домкратами, засыпали воронки — и движение возобновлялось. Случалось, девушки вели паровозы за раненых или убитых машинистов. На этом пути теряли боевых друзей и подруг. Хоронили в свежих воронках. И звук паровозного гудка звучал им вместо прощального салюта.

Объёмы ввозимых продуктов выросли в сотни раз: один эшелон — это тысяча легендарных «полуторок», маленьких грузовиков, работавших на Ладожской трассе. К лету главный враг ленинградцев — голод был побеждён. Город-фронт накапливал силы для окончательной победы над фашистами.

В каждом эшелоне находился так называемый турный, служебный вагон, в котором на военном положении жили две паровозные и поездные бригады. Несмотря на обстрелы, бомбёжки, потери друзей, девушки тянулись к маленьким радостям жизни — украшали вагон распустившимися веточками вербы, стелили на столиках салфетки, делали сладкую водичку из земляники и лепестков шиповника, приносили букеты лесных цветов, собранных на стоянках во время обстрелов, пели на отдыхе песни. Иногда цветы дарили немногословные мужчины, и тогда девичьи глаза сияли. Добравшись под обстрелами до Большой земли, мылись горячей водой из паровоза и, надев ушитые довоенные наряды, устраивали танцы под патефон или гармошку — прямо рядом с эшелоном, чтобы в случае авиационного налёта быть на посту. В Ленинграде, прибыв в депо Сортировки, бегали в кино или на те же танцы в близкий клуб имени Вомпе. Выпускали стенгазеты, боевые листки, устраивали самодеятельные концерты... Есть нечто знаменательное в том, что жизнь в осаждённый город везли девушки, которым самим хотелось радоваться жизни, продолжать её. Именно тогда, в тяжкие военные годы, во многих девчонках и парнях пробудилось первое настоящее чувство, многие поженились после войны, дружили семьями, встречались.

Сейчас из пятисот с лишним человек осталось около тридцати. Только они знают, какой ценой давались Ленинграду все продовольственные прибавки 1943 года. Только они знают, как хотелось жить их молодым друзьям и подругам, шагнувшим из «коридора смерти» в бессмертие...

После войны тема «коридора смерти», что называется, не вписалась в историю блокады. Мало кто знает, что по этому коридору в осаждённый город было доставлено 75 процентов всех грузов — оставшуюся четверть дала знаменитая ладожская Дорога жизни. Возможно, железнодорожной ветке не повезло с названием. Даже красивое официальное название — Дорога Победы, которого она удостоилась после войны, не смогло обеспечить равноправное вхождение в историю блокады. Лишь в 1984-м удалось добиться, чтобы «колонистов» 48-й признали участниками боевых действий. И лишь в 1995-м на втором этаже вокзала станции Петрокрепость открыли маленький ведомственный музей. Совет ветеранов Дороги Победы и Дороги жизни сделали объединённым — вклад в общую победу над врагом решили не делить: и легендарные «полуторки», и паровозы делали одно дело, спасали великий город.

На месте прохождения шлиссельбургской трассы до сих пор сохраняется просека — земля, нашпигованная металлом, не даёт расти деревьям. Растёт лишь высокая трава и лесные цветы, среди которых краснеют ягодки земляники...

Борис ***НЕМЕНСКИЙ,***
народный художник России

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Окончилась Отечественная война. Военные художники вернулись в Москву. Начался совсем новый этап жизни.

В мастерских и в хранилищах Студии имени Грекова осели этюды и рисунки, сделанные на фронтах. Но в нашей памяти, в наших душах скопилось впечатлений, мыслей и переживаний гораздо больше, чем удалось зафиксировать в этих быстрых работах. И постепенно они стали вырастать в образы картин, графических серий, скульптур о том, что не успели, а может быть, и не могли мы выразить в работах, сделанных прямо на фронте.

Теперь, по прошествии многих лет, я вижу, что каждого из нас привели к обобщениям близкие именно ему мысли. Меня повлекло к выражению трёх тем: земля, опалённая войной, опалённая войной юность и опалённые женские судьбы. И каждая из тем потребовала не просто целого ряда картин, но долгого — во многих холстах — осознания каждой из них. Эти темы захватили меня на многие годы.

Случайно или не случайно, но первой после войны темой о войне стало ощущение прелести жизни, прелести природы, прелести весны. Позже я написал для детей книжку об этой картине, об этих чувствах. И назвал её «Солдат и подснежник».

Картина была очень автобиографична.

* * *

Меня разбудил шорох. Ещё полусонный, я посмотрел перед собой и не увидел никакого движения: лес только ещё думал проснуться, верхушки берёз золотились в первых лучах солнца.

Что это? Опять шорох. Вгляделся внимательнее: старый серый лист шевельнулся, приподнялся, и из-под него выглянул, выпрямился и потянулся вверх маленький зелёный росток. И другие маленькие росточки раздвигали старую листву, поднимали чёрные головки и готовились встретить первый солнечный луч.

Вдруг — голубой цветок. Я спал на еловом лапнике, среди своих товарищей-солдат, и голубой цветок так неожиданно возник прямо у самых глаз. Такой нежный, хрупкий, беззащитный на маленьком, пушистом розовом стебельке... В лесу тихо-тихо — слышен даже шелест травинок.

После грохота артиллерийской канонады, после воя, скрежета и свиста снарядов и пуль — тишина. На фронте — тишина и щебет птиц навстречу встающему солнцу.

С этих голубых весенних цветов и началась для меня картина «Дыхание весны». Вспоминал ощущение радости жизни, открытия небывалой красоты весны, которую до этого не замечал, и ощущение тревоги и нежности ко всему живому. Ведь завтра здесь может пройти враг и всю эту родную красоту уничтожить, растоптать, сжечь, побить снарядами... А подснежники такие хрупкие...

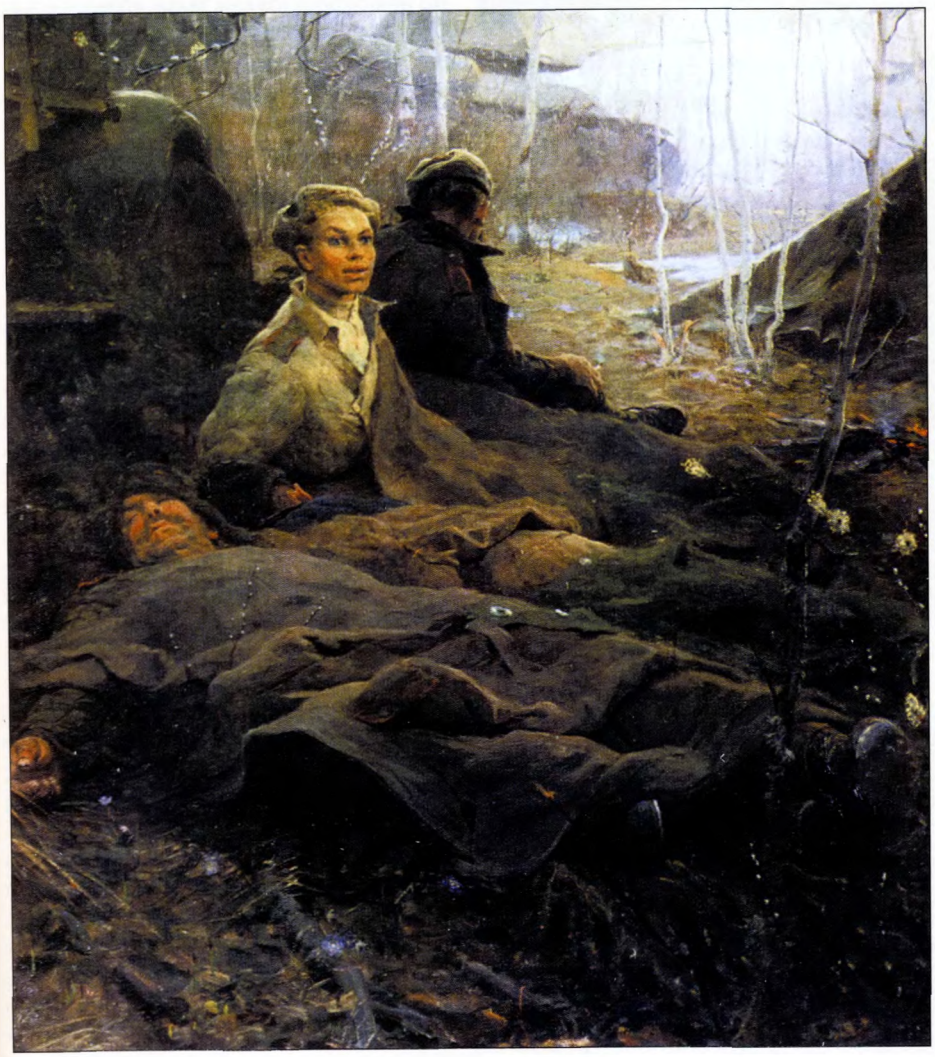
Только на войне, на фронте многие мои сверстники по-настоящему поняли, что твой дом, твоя улица, твой город, твои мать и отец, родные, друзья — это и есть Родина. И ещё эти берёзки, утренний туман, птичий гомон в лесу — тоже Родина. И подснежники — тоже Родина, которую надо беречь и защищать от врага, ради которой и жизнью пожертвуешь не задумываясь.

Мне было девятнадцать, другим и того меньше. И это тихое утро в лесу стало для нас ещё одним открытием любви к самой малой крупинке Родины и своей ответственности за её судьбу. Врагу нельзя, невозможно отдать на поругание не то что пяди земли — даже малого подснежника!

Как дым, струятся вверх стволы берёз. Костры на земле... Невероятный пожар бушует над ней: война вырвала из мирной жизни зрелых мужчин и совсем ещё юных парней, почти мальчиков, со школьной скамьи уходящих на фронт...

Вся страна брала тогда в руки оружие.

Б. М. Неменский. Дыхание весны.



Б. М. Неменский. Вдова.

Мысли и мечты людей были обращены к этой пылающей линии — к фронту. Каждый честный человек мечтал быть там, где решалась судьба страны, над которой нависла страшная опасность — рабство фашизма, уничтожение.

И поэтому весенний лес был наполнен солдатами с оружием, машинами, танками. Скоро в бой. В их руках судьба Родины, и сами они — Родина. И этот юноша, почти мальчик, — её подснежник, её солдат.

Вот обо всём этом позднее и была написана картина, которая создавалась три года. Перепортил несколько холстов. Напишу картину, посмотрю, подумаю, людям покажу и вижу — нет, не то! И всё заново — эскизы, этюды, холсты. Ведь для того, чтобы все почувствовали так же и то же, что и я, мало просто вспомнить и захотеть.

До сих пор в мастерской лежит большая папка рисунков, этюдов и эскизов для этой картины. Много весенних майских рассветов я встретил в берёзовом лесу около городка Тарусы. Снова и снова смотрел, как распускаются первые цветы, как пробивают толщу прошлогодней листвы маленькие зелёные стрелы, как золотятся берёзки в утреннем тумане и первые лучи солнца на их макушках...

Большинство из них, конечно, не вошло в картину, а пейзаж оказался написанным не по этюдам, а по памяти, вернее, по представлению: ни одного «точно такого» этюда не было. Но и поныне пора года — после снега до зёленых листьев — мне кажется самой прекрасной в нашей природе: всё в намёке, в надежде, в ожидании, как солнечное утро в день рождения...

Тогда много писал и солдат — уже не тех, конечно, что были со мной на фронте: они стали старше, если остались живы, ведь многие из них погибли, защищая эту весну. Писал пареньков такого же возраста, какими мы были. Толком никак не мог решить, каким же должен быть этот юный солдат, какое же у него должно быть лицо.

В мастерскую приходили школьники и студенты, рабочие и солдаты — младшие братья и сыновья тех, кто воевал. Сперва очень разные ребята, совсем непохожие друг на друга, но из месяца в месяц образ юноши становился яснее. Интересно, что одним из этих парней оказался прекрасный поэт Владимир Солоухин, подаривший мне первую книжку своих стихов.

Искал и образ старого, бывалого солдата, что спит на картине богатырским сном. В первых вариантах он сидел, проснувшись, с молодым, грел ноги у костра и думал о чём-то своём. Но потом я его «уложил» спать, чтобы не «отвлекал» от молодого. Ведь картину-то хотел сделать о юном, о том, что он чувствовал, что думал в это не по-фронтовому тихое утро.

А старый солдат спит здоровым сном сильного человека с чистой совестью. А как же ему ещё спать? Будет день, будет бой, и он, не дрогнув, выполнит свой долг. За его спиной большая и хорошая жизнь рабочего человека, его руки немало потрудились, создавая Страну Советов, — ему есть что защищать. Пусть он спит, набирается сил...

Отгремела война, прошли десятилетия, но эти солдаты должны продолжать жить в нас, в наших сердцах, в нашей памяти. Ведь они спасли Родину, спасли и твою мать, и твой дом, и твой город — спасли для нас.

Спасли и подснежники — для нас. Пойди, посмотри ранней весной, когда ещё только-только сходит снег, как открываются навстречу дню нежные лепестки голубых цветов.

Посмотри!

* * *

Такой прозрачно лирической оказалась эта картина. Такими были и чувства мои — тогда.

Но время не стояло на месте. Мир оказался гораздо более сложным и тревожным. Радостный труд по восстановлению страны — часто он был и на истощение — сочетался со многими тревогами и странностями последовавшей жизни.

Одной из них оказалась «холодная война» — война, в которую трудно было поверить, истоки которой, пожалуй, мы

начали понимать только теперь. Мир стал тревожным. Мир с нависшей над нами атомной бомбой.

Мысли, связанные с этим, вылились сперва в картину, так и названную — «Мир тревожен». С отцом, держащим на одной руке открытого всему миру маленького ребёнка, а в другой — тревожную своими новостями газету. Он, отец, ответствен. Что он может? И чистое, доверчивое, не знающее этих тревог маленькое существо.

И опасность новой, ещё более страшной войны.

Очевидно, не случайно тревоги этих дней подняли со дна фронтовых воспоминаний событие, которое долго и незаметно сидело в моей душе. Воспоминание это толкнуло на многие годы сложных раздумий, на целую серию картин — от «Безымянной высоты» до «Это мы, Господи».

Опять тема юности и войны, но уже далеко не лирическая. Вопрос? Нет, скорее молчаливый вопль души, попытка понять то, что понять невозможно. Это была попытка разделить эти трудные вопросы с людьми. Опять весна. Опять юный солдат, вернее, два юных. Враги, сошедшиеся в смертельном бою на нашей земле. Защитник и захватчик. И оба — почти дети. И немой вопрос ...

Всё началось с неожиданно возникшего воспоминания.

Подсознание очень цепко ухватилось за него, и дальше вся подспудная и сознательная работа шла отсюда. Очевидно, этот эпизод — как бы уже совсем забытый — где-то в памяти сидел занозой. Сидел и требовал выхода.

Начало 1943 года. Я шёл в Великие Луки из частей, застрявших в болотах под городом Холм. А здесь начались активные боевые действия. И весь город был спалён, был зоной пустыни — ни одного живого человека, ни одного целого дома. Когда я подходил к городу, там шли яростные бои. Наступал вечер. Я шёл пешком, с полной выкладкой солдата — художника. Шёл долго, устал. И сел на торчащий из-под снега то ли камень, то ли пенёк пожевать сухарь и дать ногам отдохнуть. Неожиданно заметил, что позёмка прямо подо мной колышет траву. Но трава зимой не мягкая, колыхаться от лёгкого ветра не может. Всмотрелся, встал. Оказалось, что я сижу на мёртвом немецком солдате, почти полностью занесённом. Колебались рыжеватые волосы. Мне удалось легко перевернуть ещё не вмёрзшего в лёд немца. И я был поражён: мальчишка, юноша моего возраста и даже чем-то похожий на меня!.. Может быть, поэтому я не смог здесь написать — труп. Несколько часов тому назад он был человеком. Живым. Фашистом? Это был мой первый фронт и первый враг, увиденный лицом к лицу. Я ведь уже видел разрушенные, выжженные сёла, колодцы с детскими трупами. Неужели этот, похожий на меня мальчишка...

Мой год рождения — 1922-й — оказался одним из самых выбитых в годы Отечественной войны. Я остался жив. А из моего класса на этих полях остались очень многие. Мог остаться и я. И так же лежать, запорошенный снегом. И так же колыхались бы русые волосы — мои.

Однако (кто скажет, почему?) первым зримым образом картины стала не зима, а полное цветения трав и нежного солнца лето. Мне увиделись два погибших в единоборстве юных солдата — наш (я!) и немецкий. На цветущем нескошенном лугу, наполненном ароматом трав, стрекотом кузнечиков, с бабочками, пчёлами. Небо чистое, голубое, с высокими перистыми облаками. В общем, прекрасная мирная природа в самую блаженную пору года, перед сенокосом. А по бокам задуманной мною картины должны были располагаться еще два холста: юные русская и немецкая матери с маленькими детьми на руках на такой же прекрасной земле.

Сама идея триптиха с матерями, наверное, возникла не случайно, это не только мои мысли. Достаточно вспомнить слова статьи полковника Борзенко («Правда» от 6 сентября 1968 года): «За церковной оградой валялись трупы фашистов, присыпанные снегом. Подъехал генерал Рыбалко, долго смотрел на молодого солдата с холодными полураскрытыми, почти девичьими губами. Кого напомнил ему этот мёртвый немец, сына ли, брата ли, но только суровый генерал сказал:

— Ненавижу войну... Сколько скосила жизней и наших, и чужих! — и тут же попросил собравшихся жителей: — Похороните мёртвых.

— Да ведь это же враги, — возмутился белобородый старик. — Пускай их растащат вороны.

— Всё равно, похороните. У кого найдутся документы, перепишите фамилии и отдайте в сельсовет... Окончится война — миллионы матерей со всего света станут искать могилы своих сыновей».

Однако впоследствии идея триптиха отпала. Эта мысль осталась, но ушла в подтекст.

Эскиз решился довольно быстро. Высокое чистое небо на холсте занимало подавляющее место. Увиденная как бы снизу всхолмленная цветущая земля и

Б. М. Неменский. Мир тревожен.

на грани её и неба — два бывших врага. Мёртвые. Уже неспособные на веки вечные увидеть это цветение. Схватка окончена. Окончена жизнь.

Равная жизнь, равная смерть? Наш юноша, раскинув руки как бы в немом вопросе, обращён к небу. Немецкий — лицом в землю... Нет, наверное, нужды говорить, что я не мог, да и сегодня не могу одинаково ощущать смерть этих солдат. Прав всегда защитник своей земли. Во веки веков прав. Но права ли их судьба? Ведь тот юный солдат был похож на меня...

Работа шла довольно спокойно. Был собран натурный материал, подходила к концу работа над холстом. На удивление всё шло гладко и необычно быстро.

И нарастала внутренняя тревога: если так легко, может, что-то не так? Тем более, что суть-то работы отнюдь не радостна, не легка... Холст 2х2 метра был написан. Высокое небо, травы, играющие радостью солнечных просветов. Два солдата — почти голова к голове. Воин наш — как бы поднявший руки к небу... К этому спокойному, прекрасному небу...

И, однако, что-то было не так. Сознание пыталось оттянуть время, спастись от травмы неудачи. Ведь всё получалось, всё — как задумывалось... Но нарастала боль неудовлетворённости.

Подсознание моё что-то перепутало. Наслаждение красотой мира подавило боль, подавило всю многосложность проблемы. Я уничтожил этот холст...

И — всё заново. Уже более осознанная задача — самому себе, тому же подсознанию. Горечь неудачи, пройдя через отчаяние, принесла злость упорства, настойчивость.

Постепенно пришла идея иного поворота сюжета — перенесения его в то время года, когда ещё нет такого праздника природы. Необходимо было снять противопоставление вечной и действительно равнодушной к нашим бедам природы и своей, чисто человеческой проблемы. Ушло высокое спокойное небо. Ушёл цветущий луг. Сперва даже всё это чересчур ушло. Осталась суровая коричневая земля, исполосованная гусеницами танков, догорающий танк вдали и два мёртвых солдата на голой земле. И уже не почти, а совсем голова к голове. И никакого неба...

Начался долгий этап поисков композиции, собирания новой серии этюдов: ведь не только цветовая и световая среда, но и позы фигур оказались совершенно иными. Постепенно эскиз, развиваясь, уточнялся. Ушёл с поля картины на время появившийся разбитый танк. Осталась уходящая вдаль земля и погибшие солдаты. Появились первые весенние цветы мать-и-мачехи — жёлтенькие солнышки, совсем как свечи. Меня они увлекли: на короткой розовой ножке они первыми до листвы, до травы выскакивают из земли. Мне показалось, что именно они — нежные, хрупкие, еле видимые — смогут тактично оставить в картине радость и красоту живого мира родной земли.

Мне было неуютно от довольно мучительных раздумий о подлинной сути этой войны и войны вообще, о месте этих двух солдат в ней — в жизни, в смерти, в борьбе. Для меня не было сомнения в нравственной правоте борьбы русского солдата, в нравственной неправоте немецкого, но я не мог внутренне смириться с тем, что он просто заслуженно своё получил. И да... И но... Весь процесс работы оказался как бы внутренним спором, выдавливанием из себя накопившейся за годы войны ненависти, недоверия, процессом расчленения как бы единого представления: немец — фашист. Ведь их всех — и его тоже — никто не звал сюда, не звал превращать в пепелище страну, губить неповинных людей... Сейчас всё это звучит как логические рассуждения, а для меня тогда это были импульсы чувств, постепенно проявлявшиеся в зрительных образах. Отсюда появились и новые фигуры, обесчеловеченные, обезличенные — военные машины. Я как бы перекладывал на них груз своего неприятия фашизма и тем самым снимал с юного немца хотя бы часть своего несогласия с его участием в этой тёмной войне, при понимании и его ответственности за неё. Да и он ответствен, хотя ничего он лично сделать не мог, даже если бы и хотел.

Поэтому последний вариант картины, написанный во время событий уже 1990-х годов, повернулся ещё острее в сторону нравственной ответственности всех людей. И, соответственно, изменилось название вещи. Да, это мы, Господи, — и виновные, и жертвы.

И вот на холсте картины, на тёплой весенней земле со свечками-первоцветами лежат голова к голове, переплетаясь волосами, два юных солдата. И дыхание весны, и ощущения тревожности современного мира сливаются в тот же вечный вопрос...

Б. М. Неменский.
Это мы, Господи! 1961–1992.

Елена ***ОГАРКОВА,***
научный сотрудник Волгоградского музея изобразительных искусств

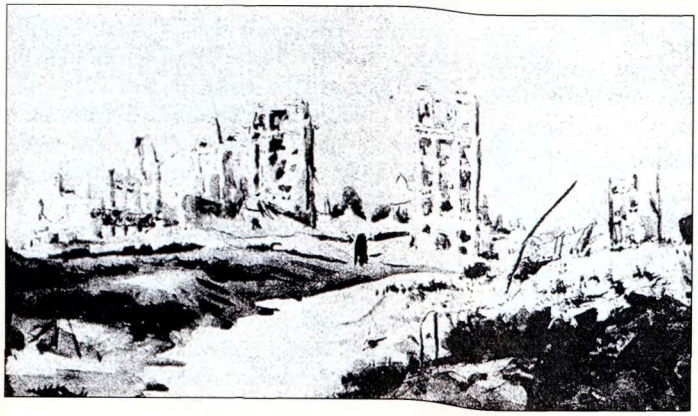
«ПРОСТО, БЕЗ ПРИКРАС, ОЧЕВИДНО...»

Сталинград в натурных зарисовках советских художников 1943 года

В хронологических рамках Великой Отечественной войны Сталинград проживает три жизни: до битвы, битва, после битвы. По демографическому составу, по градостроительному замыслу, по архитектурному облику «до» и «после» — это уже разные города. Но сохранилась ли душа города? И есть ли шанс сейчас ощутить атмосферу, эмоциональный фон, неповторимость этого места и времени? Сейчас, когда растерянный разум современного человека испытывает настоятельную потребность вернуться к первоисточникам, к свидетельствам очевидцев, рисунки военных лет нам дают такую возможность.

«Только холодной весной сорок третьего года, после зимнего наступления от Волги через безводные калмыцкие и Сальские степи, в обороне на Миусе я первый раз рискнул взяться за карандаш»[1], — вспоминал участник боёв В. Давыдов. Рисование в суровых условиях военных будней становилось духовной потребностью профессиональных и самодеятельных художников. Это всегда была проблема личного выбора, мучительный внутренний конфликт между хаосом, распадом окружающего мира и обязательным для рождения художественного образа синтезом...

Жители Сталинграда. 24 августа 1942 г.
Фото Э. Евзерихина. РГАКФД.



Весь ход Сталинградской эпопеи сопровождался особым типом летописания — изобразительным. Оставаясь в тени агитационно-массового искусства и фоторепортажа, натурный фронтовой рисунок не претендовал на особое место в истории.

В иных случаях пресыщенность видами разрушенных городов отталкивает художника от этой темы: «Рисунки разрушенного Сталинграда я не делал почти... развалины, которые я повидал и в Европе и в Азии в огромном количестве... не особенно меня прельщали»[2], — так писал другой художник. Это тоже проявление протеста, сопротивление войне.

Специфика карандашной летописи Сталинградской битвы обусловлена её беспрецедентностью, подспудно осознаваемого современниками кульминационного значения этого

события. Константин Симонов писал: «До этого война наматывалась, как клубок, — сначала это клубок несчастий, потом, в декабре сорок первого, этот клубок как будто начал разматываться, но потом он снова начал наматываться, как клубок новых несчастий. И вдруг... *словно всё остановилось. Теперь движение жизни* представлялось в будущем каким-то прыжком — или перепрыгнуть, или умереть!»[3]

Разъятость временного потока, в образной терминологии Симонова — «движения жизни», подкрепляется почти мистическим пониманием пространства Сталинградской битвы. В текстах и изображениях тиражируется образ котла, воронки, всасывающей всё живое и неживое. Предчувствие этого встречаем, например, в дневниковых записях драматурга А. К. Гладкова: «Нас всё время обгоняют воинские эшелоны. Вот состав, везущий на платформах 20 крупных танков. Идут составы с резервами. Поражает вид и возраст резервистов. Все откормленные, молодые ребята лет 20–23, крепкие и весёлые. На одной из теплушек крупно написано «Мы». Очевидно, эти пойдут в летнее наступление»[4].

Победа советского народа в Сталинградской битве и её резонанс в мире породили загадку и вызвали интерес к этому городу, оказавшемуся таким важным и таким «неудобным» для власти. Впервые большой, густонаселённый промышленный центр стал полем боя, фронтом. Это отличает судьбу Сталинграда от судьбы оккупированных городов и советского тыла. Дилемма трагическое/героическое в отношении Сталинграда имеет чрезвычайно острый характер.

В создании карандашной летописи битвы приняли участие десятки художников. К сожалению, военным рисункам довольно долго не придавали большого значения. Многое безвозвратно утеряно. А ведь художников, награждённых медалью «За оборону Сталинграда», насчитывается более сорока[5]. Если учесть, сколько художников было командировано в Сталинград по линии ГлавПУ РККА и творческих союзов, и прибавить к ним художников — жителей города, можно представить, насколько обширна художественная экспозиция Сталинградской битвы.

Очевидцами и участниками завершающего этапа сражения стали мастера студии военных художников имени М. Б. Грекова. Это был второй выезд грековцев на фронт. Цель командировки — сбор натурных материалов и подготовка к выставке «Великая Отечественная война в изобразительном искусстве»[6]. Е. Комаров вспоминает: «Мы сами подавали рапорты, просились в Сталинград»[7]. До Сталинграда добирались на поезде неделю, пропуская воинские эшелоны. Топливо и пищу добывали на станциях самостоятельно. Художников распределили по трём армиям: 62, 64, 66-й. К В. И. Чуйкову попали Е. Комаров, В. Медведев, И. Лукомский, Г. Прокопинский и назначенный руководителем группы С. Годына[8].

Грековцы более, чем другие художники — очевидцы событий, зависели от «пожеланий» и рекомендаций военного командования. Да и жизнь в непосредственной близости от штабных блиндажей делала их несвободными в выборе мест и героев изображения. «В один из вечеров члены Военного совета армии генералы В. И. Чуйков, Н. И. Крылов, К. А. Гуров приняли грековцев... Беседа была обстоятельной, деловитой, непринуждённой. Запомнился наказ: кроме дивизии Родимцева уделить внимание и другим, столь же достойным дивизиям Батюка, Гурьева, Людникова»[9]. Отметим: эти художники обладали большим мастерством и имели опыт фронтовых зарисовок. Количество и художественный уровень их рисунков и этюдов свидетельствует об огромной творческой отдаче. Они оказались вовлечены в самую гущу событий конца битвы: «События, эпизоды были самыми яркими, запоминающимися... характерными были обстановка, ситуации, всё вокруг и внутри»[10].

Главный герой Сталинградского пейзажа — руины. Однако в натурных рисунках нет форсированной героизации, ярко выраженных идеологических акцентов. Беглый взгляд и карандаш фиксируют монотонность заснеженных окраин, заводских цехов и посёлков, мусор войны: ящики из-под снарядов, куски железного лома, битый кирпич[11]. Голая степь и распластанные, прижатые к земле, полуразрушенные невысокие постройки, сеть разнонаправленных траншей, паутина колючей проволоки. Несколько покосившихся столбов высятся среди унылого зимнего пейзажа. Горизонтально выстроенная панорамная композиция, замедленность линий и россыпь мелких объектов; следы боя точно передают усталость этого места,

затихающие ритмы сражения. Безлюдно. Безмолвно. Опустошённо[12]...

Позднее художник Е. Комаров вспомнит этот «зазор» между тем, что видит глаз, и тем, что чувствует разум: «И уже тогда мы ясно ощущали это сожаление, что нам не охватить размаха событий, что наши зарисовки, этюды — лишь малая часть всего, что происходило у нас на глазах во всей грандиозности и неповторимости»[13]. Именно эта периферийность мотива, подсознательная фиксация «неглавного», неслучайная случайность выбранных моделей так многозначительны.

Что остаётся на месте сражения? Трупы поверженных врагов. Сюжет в военном искусстве не редкий. Здесь, в Сталинграде, месте наивысшего военного противостояния, самого пика ненависти, образ врага имеет широкие вариации: плакатно-гротескный, карикатурно-комичный и — в натурных зарисовках — неожиданно человечный, даже сострадательный.

Рисунок С. Годыны «Трупы немцев»[14] композиционно выверен. Высокая линия горизонта, крупный план приближают тела погибших к зрителю. В отличие от плакатов или фотографий с подобным сюжетом, лица не показаны. Рисующий художник один на один со смертью. Очевидно отсутствие карикатурности, смакования триумфа. Для этого художника вообще типична максимальная серьёзность в работе, непредвзятость. Автор показал, что ждало вражеских солдат на чужой земле: смерть, безвестность...

В карандашной серии И. Лукомского есть любопытный лист: «Пленный «Фриц». 10.01.43.»[15]. На одной стороне — незавершённый вариант портрета, на другой, в более мелком масштабе — законченный рисунок с детальной проработкой одежды, мимики, выражением жалкой растерянности на лице. Интересно, что беглый, незавершённый рисунок глубже по содержанию подробного, законченного варианта. В карандашном наброске автор профессионально показал личность, а не врага, «схватил» страдание, боль живого человека. О таких моментах не принято было писать в мемуарах.

Сталинград после битвы как место вселенской катастрофы, поле боя, «усеянное мёртвыми костями», — так запечатлел историю художник-солдат со звучной для своего времени фамилией Воинов. Это уже изобразительный фольклор. Несколько его рисунков передал в фонды музея-панорамы «Сталинградская битва» бывший заместитель командира по политчасти 143(14) гвардейской отдельной стрелковой бригады С. В. Кузовков, добавив к каждому рисунку сопроводительные комментарии. «Так выглядела балка Западная под Сталинградом после того, как наша бригада разгромила немцев на этом рубеже. Это также зарисовка сержанта Воинова. Автор этих зарисовок говорил: «Если буду жив после войны, я из этих зарисовок сделаю две большие картины». Но ему не удалось осуществить свою мечту, так как в боях на Курской дуге он погиб».

Рисунки «Балка Западная», два на одном листе, удивительны в своей по-детски искренней старательности, в стремлении объять всю панораму боёв. Художник «взахлёб» перечисляет то, что видит глаз, старательно отделяя и располагая на плоскости танки, машины, пушки, повозки, колёса и многое другое. С. В. Кузовков комментирует: «Балку Западную мы взяли 15/I — 43 года. Зарисовки сделаны толково. Когда я тогда смотрел на этот рисунок и на действительное положение в этой области, получалась точная панорама. А перед этой балкой была знаменитая высота 119,7 которую мы долго не могли взять, там же немцы шли на нас в «психическую атаку»[16].

Историки искусства отмечают эту новую художественную тенденцию военного времени — «связь с наивным искусством»[17]. Очевидно, что в социальных катаклизмах низовой слой культуры

оказывается сопоставим с образцами «высокого» искусства, что «сфера самодеятельного творчества приняла на себя ряд высоких социокультурных, нравственных, эстетических функций»[18].

По следам Сталинградской битвы создавался «Сталинградский дневник» Константина Финогенова, пожалуй, наиболее ёмкая и впечатляющая изобразительная хроника последнего этапа сражения. Изданный в 1948 году, он, несомненно, является продуктом «государственной культуры» своего времени. Но натурные зарисовки талантливого, наблюдательного художника дают удивительное впечатление личного присутствия, включённости зрителя в динамику событий. Тем более, что сам Константин Финогенов — сталинградец. В дни битвы его родители погибли в занятой врагом части города. Художник рвался сюда из Москвы, чтобы узнать судьбу родных. Среди многих пейзажных набросков, в которых фиксируются страшные увечья, нанесённые родному городу, выделим один. Финогенов зарисовал гору копыт съеденных гитлеровцами лошадей — воистину новый «апофеоз войны»[19].

Художник вспоминал: «Весной 1943 года я вновь приехал в Сталинград. И снова его не узнал. Из груды руин уже возрождался город. С Мамаева кургана повсюду видны клубящиеся дымы. Работают цехи заводов. На Волге — нефтяные суда, баржи, пароходы. Вырастают дома. Жизнь начинается снова!»[20]

Мысль о возрождении мирной жизни содержат и рисунки молодой сталинградской художницы Надежды Черниковой. Чудом эвакуировавшись из Сталинграда в конце августа 1942 года, она успела сделать несколько этюдов разрушения города. Через год семья вернулась «домой». Люди жили в землянках, солдатских палатках, ветхих домиках. На скромных рисунках 1943–1944 годов — правда жизни. От сгоревшего дома осталась только печка. На ней под открытым небом готовили пищу. Школа в развалинах, без крыши. Утварь, собранная на пепелищах, — настоящее богатство. Одна уцелевшая баня на всю округу. Купив стакан семечек и получив пачку папирос (тогда власти выдавали жителям табак, чтобы притупить чувство голода), Надежда шла пешком из Ельшанки в центр разрушенного города и рисовала. Она не искала ярких образов-символов, а кропотливо фиксировала следы разрушений, в особенности то, что стало с памятными для сталинградцев местами: «Медицинский институт», «Дом книги», «Набережная». Рисунок «Улица Ярославская. Сталинград. 1943» показывает,

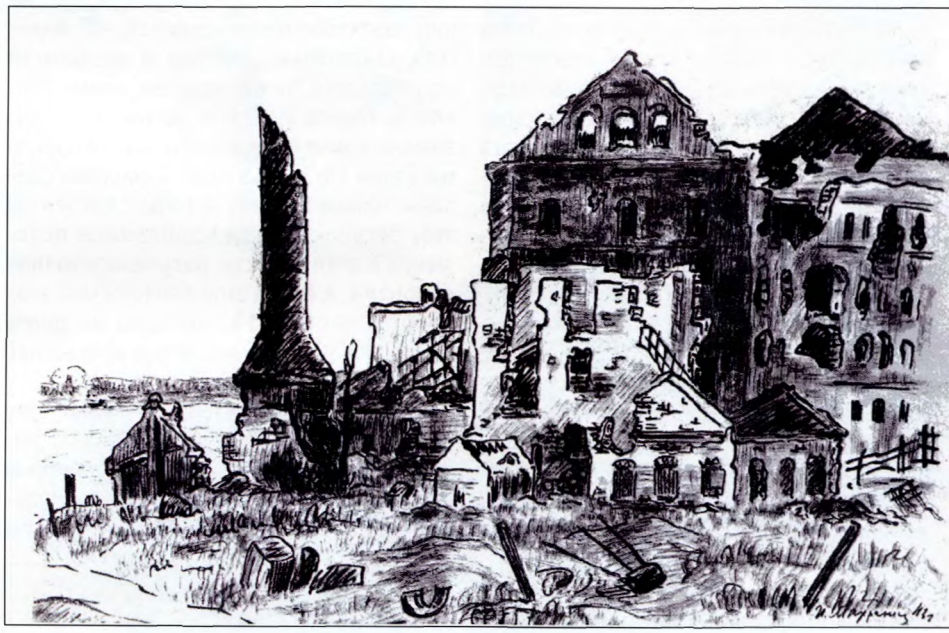
как начиналось строительство нового Сталинграда[21]. Женский взгляд художницы представляет войну как разрушение красоты, хаос и безмерную беду.

Выполнение натурных зарисовок и создание художественно-документальной хроники жизни города немногочисленная группа местных художников считала своей главной задачей. Тема руин Сталинграда обязательно присутствовала на первых городских выставках 1944, 1945, 1946 годов. Но после Постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» сталинградские художники (в режиме «резонанса») подверглись критике за «воспевание разрухи»[22]. И хотя условия жизни сталинградцев оставались очень тяжёлыми, а некоторые полуразрушенные здания в центральной части города простояли так до 1960-х годов, трагические интонации потребовалось приглушить.

По свежим следам битвы тема Сталинграда начинает активно использоваться в пропаганде. Главное политическое управление и Союз советских художников направляют сюда мастеров. В сентябре 1943 года по линии Комитета по делам искусств СНК РСФСР с целью собрать натурный материал для картины о Сталинградской битве в город прибыл известный ленинградский график Е. А. Кибрик. Созданная им серия рисунков отличается философской ёмкостью образов. Он, конечно, обращал внимание на места боёв: «Мамаев курган», «Окопы в центре города», «Блиндаж гвардейцев Родимцева», разбитую вражескую технику. Но, потрясённый почти мистическими картинами мёртвого города, дополнил серию сюжетами о бедственном положении мирных жителей.

Художник вспоминал: «Я всё рисовал, думал, что потомки должны знать, что такое фашизм в действительности»[23]. Повседневную жизнь горожан отражал порой мимоходом. Один из незаконченных набросков сделан на обороте другого рисунка. Показана то ли девочка, то ли старуха у входа в немыслимого вида времянку. В рисунках, находящихся в коллекции Волгоградского музея изобразительных искусств, — «Привезли воду», «На пепелище», «Вернулись домой», «На Сталинградской пристани» — художник передал провинциальную заторможенность волжского города, вроде бы негероическую, будничную жизнь, но в нечеловеческих условиях.

То, что увидел Кибрик в Сталинграде, сильно отличалось от патетически пропагандистского образа великой битвы. Заказанную картину он не написал, мотивируя это так: «Не было у меня, как у художника, веры в то, что я, не будучи очевидцем событий, в силах найти такой образ «Сталинградской битвы», который не показался бы героическим защитникам Сталинграда искусственным, фальшивым»[24].



Жизненный опыт, мотивация творчества, профессиональный уровень художников, рисовавших Сталинград 1943 года, различаются. Художники изображали в Сталинграде пепелища, окопы, руины, пленных, страдающих стариков, детей, женщин — реалии войны, вне конкретизации времени и места. И в этом смысле они беспристрастно фиксировали обезличивающую типичность произошедшего. Десятки созданных рисунков, скромных по технике, сдержанных по образному решению, органично вписываются в ткань советского изобразительного искусства Великой Отечественной войны. Художники увидели Сталинград как обычный, провинциальный русский город, глубинку. Ритм бытия, равнинный, степной ландшафт, неспешное течение Волги контрастируют с приметами войны, следами смерти и разрушения.

Возможно, неосознанно художники ищут ответ на вопрос: что особенного в этом городе? И, потрясённые, отвечают: ничего. Кроме того, что здесь была утолена та самая «страстная жажда победы, которая охватила всю страну»[25]. И в этом миссия и особость Сталинграда. В фокусе исторической катастрофы, ценой огромных потерь — выстоять и победить! Звучит пафосно. Но натурные зарисовки художников рассказывают об этом просто, без прикрас, очевидно — о жажде победы, сплотившей советский народ, о безмерном терпении и выносливости тысяч обычных людей, о способности сохранить ростки жизни в немыслимых условиях.

Примечания

1. Давыдов В. Фронтовая тетрадь. Записки солдата. Рисунки автора. М. 1965. С. 7.
2. Воспоминания волгоградского художника Л. А. Крылова. Рукопись. Архив автора.
3. Симонов К. Собрание сочинений. Т. 9. Разные дни войны: Дневник писателя. Часть II. 1942–1945. М. 1983. С. 133.
4. Гладков А. К. Из дневниковых записей. 1941–1945 гг./Публикация С. Д. Воронина//Музы в шинелях: советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тексты, воспоминания. М. 2006. С. 218.
5. Мы помним… Художники, искусствоведы — участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: энциклопедия. М. 2000.
6. Солдаты XX века. Многотомное издание. Выпуск III. Том I. М. 2003. С. 202.
7. См.: Комаров Е. Листы фронтового альбома. М. 1989.
8. Комаров Е. Указ. соч.
9. Там же.
10. Там же.
11. Комаров Е. Фрицевы укрепления у подстанции «Красный Октябрь». Сталинград. Январь 1943. МПСБ. Инв. № 13899.
12. Комаров Е. Заводской посёлок «Красный Октябрь». Сталинград. Январь 1943. МПСБ. Инв. № 13898.
13. Комаров Е. В те дни//Советская культура. 1973. 2 февраля.
14. Годына С. Трупы немцев. 1943. МПСБ. Инв. № 2338 (10).
15. Лукомский И. Зарисовка на обороте рисунка «Пленный «Фриц». 10.01.43.» МПСБ. Инв. № 15439.
16. Воинов. Балка Западная. 1943. МПСБ. Инв. № 9252.
17. Малинина Т. Г. Память как совесть и правда//Декоративное искусство. 2005. № 3. С. 83.
18. Румянцев С. Ю., Шульгин А. П. Низовой слой народного творчества// Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. 1930–1950 гг. Кн. 1. М. 1995. С. 98.
19. Финогенов К. И. Сталинград. Остатки съеденных немцами лошадей. Воспроизведён в Сталинград. Декабрь 1942 — февраль 1943 г. Фронтовой дневник художника К. И. Финогенова. М.; Л. 1948.
20. Финогенов К. И. По горячим следам Сталинградской битвы//Своим оружием. М. 1961. С. 385.
21. Черникова Н. Е. Улица Ярославская. 1943. Волгоградский музей изобразительных искусств.
22. Трошин И. И. Надежда Елисеевна Черникова. Волгоград. 1967. С. 14.
23. Кибрик Е. А. Работа и мысли художника. М. 1984. С. 140.
24. Цит. по: Халаминский Ю. Евгений Кибрик. М. 1970. С. 95.
25. Гладков А. К. Указ. соч. С. 226.

Владимир ***МАКАРОВ,***
кандидат философских наук

НЕСЛЫХАННАЯ УДАЧА ФЮРЕРА

Мог ли Адольф Гитлер попасть в советский плен?

После войны в советском плену оказались сотни тысяч германских солдат, офицеров, генералов и адмиралов. Часть из них была осуждена в Советском Союзе за совершение военных преступлений. Сведения о германских генералах впервые были опубликованы в справочнике, подготовленном И. В. Безбородовой. Согласно её данным, во время Великой Отечественной войны были захвачены 403 генерала (в том числе три фельдмаршала и восемь адмиралов) вермахта и лиц, приравненных к ним. Среди них 389 немцев, хорват, 13 австрийцев. 105 человек умерли в плену, 24 были казнены, 286 генералов были осуждены судебными органами на длительные сроки каторжных работ или тюремного заключения, 11 — переданы в Польшу, Югославию и Чехословакию для проведения судебных процессов. 278 генералов были освобождены в 1953–1956 годах[1].

С середины 1950-х годов на Западе стали выходить мемуары бывших генералов и адмиралов германской армии, в которых их авторы подвергли анализу причины поражения во Второй мировой войне, а также рассказали о подробностях кампаний на Западном и Восточном фронтах. Многие из этих книг через год–два были переизданы в СССР. В их числе воспоминания Э. фон Манштейна, труды Ф. Меллентина, К. Типпельскирха и других. В конце 1990-х и начале 2000-х годов поток переводных мемуаров бывших немецких генералов не только не сократился, но и увеличился. Были переведены и опубликованы на русском языке мемуары В. Варлимонта, З. Вестфаля, Г. Гелена, Г. Гудериана, К. Деница, Э. Рёдера, Л. Рендулича, О. Скорцени, Г. Фрисснера, В. Шелленберга, И. фон Риббентропа, работы иностранных историков М. Броцата, А. Бухера, В. Гёрлица, К. Деметра, Б. Мюллер-Гиллебранда, Р. Кальтенэггера, Г. Кноппа, Г. Д. Препарата, Т. Фрашки, Эндрюса, дневники Ф. Гальдера, Й. Геббельса…

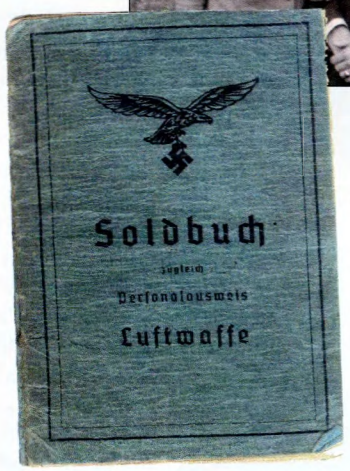
Однако до настоящего времени в научный оборот практически не введены материалы из следственных дел в отношении немецких военнопленных — военных преступников, которые хранятся в основном в архивах отечественных органов безопасности[2]. В собственноручных показаниях и протоколах допросов генералов и адмиралов вермахта сохранился колоссальный объём информации о малоизвестных страницах как Второй мировой войны, так и предвоенной истории Германии.

Безусловно, эти документы имеют большую историческую ценность. Для скептиков, утверждающих, что сообщённые сведения недостоверны и получены под давлением следствия, есть возможность сравнить показания военнопленных с мемуарами немецких военачальников, опубликованными на Западе после окончания Второй мировой войны. Многие допросы военнопленных были проведены, что называется, «по горячим следам» — сразу после ареста в 1944–1945 годах. Да и какой смысл был следователям фальсифицировать эти показания, когда их мог прочитать лишь узко ограниченный круг лиц? Предположить же, что через много лет эти документы будут опубликованы, в те годы никто не мог.

В этом плане несколько слов следует сказать о работе немецких историков М. Уля и Х. Эберле — первопроходцев в исследовании подобного рода архивных материалов. Их книга «Неизвестный Гитлер» основана на документах, хранящихся в Российском государственном архиве новейшей истории. Основой для публи-

Адольф Гитлер на Восточном фронте.
Трофейные фотографии. РГАКФД.

кации послужили собственноручные показания личного адъютанта фюрера Отто Гюнше и камердинера Гейнца Линге. Авторы-составители отмечают высокую фактографическую достоверность показаний, полученных советскими спецслужбами в результате допросов приближённых Гитлера: «Все показания Гюнше и Линге сопоставлялись с показаниями других пленников. Результат работы выглядит ещё более впечатляющим, когда понимаешь, что ни следователи, ни оба арестанта не имели доступа к этим материалам. В воспоминаниях «Гитлер» исключительно точно приводятся все даты и факты, все сцены описаны максимально достоверно, а документы не вызывают сомнения. Сравнение записок, сделанных лично Гюнше, с публикуемым оригиналом показало, что между ними практически нет расхождений. И Линге, и Гюнше с чрезвычайной точностью вспоминают высказывания Гитлера. При их сравнении с опубликованными речами и записями Гитлера обнаружены лишь незначительные неточности, а серьёзных расхождений или несовпадений не нашлось»[3].



Генерал-лейтенант люфтваффе Рейнар Генрих Штагель с женой и дочерью. Не позднее 1943 г. Центральный архив ФСБ.

Солдатская книжка Р. Г. Штагеля. Центральный архив ФСБ.

После задержания немецких генералов, как правило, направляли в Москву, в распоряжение сотрудников 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР, занимавшихся расследованием военных преступлений, совершённых оккупантами на территории Советского Союза. В 1949–1951 годах допросами военнопленных генералов занимались уже сотрудники 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР. Добавим, что к этому времени менее крупные немецкие военачальники были уже или осуждены, или отправлены на родину.

* * *

Герой нашего рассказа — генерал-лейтенант люфтваффе Рейнар Штагель[4] — мало известен отечественным специалистам. Во время Второй мировой войны он прошёл боевой путь от полковника до генерал-лейтенанта и занимал ряд весьма ответственных постов, в том числе был военным комендантом Вильно, Варшавы и Рима. Кроме того, он девять раз удачно выводил свои войска из окружения, за что получил в нацистской прессе почётный титул «пробивателя котлов» и был удостоен высших военных наград рейха.

О его участии в боевых действиях на советско-германском фронте есть небольшие упоминания в работах российских историков. Так, в биографии советского военачальника, Маршала Советского Союза Н. И. Крылова описано освобождение Вильнюса от немецко-фашистских захватчиков в июле 1944 года: «...Гитлер не хотел примириться с мыслью, что Вильнюс, форпост обороны в Литве, вот-вот падёт. После потери Белоруссии потерять ещё и Литву с её столицей? Не надеясь на стойкость гарнизона, он приказал доставить в Вильнюс из Берлина одного из «храбрейших» генералов вермахта — генерал-майора Штагеля и поручил ему возглавить «отпор советским войскам». Желая избежать потерь в городском бою, Крылов послал генералу Штагелю ультиматум с гарантией сохранения жизни солдатам и офицерам, а также помощи больным и раненым. Штагель не ответил на ультиматум. После двухдневных боёв в городе Крылов послал второй ультиматум, надеясь, что разум возобладает над безумием: «Несмотря на мои предложения, вы продолжаете бессмысленное сопротивление. В результате только за один день 12 июля вы потеряли в Вильнюсе 1428 человек убитыми, 678 человек сдались в этот день в плен... Напоминаю, что вы находитесь в глубоком тылу Красной Армии... Вам нечего рассчитывать на помощь... Сегодня, 13 июля 1944 года, я предупреждаю вас и предлагаю: к 6.00 прекратить сопротивление и сложить оружие. Я гарантирую жизнь всем, кто сдастся в плен». Однако призыв не возымел действия. Гарнизон Вильнюса, обнадёженный генералом Штагелем, был уверен, что помощь близка. Но обманутые немецкие солдаты и офицеры не знали, что ни бронебригады «Вертхерн», ни группы «Толендорф» более не существует, а сам «начальник вильнюсской обороны» трусливо бежал из города, оставив своих подчинённых на верную гибель. Рано утром 13 июля генерал Крылов отдал приказ на последний штурм, к вечеру в Москве прогремели двадцать четыре артиллерийских залпа в честь доблестной 5-й армии, освободившей столицу Советской Литвы от немецких захватчиков»[5].

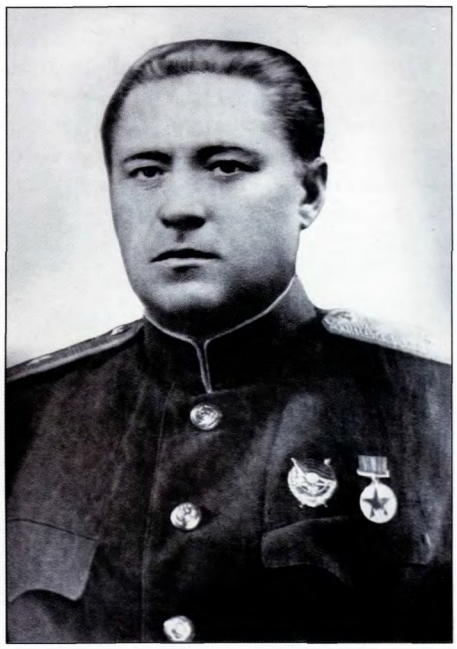
Высокую оценку военного мастерства генерала Штагеля, воевавшего в январе 1943 года в составе группы генерала Холлидта[6] южнее Дона, дал в своих мемуарах генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн[7]: «В то время как 4-я танковая армия в первой половине января решала свою задачу южнее реки Дон, перед группой Голлидта стояла не менее сложная задача в районе большой излучины

Советские танки Т-34 во время выполнения боевой задачи. 1943 г. Фото Фавиловича. РГАКФД.

Дона. Как уже говорилось в главе «Сталинградская трагедия», в течение истекших недель противник значительно превосходящими силами неоднократно атаковал фронт группы Голлидта на реке Чир. Генерал Голлидт имел в своём распоряжении, включая и подчинённую ему боевую группу Мита, 4 пехотные дивизии (62, 294, 336 и 387 пд), сильно пострадавшие в предыдущих боях. Фронт армейской группы протянулся примерно на 200 км от Нижне-Чирской на Дону до Каменска-Шахтинского. Кроме того, на этом фронте располагались группы, наскоро сформированные из отпускников, тыловиков и т. д., и части зенитной артиллерии под командованием испытанного генерала Штагеля. Зенитная артиллерия являлась для этого фронта ценным средством усиления...»[8].

Как уже упоминалось ранее, военнопленным немецким генералам нередко задавался вопрос об их знакомствах среди высшего руководства рейха, в том числе и о встречах с Адольфом Гитлером и его приближёнными. В частности, генерал Штагель рассказал о сенсационном эпизоде — о том, как зимой 1943 года фюрер чуть было не попал в плен к советским танкистам. Этот случай произошёл во время его прилёта к генерал-фельдмаршалу Манштейну в Запорожье. Об обстоятельствах этого визита Гитлера на фронт подробно пишет сам Манштейн, однако об этом инциденте ничего не сообщает, а лишь намекает, что обстановка была достаточно напряжённой.

После капитуляции 6-й армии генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса[9], в конце зимы 1943-го, сложилась сложная ситуация для германской армии на всём южном крыле Восточного фронта: «16 февраля сообщили, что противник, как мы уже давно ожидали, начал крупными силами наступление из района западнее Изюма в направлении Павлоград и Днепропетровск... Положение стало настолько критическим, что Гитлер решил прибыть в мой штаб. Мои неоднократные донесения с оценкой обстановки заставили его, видимо, задуматься. Как бы я ни приветствовал возможность доложить мои соображения, а также то, что он лично мог убедиться в серьёзности положения, всё же, конечно, трудно было обеспечить безопасность его пребывания в таком крупном промышленном городе, как Запорожье (тем более что к городу приближался противник). К тому же он сообщил, что пробудет несколько дней. Он разместился в нашем служебном помещении вместе со своей свитой, в которую входил начальник Генерального штаба и генерал Йодль (как всегда, Гитлер взял, конечно, с собой своего личного повара). Весь прилегающий район надо было герметически изолировать. Всё же положение нельзя было считать безопасным, так как приезд Гитлера не был секретом, и при въезде с аэродрома в город его узнавали и приветствовали солдаты, находившиеся в Запорожье, представители его партии и другие лица. Для охраны мы имели в Запорожье, кроме нашей караульной роты, только несколько зенитных подразделений. В ближайшее время вражеские танки должны были подойти настолько близко к городу, чтобы они могли обстреливать аэродром, расположенный восточнее Днепра. 17 февраля вечером Гитлер прибыл в мой штаб... 19 февраля состоялась новая беседа, на которую был приглашён также фельдмаршал фон Клейст... В остальном этот день принёс дальнейшее обострение обстановки, после того, как противник, по-видимому, крупными силами овладел железнодорожной станцией Сизиноково. Тем самым не только перерезал главную коммуникацию группы «Центр» и правого фланга нашей группы, но стоял уже в 60 км от нашего штаба, в котором находился фюрер третьей империи. Ни одной части не было между нами и нашим врагом! Я поэтому очень успокоился, когда Гитлер вечером этого дня вылетел в свою ставку. Можно было вполне ожидать, что на следующий день вражеские танки сделают невозможным использование аэродрома восточнее Днепра»[10].



Генерал-майор П. П. Павлов, командир 25-го танкового корпуса. 1943 г. РГАКФД.

Другой очевидец этого полёта Гитлера к Манштейну, адъютант фюрера по люфтваффе полковник Н. фон Белов[11], в своих воспоминаниях также уделил внимание этому эпизоду: «На 19 февраля (1943 года. — *В. М.*) Манштейн назначил начало наступления в направлении Донца и Харькова, и Гитлер собирался провести несколько дней в своей украинской Ставке в Виннице. Поступать так он решил не сразу, а, поддержанный Цейтцлером, сначала принял предложение Манштейна и 17 февраля с небольшим сопровождением вылетел в штаб-квартиру его группы войск в Запорожье. Там фюрер пробыл две ночи, а с 19-го расположился в Виннице. Дни в Запорожье прошли размеренно, но напряжённо, о чём подробно написал Манштейн в своих воспоминаниях. Фюрер занимался почти исключительно операциями группы армий «Юг» (так с начала февраля стала именоваться эта группа армий). Русский своего продвижения в юго-западном направлении не прекратил, а медленно оперировал на большом свободном пространстве. Отбытие Гитлера 19 февраля в Винницу произошло под воздействием этого продвижения, ибо и Манштейн, и Рихтгофен посоветовали ему покинуть Запорожье. Они опасались *возможного неожиданного удара* боевой группы русских по аэродрому,

Личный самолёт Адольфа Гитлера перед вылетом на главную квартиру.
Трофейное фото. РГАКФД.

что сделало бы невозможным его вылет. Когда мы взлетали во второй половине дня, поблизости от аэродрома уже слушались пулеметные очереди и артиллерийские выстрелы»[12].

При сравнении рассказов Манштейна и фон Белова сразу бросается в глаза, что они что-то не договаривают.

О том, что в 1943 году состоялся трёхдневный визит фюрера на фронт к Манштейну, рассказал в своих собственноручных показаниях от 20 мая 1945 года и начальник личной охраны Гитлера группенфюрер СС И. Раттенхубер[13]: «Совершались следующие поездки на фронт: ...1943 год — Гитлер выехал к фельдмаршалу Манштейну в Запорожье, где пробыл три дня, после чего выехал в ставку «Вервольф» под Винницей, где пробыл три недели. Отсюда он снова выехал к фельдмаршалу Манштейну, у которого пробыл несколько часов, после чего вернулся в ставку «Вольфсшанце» (Восточная Пруссия). 1943 год — кажется, в марте Гитлер выехал к фельдмаршалу Клюге[14] в Смоленск, у которого пробыл несколько часов. В последнее время поездки на восток не предпринимались»[15].

Правда, Раттенхубер предпочёл в своих показаниях не распространяться о подробностях посещения фюрером своего фельдмаршала.

А вот ответ на вопрос, почему Гитлер перестал летать на Восточный фронт, дал генерал Штагель. Ранней весной 1943 года он прибыл в ставку фюрера в Виннице для представления по случаю получения первого генеральского звания и нового назначения — командующего обороной Запорожья. Во время беседы с Гитлером Штагель обратил внимание на необычайно возбуждённое состояние фюрера.

О причине такого поведения фюрера спустя четверть часа рассказал начальник генерального штаба ОКХ генерал-полковник К. Цейтцлер[16]: «Фюрер был перепуган до смерти, ибо накануне, как мне рассказал Цейтцлер, Гитлер чуть было не попал в качестве трофея в руки советских танкистов. Дело в том, что 20 февраля 1943 года русские прорвали фронт в районе г. Изюм, и одной танковой колонне удалось прорваться в район Запорожья, куда накануне приехал Гитлер для встречи с Манштейном. Самолёт Гитлера был на том самом аэродроме, о важности которого мне толковал фюрер. Русские танкисты были в пяти километрах от аэродрома, когда им преградил путь немецкий бронепоезд с зенитными установками. Одновременно с аэродрома были подняты самолёты прикрытия. Русские танки удалось задержать, и поздно вечером Гитлер на своём самолёте с эскортом истребителей вылетел в Винницу. Гитлер был охвачен паникой. Достаточно сказать, что за всю последующую кампанию он ни разу не выезжал за пределы Германии, если не считать прилёта на два часа в Запорожье месяц спустя. Но тогда фронт был в известной мере стабилизирован, а район Запорожья я укрепил по всем рецептам немецкой фортификации»[17].

После публикации автора об этом неизвестном эпизоде Великой Отечественной войны две полосы дискуссии на эту тему посвятила «Родная газета». Журналист Владимир Галайко провёл исследование и блиц-опрос сре-

ди отечественных историков о возможности такого события.

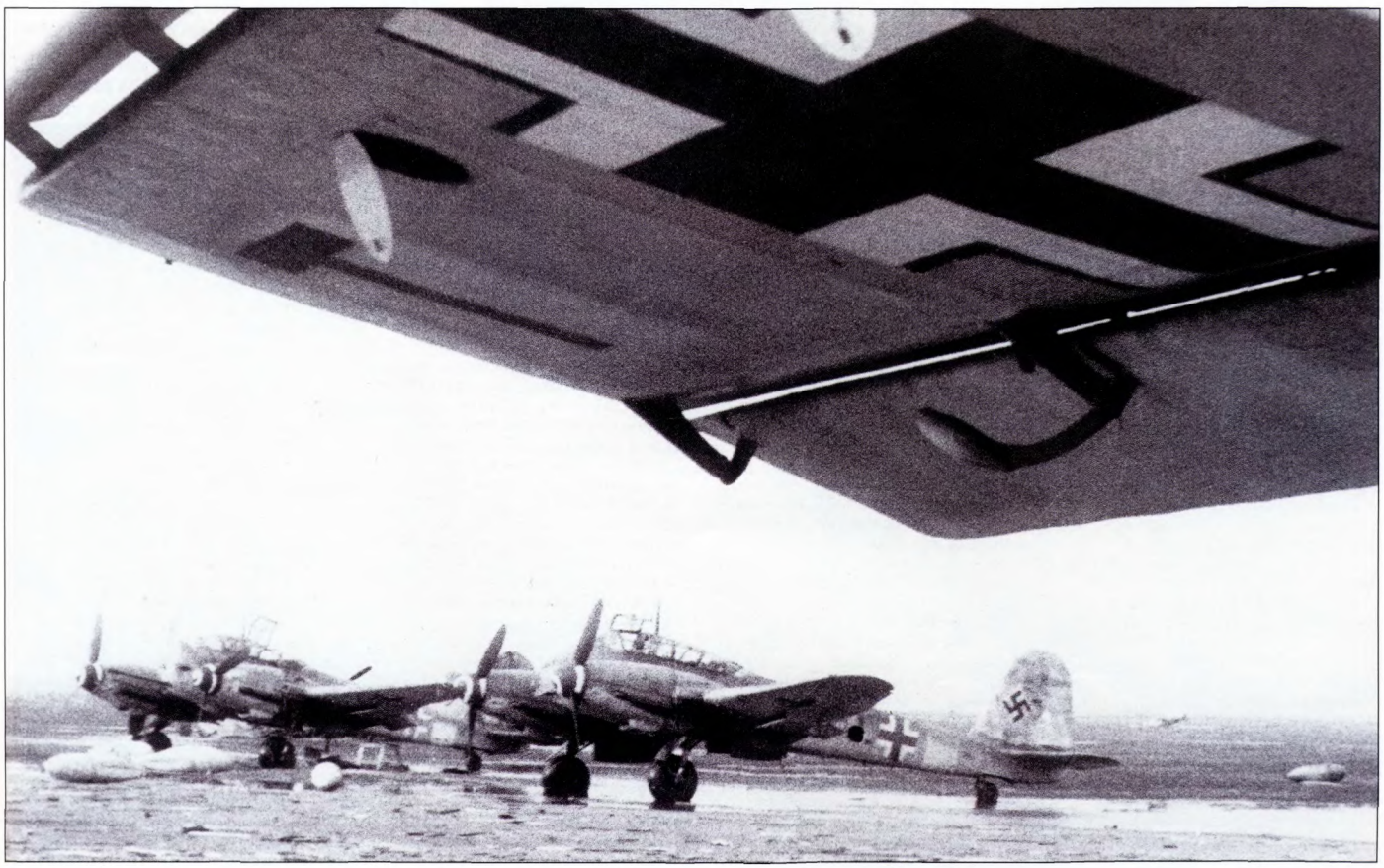
По сведениям Галайко, советские танкисты, которые прорвались к аэродрому «Восточный» в Запорожье, входили в состав 25-го танкового корпуса под командованием генерал-майора Петра Петровича Павлова: «В январе 1943 года корпус в составе Юго-Западного фронта вёл бои за Донбасс. 11 февраля комкор генерал Павлов получил задачу: совершить 500-километровый марш в район Павлограда (Днепропетровская область) и, действуя в направлении Синельниково—Славгород—Запорожье, перерезать узел железных и шоссейных дорог, чтобы отрезать пути отхода донбасской группировки противника. Генерал Павлов подошёл к северо-восточной окраине Запорожья. Однако овладеть аэродромом, на котором, как сейчас выяснилось, находилась ставка Гитлера, не смог. На флангах и в тылу наших войск сложилась неблагоприятная обстановка. Танкисты вынуждены были начать отход к Северскому Донцу. Тем не менее так далеко в тыл противника за весь период осенне-зимней кампании 1942–1943 годов не заходила ни одна часть Красной армии»[18].

О возможности такого эпизода мнения экспертов разделились. Доктор военных наук, бывший начальник Генерального штаба Вооружённых сил СССР, генерал армии В. Лобов критически заметил: «Мне ранее не приходилось слышать об этом бое. Считаю, что к подобным сообщениям нужно подходить осторожно, критически осмысливать. Вдруг это ошибка?» Вдова маршала Катукова Екатерина Катукова, в годы войны гвардии старший сержант медицинской службы, посетовала: «Жаль, что не поймали Гитлера. Наша танковая бригада под Мценском также чуть не пленила Гудериана. Мы уничтожили 135 его танков, но сам он сумел улизнуть. Нам досталась только его трость, которую мы недавно передали в Музей танка Т-34». Начальник Военно-мемориального центра Генштаба Вооружённых сил России, генерал-майор Александр Кириллин провёл историческую аналогию: «В истории много подобных примеров. Денис Давыдов чуть не пленил Наполеона, потом тот еле сбежал от атамана Платова. Почему не удалось пленение Гитлера под Запорожьем? Думаю, наши не знали, что он находится на аэродроме. А знали бы — снесли всё к чёрту».

* * *

Для того чтобы поставить точку в этой дискуссии и развеять все сомнения, вновь обратимся к мемуарным источникам. Как оказалось, обстоятельства того, как Гитлер чуть было не попал в советский плен, подробно рассказал ещё один очевидец, личный пилот фюрера — обергруппенфюрер СС Ганс Баур[19]. Одна из глав его воспоминаний так и называется: «Если бы русские только знали, что в тот момент Гитлер был на аэродроме».

В рассказе Баура это происшествие описано следующим образом: «После падения Сталинграда обстановка на южном фланге фронта крайне осложнилась. Возникла угроза общего наступления на юге. Однажды ночью Гитлер пришёл к выводу, что ему необходимо обсудить стратегическую обстановку с Манштейном, находившимся в Запорожье. Мы вылетели в два часа ночи и в шесть утра прибыли в Запорожье. Один аэродром находился в южной части города, а другой — в восточной. Я посадил самолёт на более крупном аэродроме, который находился в восточной части города. Мы застали в Запорожье неразбериху. Обсуждение затянулось на более длительный срок, чем предполагалось, поэтому я поселился в казарме. На третий день нашего пребывания там, когда я пришёл на завтрак, стало известно, что русские прорвали фронт под Днепропетровском. Главная дорога, по которой они наступали, вела как раз в сторону Запорожья и проходила мимо



Немецкие бомбардировщики на аэродроме.
Трофейное фото. РГАКФД.

аэропорта, где стоял наш самолёт. Сообщали, что первой движется колонна из двадцати танков. Самолёты готовились к бою, чтобы попытаться отбросить их назад. Погода была неважной, облачный слой располагался на высоте менее 50 метров. Только один «Шторьх» смог вернуться из разведывательного полёта с конкретными сведениями: русские приближаются. Между ними и нами не было никаких частей, способных замедлить их продвижение. Глубоко взволнованный, я взял машину и поехал в город, где Гитлер совещался с Манштейном. Я объяснил ему ситуацию и попросил разрешения, по крайней мере, перегнать самолёт на аэродром в южной части города. Гитлер сказал, что в этом нет необходимости и что он вскоре прибудет на аэродром. Я возвратился обратно к самолёту. Все силы, имеющиеся на аэродроме, собрали для его защиты, однако оборона выглядела не очень надёжной: у нас не было ни артиллерии, ни противотанковых ружей. Вот показались русские. С восточной оконечности лётного поля мы видели двадцать два танка. Как раз в этот момент прибыл Гитлер. Наши три «Кондора» с уже прогретыми двигателями взмыли в воздух, и в это же самое время, мы видели, на посадку заходили два громадных шестимоторных самолёта, доставившие противотанковое вооружение. Через некоторое время мы узнали, чем закончилась вся эта история. К всеобщему удивлению, русские танки остановились на краю лётного поля. Они не стали атаковать аэродром, а заняли позицию неподалёку. У них кончилось горючее! Конечно, они могли бы добыть достаточное количество горючего на аэродроме. Позднее из танков выбрались экипажи и оставили их стоять на том же месте. Вели бы они себя так же, если бы знали, что в это время на аэродроме находится Гитлер?! Увидев сотни самолётов, стоящих на лётном поле, русские наверняка решили, что здесь встретят сильное сопротивление. Когда Гитлеру спустя несколько часов после возвращения в ставку прислали сообщение обо всех этих событиях, он только и смог произнести: «Неслыханная удача»[20]. Да, не будь её, весь ход сражений на Восточном фронте изменился бы коренным образом уже в 1943-м...

Примечания

1. Безбородова И. В. Военнопленные Второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. М. 1998. С. 14.
2. Агония и смерть Адольфа Гитлера. М. 2000; Марковчин В. В. Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. М. 2000; Из дела военнопленного Ганса Баура — личного пилота Адольфа Гитлера//Новгородский архивный вестник. Вып. 5. Великий Новгород. 2005. С. 127–178; Неизвестный Гитлер. М. 2005.
3. Неизвестный Гитлер. С. 9.
4 Штагель Рейнар Генрих (Stahel; 1892–1955) — немецкий военный деятель; генерал-лейтенант авиации (1944). Уроженец г. Билефильд (Германия). Из семьи военного. Участник Первой мировой войны, капитан (1918). В 1918–1925 гг. один из организаторов шюцкора в Финляндии, участник разгрома финской Красной гвардии. В 1925–1933 гг. один из руководителей союза «Стальной шлем» в Германии. С 1933 г. — в гитлеровской армии. В 1941 г. в качестве командира зенитно-артиллерийского полка принял участие в агрессии против СССР. С сентября 1942 по январь 1943 г. командир авиаполевой группы «Зондерштаба Штагель». С 28 июня 1943 г. направлен в зенитные части, дислоцированные на северном побережье Сицилии, одновременно с 10 сентября по декабрь 1943 г. военный комендант Рима. С 7 по 11 июля 1944 г. комендант укреплённого района «Вильна», руководил упорными боями при обороне города от советских войск. В июле–августе 1944 г. военный комендант Варшавы, руководил подавлением восстания, затем был направлен в Румынию, взят в плен советскими войсками. Содержался под стражей с 1 сентября 1944 г. Арестован МГБ СССР 6 августа 1951 г. Приговорён к 25 годам тюремного заключения. Наказание отбывал в Особой тюрьме МГБ СССР; скончался в тюрьме.
5. Дригчи И. Г. Николай Крылов//http://tvplus.dn.ua/?link=news/chrono/0103.
6. Холлидт Карл Адольф (Hollidt; 1891–1985) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1943). Участник боёв на советско-германском фронте. С 23 января 1942 г. командовал XVII армейским корпусом. С 23 ноября 1942 г. возглавил оперативную группу, которая получила название «Холлидт»; вёл упорные бои с целью деблокирования окружённой под Сталинградом 6-й армии. *К январю 1943 г. в группу входили:* корпус особого назначения, XVII и XXIX армейские и XLVIII танковый корпуса, и армия Холлидта была главной ударной силой группы армий «Дон» Э. фон Манштейна. В мае 1945 г. арестован американскими войсками. В 1948 г. предстал перед Американским военным трибуналом по делу ОКВ и 28 октября того же года приговорён к пяти годам тюремного заключения. В 1949 г. освобождён.
7. Манштейн Эрих Фриц фон (von Manstein; 1887–1973) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1942). С июня 1941 г. — на советско-германском фронте в составе 4-й танковой группы генерала Э. Гёппнера. 30 марта 1944 г. отстранён от командования группой армий. Остаток войны провёл в своём имении. В конце войны арестован англичанами, 19 декабря 1949 г. осуждён Английским военным трибуналом в Гамбурге и приговорён к 18 годам тюремного заключения. В 1952 г. освобождён по состоянию здоровья. Автор мемуаров «Утерянные победы» и «Из жизни солдата».
8. Манштейн Э. Утерянные победы. М. 1955. С. 377.
9. Паулюс Фридрих Вильгельм Эрнст (Paulus; 1880–1957) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1943). В сентябре 1940 — январе 1941 г. в качестве 1-го обер-квартирмейстера (заместителя начальника) Генерального штаба сухопутных войск — один из разработчиков плана «Барбаросса». С 1942 г. командовал 6-й армией на германо-советском фронте, осуществлял общее руководство группировкой немецких войск, окружённой в ходе Сталинградской битвы. 31 января 1943 г., несмотря на категорический приказ Гитлера стоять до последнего, вместе со своей армией прекратил сопротивление и сдался советским войскам. Находясь в плену, в 1944 г. вступил в антифашистский Союз немецких офицеров, а затем вошёл в состав Национального комитета «Свободная Германия». В 1946 г. выступал свидетелем советского обвинения на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками. С 1953 г. проживал в Дрездене (ГДР).
10. Манштейн Э. Указ. соч. С. 406–407, 412.
11. Белов Николаус фон (von Below; 1907–1983) — немецкий военнослужащий люфтваффе, адъютант по люфтваффе в адъютантуре фюрера и рейхсканцлера (с 16 июня 1936 г.). До 1929 г. изучал лётное дело в Немецкой лётной школе. В 1929 г. *поступил на службу в 12-й пехотный полк* рейхсвера; в 1933 с. произведён в лейтенанты. В 1933 г. переведён в Имперское министерство авиации, затем служил в эскадрилье «Рихтгофен». В 1936 г. переведён в истребительную эскадру «Хорст Вессель» (позднее 26-я истребительная эскадра). Постоянно находился при Гитлере во время его поездок на фронт и в различные ставки. Бежал из осаждённого Берлина 30 апреля 1945 г. Попал в плен; в начале 1946 г. интернирован британскими властями. Освободился 14 мая 1948 г.
12. Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. 1937–1945. Смоленск. 2003. С. 407.
13. Раттенхубер Ганс Йохан (Rattenhuber; 1897–1967) — немецкий военный деятель; группенфюрер СС и генерал-лейтенант войск СС и генерал-лейтенант полиции (1945). Участник Первой мировой войны. В 1919 г. член Добровольческого корпуса Денца, участвовал в боях с коммунистами. В 1920 г. демобилизовался. В 1920 г. зачислен в баварскую земельную полицию, обер-лейтенант (1925). Во время пребывания А. Гитлера в тюрьме Ландсберг (1923) служил в тюремной охране. С 1 марта 1933 г. вступил в НСДАП и 10 марта назначен адъютантом рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. В 1934 г. вступил в СС и в том же году переведён на службу в гестапо. 1 июня 1934 г. получил задание создать службу безопасности рейха (Reichssicherheitdinst: RSD), в задачу которой входила личная охрана Гитлера. В апреле–мае 1945 г. постоянно находился в бункере Гитлера. После самоубийства Гитлера 1 мая 1945 г. с группой охраны пытался прорваться на Запад, но 2 мая был взят в плен советскими войсками. Военным трибуналом войск МВД Московского округа 15 февраля 1952 г. приговорён к 25 годам заключения в ИТЛ. Репатриирован 10 октября 1955 г.
14. Клюге Гюнтер Ганс фон (von Klijge; 1882–1944) — немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940). С октября 1934 г. командир 6-й дивизии и VI военного округа (Мюнстер). В 1938 г. принимал участие в аншлюсе Австрии, оккупации Судетской области; в том же году возглавил 6-е командование сухопутных войск (Ганновер). В августе 1939 г. на базе 6-го командования сформирована 4-я армия, которая в составе группы армий «Север» генерала Ф. фон Бока участвовала в Польской кампании. В ходе Французской кампании действовал на фланге группы армий «А». *Принимал участие в нападении на СССР,* руководя действиями 2-й и 3-й танковых армий: участвовал в битве под Москвой. 18 декабря 1941 г. сменил генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока на посту командующего группой армий «Центр», на котором пробыл до осени 1943 г., когда в результате автомобильной аварии на шоссе Орша — Минск надолго выбыл из строя. 2 июля 1944 г. Гитлер назначил его командующим группой войск «Запад» вместо генерал-фельдмаршала Г. фон Рундштедта, смещённого с этого поста за то, что не сумел предотвратить высадку союзников в Нормандии. 18 августа 1944 г. уволен в отставку как замешанный в антигитлеровском июльском заговоре 1944 г. Будучи вызванным для показаний из Парижа в Берлин, покончил в пути жизнь самоубийством, приняв яд.
15. ЦА ФСБ России. Д. Н-21145. Л. 17–63.
16. Цейтцлер Курт (Zeitzler; 1895–1963) — немецкий военный деятель; генерал-полковник (1944). С марта 1940 г. начальник штаба танковой группы Э. фон Клейста, затем группы армий «А». Награждён Рыцарским крестом Железного креста (1941). В 1942 г. начальник штаба группы армий «Д» на Западе, ближайший помощник генерал-фельдмаршала Г. фон Рунштедта. С 22 сентября 1942 г. заменил генерала Ф. Гальдера на посту начальника Генерального штаба сухопутных войск. После покушения на Гитлера 20 августа 1944 г. заменён генералом Г. Гудерианом. 31 января 1945 г. уволен с военной службы с запрещением носить военную форму. В мае 1945 г. взят в плен англичанами и помещён в лагерь военнопленных, в 1947 г. освобождён.
17. Макаров В. Г. Как наши танкисты чуть не взяли Гитлера в плен//Аргументы и факты. 2005. № 10.
18. Галаайко В. История 25-го танкового корпуса//Родная газета. 2005. № 10 (96). 18–24 марта.
19. Баур Ганс (Baur: 1897–1993) — личный пилот А. Гитлера, сотрудник Имперской службы безопасности; группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции. Участник Первой мировой войны. С 1916 г. лётчик. В 1919–1920 гг. служил в Добровольческом корпусе фон Эппа, затем в Баварской воздушной почте и авиакомпании Юнкерса. С 1926 г. работал в «Люфтганзе». Во время избирательной кампании А. Гитлера был его личным пилотом, с 1933 г. перешёл в правительственный авиаотряд. 1 мая 1945 г. бежал из рейхсканцелярии. Попал в плен к советским войскам. Вернулся в Германию в 1955 г.
20. Баур Г. Личный пилот фюрера. Воспоминания обергруппенфюрера СС. 1939–1945. М. 2006. С. 275–276.

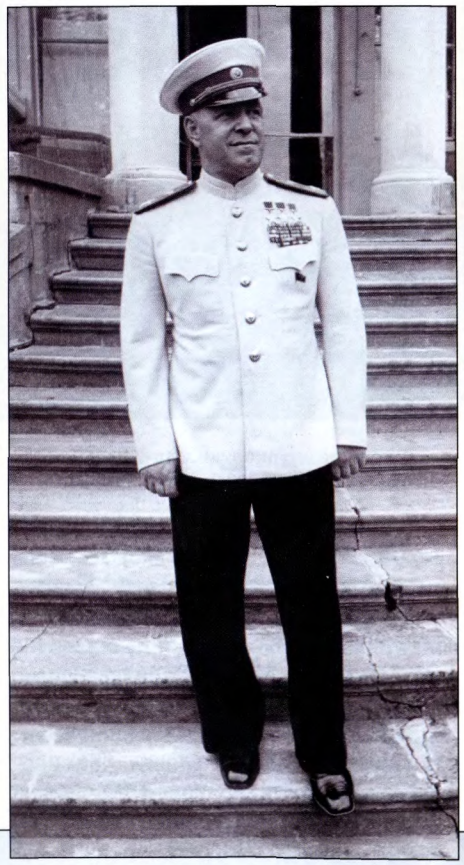
Алексей ***ИСАЕВ***

НАША «АТОМНАЯ БОМБА»

Берлин: самая крупная победа Жукова?

Обычно нам не дано знать, какое своё сражение полководец считает лучшим. Таковым может быть и малоизвестный манёвр у Богом забытой деревушки, а не принёсшая колонны пленных и громкую славу битва. Если попробовать оценить события с точки зрения историка, то неплохим кандидатом на роль лучшего сражения является, как ни странно, Берлинская операция. Я был вынужден употребить оборот «как ни странно», поскольку битва за Берлин имеет не самую лучшую репутацию. Однако мы не всегда знаем, как в действительности проходило сражение. Характерным примером стала Прохоровка. Новейшие исследования показали, что танковое сражение происходило совсем не так, как нам рассказывали в мемуарах и показывали на киноэкране.

Разумеется, существовали примеры, противоположные Прохоровке, то есть принижение действительно выдающихся достижений. Как ни странно, ещё в советское время на последние сражения войны была брошена тень. Свои скелеты в шкафу в 1945 году, конечно же, имелись. К таковым, в частности, можно отнести неудачу с ликвидацией Курляндской группировки противника, а также сомнительные успехи по выковыриванию войск группы армий «Центр» из Силезии. Также не состоялось первоначально запланированное окружение противника в ходе Восточно-Прусской операции, — немцы были лишь оттеснены к Балтийскому морю. Однако роль тёмного пятна на светлом лике победного 1945 года досталась совсем другим событиям. В отличие от упомянутых Курляндии и Силезии, словосочетание «Зееловские высоты» известно многим. Неудивительно, ведь первое упоминание о них прозвучало с высокой трибуны уже более полувека назад. 26 октября 1957 года маршал Георгий Константинович Жуков был снят с должности министра обороны СССР, а уже в ноябре того же года в статье в «Правде» маршал Иван



Трижды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.
Фото Ф. Кислова. Берлин, 1945 г. РГАКФД.

Берлин. 26 мая 1945 года.
Фото В. Пушкина. РГАКФД.

Советские штурмовики «Ил-2» в небе над Берлином. Апрель, 1945 г. РГАКФД.

Степанович Конев поведал миру о роковой ошибке Жукова в Берлинской операции: «Одной из причин затянувшегося прорыва обороны противника в полосе 1-го Белорусского фронта явилось то, что командование и штаб фронта недооценили имевшиеся данные о преднамеренном отводе войск противника на Зееловские высоты, находившиеся в 6–8 километрах от переднего края. В результате неправильной оценки обстановки войска фронта, подойдя к сильно укреплённым Зееловским высотам, вынуждены были штурмовать их без достаточной подготовки, что повлекло за собой... медленный по темпам прорыв обороны противника в полосе наступления 1-го Белорусского фронта».

Надо сказать, что действия самого Конева в Берлинской операции нельзя однозначно записать ему в актив. Предпринятое им по собственной инициативе наступление на Берлин с юга серьёзно ослабило левое крыло 1-го Украинского фронта. Группа армий «Центр» Фердинанда Шернера была ещё достаточно сильна и сумела нанести энергичный контрудар по 2-й польской и 52-й советской армиям, наступавшим на Дрезден. В результате немцам удалось добиться локального успеха под Бауценом, где попали в окружение польские и советские части. Недавно сформированные польские дивизии успели в последние дни войны получить ускоренную подготовку по программе 1941–1942 годов. Немцы даже заявили о захвате около 600 пленных, их трофеями стали вооружение и боевая техника — почти невероятное по меркам 20-х чисел апреля 1945 года событие. Одним словом, Конев менее всего подходил на роль беспристрастного судьи. У него было более чем достаточно поводов для представления в чёрном свете своего соперника. Только так можно было заставить забыть о собственной явной неудаче под Бауценом.

Следующим шагом на пути формирования легенды стало явление, которое можно назвать «эффектом Костенко». Инженер Костенко пережил Цусимский бой на броненосце «Орёл» и составил описание сражения и повреждений корабля, которое стали проецировать на погибшие броненосцы русской эскадры. Это описание впоследствии породило целый ряд легенд и ошибочных версий произошедшего. Свидетелей же с «Бородино» и «Суворова» просто не осталось. Точно так же формирование облика битвы за Берлин произошло под влиянием мемуаров командующих 1-й гвардейской танковой армией М. Е. Катукова и 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкова. Оба полководца в своих воспоминаниях уделили немало внимания Зееловским высотам и трудностям с их штурмом. Если же посмотреть на карту, то выясняется, что Зееловские высоты — это область, находившаяся только в полосе наступления 8-й гвардейской, 69-й армий и 1-й гвардейской танковой армии. Остальные армии возглавлявшегося Жуковым 1-го Белорусского фронта наступали в стороне от Зееловских высот. Однако ни командующий 5-й ударной армией Н. Э. Берзарин, ни командующий 2-й гвардейской танковой армией С. И. Богданов, ни командующий 3-й ударной армией В. И. Кузнецов мемуаров не оставили. Берзарин погиб в автокатастрофе, Богданов умер до того, как наши военачальники начали активно писать мемуары. Поэтому точку зрения командующих, войска которых Зееловские высоты видели только в бинокль, широкая общественность так и не узнала. Если Катукова и Чуйкова сдержали злосчастные высоты, то что мешало их соседям быстрее прорваться к Берлину? Вопрос этот ввиду отсутствия мемуаров Богданова и Берзарина попросту не возникал. Видимо считалось, что пресловутые высоты перегораживали всю полосу наступления 1-го Белорусского фронта.

После этого стала раскручиваться машина формирования штампов. Особенность массового сознания в том, что крупное сражение миллионных армий люди пытаются мысленно втиснуть в одно поле, по примеру Куликовской битвы. Общие потери советских войск в Берлинской операции начали проецировать на Зееловские высоты. Затем санитарные потери были изящным движением превращены в безвозвратные. Так на свет появились 300 тысяч убитых Жуковым на Зееловских высотах. Эта безумная цифра широко озвучивалась на всю страну по телевидению. Тот факт, что общие потери в 352 тысячи человек — это потери трёх объединений, наступавших на огромном 300-километровом фронте, от рассмотрения непонятным образом ускользал. В эту цифру вошли и потери под вышеупо-

мянутым Бауценом, и потери 2-го Белорусского фронта при форсировании Одера далеко к северу от Берлина, а также потери армий 1-го Белорусского фронта, в глаза не видевших никаких высот.

Что же в действительности произошло под Берлином? Официальная советская версия битвы за немецкую столицу не даёт представления о том, в какой обстановке готовилась и проводилась операция. Существенное влияние на подготовку штурма немецкой столицы оказали события на Западном фронте. Когда в последний день января 1945 года передовыми частями 1-го Белорусского фронта был захвачен плацдарм на Одере в 70 километрах от Берлина, союзники были ещё далеко на западе. Поэтому на Ялтинской конференции Берлин был отдан в советскую зону оккупации. Однако далее советским войскам пришлось развернуться в сторону флангов, в Померанию и Силезию, и штурм Берлина был отложен.

Тем временем союзники добились заметных результатов в продвижении к Берлину. Им удалось выйти к Рейну и даже захватить стратегически важный мост у Ремагена. 25 марта 1945 года началась операция американских войск под кодовым наименованием «Вояж» — прорыв на восток с ремагенского плацдарма. Немцы считали, что союзники будут прорывать фронт в северной части плацдарма, но удар последовал в его центре. Неверное определение направления удара противника уже на следующий день привело к *обвалу немецкой обороны. Танки и «Ягдтигры»*, заботливо расставленные на пути американцев, были ими просто обойдены. Одновременно севернее Ремагена англо-американские войска форсировали Рейн и начали продвигаться на восток. Уже 29 марта танковая колонна 1-й американской армии, пройдя за день 70 километров, оказалась в 25 километрах от Падеборна, глубоко в тылу войск группы армий «Б». После короткого, но кровопролитного сражения у Падеборна, 1 апреля кольцо окружения вокруг немецкой группировки в Руре замкнулось. В гигантский «котёл» попали около 370 тысяч человек. 28 марта Рур был объявлен «фестунгом» (крепостью), и по приказу Гитлера вместо отступления на восток командующий группой армий «Б» Вальтер Модель решил его оборонять. Переход группы армий «Б» в состояние «фестунга» привёл к тому, что на пути американцев к Эльбе не было крупных сил немецких войск. Американские дивизии двигались на восток в маршевых колоннах. В новой обстановке Берлин становился для союзников куда более реальной целью, чем во время Ялтинской конференции.

1 апреля 1945 года Черчилль писал президенту Рузвельту: «Русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят всю Австрию. Если мы преднамеренно оставим им и Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убеждённость, которая уже очевидна, в том, что всё сделали они. Поэтому моё мнение таково, что с политической точки зрения *мы должны вклиниться в Восточную Германию* настолько глубоко, насколько это возможно, и, разумеется, захватить Берлин, если он окажется в зоне досягаемости» (Черчилль У. Вторая Мировая война. Кн. 3. Т. 5–6. М. 1991. С. 579).

В действительности американское командование не стремилось любой ценой выйти к Берлину. Эйзенхауэр уже принял решение сосредоточить усилия на периметре рурского «котла», стремясь разбить окружённые войска противника. С этой целью 9-я американская армия была передана из состава 21-й английской группы армий Монтгомери в 12-ю американскую группу армий Бредли. Этим решением планы Черчилля относительно Берлина были похоронены. Однако Сталин обо всём этом не знал. Он мог только предполагать, что союзники обязательно попытаются захватить Берлин. Учитывая слова Черчилля, эти предположения были небезосновательными.

Обвал Западного фронта вызвал резкое ускорение процесса подготовки советского наступления на Берлин. Общие контуры будущей операции к моменту замыкания рурского «котла» уже существовали. К 28 марта штабом 1-го Белорусского фронта были разработаны два плана наступления на немецкую столицу. Они получили наименование вариантов «А» и «Б». По плану «А» предполагалось наступать на Берлин, сосредоточив главные силы фронта на Кюстринском плацдарме. По плану «Б» основная ударная группировка сосредотачивалась на плацдарме у Франкфурта-на-Одере, захват которого *собирались начать 3 апреля*. Вариант «Б» предусматривал сосредоточение на

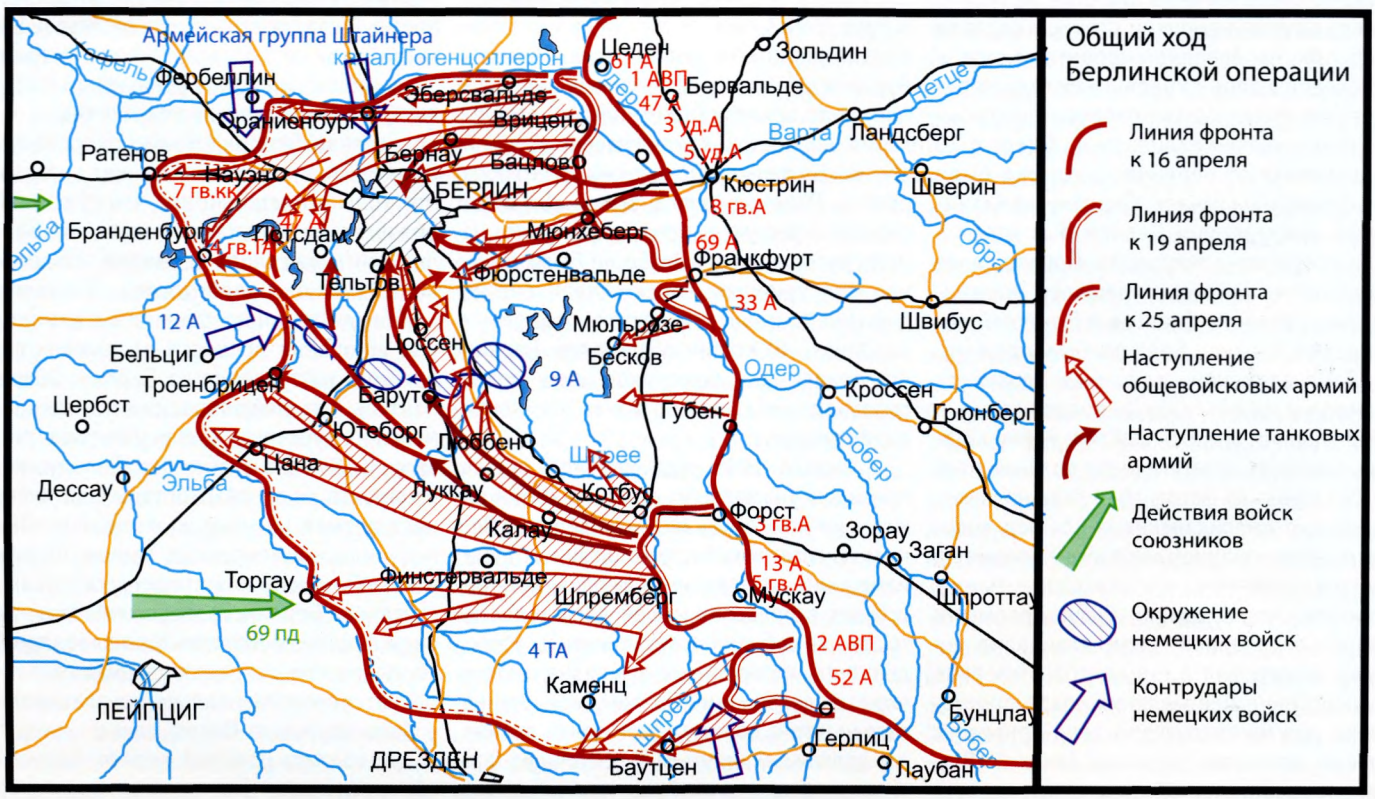
франкфуртском плацдарме 8-й гвардейской, 69-й и 33-й общевойсковых армий. На Кюстринском плацдарме оставалась 5-я ударная армия. 1-я гвардейская танковая армия должна была наступать в полосе 69-й армии, а 2-я гвардейская танковая армия — в полосе 8-й гвардейской армии. Тем самым главный удар войск 1-го Белорусского фронта по плану «Б» должен был наноситься в обход Зееловских высот.

С двумя вариантами плана операции Жуков отправился 29 марта в Москву на приём к Сталину. Однако выбор варианта «А» или «Б» стал выбором политическим, а не военным. Крушение немецкого фронта на западе и не вполне очевидные планы союзников относительно Берлина побудили советское верховное командование не затягивать с наступлением на немецкую столицу. Повествуя о планировании Берлинской операции, Жуков довольно много места в «Воспоминаниях и размышлениях» уделил взаимоотношениям с союзниками и беспокойству Сталина относительно событий на Западном фронте. Наиболее существенным недостатком варианта «Б» была потеря времени на объединение плацдармов 33-й и 69-й армий и разгром многочисленного гарнизона Франкфурта-на-Одере. В этих условиях выбор варианта «А» становился очевидным. Уже подготовленное наступление по объединению плацдармов было отменено.

Проводившаяся в конце марта и начале апреля 1945 года операция войск 1-го Украинского фронта в Силезии была просто свёрнута. Войска Конева вывели из боя, и вскоре они отправились в район к югу от Берлина, в леса на берегах реки Нейсе. События развивались с той же стремительностью, с которой шли к Эльбе с запада американские танки. Директивы Ставки ВГК командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на подготовку и проведение Берлинской операции были подписаны 2 и 3 апреля 1945 года соответственно. Директива Ставки ВГК № 11059 командующему 1-м Белорусским фронтом не оставляла сомнений относительно выбора варианта плана операции: «Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрина силами четырёх общевойсковых армий и двух танковых армий». Своеобразие директив Ставки заключалось в том, что повышенное внимание уделялось выходу на рубеж Эльбы. Жукову даже рекомендовалось использовать для удара в обход Берлина (для выхода к Эльбе) обе танковые армии фронта. Фактически главной целью проводившегося наступления должно было стать установление линии соприкосновения с союзниками, не позволявшей им идти на Берлин с запада.

Дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза И. С. Конев. 1945 г. РГАКФД.

Жуков оказался в довольно сложном положении. Красивый план с двумя плацдармами, рассеивающими внимание противника, был отброшен. Оставалось одно направление наступления, не оставлявшее особых сомнений относительно главного удара у обороняющихся. Одной из главных проблем командующего 1-м Белорусским фронтом было состояние имевшихся в его распоряжении войск. На Одере в апреле 1945 года стояла бесконечно уставшая от войны армия. Средняя численность дивизии в армиях 1-го Белорусского фронта колебалась от 4 до 5 тысяч человек при штате более 10 тысяч. Уровень укомплектованности стрел-



Общий ход Берлинской операции.

ковых соединений Красной армии под Берлином был одним из самых низких за всю войну. Только танков и орудий было если не в избытке, то более чем достаточно. Довольно низкий «запас прочности» стрелковых дивизий практически не давал права на ошибку в подготовке и ведении операции. Более того, директивой Ставки фактически исключались из борьбы за Берлин танковые армии. Требовалось не только проломить оборону противника на Кюстринском плацдарме, но и взять крупный город силами ослабленной пехоты. Напротив, немецкое командование в 1945 году без сомнений бросало в бой людские ресурсы. Дивизии оборонявшейся на берлинском направлении 9-й армии Теодора Бюссе имели «боевую численность» (т. е. численность непосредственно участвующих в бою подразделений) от 4500 до 6000 человек. Этот показатель был очень высоким. Достаточно сказать, что на северном фасе Курской дуги в июле 1943 года 9-я армия наступала при «боевой численности» пехотных дивизий 3500–4000 человек. Также в составе армии Бюссе на 13 апреля 1945 года было 512 боеготовых танков и САУ, включая «Королевские тигры». Мотивация защитников Берлина была простой: «Мы будем считать свою задачу выполненной, если нам в спину ударят американские танки».

В этих условиях Жуковым был придуман замысловатый, но изящный план операции. Если попробовать нанести череду немецких топонимов из его приказов на карту, то выстраивается весьма любопытная картина. Указанные Ставкой направления были приняты к сведению, но буквального следования им в приказах штаба фронта не просматривается. Бросать две танковые армии в обход города лишь для встречи с союзниками Жуков счёл нецелесообразным. Однако вопреки появившимся позднее утверждениям он не собирался брать Берлин ускоренным темпом силами танков на улицах. Ни 1-й, ни 2-й танковым армиям не ставилась задача водрузить Красное знамя над Рейхстагом. Их задачей был быстрый прорыв на окраины Берлина и захват пригородов по периметру. Шесть танковых и механизированных корпусов по плану «обволакивали» немецкую столицу, подобно тому, как паук заматывает жертву в паутину. Тем самым Берлин блокировался и подготавливался к генеральному штурму с запада 8-й гвардейской и 5-й ударной армиями. По первоначальному плану операции участие танковых армий в уличных боях было минимальным. Они должны были только предотвратить усиление берлинского гарнизона, заняв пригороды.

Усиление гарнизона войсками, стоящими на подступах к городу, является кошмаром для планировщиков любой операции по его захвату. Чаще всего планы строятся на окружении потенциальных защитников уличных баррикад на дальних подступах к городу. Наступая в октябре 1941 года на Москву, немцы начали операцию с окружения Западного фронта под Вязьмой. Наступая на Сталинград, армия Паулюса тоже начала с окружения главных сил 62-й армии в излучине Дона. Сложность стоящей перед Жуковым задачи состояла в том, что у него было всего 70 километров на образование «котла» для стоящей на Одере

Уличные бои в Берлине.
Апрель, 1945 г. РГАКФД.

немецкой 9-й армии. Окружение в таком ограниченном пространстве напоминало боксёрский поединок в лифте. Отсюда своеобразное решение с «коконом» из танковых и механизированных корпусов.

Более очевидное с бытовой точки зрения и получившее широкую известность решение с прожекторами как раз не заключало в себе принципиальной новизны. Например, в ходе прорыва обороны на сандомирском плацдарме в январе 1945 года артиллерия обстреливала населённые пункты в направлении наступления 122-миллиметровыми осветительными снарядами. Поэтому поставленные на кюстринском плацдарме прожекторы были лишь вариацией на тему подсвечивания противника в предрассветной мгле. Так удавалось удлинить важный и напряжённый первый день операции и потратить «пустые» предрассветные часы на преодоление позиций боевого охранения. Дело в том, что в заключительный период войны немцы стремились вывести свои войска из-под мощного удара советской артиллерии. В последний момент немецкие части отходили с передовых позиций назад и принимали бой на второй линии обороны. Понятно, что преодолевать полупустые позиции первой линии можно было и при свете прожекторов.

Сигналом к наступлению в предрассветной мгле 16 апреля 1945 года стал вертикальный луч прожектора, ослепительной иглой уткнувшийся в небосвод. Затем по всему фронту кюстринского плацдарма загрохотала артиллерия. Разумеется, прожекторы не стали чудо-оружием. Их лучи натыкались на клубы дыма и пыли, поднятые разрывами снарядов, мешавшие разглядеть противника. Однако было бы ошибкой считать, что советские части в первый день наступления застряли на рубеже, освещавшемся прожекторами. Напротив, первые километры были пройдены в достаточно бодром темпе. Действительно серьёзные сложности возникли уже днём, когда прожекторы давно выключили. Местность в полосе наступления ударной группировки Жукова изобиловала ирригационными каналами и небольшими речками. Первым препятствием стали не пресловутые Зееловские высоты, а канал Гаупт-Грабен. К нему наступавшие вышли около полудня 16 апреля. Мосты через канал были взорваны или находились под обстрелом танков и самоходок противника. Для форсирования требовалась артиллерия, которая была подтянута во второй половине дня. Преодолев канал, дивизии армии Чуйкова вышли к Зееловским высотам только вечером 16 апреля. Здесь их встретили обширные минные поля,

пробивание проходов в которых заняло остаток дня. Соответственно соседняя 5-я ударная армия остановилась на берегу Альте-Одера — реки, протекавшей по старому руслу Одера.

Впрочем, даже «прогрызания» как такового не потребовалось. Существенное ускорение событий было достигнуто за счёт удачного прорыва 1-го механизированного корпуса С. М. Кривошеина из 2-й гвардейской танковой армии. Его передовая бригада сумела захватить неповреждённым мост через Альте-Одер и тем самым позволила корпусу глубоко вклиниться в немецкую оборону. Этот успех был последовательно использован как командующим 2-й гвардейской танковой армии, так и командующим 1-й гвардейской танковой армии. Корпуса двух армий были выведены из «прогрызания» и один за другим втянулись в пробитую брешь. Командир немецкой 9-й воздушно-десантной дивизии, чью оборону пробил корпус Кривошеина, был отстранён от должности. Немецкая оборона на Зееловских высотах была обойдена.

Добившись прорыва обороны, Жуков не забыл о главном — предотвращении отхода стоявших на Одере немецких войск в Берлин. Часть сил ударной группировки была развёрнута от немецкой столицы на юг и юго-запад. В итоге основные силы 9-й армии были изолированы от Берлина и окружены в лесах к юго-западу от города. «Котёл», получивший наименование Хальбского, стал одним из самых крупных окружений немецкой армии за всю войну, в него попало около 200 тысяч человек. В сам Берлин отошли несколько разбитых соединений, за которыми следовали наступавшие на город армии. Собственно берлинский гарнизон составляли отдельные части, полиция и фольксштурмисты. Поэтому штурм города проходил легче, чем мог бы проходить в случае отхода в него основных сил армии Бюссе.

Общие потери 8-й гвардейской армии в боях на Зееловских высотах составили около 10 тысяч человек, 69-й армии — 8,3 тысячи человек. Это составляло примерно 10 процентов потерь фронта за всю операцию. Потери техники 1-й гвардейской танковой армии 16 апреля составили 36 танков и САУ подбитыми и сгоревшими. При общей численности танковой армии Катукова перед началом операции более 700 танков и САУ такие потери никак не подходят под определение «тяжёлые».

Недовольство Сталина было вызвано не столько низкими темпами продвижения войск 1-го Белорусского фронта, сколько вводом танковых армий в бой вопреки плану Ставки. Вместо броска в обход немецкой столицы навстречу союзникам Жуков предпочёл действовать сообразно задаче захвата Берлина. Фактически Жуков поставил интересы своих войск выше чисто политического решения Верховного командования. Без танковых армий прорыв обороны на подступах к городу и сам штурм проходили бы с большими потерями. Низкие темпы продвижения в первые дни наступления удалось наверстать в последующем. Поэтому всё равно Жукова никто опередить не смог. Несмотря на все усилия, брошенные Коневым на Берлин части и соединения задержались сначала на Барут-Цоссенском рубеже к югу от города, затем на канале Тельтов и к штурму немецкой столицы по большому счёту опоздали.

Внимательное изучение действий Жукова под Берлином раскрывает перед нами картину продуманной подготовки операции по взятию крупного города с заматыванием его в «кокон», предотвращающий усиление гарнизона. При этом Жуков сознательно пошёл на конфликт с Верховным, отказавшись от выдвижения танковых армий к Эльбе ради их использования в интересах штурма Берлина. Прорыв немецкой обороны на Кюстринском плацдарме был не медленным и печальным «прогрызанием» позиций на Зееловских высотах, а результатом замысловатого обходного манёвра. В целом Берлинская операция стала советской «атомной бомбой», показавшей способности русской армии по сокрушению сильного и опасного противника.

Советская регулировщица на Замковой площади Берлина.
Фото В. С. Кинеловского. РГАКФД.

Мария ***РОДИНА,***
кандидат исторических наук

НАПЛЕЧНИКИ БОГОЛЮБСКОГО или АРМИЛЛЫ БАРБАРОССЫ?

Уже несколько лет я изучаю неизвестные страницы истории так называемых наплечников Андрея Боголюбского, один из которых сейчас украшает коллекцию декоративно-прикладного искусства Лувра, другой — собрание Германского национального музея в Нюрнберге. А ещё в начале прошлого века оба наплечника являлись российским культурно-историческим достоянием! Распутывать почти детективную историю этих уникальных экспонатов мне помогают коллеги из Эрмитажа, музея-заповедника «Московский Кремль», ГИМа, Русского музея, Пушкинского Дома, Лувра, Германского национального музея...[1] Поиск продолжается… Наплечниками, или нарамниками[2], называют две массивные медные позолоченные парные накладки сложной формы, украшенные эмалевыми изображениями на евангельские сюжеты: Распятие и Воскресение Христа. В исторической литературе они известны как наплечники Андрея Боголюбского. Зарубежные исследователи для обозначения наплечника используют латинский термин armilla — наручный браслет, плечевое украшение. Судьба этих уникальных экспонатов тесно связана с историей Владимиро-Суздальской Руси. Когда-то давно (это случилось до конца XVII века) по какой-то неведомой нам причине пару армилл разделили. Теперь у каждого наплечника была своя история.

Изображение императора Фридриха Барбароссы на западном портале собора во Фрайзинге. XII в. Германия.

А ЭТО ПЕРВЫЙ

Пластина с композицией «Воскресение Христа» хранилась в ризнице Успенского собора Владимира. Первое упоминание её среди других ценностей главного владимирского храма находим в описи 1693 года: «Да церковной утвари в выносной ризнице окованной за двема замками… нарамник медной на нём писан мусиею (эмалью. — *М. Р.*) образ Спасов Воскресение от гроба с ангелы весом полфунта тридцать золотников». Подобные упоминания повторяются и в описях Успенского собора 1697 и 1708 годов[3].

В середине XIX века на этот раритет обратили внимание местные краеведы. В 1849 году В. И. Доброхотов в книге

«Памятники древности во Владимире Кляземском» упоминает среди сокровищ соборной ризницы «медный вызолоченный знак или нагрудник, с мозаичным изображением Воскресения Христова, который, как полагают, великие князи или патриархи носили на персях»[4]. На Всемирной выставке в Париже 1867 года экспонировалась копия этой пластины[5] (подлинник запретили вывозить за границу). Вновь «медный густо позолоченный великокняжеский нарамник, с эмалевым на оном изображением Воскресения Христова и с подписью на нём в форме двух столбцов римскими литерами: REXVREXTIO DNI» упоминается в «Описи священных предметов из особого отделения ризницы Успенского собора», составленной его ключарём А. Виноградовым в 1886-м[6].

Рейнские или лотарингские эмали XII в. Иллюстрация из публикации Г. Д. Филимонова.

Эмалевые армиллы с композициями «Рождество Христа» и «Приношение даров в храме». *С гравюры XVIII в.*

В 1890 году «финифтяный княжеский нарамник» вместе с шитой иконой с изображением Георгия Всеволодовича из владимирского Успенского собора экспонировался на выставке в честь VIII археологического съезда в Москве[7]. Потом наплечник снова находился в ризнице Успенского собора. В 1906-м в новом здании Владимирского музея была открыта выставка, приуроченная к III областному историко-археологическому съезду, главным экспонатом которой вновь был «наплечник великокняжеского кафтана, украшенный лиможской эмалью XII–XIII веков»[8]. После выставки реликвия была возвращена в Успенский собор, где находилась до 1919 года.

В «Описи церковного имущества владимирского кафедрального Успенского собора» среди древностей, не принадлежащих к богослужению, значится «медный позолоченный знак, или наплечник, с мозаичным изображением Воскресения Христова»[9]. А рядом сделана приписка: «Взят в музей в августе 1919 года». С тех пор примерно до 1933 года этот шедевр был экспонатом Владимирского музея. В старой фондовой «Описи вещам, находящимся на хранении в сундуке № 2» под № 51 числится «нарамник великокняжеский бронзовый с эмалью XII века». Упоминается он и среди экспонатов музея, представляющих исключительную ценность, в докладе директора музея А. И. Иванова, прочитанном на 2-й Владимирской губернской конференции по изучению производительных сил в 1926 году и в отчётах о деятельности музея за 1923–1924 и 1927–1928 годы[10].

Позднее уникальным экспонатом Владимирского музея заинтересовались столичные музеи. В архивах сохранилась переписка между руководством Оружейной палаты Московского Кремля и Владимирского музея о планируемой по просьбе москвичей передаче наплечника в Москву, датируемая октябрём 1932 года. Во Владимир был даже направлен научный сотрудник Оружейной палаты Л. И. Денисов для получения этого памятника по доверенности. Однако в докладной записке от 15 октября он сообщил исполняющему обязанности директора Оружейной палаты В. К. Клейну, что Владимирский музей, поддержанный Владимирским РОНО и председателем РИКа, затребовал значительную компенсацию за наплечник. На копии письма из Учёного комитета ЦИК, в ведении которого в то время находилась Оружейная палата, сохранилась помета Клейна от 21 октября о том, что передача экспоната не состоялась[11].

Но шедевр недолго оставался во Владимире. Вероятно, в 1933 году с целью получения валюты он был продан за границу. Документов о том, кто, когда и кому продал данный наплечник, пока найти не удалось.

По сведениям французских коллег, уже в октябре 1934-го армилла с изображением Воскресения была куплена Обществом друзей Лувра у известного парижского антиквара Н. Бримо (Дом Бримо Ларусиль) и подарена музею. Подарок был принят художественным советом Лувра 13 ноября 1934 года и ратифицирован министерским указом от 6 декабря того же года. Нынешний владелец галереи Бримо господин Карлье предполагает, что в Париж наш раритет попал через антикварные дома Берлина. К примеру, Дом «Ball et Graupe de Berlin» послужил посредником для целой серии советских продаж в Европе[12]. Итак, с 1934 года наплечник из Владимира стал украшением известнейшего и богатейшего музея мира. Примечательно, что и в Лувре армилла (инвентарный № OA 8261) считается редким экспонатом. На сайте Лувра в Интернете среди шедевров из фонда декоративно-прикладного искусства Средних веков эта вещь занимает одно из первых мест.

А ВОТ ВТОРОЙ

История второго наплечника с композицией «Распятие Христа» не менее любопытна. Он найден в 1860-е годы известным русским историком искусства, сотрудником Оружейной палаты Г. Д. Филимоновым «в подвале и среди хлама одного из монастырей Владимирской же губернии»[13]. По каким-то причинам не указано название монастыря, из которого происходит эта замечательная находка. Однако в заметке об экспонатах Русского отделения Всемирной парижской выставки, опубликованной 4 апреля 1867 года, сообщается со ссылкой на Филимонова, что наплечник с Распятием был «приобретён в одном из Переславских монастырей»[14].

Почему же Филимонов скрыл место находки? Дело, вероятно, в том, что обнаружение в Переславле-Залесском второго наплечника, парного тому, что из Успенского собора во Владимире, не очень согласовывалось с теорией Филимонова о принадлежности их Андрею Боголюбскому. Именно Георгий Дмитриевич является автором первой подробной научной публикации о наших наплечниках. Именно он объединил оба наплечника в пару, признал их «замечательными произведениями рейнской или лотарингской эмали XII века» и связал с именем Андрея Боголюбского. Свои предположения Филимонов основывал на сообщениях летописей о приглашении Андреем Бо-

голюбским «мастеров из всех земель» и на кёльнском происхождении Большого сиона Успенского собора. Кто, как не Андрей Боголюбский, по его мнению, был проводником западноевропейского искусства во Владимиро-Суздальскую Русь?! Так с лёгкой руки Филимонова эти экспонаты вошли в историю как наплечники Андрея Боголюбского. Видимо, не зная, как объяснить появление одного наплечника в Переславле — городе, не очень связанном с именем князя Андрея, — Филимонов о месте его находки сказал неопределённо.

Примечательно также, что только в его публикации говорится о том, что наплечник из Успенского собора сначала был при мощах князя Андрея, а потом попал в ризницу[15]. У других авторов об этой легенде — ни слова. В описях собора, в церковных описаниях его истории нет даже намёка на связь позолоченного наплечника или нагрудника с гробницей Андрея Боголюбского. Очень уж хотелось Филимонову связать замечательные наплечники западной работы с именем именно этого князя!

Но вернёмся к продолжению истории второго наплечника. Эта пластина в числе немногочисленных подлинников с успехом экспонировалась в 1867 году на Всемирной выставке в Париже, где комиссаром русского отдела истории труда был как раз Филимонов. По возвращении с выставки она, вероятно, хранилась в его частной коллекции.

После смерти Филимонова в 1898 году накладка оказалась в частном собрании петербургского живописца, профессора Академии художеств М. П. Боткина[16]. В 1904-м раритет был украшением выставки прикладного искусства, состоявшейся в Петербурге под августейшим покровительством императрицы Александры Фёдоровны в пользу раненых на японской войне воинов, и позднее был опубликован в красочном каталоге выставки[17]. После смерти Боткина его вдова пыталась сохранить коллекцию. В тревожные дни 1917 года ценности были сданы на временное хранение в Русский музей. В 1919-м коллекцию Боткина национализировали. Произведения прикладного искусства Западной Европы частично передали в Эрмитаж (среди них наш наплечник не значится), частично распродали.

В то время за границу с целью получения валюты были проданы многие шедевры культуры. В докладе директора Оружейной палаты Д. Д. Иванова о вреде распродаж музейных ценностей от 10 сентября 1928 года упоминается и попавший в Алмазный фонд наплечник Андрея Боголюбского, оценённый в 35 тысяч. Иванов говорит, что он должен быть извлечён из Алмазного фонда для музейного использования, так как это «исключительно важный не по своей материальной ценности, а по своему величайшему значению в научном отношении экспонат»[18]. Судя по тому, что в это время наплечник из Успенского собора находился во Владимирском музее, речь идёт о вещи, найденной Филимоновым в Переславле. На наш запрос из Гохрана России сообщили, что они не располагают документами о поступлении в Алмазный фонд наплечников и их последующей продаже за границу...

Так или иначе, второй наплечник в 1930-е годы тоже оказался за границей. Долгое время он находился в частном собрании барона фон Гирша сначала во Франкфурте, потом в Базеле. В июне 1978 года на аукционе Сотбис в Лондоне эмалевую пластину с изображением Распятия приобрёл Германский национальный музей в Нюрнберге[19]. Там вторая армилла (инвентарный № KG 1239) находится и по сей день.

ТЕНЬ РЫЖЕБОРОДОГО ФРИДРИХА

В Нюрнбергском музее — одном из крупнейших собраний Европы — данный экспонат почитают как национальную реликвию. Через год после поступления туда армиллы в издаваемом музеем научном вестнике была опубликована обстоятельная статья доктора Р. Касница о наплечниках[20]. В средневековой Германии подобного рода армиллы, наряду с короной, державой, скипетром и мечом, являлись символом королевской власти. Их можно видеть на изображениях королей и императоров Священной Римской империи, помещённых на королевские и императорские печати Конрада III, Фридриха Барбароссы и Генриха VI. Тяжёлые наплечные браслеты специфической изогнутой формы носили нашитыми на мантию. Изящные с виду накладки имеют весьма внушительный вес: армилла с Распятием — 460 граммов, армилла с Воскресением — 320; правый наплечник для удобства движения рукой делался меньше. До конца XVIII века в Нюрнберге сохранялись два очень похожих на владимирские находки эмалевых оплечья со сценами «Рождества Христова» и «Приношения даров в храме», изготовленные во время правления Фридриха Барбароссы. Описание этих исчезнувших во время революционных событий реликвий и их изображение на гравюре И. А. Делзенбаха середины XVIII столетия демонстрируют их несомненное родство с наплечниками Андрея Боголюбского. Касниц предполагает, что владимирские наплечники первоначально принадлежали облачению немецких королей и были изготовлены в Рейнско-Маасской области в период с 1170 по 1180 год по заказу самого Фридриха Барбароссы или как подарок ему.

Другой немецкий историк Д. Вёрн подвергает сомнению точку зрения Касница о том, что армиллы были деталью облачения Фридриха Барбароссы[21]. Он считает, что наплечники не принадлежали к императорскому облачению, а были инсигниями (символическими знаками власти), которые вручались императором другим правителям с целью предоставления и признания королевской власти. Таким образом, акт вручения наплечников мог символизировать признание императором прав данного правителя на власть в его государстве или признание правителем верховной власти императора.

Разделились и мнения исследователей о датировке и возможном авторстве армилл. Фон Фальке, В. П. Даркевич и Ж. М. Г. Питерс считают, что наплечники вышли из мастерской знаменитого Годфруа де Клера из Гюи[22]. Этот странствующий маасский ювелир с 1125 по 1152 годы работал при дворе германских императоров. К. Дрейфус и Касниц полагают, что очень редкая техника эмали на армиллах более всего напоминает Клостернебургский алтарь, сделанный в 1181 году Николаем Верденским[23]. Тогда предпочтительна более поздняя дата — 1180 год. Специалисты из Лувра склоняются к 1170-му и подчёркивают, что наплечник «во многих отношениях предвосхищает творчество Николая из Вердена»[24]. Разнообразны и версии о путях проникновения армилл во Владимир. Есть мнение, что они были подарены Андрею Боголюбскому, чьё посольство посетило в 1165 году торжества в Аахене по случаю канонизации Карла Великого Фридрихом Барбароссой[25]. В том же 1165-м чешский король Владислав на венском съезде представил Фридриху Барбароссе русского князя, имя которого источники не называют. Питерс полагает, что это был младший брат Андрея Боголюбского — Всеволод Большое Гнездо[26]. Вёрн же считает, что это был Мстислав Изяславич — волынский князь, состоявший в родстве по материнской линии с Барбароссой[27]. Тогда же император мог вручить ему инсигнии. В 1169 году при разграблении Киева войсками Боголюбского (Мстислав

в это время был уже киевским князем), наплечники, полученные Мстиславом от Барбароссы, могли попасть к князю Андрею Юрьевичу — как символ принятия им верховной власти.

Наплечники могли попасть во Владимир и вместе с женой Всеволода Большое Гнездо Марией Шварновной, которая была родом из Чехии. Другим каналом проникновения на Русь, по мнению Вёрна, мог быть галицкий князь Владимир Ярославич — племянник Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. В 1189 году Владимир Ярославич бежал из венгерского плена в Германию под покровительство Фридриха Барбароссы. Как сообщает Ипатьевская летопись, «немецкий цесарь же уведав, что он есть сестрич великому князю Всеволоду Суздальскому и принял его с любовью и великой честью»[28]. Барбаросса, приставив к Владимиру Ярославичу своих мужей, направил его ко двору польского короля Казимира. С польской помощью Владимир вернул себе Галич, а затем восстановил старый галицко-суздальский союз, признав себя вассалом Всеволода Большое Гнездо. Возвращение Владимиру Ярославичу власти в Галиче было подходящим поводом для вручения ему инсигний, которые он, признав свой вассалитет, мог передать дяде Всеволоду. В этом случае их надо рассматривать скорее как почётный дар, символизирующий признание западным императором равноправия власти великих владимирских князей[29]. Все эти версии проникновения армилл во Владимир представляются вполне правдоподобными. К сожалению, отсутствие письменных свидетельств не позволяет аргументировать их более убедительно.

Наплечник с изображением Распятия. Национальный музей в Нюрнберге.

Наплечник с изображением Воскресения Христа. Лувр.

Однозначно решить вопрос, как и когда армиллы попали во Владимиро-Суздальскую Русь, пока так и не удалось. Но благодаря исследованиям зарубежных коллег можно утверждать, что эти уникальные произведения маасского ювелирного ремесла являются ярким материальным подтверждением дружеских отношений Фридриха Барбароссы и владимирских князей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, о которых сообщал ещё Василий Никитич Татищев[30]. Прежде доказательством этих контактов служили лишь ярко выраженные черты романской архитектуры в белокаменном владимиро-суздальском зодчестве. Наличие во Владимире германских королевских инсигний позволяет говорить о том, что связи Северо-Восточной Руси с Германией были не только культурными, но и государственно-политическими.

Н. Н. Воронин считал, что Андрею Боголюбскому удалось стать «подлинным «самовластцем», подобным королям Запада», слава о котором проникала в далёкие страны и принимала гиперболические размеры[31]. Если наплечники действительно являются не просто деталью императорского облачения Барбароссы, а инсигниями, то тогда их можно считать материальным свидетельством признания владимирских князей на Западе. Приписанные Филимоновым Боголюбскому армиллы вполне могли принадлежать Всеволоду Большое Гнездо. Он тоже, как отмечалось выше, «водил дружбу» с Фридрихом Барбароссой и был весьма известным и могущественным правителем.

В истории наплечников, особенно древней, по-прежнему много неизвестного. Когда и как попали во Владимиро-Суздальскую Русь немецкие королевские регалии? Как их здесь использовали? Кто принял решение продать уникальные экспонаты за границу? Научный поиск продолжается... Обидно только, что теперь наплечники украшают экспозиции музеев Франции и Германии, а не России.

г. Владимир

Примечания

1. Выражаю искреннюю благодарность О. Б. Барченковой, М. Б. Бессудновой, А. М. Гордину, А. В. Маштафарову, С. М. Новаковской, Т. П. Тимофеевой, Т. А. Тутовой, А. А. Тенеткиной, Жаннику Дюрану, Ральфу Шуреру и другим за неоценимую помощь в работе над этой темой.
2. Нарамник — наплечный доспех, панцирь. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М. 1983. С. 205.
3. РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 53. Л. 32 об., 35, 73, 75 об.; Оп. 1. Д. 2764. Л. 25 об.
4. Доброхотов В. И. Памятники древности во Владимире Кляземском. М. 1849. С. 92.
5. Филимонов Г. Д. Отчёт об археологическом путешествии в Переяславль, Ярославль и Ростов, для исследования местных церковных древностей и для снятия с важнейших памятников копий для Парижской всемирной выставки. Приложения к протоколам заседания общества//Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М. 1876. С. 58.
6. Виноградов А. *Опись священным* и достопримечательным предметам, хранящимся в особом отделении ризницы владимирского кафедрального Успенского собора//Владимирские епархиальные ведомости. № 13. Часть офиц. Владимир. 1886. С. 370.
7. Труды восьмого археологического съезда в Москве. 1890. Т. IV. М. 1897. С. 229.
8. Отчёт о деятельности Владимирской учёной архивной комиссии за восьмой год её существования (1906)//ТВУАК. Владимир. 1907. С. 21, 26.
9. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 593. Оп. 1. Д. 41. Л. 106.
10. Иванов А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции//Материалы по изучению Владимирской губернии. Труды Владимирского Государственного областного музея. Вып. II. Владимир. 1926. С. 82; ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 11. Л. 97; Д. 157. Л. 203.
11. ОРПГФ. Ф. 20. Оп. 1932 г. Д. 11. Л. 58, 61; Д. 13. Л. 28, 29, 34; ГАВО.Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 222. Л.11, 12.
12. *Информация любезно сообщена* сотрудником Лувра Ж. Дюраном.
13. Филимонов Г. Д. Древнейшие западные эмали в России, приписываемые Св. Антонию Римлянину и Андрею Боголюбскому//Вестник общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М. 1874. С. 21.
14. Владимирские губернские ведомости. 1867. № 14. Часть неофициальная. С. 118.
15. Филимонов Г. Д. Древнейшие западные эмали... С. 22.
16. Собрание М. П. Боткина. СПб. 1911. С. 37. Табл. 94.
17. Prachoff A. Album de l'exposition rétrospective d'objets d'art, de 1904, á St-Petersbourg. St. Petersburg. 1907. P. 185, Taf. 13.
18. ГА РФ. Ф. Р-4359. Оп.1. Д. 207. Л. 30; ОРПГФ. Ф. 20. Оп. 1928 г. Д. 19. Л. 62.
19. Meisterwerke aus der sammlung Robert von Hirsch. Frankfurt am Main; London. 1978. S. 24.
20. Kahsnitz R. Armillae aus dem Umkreis Friedrich Barbarossas//Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. Nürnberg. 1979.
21. *Wörn D. Armillae aus dem Umkreis* Friedrich Barbarossas — Naplečniki Andrej Bogoljubskijs//Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. NF. München; Wiesbaden. Bd. 28. 1980. S. 391.
22. Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.)//САИ. Вып. EI-57. М. 1966. С. 25–27; Pieters J. M. G. Maaslandse kunst in het oude Rusland // De Maasgouw 122. 2003. 3. S. 86.
23. Dreyfus K. Une plaque d'email mosane au musée du Louvre//Monuments et mémoires. Paris. 1935–1936. S. 178; Kahsnitz R. Op. cit. S. 40.
24. Западноевропейское декоративное искусство IX–XVI веков из собрания музеев Лувра и Клюни. М. 1981. С. 29–30.
25. Meisterwerke aus der sammlung Robert von Hirsch. Frankfurt am Main. London. 1978; Pieters J. M. G. Op. cit. S. 86.
26. Ibid. S. 86.
27. Wörn D. Op. cit. S. 392–394.
28. Ипатьевская летопись//ПСРЛ. Т. II. М. 1908. С. 666.
29. Wörn D. T. II. S. 395–396.
30. Татищев В. Н. История Российская. *Т. III.* М. 1964. С. 149, 246.
31. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М. 1961. С. 126.

Олег ***УСЕНКО,***
кандидат исторических наук

АРАБСКИЕ «ПРИНЦЫ» И СКОПИНСКИЙ МУЖИК

*Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I**

№ 48. «Арапский князь»: «самовладетельный князь провинции Кесареван [Кесруан]» и «Сурский владелец» [1/9 ? июля 1733 — конец июня/июль ? 1734] — Мирбез (Мир Без) Гевейш (Гебейш) [Хабейх ?]

Очередной авантюрист с Востока был, очевидно, османским подданным, арабом и маронитом, родившимся в Горном Ливане. Вполне возможно, что за российскими вариантами фиксации его родового имени (Гевейш и Гебейш) скрывается уже известное нам Хабейх (Хбейх, Хобаиш, Хбейш). В таком случае Мирбез действительно родился в Кесруане и по происхождению являлся шейхом. Если ему верить, его отцом был Салех Гевейшейш (Гевейш шейх?), умерший до 1729 года. У нашего героя имелся брат, который после смерти отца тоже претендовал на трон, а значит, был взрослым. О матери и жене (жёнах?) Мирбеза ничего не известно. Зато он поведал о своих сыновьях: двое старших и вполне взрослых остались в Турции, а младший — Кесарь (видимо, Кесир[1]) — отправился с ним путешествовать и, значит, был уже далеко не младенцем. С учётом всего этого заключаем, что на момент приезда в Россию Мирбезу было не менее 33 лет.

Помимо арабского языка, он владел турецким (правда, неясно, умел ли он писать). Его реальная биография до появления в России туманна. Судя по его показаниям, он плохо знал земли и народы к северу и востоку от Ливана и Палестины. Также можно допустить, что около 1728 года Мирбез посетил Венецию. Скорее всего, там он занимался тем же, чем другие «восточные властители» и он сам потом в России, — искал материальной поддержки. Не получив искомого или же промотав его, он из Ливана отправился на север с младшим сыном и четырьмя слугами — Юсуфом, Думитом, Максудом и Хиндриком.

Видимо, вначале они плыли вдоль ближневосточного побережья, то и дело заходя в порты (раз потом самозванец смог дать характеристику ряду портовых городов). Затем какое-то время «князь» и его свита провели в Константинополе, а оттуда перебрались в Крым. Там наш герой получил от хана «пашпорт» («подорожную грамоту») и двинулся на Украину — к российской границе. Кстати, Мирбез и его подручные вряд ли бедствовали, ибо ехали из Крыма не менее чем на десяти подводах, а значит, везли много вещей.

Примерно 1–9 июля 1733 года путешественники прибыли в Кременчуг — российскую крепость на границе с Османской империей. Здесь лжемонарх и «проявился»: предъявил пограничникам ханский «пашпорт», сообщил, что он — «белых арап, называемых мураники (марониты. — *О. У.*), Сурской владелец, состоящей под ведомством Сейдак-паши (наместника Сайды. — *О. У.*), и просил о пропуске ко двору Ея Императорского Величества». Местный начальник запросил указаний из Полтавы от киевского генерал-губернатора Иоганна Бернгарда фон Вейсбаха. Тот «оного владелца приказал… прислать к себе».

В Полтаве приезжий «допросом показал о себе: завут ево Мирбез Гебейш Алез, веры каталицкой, а выехал он с сыном своим и служителми сам-шост (вшестером. — *О. У.*) от налегливости (притеснения. — *О. У.*) и гонения означенного Сейдак-паши, что де всё владение ево отнел и отдал брату ево; и для того желает он милости просить у Ея Императорского Величества, чтоб обретающейся в Цареграде резидент господин Неплюев[2] у Порты в том способствовать мог; а ныне де он, паша, в недоправленных на нём, владелце, пятнатцати тысячь талярах взял от него в заклад дву сынов и отпустил ево для збору тех денег на волю».

Сразу после допроса Вейсбах уехал в Петербург, а Мирбез и его присные остались в Полтаве ждать указа из Коллегии иностранных дел. Они жили «под надсмотрением» полтавского коменданта Василия Ивановича Чичерина и «на доволствии малороссиского Полтавского полку ис полковых доходов». 6–7 августа Вейсбах, уже будучи в столице, «чрез доношение» сообщил о самозванце в Коллегию иностранных дел, но ожидаемой резолюции так и не получил. Когда же он вернулся в Полтаву, «арапский владелец» вновь стал просить, «чтоб ево отправить… ко двору Ея Императорского Величества и сказал, яко он может там устно о обхождениях турецких (обстановке в Турции. — *О. У.*) донесть, что де впред может Ея Императорского Величества интересу в ползу быть».

4 октября Вейсбах послал ещё одно «доношение» в Коллегию иностранных дел — уже о том, что разрешил Мирбезу проехать в Москву, причём сообщил и своё мнение: «Ежели за чем оной владелец в Санкт-Питербурх взят из Москвы быт не имеет, а повелено будет возвратно отправить во отечество ево, то б возвратным трактом не отправлять, а отправить бы чрез Астрахань, Дербент и далее чрез персицкие городы». 7 октября аналогичное «доношение» было послано московскому главнокомандующему С. А. Салтыкову. Последний также извещался, что к Мирбезу приставлен «для переводу малороссиской житель Иван Креницкий» и что восточных гостей сопровождает сержант Белгородского гарнизонного полка Кирилл Афанасьев и двое солдат. Завершалось письмо просьбой, чтобы Салтыков приказал «оного владелца с сыном и служителми ево и перевотчика до резолюции Государьственной коллегии иностранных дел… в Москве содержать с надлежащим доволствием». 8 октября «арапский князь» получил «подорожную», 15 подвод и отправился в путь.

На улицы Москвы он ступил 4 ноября и сразу же явился в контору Коллегии иностранных дел. В тот же день Мирбез получил из полицмейстерской канцелярии «билет» на постой. Сначала он поселился на

*Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5, 7, 9–11; 2008. № 1, 4.

дворе у князя Андрея Андреева сына Сонцова, но 7 ноября был «поставлен» в Китай-городе «на двор гостя (купца высшего разряда. — *О. У.*) Алексея Филатьева». Вероятно, уже сразу по приезде Мирбез узнал о том, что в Москве живёт и другой ближневосточный «владелец» — Шехашидит (см. ниже). Они списались или встретились, дабы согласовать свои дальнейшие действия и показания.

Вскоре Салтыков получил из Петербурга письмо, где канцлер Гаврила Иванович Головкин инструктировал его: если у Мирбеза нет иного дела, кроме испрашивания царской милости, то в столицу его пускать не следует, ибо он может высочайшую милость получить в Москве. 12 ноября Мирбез был вызван к Салтыкову. Его спросили, «что он может о обхождениях турецких донести». В ответ лжемонарх «объявил, что он подаст о сём на писме. И на другой день прислал оной владелец чрез обретающагося при нём толмача турецкого языка... два писма на арапском языке»: одно — к царице, другое — к московскому главнокомандующему.

В письме к Анне Иоанновне кратко описаны восемь городов на ближневосточном побережье (число пушек, солдат и объём получаемых в казну доходов) — Антакья, Латакия, Тараблюс, Бейрут, Сайда, Акка, Хайфа и Яффа. Далее сообщается: «От Яфа до Иеросалима езды 15 часов. Во Иеросалиме пушек доволно и войска ж с 1000 человек, а подлинно он, сколко доходов, сказат не может, понеже тамо христиан в крепость не пускают. От Иеросалима до Дамаска никакой крепости нет — всё степь и народы степные. И о сём он доносит толко для известия ево нужды, что он приехал для прошения милости у Ея Императорского Величества...»

В письме на имя Салтыкова Мирбез изложил свою мифическую биографию: «Из давных лет — более семисот лет — предки ево были самовладетелные князи провинции Кесареван близ Иерусалима и Дамаска (на самом деле Кесруан довольно далеко от них. — *О. У.*), в которой имели своего войска 50 000 (явное преувеличение. — *О. У.*). Главной город той провинции, в котором они жили, имеется Казир (очевидно, Газир, однако этот город не был главным в Кесруане. — *О. У.*). И по смерти отца своего Салеха Гевейшейша наступил во владение той провинции он, Мир Без, и владел тою провинциею самовластно ж, от турков охраняя себе военною рукою (лжёт, ибо турки весь Ливан подчинили ещё в XVI веке — *О. У.*). Тому лет с пять был он в Венеции у дука, владеющаго Венециею[3], за согласием против салтана о взятье Иеросалима, которой ему говорил: ежели турецкой салтан будет с ним воеват, то он пошлёт к нему карабли, которые бы он вооружил людми; а как Иеросалим взят будет, то все християнские потентанты (властители. — *О. У.*) будут ему помогать. И с тем он поехал из Венеции в свою страну. Турки о сём не уведали, что он ездит в Венецию, и венецианский князь карабли к нему не присылал для вооружения людми, понеже в словах было учинит сей поступок в случай погоды, когда салтан забавится военною рукою против цесаря (императора Священной Римской империи. — *О. У.*) и иных потентантов и обезсилеет. В близости провинции ево есть провинция салтанская Сур (на самом деле Сур относился к наместничеству Сайда, причём не был главным городом. — *О. У.*), в которой от салтана определён Сайдак-паша. Той провинции люди во владении тому паше стали быть противны. Половина провинции желала быт у оного паши, а другая половина желала владения ево, Гевейша. В таком случае помянутой Сайдак-паша стал ему говорить, чтоб всю ту провинцию принял он, Гевейш, в своё владение, а салтану толко с оной, а не с собственной своей провинции, платил денег по 100 мешков, в которых имеет быт по 300 ру[блей][4]. По которому ево объявлению помянутую провинцию Сур он, Гевейш, и принял в своё владение. И владел толко один год, а денег за ту провинцию на тот год заплатил сперва 50 мешков, да потом 15, а 35-ти мешков заплатит не мог, понеже между жителями той провинции, которые желали владения того Сайдак-паши, с теми, которыя пожелали владения ево, Гевейша, учинилас ссора, междоусобица, и один другова пожгли со всем имением, и ушли в горы. Сайдак-паша стал требоват с него помянутых недоплаченых денег, объявляя, якобы они от него, Гевейша, ушли и такой поступок учинили; и за то в городе Беруте на Белом море поимал дву сынов ево, уведав, что они в тот город приехали, и держит под арестом за то, чтоб помянутые недоплаченые денги ему, Сайдак-паше, он, Гевейш, заплатил. Для того он поехал ко двору Ея Императорского Величества, чтоб учинит ему в том споможение и к резиденту Неплюеву писат, дабы он у Порты за него о сём старание приложил. А в той провинции, которая собственная ево, поехав в Росию, оставил он брата своего». (Как видим, самозванец противоречит сам себе: в Полтаве он говорил, что хочет вернуть отобранное «владение», а теперь — что сыновей-заложников).

Канцлер граф Г. И. Головкин.

Между тем Контора Коллегии иностранных дел ждала из Конторы Сената указа о выдаче «кормовых денег» Мирбезу и его окружению, «понеже оная дача чрезвычайная и на Коллегию иностранных дел не положенная». 13 ноября такой указ был получен, и отныне «правителю Кесруана», его сыну и слугам, переводчику и солдатам охраны ежемесячно из Штатс-конторы перечислялись деньги «на корм и на дрова» из расчёта по 1 рублю в день на всех.

Какое-то время спустя Мирбеза вновь пригласили на «роспрос». Во-первых, российские чиновники желали пополнить полученные от него сведения о ближневосточных городах. Но ответ самозванца, скорее всего, их разочаровал. Во-вторых, российские власти пытались выяснить, знают ли друг друга приехавшие в Москву «арапские владельцы» и не самозванцы ли они. Оказалось, что Мирбез даже заочно выказывал уважение к своему фактическому конкуренту. Не остался в долгу и Шехашидит.

Возможно, на отношение российских властей к Мирбезу повлияло то, что у него были слуги, много добра и «подорожная» от крымского хана, что «арапский князь» был осведомлён о российском резиденте при султане. Как бы то ни было, авантюрист получил-таки желаемое.

5 мая 1734 года в Москву из Петербурга были доставлены письмо кабинет-министров А. И. Остермана и А. М. Черкасского и указ из Коллегии иностранных дел. В посланиях сообщалось, что императрица велела дать Мирбезу 400 рублей и выслать его за границу через Астрахань или Архангельск — на выбор «князя». Царица также указала дать ему и его свите «в дорогу кормовых на два месяца против московской дачи, также и прогоны на пристойное число подвод», и послать с ними для охраны одного солдата. Ко второй бумаге были «приложены на тот выезд пашепорты... на оба те пути».

Выяснилось, что Мирбез хочет ехать

Князь А. М. Черкасский.

через Архангельск, однако «требует, чтоб дать ему пятнатцат подвод, да в провожатых сержанта и одного салдата, понеже и ис Полтавы он препровождён был так». Ему пошли навстречу, но вместо сержанта послали с ним толмача И. Креницкого. 8 мая из Конторы Коллегии иностранных дел в Контору Сената было отправлено соответствующее «доношение». 1 июня Мирбезу был выписан «проезжий указ», и после его получения «владелец Кесруана» двинулся к Архангельску (как и Шехашидит). Оттуда (вероятно, ещё до августа) он уплыл за границу — очевидно, в Западную Европу. Его дальнейшая судьба неизвестна.

№ 49. «Князь (владелец) Арапской земли — Ливанской Горы» [июль/10 августа? 1733 — конец июня/июль? 1734] — Шехашидит (Шеха Шидит, Шаха Шидит, Сагшидит) [шейх Сидихт?]

И этот самозванец был, очевидно, османским подданным и арабом, родившимся в Горном Ливане. Он утверждал, что является православным. Это было возможно, так как в Ливане издавна жили христиане, подчинявшиеся патриархам Иерусалимскому и Антиохийскому. О родных Шехашидита ничего не известно. Кроме арабского языка (включая письменную речь), он знал турецкий, но писал на нём или нет — неизвестно. К моменту прибытия в Россию ему вряд ли было менее 25 лет.

Его реальная «дороссийская» биография покрыта мраком. Но можно утверждать, что в далёкие края его повело всё то же стремление к лёгкой наживе, рождённое слухами о благосклонности европейских монархов к «предводителям христиан, стонущих под османским игом». Известно, что Шехашидита сопровождали двое слуг — «арапы Юрья Мансуров, Бушаин Иванов, из самого жилища ево». В Россию он попал через Константинополь, где уже знакомый нам резидент Неплюев оформил ему «пашпорт до Киева». Однако мы не знаем, каким путём ехал Шехашидит на север — через Крым (как М. Гевейш) и потом через Речь Посполитую или же сразу через Речь Посполитую (как И. Хабейх[5]). Как бы то ни было, вряд ли он испытывал нужду, ибо скарб его занимал 5–6 подвод, к тому же у самозванца были деньги на дорожные расходы.

Примерно между 1 июля и 10 августа 1733 года Шехашидит со слугами прибыл в один из российских форпостов на границе с Речью Посполитой недалеко от Киева. Видимо, там он и «проявился»: предстал перед пограничниками в качестве христианского властителя, пострадавшего от турок и потому желающего проехать в Петербург, дабы испросить милости у царицы. Трудно сказать, поверили ему или нет, но в Киев пропустили. Вероятно, свою роль сыграл «пашпорт» от Неплюева.

По приезде в Киев самозванец явился в губернскую канцелярию и вновь «разгласил» о себе. «Пашпорт» у него забрали, зато приставили толмача — это был «грек Иван Остафьев сын Мухоянов… купецкой человек». 12 августа самозванцу выписали новый проезжий документ: «От Киева до Москвы Ливанские Горы жителя арапа Шеха Шидита, которой ездит для своих нужд, з будущими при нём одним толмачом и двумя служители пропускать без задержания; а приехав в Москву, явитца ему с сым пашпортом в Государственной коллегии иностранных дел». Также ему и толмачу предоставили «ямские подводы» и дали «в провожатые» двух-трёх солдат.

Сразу по прибытии в Москву, 29 сентября, наш герой явился в Контору Коллегии иностранных дел и «сказал, что он арап родом… Ливанские Горы, верою христианин греческого исповедания, породою князь той Горы, а чином полковник арапской области Турецкой; приехал в Российскую империю для прошения милости у Ея Императорского Величества о вспоможении ему в ево раззорении, понеже турки, приехав в ту Гору, дом ево и деревни все раззорили, от которого нападения едва он спасся и ушёл в Костянтинополь, и тамо жил при патриархе костянтинополском, и явился резиденту Ея Императорского Величества господину Неплюеву, которой дал ему и пашпорт свой до Киева… И ныне он, арап, для вышеписанных нужд своих желает ехать в Санкт-Питербурх, и чтоб от Москвы до

Граф А. И. Остерман.

Санкт-Питербурха дат ему проезжей указ и шесть подвод ямских за ево прогоны».

Ему предоставили нового переводчика — Дементия Беликова, украинца, который «был в полону у турок, и выехал с Александром Румянцовым[6], и имеет пашпорт, и живёт ныне в Москве». Кроме того, Шехашидит узнал о пребывании в городе «собрата по несчастью» — М. Гевейша. Они, очевидно, установили контакт и договорились действовать согласованно.

11–12 ноября Салтыков получил письмо канцлера Головкина «о прибывших из Турецкой области из белых арап, которые называютца тамошних мест владелцами и веры христианской — один Мирбес с сыном, другой Сагшидит и при обеих челядники…»

Не позже 29 января 1734 года Шехашидита пригласили на «роспрос». Его показания записаны так: «Ливанской Горы владелец сказал, что мураники Сурской владелец от него жителство[м] растоянием как четыре или пят дней толко езды, и про него он ведает, что он тамошней владелец, толко с ним случая никакова свидется не имел. А слышал, что он от турок раззорён и держутца дети ево от турка за долг под арестом. Он же, Шидит, чрез толмача объявил, что он никакова дела, окроме того, что просит у Ея Императорского Величества милости — награждения, ничего не имеет».

30 января от «Арапские земли князя Шаха-Шидита» в Контору Коллегии иностранных дел поступило прошение: «Минувшаго 1733-го году прибыл я, нижеименованный, из Арапской земли в Москву от разорения арапских бусурман для прошения милости Ея Императорского Величества о награждении, а после моего прибытия в Москву прибыл арапской князь Мирбез

Гевейш, которому по Ея Императорского Величества указу даётся Ея Императорского Величества жалованье кормовые денги, а мне кормовых не даётся, от чего я, нижайший, с служителями моими претерпеваю немалую нужду. Того ради Государственной коллегии иностранных дел кантору *покорно прошу, дабы повелено* было и мне давать Ея Императорского Величества милостивое жалованье — кормовые денги. А служителей при мне и с толмачём — четыры человека».

На самом деле при «князе» находились трое (четвёртый — он сам). Но главное внимание обратим вот на что: раньше он говорил, что его разорили турки, а теперь — что мусульмане-арабы. Странно и то, что он так и не удосужился подробнее рассказать о своих мифических владениях и горестях. Впрочем, российских чиновников это не занимало. Возможно, виной тому было наличие у Шехашидита слуг, припасов и «пашпорта» от российского дипломата, а также подтверждение его статуса Гевейшем. Как бы то ни было, просьбу самозванца уважили: с 8 февраля «Шеха Шидиту с служители» начали ежемесячно выдавать «из Штатс-канторы... на каждой день по полтине».

Полученные 5 мая бумаги — письмо кабинет-министров Остермана и Черкасского и указ из Коллегии иностранных дел — сообщали, что царица велела дать Шехашидиту 300 рублей и отправить его за границу через Астрахань или Архангельск (на его усмотрение). Кроме того, ему со свитой должны были дать «кормовые» (на два месяца по прежней ставке) и «прогонные» деньги («на пристойное число подвод»), а также «послать с ними для препровождения до тех мест» одного солдата. Прилагались и проезжие документы «на оба те пути».

Шехашидит, как и Гевейш, вознамерился покинуть Россию через Архангельск, но запросы у него были скромнее: «Шехашидит просит, чтоб дать ему шесть подвод, да с собою требует одного толмача — малоросийца Дементья Беликова». Желание решили исполнить, и в тот же день сообщили об этом в контору Сената. 31 мая на его имя была оформлена «подорожная», после чего самозванец отправился к Белому морю (возможно, вместе с Гевейшем). Примерно в конце июня — в июле 1734 года он из Архангельска отплыл в Западную Европу. Известий о нём больше нет.

Источник
АВПРИ. Ф. 105. Оп. 105/1. Д. 2.

№ 50. «Богоизбранный царь — будущий зять турецкого султана» [январь/июль? 1734 — после августа 1734] — Филипп Дюков

На этот раз мы имеем дело с российским подданным, православным и, видимо, русским. Будущий самозванец родился около 1711–1715 года в дворцовой деревне Журавинке (*у села Лопатина*) Скопинского уезда Воронежской губернии. Возможно, его деревня — та самая Журавинка (Журовники), которая на картах XIX века располагается к югу от Скопина на реке Рясе, притоке Воронежа, чуть севернее Раненбурга (Ораниенбурга). С 1610 года Скопин и его округа принадлежали царской семье, причём с 1731 года ими заведовала Конюшенная канцелярия.

О родных Филиппа явной информации нет. Когда он ступил на путь самозванства, его отец, видимо, здравствовал, ибо Дюков был холостым и для следователей — «крестьянской сын», то есть поселянин, ещё не ставший самостоятельным домохозяином. Возможно, именно отец научил его портняжничать.

Не позже 1728 года Филипп стал регулярно ездить в Скопин. Там у него и родилась мысль о его высоком предназначении. Вот как он вспоминал об этом в 1734-м: «Тому лет с шесть, будучи он, Дюков, в Скопине в церкви у обедни, увидел внезапу перед собою на полу неболшое сверканье — лучи, белое и красное с переменою, которое было с полчаса. И с того де времяни и доныне такое ж сверканье почасту он видел же и потому мыслил, что оное сверкание чинилось для ево, Дюкова, и надеялся простотою своею, что возмётца он в цари в ыное государство. А никто ево о том не научал и умыслу и согласия в том же никакова ни с кем у него не было».

Примерно весной–летом 1731-го Филипп сбежал из дома: «Пошёл было он, Дюков, в Воронежской уезд в лес и хотел, построя себе келью, жить для моленья, а оттуды мыслил было итти за границу к турскому салтану для того: либо оной салтан примет ево к себе в цари и женит на дочери своей, ежели у него имеютца». Потаённый самозванец двигался к Воронежу, вероятно, через Данковский уезд. В Лебедянском уезде (тоже Воронежской губернии) он задержался: «ходя, кормился портным мастерством и милостынею». Однако бродяга вызывал подозрения, и в одном из местных сёл какой-то однодворец схватил его и «отвёл в Воронежскую губернскую канцелярию, что у него, Дюкова, пашпорта никакова не имелось».

Предположительно с осени 1731 по начало 1732 года пристанищем Филиппа была воронежская тюрьма. В губернской канцелярии «в роспросе показал он, Дюков, толко о родине своей и что... идёт в воронежские леса в пустыню. А о том, что из оных лесов мыслил иттить за границу к турскому салтану, и о явшихся ему сверканиях он, Дюков, не показал. И после роспросу за то, что он, Дюков, по уездам бродил без пашпорта, учинено ему наказанье *кнутом и свобожён*».

Из Воронежа скрытный «царь» отправился на север, но домой не спешил. Очевидно, он пересёк Воронежский, Лебедянский и Данковский уезды, после чего оказался в Епифанском (Московская губерния). Там судьба его занесла «в село в Ангелское» (видимо, Архангельское — на одном из левых притоков Дона, к юго-востоку от Епифани). Оттуда он пришёл «в Скопинской уезд в село ж Горлово» (на дороге из Епифани в Скопин), и там его схватили вторично — уже за убийство крестьянки. Это случилось примерно в январе — июле 1734-го. Дюкова доставили в Скопин, и «при розыске» (на пытке) он заявил: «тое де жонку зарезал он для того, что де хотел он, Дюков, в цари». К сожалению, никаких подробностей мы не знаем. Известно только, что следствием «проявления» стала отсылка Филиппа в Москву — в Конюшенную канцелярию.

Не позднее середины августа его переправили в Тайную контору. В ходе «роспроса» и первой пытки Дюков сознался в убийстве «жонки», рассказал о «знамениях» и бродяжничестве, но от мифической ипостаси не отказался. Последнее из доступных нам известий о нём датировано августом 1734 года — это запись в журнале Тайной конторы, что «оным Дюковым следуетца розыском» (то есть его ждут ещё две пытки[7]). Думается, приговор ему вынесли не ранее ноября 1734-го. Если его признали умалишённым, то заключили в монастырь «до исправления в уме». Если же признали нормальным, то, скорее всего, наказали кнутом и отправили на каторгу.

Источник
РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272. Ч. 2. Л. 394–395.

Литература
Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. 1999. С. 47.

Примечания
1. Кесир — искажённая форма имени Касир: в переводе с арабского — «многочисленный». — Гафуров А. Г. Имя и история. М. 1987. С. 156, 157.
2. Иван Иванович Неплюев был российским резидентом в Константинополе с 1721 по 1734 г.
3. Титул венецианского правителя (дож) происходит от лат. Dux, по-итальянски — Duca.
4. Мешок — денежная сумма в 500 пиастров (курушей); куруш — турецкая серебряная монета, в конце XVII в. она весила 19,24 г, в 1719 г. — 26 г, затем её вес понижался и в 1810 г. упал до 4,65 г.
5. См.: Родина. 2008. № 1. С. 35.
6. А. И. Румянцев был чрезвычайным послом в Турции с конца 1724 по конец 1728 г.
7. См.: Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М. 1960. С. 98, 138.

Олег ***ШЕРЕМЕТЬЕВ,***
кандидат культурологии

ЭСКАДРОН ГУСАР ЛЕТУЧИХ

Мир лёгкой кавалерии александровского царствования

Я люблю кровавый бой,
Я рождён для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
.....

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днём — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!

Денис Давыдов

Прославленный воин, партизан и поэт образно выразил чувства большинства русских гусарских и уланских офицеров, в числе которых он сам и отважные герои войн начала XIX века: Я. П. Кульнев, К. О. де Ламберт, И. В. Васильчиков, С. Н. Ланской, И. С. Дорохов, А. П. Мелиссино, Е. И. Чаплиц, С. Э. Жевахов, Д. А. Делянов, В. Г. Мадатов, Е. И. Меллер-Закомельский, С. А. Чаликов и, разумеется, «кавалерист-девица» Надежда Дурова.

Служба в коннице всегда считалась полностью соответствовавшей дворянскому менталитету и удовлетворявшей людей с самыми авантюрными наклонностями. Как верно подметил небезызвестный Фаддей Булгарин: «Характер, дух и тон военной молодёжи и даже пожилых кавалерийских офицеров составляли молодечество, или удальство. «Последняя копейка ребром» и «жизнь копейка — голова ничего», — эти поговорки старинной русской удали были нашим девизом и руководством в жизни. И в войне и в мире мы искали опасностей, чтоб отличиться бесстрашием и удальством. Попировать, подраться на саблях, побушевать, где бы не следовало, это входило в состав нашей военной жизни, в мирное время. Молодые кавалерийские офицеры были то же… что немецкие «бурши» (студенты, гуляки. — *О. Ш.*), и так же вели вечную войну с «рябчиками» (штатскими в военной среде. — *О. Ш.*)…»[1].

Кто и как попадал в гусары или уланы? По старой традиции ими становились в основном вольные люди «разного роду-племени», например, венгры, сербы, хорваты, молдаване, украинцы, поляки, «литовские

Гусарский кивер с 1763 по 1783 г.

Рядовой Сербского гусарского полка с 1763 по 1776 г.

Трубач и штаб-трубач лейб-гвардии Уланского полка. 1809–1811 гг.

люди», татары, казаки, кавказцы (встречались французы, немцы и итальянцы), поскольку считалось, что у них имеются качества, необходимые лёгкому кавалеристу: бесшабашность, отвага, смекалка и умение приручить лошадь, чем объясняется и сама система набора. В сатирической своей автобиографии Денис Давыдов обмолвился, что тогда «вербовали разного рода бродяг в гусарские полки: за шумными трапезами, за весёлыми пирами, среди буйного разгула»[2].

«Амазонка» Дурова, сбежавшая из отчего дома с намерением посвятить себя воинскому делу, оказалась в Гродно свидетельницей так называемого вербунка, когда молодых людей песнями и плясками зазывали в компанию улан в корчме и на улице. Избегнув унизительной, с её точки зрения, процедуры, Надежда Андреевна представилась вербовщикам Конно-польского полка дворянским сыном, желающим поступить на службу, обещав представить позже документы о своём благородном происхождении. Комплектовавший пополнение ротмистр Казимирский согласился и был очень тронут просьбой новичка оставить приведённого с собой коня. Новоиспечённого улана поручили «ментору» (наставнику из ветеранов), и под его присмотром Надежда начала постигать азы кавалерийской службы, что было отнюдь не простым делом: «Всякий день встаю я на заре и отправляюсь в сборню (избу, где проходило учение. — *О. Ш.*), оттуда все вместе идём в конюшню… Надобно, однако ж, признаться, что я устаю смертельно, размахивая тяжёлой пикой — особливо при этом вовсе ни на что не пригодном маневре вертеть ею над головой; и я уже несколько раз ударила себя по голове; также не совсем покойно действую саблей; мне всё кажется, что я порежусь ею; впрочем, я скорее готова поранить себя, нежели показать малейшую робость»[3]. Если к этому добавить необходимость чистить и убирать лошадь, скакать на ней через барьеры, нести караулы, ездить на фуражировку, мы получим отдалённое представление о заботах «товарища» (так по-польски именовались уланы-дворяне, тогда как остальные были «шеренговыми», то есть рядовыми).

Первым делом каждому улану или гусару требовалась экипировка, обычно приобретаемая офицерами на свои средства. Обратимся к рассказу Булгарина, выпущенного в октябре 1806 года из кадетского корпуса и зачисленного по желанию главного инспектора кавалерии цесаревича Константина Павловича офицером в уланский полк его имени: «За уланский мундир с шитьём и широкими лампасами красного, т. е. самого дорогого, сукна на панталоны, я заплатил только сорок рублей ассигнациями тогдашнему знаменитому военному портному Зеленкову… Эполет вовсе не было в русской армии, и мы одни носили их. В магазинах не продавали ни уланских шапок, ни эполет, ни витишкетов. Шапки делали в полку, а прочие вещи на казённой фабрике. Уланская шапка, с широким галуном, эполеты и витишкеты стоили мне вместе сорок пять рублей. Лядунка сто двадцать рублей, шарф шестьдесят рублей ассигнациями. Заметьте, что тогда ни в гвардии, ни в армии не употребляли ни мишуры (нить хлопчатобумажная или из шёлка, обвитая позолоченной медной канителью. — *О. Ш.*), ни плаке; всё было чистое серебро и золото… Седло со всем прибором стоило, у знаменитого тогда седельника Косова, сто двадцать пять рублей, а за полусапожки со шпорами первому тогдашнему сапожнику Брейтигаму… платили мы пятнадцать рублей ассигнациями. При шапках носили мы высокие султаны из перьев, и лучшие были берлинские. За хороший султан надлежало заплатить шестьдесят рублей ассигнациями, необыкновенно высоко, в сравнении с другими ценами. Тогда вообще употребляли английское привозное сукно, и лучшее стоило от семи до девяти рублей аршин. За лошадь заплатил я товарищу моему, корнету Прушинскому, триста рублей ассигнациями»[4]. Итого булгаринская экипировка обошлась в 765 рублей, что довольно немало, ведь годовое жалование корнета и поручика по штатам 1802 года составляло соответственно 200 и 311 рублей в армейской кавалерии и соответственно 502 и 276 рублей в лейб-гвардии Гусарском полку[5].

«Кавалерист-девице», получившей в

Рядовой и штаб-трубач лейб-гвардии Гусарского полка. 1810–1811 гг.

январе 1808 года назначение в Мариупольский гусарский полк, выдали две тысячи казённых рублей на обмундировку и покупку лошади, однако алчные виленские торговцы помогли юному офицеру не только приодеться, но и взяли за свои услуги всю указанную сумму, кроме… одного целкового! Лиха беда начало! Ни жалование, ни периодически присылаемые по просьбе Дуровой от имени государя деньги (то 500, то 1000 рублей) не помогли ей избавиться от расточительства, и через три года «поручик Александров» к недоумению начальства перевёлся в Литовский уланский полк, где красота мундира обходилась дешевле.

Хранителями традиций в лёгкой кавалерии выступали, по словам Булгарина, «эскадронные командиры и ротмистры, люди уже в зрелых летах, а иногда и пожилые, опытные, посвятившие жизнь службе, из любви к ней. Большая часть… были суворовские воины, уже крещённые в пороховом дыму. Они обходились с нами, как обходятся добрые родители с детьми-повесами, но добрыми малыми, прощали нам наши шалости, когда это были лишь вспышки молодости, и требовали только исполнения обязанностей службы, храбрости в деле и сохранения чести мундира»[6].

С нескрываемой теплотой отзывалась Дурова о том, как они вместе с поседевшими в сражениях вахмистрами пеклись о ней, бранили и журили за нерадивость и нерасторопность. Нелегко было ей, скажем, изучить все ружейные приёмы, подобно нижним чинам: «Всякое утро приходит ко мне старый Гребенник, фланговый гусар моего взвода, с карабином, и я более часа учусь делать от ноги, на плечо, на караул; приём от ноги очень труден для меня; я делаю его неловко и непроворно, что весьма не нравится моему наставнику. Он всякий раз, командуя от ноги! прибавляет: «Не жалейте ноги, ваше благородие! Бросайте смелее!» Я попробовала послушать его и не жалеть, как он говорит, ноги, но так жестоко ушибла её прикладом, что чувствовала боль целый месяц. Наконец я выучилась действовать карабином». Самое главное для улана либо гусара — сидеть крепко в седле, но здесь каждого подстерегала масса «сюрпризов». Выросшей буквально на конюшне, Дуровой неоднократно пришлось падать с норовистой лошади (после смерти верного «черкесца» Алкида, не раз спасавшего ей жизнь), разбиваясь в кровь, так что однажды её отправили к полковому берейтору… брать уроки верховой езды.

Не кутить, не играть в карты, не бретёрствовать — значило быть лишь пародией на гусара или улана! Взять хотя бы Сильвио из повести Пушкина «Выстрел»: «В наше время буйство было в моде: я был первым буяном по армии. Мы хвастались пьянством: я перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым. Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех бывал или свидетелем или действующим лицом. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня как на необходимое зло». Встретив в лице нового сослуживца соперника «в делах амурных», пушкинский герой сперва хватается за саблю, но присутствовавшие при ссоре не позволили драться в обществе, тогда Сильвио сходится с противником на пистолетах, оставляя свой выстрел в итоге за собой.

Ситуация эта скорее исключение из правила, что подтверждается словами Булгарина: «Буянство хотя и подвергалось наказанию, но не почиталось пороком и не помрачало чести офицера, если не выходило из известных, условных границ. Стрелялись чрезвычайно редко, только за кровавые обиды, за дела чести; но рубились за всякую мелочь, за что ныне и не поморщатся. После таких дуэлей наступала обыкновенно мировая, потом пир и дружба. Тогда бы не каждый решился… говорить на ваш счёт дерзости, хоть не прямо в лицо, клеветать заочно и распространять клевету намёками. Тогда бы два десятка молодцов вступились за приятеля и товарища и наказали бы дерзкого и подлого клеветника. Корпус офицеров в полку — это была одна семья, родные братья: всё у нас было общее — и деньги, и время, и наслаждения, и неприятности, и опасности… Офицер, который бы изменил своему слову или обманул кого бы то ни было, не мог быть терпим в полку. Правда, мы делали долги, но не смели обмануть ни ремесленника, ни купца, ни трактирщика. В крайности офицеры скла-

Офицер и трубач Гродненского гусарского полка. 1806–1809 гг.

дывались и уплачивали долг товарища, который в свою очередь выплачивал им в условленные сроки. Офицерская честь высоко ценилась, хотя эта честь имела своё особенное, условное значение». Во время булгаринской службы в Риге случился примечательный эпизод. «Нимфы радости», которых было немало в таком крупном порту, буквально не давали никому проходу, и один из уланских «молодых офицеров должен был обнажить саблю и даже ранить нескольких из этих гиен, напавших на него… Цесаревич, узнав об этом происшествии, посмеялся и пошутил над офицером, но, подарив ему новую саблю, велел ту саблю, которая обнажена была против вакханок, бросить в Двину»[7].

Оригинальничание в этом кругу считалось само собой разумеющимся. К примеру, знаменитый Яков Петрович Кульнев предпочитал доломан и ментик из грубого солдатского сукна, с гарусными шнурами и оловянными пуговицами; вне строя надевал на голову шапку-ермолку, скуфью или… зелёный сафьяновый табачный кисет с золотым шитьём («Как он среди снегов в рубашке кочевал и в финском колпаке явился среди боя», — писал Давыдов). Стол Кульнева был довольно скромен (не в последнюю очередь из-за ограниченности средств): щи, гречневая каша, говядина либо ветчина, немного водки или наливки, которые он предлагал всякому, прося принести только… свой прибор: «На водку он был чрезмерно прихотлив и потому сам гнал и подслащивал её весьма искусно. Сам также заготовлял разного рода закуски и был большой мастер мариновать рыбу, грибы и прочее, что делывал он даже в продолжение войны, в промежутках битв и движений»[8].

У бивуачного костра, под смех и анекдоты, с круговой чашей, рождалось то братство, что воспето в стихотворении Давыдова «Гусарский пир»:

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закручёнными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от ура
И тряслись и трепетали!..
Лучше б в поле закричали…
Но другие горло драли:
«И до нас придёт пора!»
Бурцов, брат, что за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!
Бурцов, пью твоё здоровье:
Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь;
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!
Жизнь летит: не осрамися,
Не проспи её полёт.
Пей, люби да веселися! —
Вот мой дружеский совет.

Даже если сотоварищ и собутыльник поэта и «пропускал под галстук», это никак не отражалось на его служебной характеристике, так что, вероятно, мы имеем дело с авторской гиперболой, добавляющей к классической характеристике кавалериста ореол кутилы и повесы.

Иначе обстояло на балу, данном в 1813 году в Бранденбурге в честь русских союзников, где некий подвыпивший офицер Польского уланского полка затеял дебош в буфете. Тогда флигель-адъютант С. Г. Волконский именем командующего корпусом приказал ему следовать на гауптвахту, но тот не подчинялся по причине невменяемости, и князю пришлось ещё долго увещевать по дороге буяна, пока наконец улан не отдал своей сабли, а проспавшись, принёс свои извинения Волконскому, после чего начальство отправило нарушителя дисциплины в запасной эскадрон[9].

В светском обществе уланские и гусарские офицеры вращались постоянно и имели прочную репутацию волокит. «Графиня Мануци, — с нескрываемым юмором повествует Дурова, — красавица двадцати восьми лет, приехала к отцу своему, графу Платеру, в гости и

огнём чёрных глаз своих зажгла весь наш Литовский полк. Все как-то необыкновенно оживились! Все танцуют, импровизируют, закручивают усы, прыскаются духами, умываются молоком, гремят шпорами и перетягивают талию как черкешенки! Графиня... с милою небрежностью и равнодушием смотрит на ходящих, стоящих, блестящих и рисующихся перед нею уланских Адонисов наших!.. Красавец Тутолмин (полковой шеф. — *О. Ш.*) и красавица Мануци неразлучны; бал у Тутолмина сменяется балом у Платера; мы танцуем поутру, танцуем ввечеру. После развода, который теперь всякий день делается с музыкою и полным парадом и всегда перед глазами нашего генерал-инспектора — графини Мануци, мы идём все к полковнику; у него завтракаем, танцуем и наконец расходимся по квартирам готовиться к вечернему балу!»

Спрашивается, не позабыли ли эти повесы звук походных труб и звон сабель за всеми мирскими радостями? Однажды своему эскадронному начальнику Дурова сказала, что неустрашимость и величие духа должны быть первейшими качествами воина, отчего он избавлен от любых пороков. В первом же сражении (при Гутштадте в мае 1807 года) «кавалерист-девица» доказала это, когда заметила «несколько человек неприятельских драгун, которые, окружив одного русского офицера, сбили его выстрелом из пистолета с лошади. Он упал, и они хотели рубить его лежащего. В ту же минуту я понеслась к ним, держа пику наперевес. Надобно думать, что эта сумасбродная смелость испугала их, потому что они в то же мгновение оставили офицера, и рассыпались врознь...» Уступив раненому — поручику Финляндского драгунского полка Панину своего коня, Надежда Андреевна помогла ему добраться до своих. Слухи о подвигах «русской амазонки» достигли императора Александра, приказавшего отыскать отважную авантюристку, которую он во время личной аудиенции пожаловал своим именем (отныне её фамилия стала Александров), чином корнета (с переводом в гусары) и недавно учреждённым знаком Военного ордена — в просторечии Георгиевским крестом[10].

Свидетелем другого «геройства», совершённого при Фридланде 14 июня 1807 года уланами Константина Павловича, стал Булгарин: «Мы выстроились в две

Рядовой Лубенского гусарского полка.
1807–1809 гг.

линии, поэскадронно, и пошли на рысях к мосту, но тут встречены были залпом спешившихся французских гусар, засевших за брёвнами. Мост был разобран посредине, но наскоро, так, что доски ещё лежали в куче, по краям моста. Тут полк наш оправдал надежду на него его высочества и совершил истинно геройский подвиг, которого честь принадлежит эскадрону ротмистра Владимирова и поручику Старжинскому. Соскочив с лошади и вызвав нескольких храбрецов, Старжинский бросился с ними на мост и стал укладывать доски под градом неприятельских пуль. Несколько десятков гусарских штуцеров метили в него — и ни одна пуля не попала! Через четверть часа мост был починен, и мы бросились стремглав в город... С какою радостью мы прижали к нашему сердцу доброго нашего товарища, когда увидели его снова на лошади! Он даже удивлялся нашим поздравлениям, почитая подвиг свой ничтожным, и простодушно отвечал нам: «Кому-нибудь да надобно же было первому пойти!» Восхищаясь поступком других, сам Булгарин без лишнего пафоса рассказывает о том, как оставшись пешим в бою, заколол попавшейся под руку пикой огромного неприятельского всадника и захватил его лошадь, на которой вернулся в строй[11]. Так что Фаддей Венедиктович имел все основания ответить впоследствии А. А. Дельвигу, приславшему Булгарину вызов на дуэль: «Скажите барону Дельвигу, что я на своём веку видел более крови, нежели он чернил»[12].

А вот выдержка из подписанного Кульневым списка к награждению чинов Гродненского гусарского полка в бою при местечке Друя у реки Дрисса 3 июля 1812 года: «Во время атаки, когда неприятель был опрокинут, то откомандированный ротмистр Гротус (Гроттгус? — *О. Ш.*) ударил стремительно в преследование за оным, отрезал левый фланг неприятельского авангарда, взял эскадроном в плен бригадного генерала Де-Сен-Жени[13], до 50 нижних чинов и множество положил на месте... Корнет Глебов... с отличною храбростию бросился с несколькими человеками вперёд и сшиб бригадного генерала Де-Сен-Жени с лошади и тотчас, невзирая на окружившего неприятеля, выведя его за фронт, дал ему свою лошадь и доставил ко мне»[14].

А разве можно забыть лихие подвиги подполковника Дениса Давыдова, с партией в 130 ахтырских гусар и донских казаков отправившегося в 1812-м действовать на коммуникациях противника и сдавшего под расписку начальству 3560 французских нижних чинов и 43 офицера, пленённых им менее чем за два месяца?!

Миновали наполеоновские битвы, романтическая пора наездничества и удальства, и «счастливый певец вина, любви и славы» Денис Васильевич с горечью восклицал:

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вкруг огня
С красно-сизыми носами!
.....
А теперь что вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят: умней они...
Но что слышим от любого?
«Жомини да Жомини!»
А об водке — ни полслова!

г. Барнаул

Примечания

1. Булгарин Ф. В. Воспоминания. М. 2001. С. 173.
2. Давыдов Д. В. Военные записки. М. 1982. С. 16.
3. Дурова Н. А. Русская амазонка. Записки. М. 2002. С. 62–65.
4. Булгарин Ф. В. Указ. соч. С. 170–171.
5. Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М. 2000. С. 257.
6. Булгарин Ф. В. Указ. соч. С. 120–121.
7. Там же. С. 174, 277.
8. Давыдов Д. В. Указ. соч. С. 112–113, 119.
9. Волконский С. Г. Записки. Иркутск. 1991. С. 257–258.
10. Дурова Н. А. Указ. соч. С. 66, 116, 118, 176–177.
11. Булгарин Ф. В. Указ. соч. С. 317–318, 325–326.
12. Пушкин А. С. Соч. М.; Л. 1949. С. 820.
13. Правильно: Сен-Женьес Ж.-М.-Н. Делиль де Фалькон, возглавлявший 1-ю легкоконную бригаду 2-го корпуса Великой армии.
14. Из боевого прошлого русской армии. Документы и материалы о подвигах русских солдат и офицеров. М. 1947. С. 125.

Анжела ***ЧЕУЧЕВА,***
кандидат исторических наук

ВОЛОСАТАЯ РУКА ДЖОНА БУЛЯ

Великобритания и европейские эмигранты на Северо-Западном Кавказе

Великобритания была одним из центров европейской эмиграции. Британские острова издавна служили пристанищем для оппозиционных русскому правительству сил. Появление подобных людей в Англии обычно способствовало их вовлечению в сферу британской внешней политики. Многолетняя Кавказская война и польский вопрос стали основными болевыми точками в этом круге взаимоотношений на протяжении нескольких десятилетий XIX века. Истинной целью английского правительства было жёсткое противостояние политике России в Кавказском регионе.

Взаимная обусловленность двух вопросов — восточного и польского — стала характерной чертой концепции восточного вопроса, разработанного крупнейшим русским историком Сергеем Михайловичем Соловьёвым[1]. Один из идеологов польского эмиграционного движения, известный своими крайними антирусскими теориями, Франтишек Духиньский развивал идею о том, что турки-де, наряду со шведами, — это естественные союзники Польши[2].

Как известно, история польской эмиграции в Турции берёт своё начало в период после польского восстания 1830–1831 годов. К 1860-м годам число поляков в Османской империи насчитывало несколько тысяч. Большую активность в Константинополе развил известный авантюрист Михал Чайковский (Садык-паша), многолетний сторонник лидера консервативного крыла польской эмиграции князя Адама Чарторыского — его группировку по названию парижской резиденции бывшего министра иностранных дел Александра I именовали «Отелем Лямбер». С 1841 года Чайковский был главным дипломатическим агентом Чарторыского на Востоке. «Князь Адам» надеялся на деятельную поддержку английского правительства, так как направление лондонской политики совпадало с планом создания на Кавказе польских вооружённых формирований[3]. Министр иностранных дел Пальмерстон дал своё согласие на поездку в Турцию польского офицера Хшановского, который был рекомендован ему Чарторыским. Благодаря протекции английского посла в Константинополе Хшановский оказал некоторое влияние на кавказские дела, но к решительным действиям приступить так и не смог вследствие колебаний британской внешней политики.

Исходя из задач польского движения, Чайковскому было необходимо установить связи с адыгами и создать при благоприятном развитии событий черкесское государство. Это позволило бы вмешаться во внутренние дела Российской империи, признав независимость Черкесии. Чайковский даже перевёл конституцию Швейцарского союза на «татарский язык» и распространил её среди горцев. В 1844 году в Константинополь был послан ещё один известный эмиссар — Людвик Зверковский, известный под псевдонимом Ленуар[4]. Ему было поручено подготовить почву для конкретной работы в Черкесии по созданию

Том и Джерри в кофейне у театра «Олимпик». 1820 г. Библиотека Гилдхол. Лондон.

польского корпуса. Приехав в Турцию, он совершил поездку к казакам-некрасовцам[5]: эти беглые старообрядцы, перебравшиеся к османам, имели репутацию «стойких и озлобленных противников русских войск».

Перед поездкой в Черкесию Зверковскому были вручены специальные инструкции, в которых предполагалось, что горцы сразу поддержат флаг мятежа и к ним быстро примкнут казаки Кубани и Чёрного моря[6]. Однако эти планы были слишком наивны, чтобы их можно было реализовать. Казачество в пределах Российской империи было верной опорой самодержавия, и действовать среди него при помощи пропаганды, тем более польской, было совершенно нереально. Зверковский посетил абадзехов, шапсугов, убыхов и просил предоставить ему войска. Везде его встречали довольно равнодушно. Ослабленные длительной войной адыги не хотели её возобновлять, прервав мир, установившийся с Россией.

Польский эмиссар остался решительно недоволен сложившейся ситуацией и при первой же возможности покинул Черкесию[7]. После этой истории у Чайковского сложилось мнение, что опираться на черкесов и Шамиля в деле борьбы за независимость Польши невозможно, так как «их никогда нельзя будет убедить двинуться на Россию, подобно Батыю, чтобы подать руку помощи полякам, которые могли бы напасть на неё одновременно с другой стороны».

Несмотря на неудачу миссии Зверковского, в июне 1846 года в Черкесию с аналогичным заданием прибыл военный инженер К. Гордон (Бендерли-бей). Турки оказали ему поддержку, предоставив три корабля с оружием и товарами. Но деятельность Гордона не оставила особого следа, а в 1847-м он умер при неясных обстоятельствах[8]. «Отель Лямбер» через свою восточную агентуру продолжал предпринимать все возможные усилия для того, чтобы организовать и послать на Кавказ более действенную военную миссию. Но в связи с тем, что Англия в тот период проводила довольно осторожную политику на Кавказе, поляки не смогли получить от англичан реальной поддержки. Тогда Чарторыский решил поставить на поддержку Турции.

По мнению поляков, их активная поддержка устремлений Порты на Кавказе могла задержать наступление России. На первых порах необходимо было организовать военную миссию, которая состояла бы из польских офицеров, обладавших необходимыми знаниями, и смогла бы организовать в Черкесии более или менее регулярную армию. Часть офицеров предполагалось отправить к адыгам, а другую — направить к Шамилю. Действуя на Кавказе, они смогли бы организовать и регулярные польские части из находившихся там поляков.

Эмигрантам удалось заручиться поддержкой ряда турецких чиновников, которые имели влияние на султана. Однако и официальные круги Турции не могли решиться на открытое противодействие России и постоянно откладывали дату отъезда миссии. Экспедиция не была отправлена даже после поражения венгерского восстания, когда Порта оказалась на грани открытого столкновения с Петербургом. В итоге отсутствие ощутимой поддержки адыгам как внутри Черкесии, так и со стороны турецкого и английского правительств привело к срыву дерзких планов польской эмиграции.

Обстановка изменилась с началом Крымской войны, когда Лондон и Париж стали придерживаться стратегии прямого вмешательства в дела Северо-Западного Кавказа. Польский эмиграционный комитет в период Крымской войны предпринимал всё возможное для оказания помощи черкесам. Поляки организовывали в поддержку освободительной борьбы горцев Кавказа митинги в Париже и Лондоне. В печати публиковались статьи в поддержку горцев.

После окончания Крымской войны английское правительство не отказалось от политики использования иностранных легионеров на Кавказе. В марте 1857-го в газете «London Daily News» в рубрике «Последние международные новости» была опубликована любопытная статья. В ней содержалась компактная информация о тех лицах, которые были вовлечены в черкесские военно-политические события. Это были эмигранты из восточноевропейских стран.

Стефан Тюрр и Эндрю (так в английском тексте) Ромер — венгерские офицеры, участники революции 1848–1849 годов. После революционных событий они бежали в Турцию, где поступили на службу в султанскую армию. Сигизмунд Шухман — выходец из Польши, покинул родную землю из-за участия в акциях против русских вооружённых сил. Шухман был лидером польских беженцев в Манчестере. Он находился в контакте с другими поляками, проживавшими на всей территории Англии. Тюрр и Шухман были известны как экспортёры оружия для Черкесии. Джордж Ричмонд Коллис — турецкий консул в Бирмингеме — принимал участие в некоторых акциях в Черкесии вместе с Тюрром и Шухманом. Тюрр был связан с Ахмет-агой, который служил в турецком арсенале в Стамбуле — Топхане-и Амире. В феврале 1857 года Тюрр приехал из Парижа с большим количеством турецкого золота. Он привёз с собой рекомендации от Исмаил-паши — губернатора Египта — и банкиров. Затем отправился в Бирмингем для покупки машин и инструментов с целью изготовления оружия для турецкого правительства. Всё это, по данным английской прессы, могло быть импортировано в Черкесию. В газете сообщалось также, что Ромер, как артиллерийский офицер и товарищ Тюрра, был послан к Сефер-паше и Ахмет-паше для изготовления пушек.

Полковник Банья (Мехмет-бей), венгр по происхождению, командовал бригадой в венгерской войне за независимость. Подобно генералу Бему и другим его соратникам сбежал в Турцию и поступил на службу к султану. Был назначен военным губернатором провинции Натухай, во время Крымской войны являлся доверенным лицом Сефер-паши в Черкесии, когда русские войска покинули Анапу и другие крепости на черноморском берегу. Банья женился на дочери черкесского вождя и рассматривался черкесами как представитель черкесского народа. Он занимал пост начальника штаба турецкой армии. Два черкесских посланника, посетившие турецкую столицу, обсуждали с ним план экспедиции. По словам британской прессы, агент в Лондоне достал и отправил горцам достаточное количество боеприпасов: 12 гаубиц, гранаты, морские мины. Для этой экспедиции было нанято английское торговое судно «Кангару», оказавшееся в тот момент в Босфорском проливе. Мехмет-бей со своими соратниками внезапно и незаметно для русского посла покинул Константинополь и присоединился к борьбе в Черкесии[9].

Относительно всех этих событий была извещена английская общественность и, несомненно, английское правительство. Эта информация была открытой, сообщалась в Лондон по телеграфу специальным корреспондентом в Константинополе и оперативно публиковалась на страницах ведущих британских газет.

В июле 1857 года Тюрр был вызван к генералу Камерону в военное министерство. В Англии в том же году было организовано секретное общество под названием «Комитет защитников независимости Черкесии». Тюрр был одним из его главных членов, туда же входили многие влиятельные персоны английского общества, а также князья Чарторыский и Замойский.

Посол Великобритании в Константинополе Понсонби через одного из адыгских лидеров — Сефер-бея — сформулировал предложение России о заключении мира. По условиям мира адыги должны были прекратить набеги на русские поселения, а река Кубань становилась границей между двумя воюющими сторонами. Россия должна была отвести свои войска к северу от Кубани, а адыги — разрушить крепости, построенные Россией на их землях.

Черкес. Раскрашенная гравюра.
Середина XIX в.

В Петербурге ответили решительным отказом. Сефер-бей адресовал два воззвания английской общественности и правительствам Англии и Франции, а также секретное воззвание сторонникам кавказского дела в Лондоне и Париже. В ответ члены упомянутого выше комитета адресовали Сефер-бею послание, в котором они подчеркнули, что он привлёк симпатии англичан к делам Черкесии[10]. На одном из заседаний общества был одобрен проект, в соответствии с которым предлагалось путём направления английских пароходов к кавказским берегам поставить вопрос: на каком основании Россия владеет Черкесией? При этом отмечалось, что ключ к военному и коммерческому господству в Азии — это как раз Черкесия. Задачами общества объявлялись пропаганда черкесского вопроса в Европе, в османских кругах и направление оружия и снаряжения на Кавказ.

Русская дипломатия не осталась в стороне от этих усилий. В секретной депеше барона Николаи в МИД сообщалось, что в Лондоне создана секретная ассоциация «защитников независимости Черкесии». По мнению барона, её влияние и известность могли не уступать Обществу друзей Польши. Глава общества Дюнкомб, по словам дипломата, пытался выведать у лорда Кларендона о намерениях английского правительства и добиться одобрения деятельности ассоциации. Далее барон Николаи замечал, что эти нелепости не заслуживали бы серьёзного внимания со стороны императорского правительства, если бы они ограничивались только выражением симпатии или банкетами памяти «независимости Черкесии». Но существовал вполне конкретный проект установления двух пунктов под склады оружия и боеприпасов на Ионических островах. Это место было выбрано для устранения ответственности Турции, которая не должна была быть замешана в этом деле. Английский предприниматель Вильям Кумминг, по сведениям барона, взял на себя поставку контрабандных вооружений и боеприпасов на Кавказ. Всё это оружие должно было поступить в распоряжение Сефер-бея. Туда же должен быть направлен контингент рекрутов из иностранцев[11].

Министр иностранных дел Пальмерстон продолжал считать, что лучшей политикой была бы та, которая способствовала бы сохранению независимого Кавказа. Политика Англии проводилась на грани открытого вмешательства в кавказские события. Давление со стороны иностранных держав способствовало усилению силового решения кавказской проблемы Россией. В итоге посредничество англичан оказалось безрезультатным.

В феврале 1857 года судно «Кангару» с 300 польскими солдатами на борту во главе с Мехмет-беем (полковником Банья) ускользнуло от преследований русских крейсеров и выгрузило на побережье Черкесии людей, вооружение и припасы. Иностранные легионеры высадились в устье реки Туапсе. В марте легионеры перешли в Адербиевское ущелье близ Геленджика. Были построены склады для снаряжения и жилые помещения.

Учитывая опыт Крымской войны и нежелание горцев воевать за чужие интересы, легионеры обратились к ним с призывом ещё раз взяться за оружие во имя образования независимого черкесского государства во главе с черкесским правителем. При этом гарантировалась поддержка Великобритании и Османской империи. С целью заручиться поддержкой натухайцев, шапсугов, бжедугов Банья решил посетить их земли, чтобы подготовить военные операции по линии реки Кубань. Воинственный мадьяр посетил аул Энем, расположенный на левом берегу Кубани, побывал в Псекупсе, где провёл переговоры с местным вождём Магомет-Амином, которого считал своим потенциальным союзником.

Европейский легион на Черноморском побережье возглавил сторонник Чартарыского полковник Теофил Лапинский, который в 1857 году высадил на Кавказе польский десант из ста человек, где сумел продержаться около трёх лет. Лапинский считался специалистом по русскому Кавказу. В течение двух месяцев после высадки отряд пополнился новыми волонтёрами из Константинополя. Иностранные инструкторы учили местное ополчение пользоваться европейской военной техникой. Купеческие суда доставляли в Геленджик, Новороссийск, Туапсе и на Пшаду военное снаряжение и товары. Полученное вооружение распределялось среди населения.

Черкес. Раскрашенная гравюра.
Середина XIX в.

Удачная операция русских войск под командованием генерала Филипсона в мае 1857 года подорвала авторитет европейских легионеров и связанного с ними Сефер-бея. В среде легионеров произошёл раскол между Лапинским и Банья. Обнаружилось, что венгр вёл переписку с русскими военными властями и даже самим Александром II. Совместные попытки европейских легионеров и ополчения Карабатыра пройти к Екатеринодару окончились неудачей. Эти события способствовали массовому дезертирству из европейского легиона.

Совсем плохи дела европейских наёмников стали в 1859-м, когда Шамиль потерпел поражение. Магомет-Амин как наиб Шамиля посчитал возможным прекратить военные действия, понимая всю их бесполезность. Он дал присягу России и привёл к присяге абадзехов. Правительство Александра II очень благосклонно отнеслось к Магомет-Амину. Царь оказал ему личный приём в Петербурге и пожаловал пожизненную пенсию. После того как Магомет-Амин прекратил сопротивление, Лапинский вернулся в Стамбул.

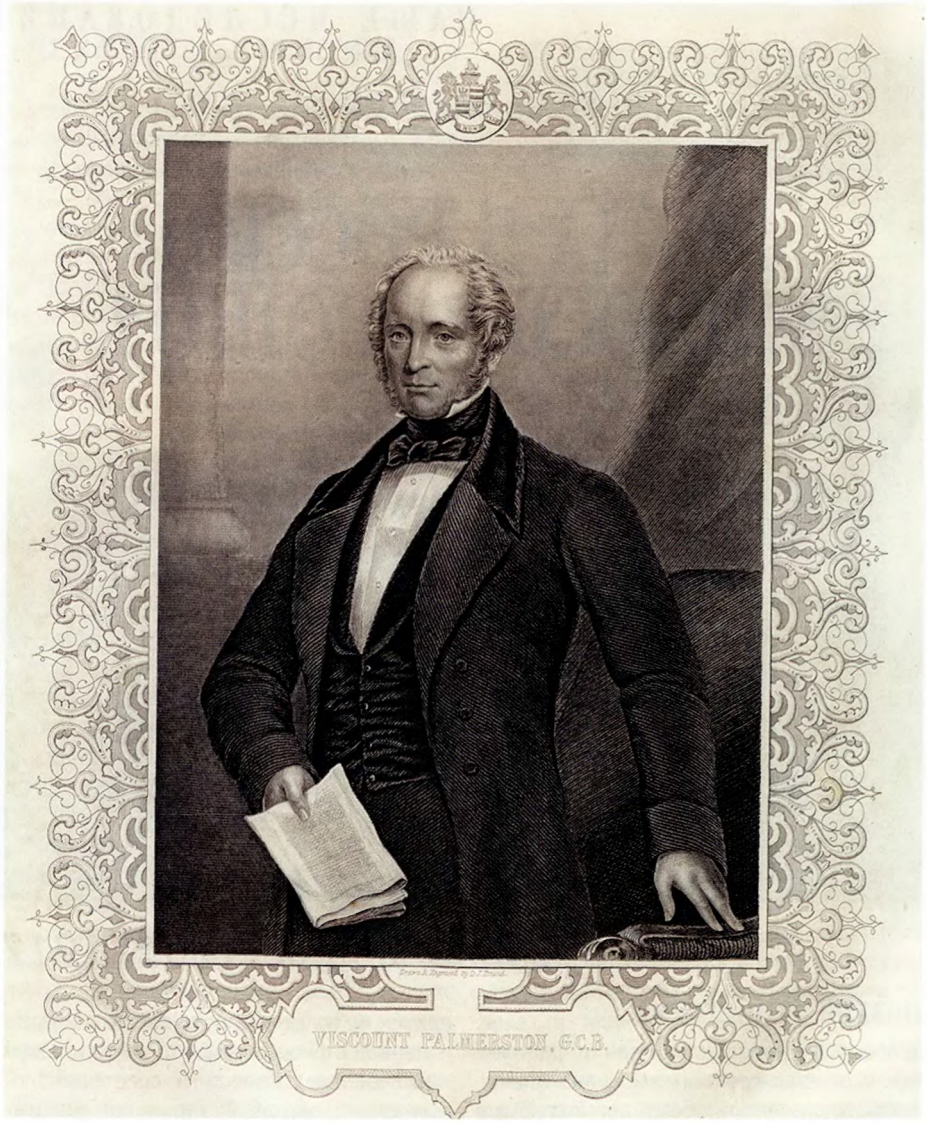
По поручению Пальмерстона английский посол в Петербурге попытался выступить посредником в переговорах между империей Романовых и адыгами. Условием заключения мира было требование отвести русские войска к северу от Кубани.

В 1862 году начался заключительный этап Кавказской войны. В районе Джубги высадилась группа английских офи-

церов. На Кавказ из Трапезунда было переброшено оружие. При посредничестве польского представителя в Стамбуле Владислава Йордана в Черкесию была отправлена новая группа добровольцев под командованием подпоручика Козерадского. Поляки в который раз должны были способствовать созданию государственности у адыгов. В августе 1863-го пароход «Чезапик» под английским флагом, нагруженный оружием и боеприпасами, отправился к восточному берегу Чёрного моря. Тщательное расследование этого инцидента, проведённое российским консулом, выявило картину покровительства и попустительства этой акции со стороны османских властей Трапезунда. Министр иностранных дел Али-паша в ответ на протесты Петербурга сослался на то, что пароход был отправлен при нарушении всех санитарных и полицейских правил, в обход османских властей. Действия турецких властей нашли полную поддержку со стороны британского посла в Константинополе. Он подтвердил, что экспедиция «Чезапик» была организована известным туркофилом Уркартом и лидером польского движения Владиславом Чарторыским, сыном покойного Адама. Вскоре к кавказским берегам в Вардане отправился английский пароход «Самсун». На все протесты русского консула английский консул отвечал, что свобода торговли записана в английском законодательстве и такая политика поддерживается английским общественным мнением.

На фоне начавшегося в 1863 году очередного восстания поляков против Российской империи польский комитет в Стамбуле активизировал помощь Черкесии. На Кавказ был отправлен отряд добровольцев во главе с полковником К. Пщевлодским. По мнению русского поверенного в делах в Константинополе, для французского и английского правительств кавказский берег представлялся одной из лучших операционных линий против России в случае объявления ей войны в связи с польским восстанием. Польский комитет рассылал воззвания полякам, служившим в русской армии на Кавказе, предлагая перейти на сторону польских революционеров, находившихся среди горских племён. Пщевлодский оставался на Кавказе, пока не закончились последние сражения Кавказской войны, а в это время было замечено усиленное движение контрабандных судов из Трапезунда на Кавказ[12].

Князь Владислав Чарторыский предложил английскому правительству предпринять для поддержки горцев энергичные меры, которые включали бы посылку английского флота в Чёрное море. Но британские власти умыли руки и от решительных



Лорд Пальмерстон. Гравюра. XIX в.

военных акций воздержались. Полякам был дан высокомерный ответ Пальмерстона: «Джон Буль не собирается идти на войну ради спасения Черкесии». Повторение Чарторыским мысли о том, что от ситуации в Черкесии зависит положение Англии в Иране, Турции и Индии, не оказало должного влияния на Пальмерстона. По словам министра, в его окружении было много людей, настаивавших на военном вмешательстве Англии в кавказские дела. Но этот способ, по его мнению, не являлся желательным и осуществимым, так как англичане — «прямой и практичный народ», не увлекающийся благородными поступками. На предложение Чарторыского проводить борьбу тайными средствами Пальмерстон ответил, что он не обладает для этого достаточными финансами, к тому же он не убеждён, что это не станет известно английской общественности, так как в Англии «никакая тайна долго не остаётся тайной»[13].

Итак, лишь к моменту окончания Кавказской войны в правящих кругах Британии сформировалось мнение о нецелесообразности в восточном вопросе делать ставку на черкесов. Но до этого в течение нескольких десятилетий Англия активно использовала в своих интересах европейских эмигрантов на Северо-Западном Кавказе.

Примечания

1. Соловьёв С. М. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.) М. 1978. С. 16.
2. Gasztowt T. La Pologne et l'Islam (Note historiques). Paris. 1903. P. 243–247.
3. АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Архив. V- А2. Оп. 181/2. Д. 651. Л. 31 об.–4 об., 31–36 об.; Д. 649. Л. 4.
4. *Государственный архив* Краснодарского края (ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 723. Л. 18.
5. АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Архив. V-А2. Оп. 181/2. Д. 649. Л. 5–6.
6. Там же. Д. 651. Л. 2, 9–15.
7. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 723. Св. 97. Л. 1 об., 5–5 об., 8.
8. Widerszal L. Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831–1864. Warszawa. 1934. P. 97–100.
9. АВПРИ. Ф. СПБ. Гл. Архив. V-А2. Оп. 181/2. Д. 587. Л. 31,39, 40-41; *Ф. Азиатский департамент.* Оп. 729/2. Д. 6. Л. 117–117 об.
10. Там же. Ф. Посольство в Лондоне. Оп. 520. Д. 172, 1857. Л. 118; Ф. Азиатский департамент. Оп. 729. д. 6. Л. 119.
11. Там же. Ф. Азиатский департамент. Оп. 729/2. Д. 6. Л. 115–116.
12. Yeni Kafkas. Istanbul. 1961. № 25. S. 8; АВПРИ. Ф. Турецкий стол. Оп. 502а. Д. 4505. Л. 21.
13. Цит. по: Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ. 1992. С. 56.

Борис ***МИРОНОВ,***
доктор исторических наук

КОГДА В РОССИИ ЖИЛОСЬ ХОРОШО?

*Эпизод второй. 1861–1917 годы**

ПОЭЗИЯ ОБНИЩАНИЯ

Уровень жизни крестьянства и рабочих после отмены крепостного права оценивался современной общественностью и в историографии не только как нищенски низкий, но и как непрерывно понижающийся. Это мнение разделялось почти всеми авторитетными исследователями той эпохи — И. И. Игнатович, А. А. Кауфманом, П. И. Лященко, Н. Н. Покровским, Н. Н. Рожковым, А. Финн-Енотаевским и другими, включая и В. И. Ленина. Получив всеобщую поддержку интеллигенции, тезис о пауперизации превратился в парадигму — в образец постановки и решения социальных проблем, принятый не только научным сообществом, но и общественностью в конце XIX — начале XX века.

Советская историография целиком и полностью приняла точку зрения, согласно которой грабительский характер крестьянской реформы привёл к обеднению крестьян; обеднение это нарастало и привело в конечном счёте к революциям 1905 и 1917 годов. Более того, руководствуясь марксистским «законом» об абсолютном и относительном обнищании трудящихся при капитализме, советские историки тезис о пауперизации распространили на рабочих, причём не только периода капитализма, но и периода феодализма (по марксистской терминологии). Известный советский экономист академик С. Г. Струмилин утверждал, что в металлургической промышленности в 1647 году реальная зарплата была в 18,4 раза (!), а в 1860-м — в 2,46 раза выше, чем в 1913-м. В то же время, по его мнению, в 1913 году реальная зарплата российских рабочих была выше, чем в западноевропейских странах, и только на 15 процентов уступала американцам[1]. Каково же тогда жилось российским рабочим и, надо полагать, всем россиянам — ибо не могли рабочие жить хорошо, а всё остальное население плохо — в XVII столетии, если в 1647 году их реальный заработок в 18,4 раза превосходил заработок российских и, значит, в 16 раз зарплату американских рабочих в 1913-м?! Вплоть до настоящего времени в монографиях и учебниках положение крестьян и рабочих трактуется традиционным способом — оно становилось хуже и хуже.

Необыкновенную прочность парадигме обнищания обеспечивала политизация проблемы. До 1917 года отрицание или просто сомнение в пауперизации рассматривалось среди либерально-демократической общественности как страшная ересь, потому что отнимало главный аргумент у противников царизма в борьбе за политические свободы, влияние и власть. Характерен пример Афанасия Фета[2]. Известный поэт в 1860 году купил хутор и неожиданно для всех стал успешным сельским предпринимателем. В 1862–1871 годах Фет печатал в журналах очерки, в которых делился своим опытом предпринимательства, наблюдениями и философскими размышлениями о сельском хозяйстве, крестьянстве, развитии России. На второй цикл его очерков, опубликованный в «Русском вестнике» в январе–марте 1863 года, откликнулся журнал «Современник», поместив анонимное стихотворение, написанное Некрасовым, где деятельность Фета получила негативную и насмешливую оценку. В этом же номере журнала Салтыков-Щедрин поместил разгромный разбор очерков новоявленного помещика с карикатурным пересказом фетовских заметок: «...г. Фет скрылся в деревню. Там, на досуге, он отчасти пишет романсы, отчасти человеконенавистничает; сперва напишет романс, потом почеловеконенавистничает, потом опять напишет романс и опять почеловеконенавистничает, и всё

И. И. Бродский. Праздник в деревне. Воскресный день. 1912 г.

*Эпизод первый см.: Родина. 2008. № 4.

это, для тиснения, отправляет в «Русский вестник»». Предпринимательская деятельность Фета была объявлена человеконенавистнической на том основании, что Афанасий Афанасьевич от вольнонаёмных рабочих требовал соблюдения договора, боролся с потравами, которые наносили ему соседи, то есть вёл себя как настоящий предприниматель и хозяин. Критика была подхвачена всей демократической печатью. В 1864 году Писарев завершил стигматизацию Фета: «Мы увидели в нежном поэте, порхающем с цветка на цветок, расчётливого хозяина, солидного bourgeois и мелкого человека... Такова должна быть непременно изнанка каждого поэта, воспевающего «шёпот, робкое дыханье, трели соловья»[3]. Причина осуждения Фета состояла в расхождении во взглядах с радикальными демократами: он признавал благодетельность всех проведённых реформ, указывал на повышение благосостояния крестьян после 1861 года и считал это верным признаком того, что Россия на правильном пути, что правительство проводит правильную крестьянскую политику. Эти мысли Фета были истолкованы таким образом, что он сторонник крепостного права, враг и эксплуататор крестьян, апологет правительства и замшелый консерватор, обскурант и стяжатель, кулак и человеконенавистник. До конца дней за Фетом закрепился имидж «мотылькового поэта», который прикрывал своё стяжательство и жестокость маской «нежного поэта».

Связь между тезисом обнищания и политическими интересами прекрасно объяснил Н. П. Макаров — видный экономист, входивший в так называемую организационно-производственную школу, выступавшую за решение аграрного вопроса путём интенсификации сельского хозяйства и экономическое укрепление крепких крестьянских хозяйств. «Условия политической и социальной жизни выдвинули крестьянский вопрос как один из вопросов социально-политической борьбы; это придало крестьянскому вопросу особую важность и интерес, но это и взяло его во власть соответствующей его постановки, сводящейся к установлению обнищания, разложения деревни, в области познавания реальной жизни и к требованию земли в области программных построений... Не признавать малоземелья представлялось равносильным признанию справедливости существовавших и политического строя, и социальных отношений... Плач (по крестьянскому хозяйству. — *Б. М.*) тоже был одним из идейных средств борьбы со старым режимом»[4].

ИЧР И РАЗИТЕЛЬНАЯ ИСТИНА

Однако массовые антропометрические данные — мы располагаем сведениями о росте всех новобранцев, призванных в армию в 1874–1913 годах: это более 10 миллионов человек — опровергают тезис об обнищании населения (*см. табл. 1 и рис.*).

Пореформенное время отмечено позитивной в целом динамикой биостатуса и, значит, благосостояния населения: за 55 лет (1861–1915) средний финальный рост мужчин увеличился на 4,6 сантиметра, вес — на 4 килограмма.

Положительные сдвиги в уровне жизни объяснялись рядом факторов: 1) увеличением душевого производства основных продуктов питания; 2) ростом доходности крестьянского хозяйства от промыслов и земледелия; 3) уменьшением реальной тяжести налогов и повинностей: в России норма обложения была весьма умеренной — ниже, чем в большинстве развитых стран; 4) повышением хлебных цен в условиях стабильности денежного обращения; 5) для когорт 1901–1920 годов рождения важнейшим фактором увеличения роста стало феноменальное повышение грамотности населения, то есть структурные сдвиги в составе новобранцев: грамотные люди имели более высокие доходы сравнительно с неграмотными, имели лучшие условия жизни и потому, как правило, превосходили неграмотных по росту.

Новые данные о повышении благосостояния населения позволяют иначе посмотреть на некоторые спорные вопросы экономической, социальной и политической истории пореформенной России. Так называемая революционная ситуация 1879–1881 годов[5], сконструированная усилиями советских историков, не подтверждается нашими материалами: ни обострения нужды и бедствий трудящихся, ни экстраординарной активности народных масс в эти годы не наблюдалось. Более того, не находит поддержки ни точка зрения об индустриализации, проходившей за счёт жизненного уровня крестьян и рабочих, ни сам тезис о системном кризисе российского пореформенного общества, печально закончившемся Октябрьской революцией 1917 года. Наши данные свидетельствуют о том, что в пореформенное время уровень жизни понижался лишь в 1891–1895 годах в связи с крупным неурожаем (1891–1892) и в 1901–1905 годах в связи с Русско-японской войной и революцией. Падение уровня жизни в середине XIX столетия было связано с Крымской войной (1853–1856), породившей острый финансовый и экономический кризис и принёсшей большие человеческие жертвы. Перестройка, вызванная Великими реформами, благополучно завершилась в основных чертах в 1870-х годах, когда жизненный уровень населения превысил дореформенный уровень и продолжал увеличиваться (хотя и в циклическом режиме) в дальнейшем, вплоть до начала Первой мировой войны. Из этого вовсе не следует, что широкие массы населения, прежде всего крестьянство, в пореформенное время благоденствовали или даже жили зажиточно. Они существовали по-прежнему бедно. Но уровень их жизни, несмотря на циклические колебания, имел позитивную тенденцию — медленно, но верно увеличиваться, обусловливаясь общей экономической ситуацией в стране, которая также имела положительную тенденцию.

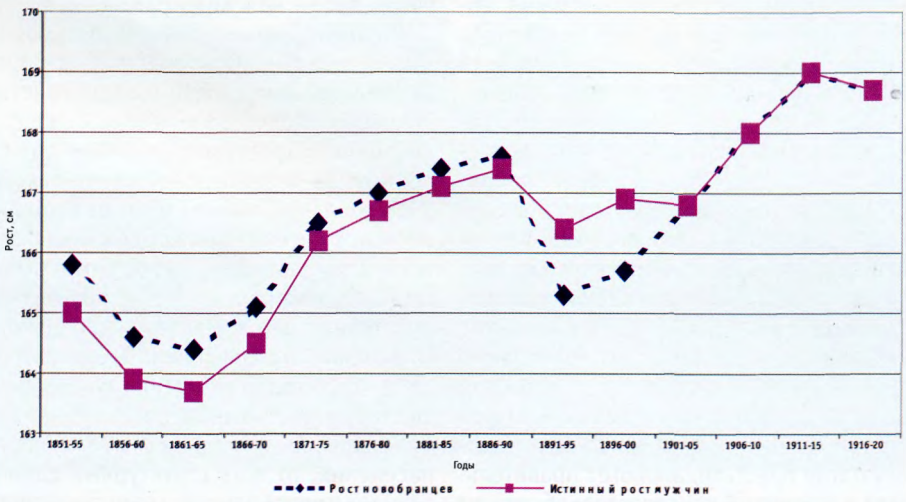
Вывод о повышении уровня жизни, сделанный на основе сведений о росте и весе населения, поддерживается данными о питании, сельскохозяйственном производстве, доходах и платежах, смертности и здоровье. С 1990 года ООН для оценки уровня жизни населения использует так называемый индекс человеческого развития (ИЧР). Он включает три частных индекса, или показателя: индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении, индекс образования (процент грамотности или доля детей школьного возраста, посещающих школу, или среднее число лет обучения взрослого человека) и индекс производства (валовой внутренний продукт на душу населения). Каждый показатель принимает значение от 0 до 1, индекс человеческого развития равен их среднему арифметическому и, соответственно, тоже находится в интервале от 0 до 1. Индекс со значением от 0,8 и выше считается высоким, от 0,5 до 0,8 — средним и менее 0,5 — низким. На рубеже XX–XXI веков в промышленно развитых странах ИЧР был равен 0,92, в развивающихся странах — 0,64, в странах Восточной Европы — 0,76, в мире в целом — 0,701, в России — по разным оценкам от 0,688 до 0,747 (а накануне распада СССР, в 1990–1991 годах, — 0,848)[6]. После Великих реформ ИЧР в Российской империи существенно увеличился — с 0,188 до 0,325, хотя всё ещё оставался очень низким — в два раза ниже, чем в современных развивающихся странах (*см. табл. 2*).

Итак, в пореформенное время Россия, несомненно, испытывала интенсивный экономический рост, который благотворно сказывался на благосостоянии её населения. Темпы развития экономики в 1861–1913 годах были сопоставимы с европейскими, хотя отставали от американских. Национальный доход за 52 года увеличился в 3,84 раза, а на ду-

Таблица 1. **Рост и вес новобранцев в возрасте старше 17 лет и истинный финальный рост мужчин в Европейской России в 1851–1920 гг.** *(в годы рождения)*

Годы	1851–1855	1856–1860	1861–1865	1866–1870	1871–1875	1876–1880	1881–1885	1886–1890	1891–1895	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1915	1916–1920
Рост новобранцев, см	165,8	164,6	164,4	165,1	166,5	167,0	167,4	167,6	165,3	165,7	166,8	168,0	169,0	168,7
Истинный рост мужчин, см	165,0	163,9	163,7	164,5	166,2	166,7	167,1	167,4	166,4	166,9	166,8	168,0	169,0	168,7
Вес мужчин, кг	59	59	—	60	—	—	—	—	—	63	—	65	65	—

Рост российских мужчин в 1851–1920 гг.



шу населения — в 1,63 раза. Душевой прирост объёма производства составлял 85 процентов от среднеевропейского. С 1880-х годов темпы экономического роста стали выше не только среднеевропейских, но и «среднезападных» — валовой национальный продукт увеличивался на 3,3 процента ежегодно. Из крупнейших держав только в США они были выше — 3,5 процента[7]. При этом индустриализация сопровождалась повышением уровня жизни крестьянства, значит, происходила не за его счёт, как полагают многие исследователи[8]. Успешно развивалась не только промышленность, но и сельское хозяйство, которое, несмотря на институциональные трудности, прогрессировало так же быстро, как в целом в Европе. Столыпинская реформа, устраняя эти помехи, создавала самые благоприятные условия для ускорения аграрного развития, поскольку для этого имелись главные предпосылки — экономика России стала рыночной: экономические решения принимались индивидуально (предпринимателями, торговцами, сельскохозяйственными производителями), цены устанавливались в результате действия стандартных рыночных механизмов.

Отметим, что не только социально-экономическое, но и политическое развитие страны после Великих реформ было достаточно успешным. Российское общество быстро эволюционировало от самодержавия к конституционной монархии и в 1905–1906 годах стало таковым. Был создан механизм принятия политических решений, в котором участвовали представители общества, функционировали свободная пресса, общественное мнение, политические партии, тысячи общественных организаций — налицо были все элементы гражданского общества[9]. Через одно-два поколения они вошли бы в плоть и кровь общественной жизни, и демократический режим стал бы необратимым.

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ РАДИКАЛЫ?

Социально-экономический и политический режим, сложившийся в России в результате Великих реформ 1860–1870-х и реформы 1905 года, в основе которого лежали частная собственность, рыночная экономика, гражданское общество и сильное правовое государство, обеспечивал хорошие возможности для успешного развития России. Об этом свидетельствует тот факт, что в начале 1990-х годов этот режим пришлось реставрировать, после 74-летнего зигзага, вызванного Октябрьской революцией.

Возникает неизбежный вопрос: как неоспоримые успехи страны совместить с ростом в эти годы недовольства и оппозиции режиму со стороны либерально-демократической общественности, развитием всякого рода протестных движений крестьянства и рабочих, революциями 1905–1907 и 1917 годов и неудачным участием России в Первой мировой войне? Эта чрезвычайно важная проблема требует специального изучения. Но некоторые предположения можно сделать уже сейчас.

Хотя уровень жизни в абсолютном смысле в пореформенное время повышался, потребности и запросы росли ещё быстрее, что и служило важным фактором растущего недовольства широких масс населения. Как показали два массовых опроса, проведённых в 1872 и 1902 годах, мнения современников относительно положения крестьян после отмены крепостного права разделились: одни полагали, что условия жизни крестьянства после эмансипации улучшились, другие — ухудшились. Но самое парадоксальное состоит в том, что все свидетельствовали о том, что потребности и доходы крестьян увеличились, что они стали лучше одеваться и питаться по сравнению с дореформенным временем. Следовательно, по общему убеждению, уровень жизни населения в абсолютном смысле повысился, но улучшение не соответствовало ожиданиям и отставало от потребностей, поэтому многим казалось, что положение ухудшилось. Фет проницательно заметил, что ощущение человека бедным или богатым и, значит, счастливым или несчастливым зависит от уровня потребностей и степени их удовлетворения. Поэтому «искусственное умственное развитие, раскрывающее целый мир новых потребностей и тем самым далеко опережающее материальные средства известной среды, неминуемо ведёт к новым, небывалым страданиям, а затем и к вражде с самою средою… Считаю величайшим неразумием и жестокостью преднамеренно развивать в человеке новые потребности, не имея возможности дать ему и средства к их удовлетворению. Не то же ли это, что в безводной степи

накормить неопытного человека селёдкой, снять шапку и сказать: «Теперь, мой друг, я своё дело сделал, накормил тебя, а уж водицы поищи сам»[10].

Если же иметь в виду привилегированные слои, то и здесь благодаря повышению уровня культуры и образования, знакомству с жизнью западных стран требования к уровню благосостояния существенно выросли, и потому образованные люди не были довольны достигнутым качеством жизни. Кроме того, благосостояние значительной части поместного дворянства и духовенства в результате Великих реформ пошатнулось, хотя чиновники и духовенство и прежде практически всегда выражали неудовлетворение своим материальным положением[11].

Как представляется, массовым недовольством воспользовалась оппозиционная к существовавшему режиму либерально-демократическая общественность в своих политических целях, которые состояли в том, чтобы взять под свой контроль государственные структуры, поучаствовать в управлении империей, использовать публичную власть для решения тех государственных и общественных задач, которые представлялись ей важными и актуальными. Подчеркнём, эта информационная война является совершенно естественным и неизбежным атрибутом политической борьбы во всех демократических странах. Причём в массе своей общественность была искренне убеждена, что положение народа ухудшалось, поскольку просто не допускала мысли, что при царском правительстве возможен какой-либо прогресс, а только ожидала от него, как говорил П. Н. Милюков в Государственной думе в 1916 году, либо глупости, либо измены. Кроме того, общественность чувствовала в себе силы и знания, чтобы исправить тяжёлую, как ей казалось, ситуацию, поэтому претендовала на роль избавителя от недуга и, следовательно, на власть лечить, помогать и управлять.

Таким образом, в данном случае речь идёт не о фальсификации, а об идеологической аберрации, о зашоренности взгляда под давлением стереотипов; мы сталкиваемся с типичным примером нечувствительности к новой информации под влиянием установки. Хорошо известно, что люди стараются избегать информации, которая противоречит их точке зрения, и предпочитают ту, которая соответствует их взглядам и поддерживает их собственные подходы[12]. Убеждённость в кризисе самодержавия, а после 1905 года — в неспособности царского правительства правильно управлять страной была столь прочной и непогрешимой, что всё, что ей противоречило, просто не воспринималось.

Напомним, что эта убеждённость в несостоятельности царского режима появилась в ходе продолжительного и интенсивного дискурса в науке, публицистике и беллетристике, завершившегося выводом о кризисе России в последней трети XIX — начале XX века. Именно дискурс специфическим образом сконструировал российскую социальную реальность конца XIX — начала XX века как находящуюся в состоянии системного кризиса, а отечественная и в значительной степени зарубежная историография до сих пор находятся в его плену. Однако если дать научно-позитивистскую трактовку состояния пореформенной России, то окажется, что экономика, общество и государственность успешно развивались, потому что валовой национальный продукт на душу населения, продолжительность жизни и грамотность увеличивались, жизненный уровень повышался, государственность совершенствовалась, гражданское общество формировалось, а наука, литература и искусство давали выдающиеся произведения мирового значения.

Желание общественности ограничить власть государства и монарха представляется совершенно логичным, потому что в пореформенное время в России быстрыми темпами развивалось гражданское общество. Уже на рубеже XIX–XX веков возникли многие из его элементов: масса добровольных общественных организаций, критически мыслящая общественность, общественное мнение,

Таблица 2. **Население, рост мужчин в годы рождения и индекс человеческого развития в России в 1851–1914 гг.**

Годы	Население, млн	Валовой внутренний продукт на душу населения*		Грамотность обоего пола		Средняя продолжительность жизни		Индекс человеческого развития	Рост мужчин, см
		дол.	индекс	%	индекс	лет	индекс		
1851–1860	73.5	701.0	0.381	14.8	0.148	27.1	0.035	0.188	164.5
1861–1870	78.4	675.9	0.374	17.2	0.172	27.9	0.048	0.198	164.1
1871–1880	91.7	666.4	0.372	20.1	0.201	28.8	0.063	0.212	166.5
1881–1890	110.6	679.9	0.375	23.4	0.234	29.7	0.078	0.229	167.3
1891–1900	125.8	790.7	0.402	28.9	0.289	31.2	0.103	0.264	166.7
1901–1910	147.6	928.1	0.430	34.7	0.347	32.9	0.132	0.303	167.4
1911–1914	171.3	981.6	0.440	39.6	0.396	33.5**	0.141	0.325	168.9

*В долларах США 1989 г. **1904–1913 гг.

Подсчитано по: Воспроизводство населения СССР/Вишневский А. Г., Волков А. Г. (ред.). М. 1983. С. 61; Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчёты и оценки. М. 2003. С. 22, 232–237; Миронов Б. Н. История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Л. 1991. С. 82, 146; Он же. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX–XX веках//Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 111–125.

К. Е. Маковский. Обед в поле. Фрагмент.

с которым считалась государственная власть. После 1905 года появились свободная пресса и легальные политические партии. В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам, и контроль за их исполнением в виде законодательных учреждений и прессы[13]. В политической борьбе за влияние над избирателями демократическая и либеральная оппозиция, как и её оппоненты из правительственного лагеря, а после 1905 года — из проправительственных партий, использовала все доступные средства, что является нормой политической борьбы во всех демократических странах. В частности, кризисный, упадочный имидж России в конце XIX — начале XX века создавался кадетской, эсеровской и социал-демократической партиями намеренно, в борьбе за власть, с целью дискредитации своих политических противников; в советское время — для оправдания неизбежности и прогрессивности Октября 1917-го. Парадигма кризиса и пауперизации использовалась для пропаганды идей революции и осуждения монархии. В последнее время этот факт стал отмечаться исследователями. Например, в монографии М. А. Давыдова приведено немало фактов сознательной и бессознательной подтасовки фактов относительно положения крестьянства. По его мнению, кадет А. И. Шингарёв в своей прогремевшей на всю страну работе «Вымирающая деревня» (1907) сильно сгустил краски, разговоры о страданиях народа как факте повседневной жизни носили спекулятивный характер, учёные заигрывали с оппозиционным по отношению к монархии общественным мнением в ущерб научному анализу современной экономической ситуации, тезис о «голодном экспорте» не выдерживает научной критики[14].

ПИАР ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Данные о динамике уровня жизни бросают новый свет на Русско-японскую, Первую мировую войны и революции 1905 и 1917 годов. В 1901–1905 годах биостатус крестьянства сравнительно с 1896–1900 годами существенно понизился (средний рост у мужчин уменьшился на 1,2 сантиметра). Можно предположить, что это явилось важной причиной революции 1905–1907 годов наряду с неудачной Русско-японской войной и промышленной депрессией. После первой революции наблюдалось повышение биостатуса крестьян (средний рост мужского населения в 1906–1914 годах повысился на 1,4 сантиметра сравнительно с 1901–1905 годами), чему способствовали хорошие урожаи, промышленный подъём и благоприятные для земледельцев меры — отмена выкупных платежей и введение льготных правил для получения ссуд из Крестьянского поземельного банка для покупки земли (1907), столыпинская реформа и массовое переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток (только за 1906–1910 годы переселилось свыше 2,5 миллиона человек), уменьшение числа рабочих дней в году и рост зарплаты у рабочих. С началом войны уровень жизни стал медленно понижаться, о чём говорит снижение роста с 169,1 сантиметра (1910–1913) до 168,4 сантиметра (1914–1917) и веса — соответственно с 67 до 65,7 килограмма.

Понижение среднего роста мужского населения за четыре года войны на 0,7 сантиметра, а веса на 1,3 килограмма нельзя считать чрезмерно большим, а бедствия войны не достигли ещё масштабов, которые наблюдались, например, в годы Северной (1700–1721), Русско-турецкой (1764–1768) и Крымской (1853–1856) войн. В годы Русско-японской войны понижение биостатуса также было бóльшим. Сбор зерновых в российском масштабе в 1914–1917 годах вполне удовлетворял спрос населения. Возросшее потребление армии компенсировалось уменьшением продовольственных потребностей гражданского населения ввиду мобилизаций и запрещением экспорта. Продовольственный кризис был обусловлен не объективными, а субъективными факторами[15]. Вероятно, поэтому массовые выступления в 1917-м охватили преимущественно столицы и промышленные центры, где имперская и общественная администрации допустили просчёты в деле снабжения городского населения продовольствием и где концентрировались антиправительственные силы, воспользовавшиеся моментом, чтобы вывести народ на улицы и свергнуть монархию. Есть свидетельства современников, что это было сделано намеренно, с целью обострения продовольственного кризиса. В недавней работе С. В. Куликова приведены не опубликованные до сих пор свидетельства помощника начальника канцелярии Совета министров А. С. Путилова о том, что управляющий делами Особого совещания по продовольствию Н. А. Гаврилов и его подчинённые были связаны с «оппозиционными кругами» и вместе с ними сознательно вели продовольственное дело с таким расчётом, чтобы «непременно вызвать на этой почве недовольство широких масс рабочего населения»[16].

Куликов же, на мой взгляд, убедительно доказал, что Февральская революция 1917 года произошла отнюдь не стихийно. Последовательно рассматривая ключевые события Февраля, автор показывает, что она стала результатом реализации плана, который был разработан руководителями Центрального военно-промышленного комитета, действовавшими как самые настоящие революционеры. Падение царизма стало не столько результатом стихийного движения снизу, сколько результатом революции сверху.

Вместе с тем автор признаёт, что в революции участвовали также Дума, социалисты, масоны, действовал и фактор стихийности, хотя главными причинами успеха являлись союз, заключённый между либерально-демократической и революционной общественностью, а также признание старой бюрократической элитой нового порядка[17].

Вывод Куликова поддерживается скрупулёзным исследованием М. М. Сафонова. Согласно ему, события последних дней перед отречением Николая II и первых дней после Февральской революции следует рассматривать не как господство стихийности и хаоса, а как острую борьбу интересов различных группировок и личностей, пытавшихся извлечь для себя максимум выгоды из созданного ими же острого политического кризиса, который застал их не врасплох, а хорошо подготовленными[18].

Оппозиция смогла захватить власть, но остановить расползание революции не удалось. Произошла Октябрьская революция, за которой последовал выход из войны, в результате чего были потеряны все плоды победы, доставшиеся союзникам. Россия не проиграла Первую мировую войну — она вышла из неё вопреки национальным интересам. Шесть, максимум десять месяцев терпения, и победа в войне предотвратила бы Октябрьскую революцию. В августе 1918 года Германия проиграла войну Антанте без России, а с Россией это бы случилось раньше. Поэтому можно предположить, что Октябрьская революция и вызванная ею Гражданская война лежат на совести противников завершения Первой мировой. Кстати, на поражение в Русско-японской войне первая революция также оказала значительное влияние.

Таким образом, три российских революции были обусловлены в значительной степени политическими причинами, по-видимому, даже в большей степени, чем экономическими, они были хорошо подготовлены блестящей пиар-активностью противников монархии. Утверждение «виртуальных фактов» и создание искусственной «действительности» стали частью русской общественной жизни в начале XX века, а пиар — её неотъемлемым элементом. Либеральная, радикальная и революционная элита предприняла грандиозные усилия по дискредитации монархии и пропаганде идей революции, с помощью чёткого и продуманного общения с властями, поддержания связей со всеми социальными группами и умелой манипуляции общественным мнением смогла завоевать общество и повести его за собой. Успех, сопутствовавший практически всем пиар-кампаниям, продемонстрировал колоссальные возможности «связей с общественностью» в борьбе за власть. Либерально-радикальная общественность выиграла информационную войну у правительства и благодаря этому смогла захватить власть.

К. С. Петров-Водкин. Микула Селянинович. 1918 г.

Примечания

1. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М. 1967. С. 56, 96–97.
2. Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М. 2001. С. 5–56, 408–463.
3. Писарев Д. И. Собр. соч. Т. 4. М. 1956. С. 96.
4. Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М. 1920. С. 9.
5. История СССР с древнейших времён до наших дней. В двух сериях, в 12 т. Первая серия. Т. 5. М. 1968. С. 193–197.
6. Ельмеев В. Я. Индекс человеческого развития как методологический инструмент сравнительного социального анализа//Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. СПб. 2001. С. 40–57.
7. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчёты и оценки. М. 2003. С. 61–62.
8. Миронов Б. Н. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим *данным//Экономическая история*. Ежегодник 2001. М. 2002. С. 418–427.
9. Его же. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 2. СПб. 2003. С. 257–270.
10. Фет А. А. Указ. соч. С. 195–196.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. СПб. 2003. С. 93, 97, 106–110.
12. Сайтел Ф. П. Современные паблик рилейшнз. М. 2002. С. 61.
13. Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 2. С. 261–270.
14. Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — *начале XX в.* М. 2003. С. 181–237.
15. Китанина Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России: 1914 — октябрь 1917 г.). Л. 1985. С. 372.
16. Цитировано по: Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы//Нестор. 2007. № 11: Смена парадигм: Современная русистика. СПб. 2007. С. 176.
17. Куликов С. В. «Революции неизменно идут сверху...» С. 117–185.
18. Сафонов М. М. Ложь и правда об отречении Николая II//Между двух *революций 1905–1917: Источники*, исследования, историография. Нестор. № 3. СПб. 2005. С. 215–272.

Анатолий ***ЕГОРИН,***
доктор исторических наук

ДОРО́ГОЙ ГРЕФЕНИЯ И ЗОСИМЫ

Египетские страницы российской истории

Известно, что после распада в XV веке Византийской империи Россия взяла на себя опеку православной веры, и россияне устремились к святым местам Синайского полуострова, коими издавна владели египетские властители. Первым русским, посетившим самый древний на Синае монастырь Святой Екатерины (в 1966 году монастырь отметил свою 1400-летнюю годовщину), был смоленский архимандрит Грефений (1400 год). Побывавший там дьякон Троице-Сергиевой лавры Зосима (1419–1422 года) издал в Петербурге великолепную книгу «Ксеснос» («Путник»), ставшую путеводителем для российских паломников, устремившихся на Синай позже. «В национальных костюмах, больших сапогах, красных рубахах, зипунах, фуражках, с котомками за плечами» — а именно так описал своих сограждан русский путешественник А. Е. Елисеев в 1883 году в книге «Путь к Синаю» — русские десятками тысяч шли к святым местам, презирая лишения и неудобства. И за такую истовую веру в Бога и собственную силу они встречали сочувствие и дружеское отношение синайских бедуинов.

О связях Русской православной церкви с синайской обителью написано много, и это только малая толика в истории взаимодействия и взаимообогащения двух великих культур — русской и египетской. В 1860 году русские великие княжны подарили монастырю Святой Екатерины золотую крышку на

Материалы блока «Русский след» подготовлены *в рамках совместного проекта с Институтом* востоковедения РАН в связи с 190-летним юбилеем отечественного востоковедения.

Монумент дружбы. Асуан. Январь, 1997 г.

саркофаг святой, а в 1871 году они привезли ещё один подарок — 9 чугунных колоколов. Среди 2000 икон различных школ, которыми славится монастырь, есть русские: «Богоматерь Иверская» и «Господь Вседержитель», датированные 21 декабря 1754 года. В библиотеке монастыря, хранящей 3,5 тысячи рукописей-манускриптов и 5 тысяч старинных книг, в 1865 году был обнаружен рукописный вариант Ветхого и Нового Заветов, выполненный на греческом языке в IV веке. По месту находки манускрипт был назван Синайским и по просьбе России, финансировавшей изыскания, отправлен в Петербург: там он был издан. Император Александр II пожаловал монастырю 9000 рублей.

«Русский след» прослеживается и в других христианских храмах, которых немало в Египте. Например, в Александрии есть Русская церковь, где у входа навечно покоится царь-колокол весом 400 пудов. На нём написано: «По милости царёвой и новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Семёновича Воронцова церковь посвящает сей звучный памятник. Архистротрига Михаил. 1838 года, июня месяца, 25 числа. Государь император Николай I. Подарок. Отлит сей колокол из турецких орудий на колокола Измаильской христовоздвиженской церкви».

XIX — начало XX века стали незабываемыми в истории русско-египетских отношений. В Египте побывали все без исключения послы России, аккредитованные тогда в Османской империи: граф Николай Павлович Игнатьев — чрезвычайный посланник России в 1864–1877 годах, которого сменил в 1878–1879 годах князь А. Б. Лобанов-Ростовский, а с 1879 по 1881 год Е. П. Новиков. В 1882–1897 годах Чрезвычайным и Полномочным послом России в Турции был А. И. Нелидов, с 1898 по 1908 год — И. А. Зиновьев. Эти государственные деятели, пожалуй, первыми обратили внимание царской России на далёкий, но близкий по душе Египет, переживавший тогда не самое лучшее время своей истории. Непосредственными же исполнителями «воли царёвой» в Стране пирамид были русские дипломаты, там аккредитованные. Это коллежский советник И. А. Лекс — генеральный консул России в Египте в 1866–1882 годах; до него, в 1862–1863 годах, генконсулом России в Египте был А. Е. Лаговский, в 1863–1866 годах — В. Н. Хитрово. С 1887 года по 1902-й дипмиссию возглавлял действительный статский советник П. В. Максимов; с апреля 1905 года — камергер, действительный статский советник А. А. Смирнов, представлявший интересы царской России в Египте вплоть до своей кончины в 1926 году.

Широкая сеть русских официальных представительств, свидетельствующая о масштабе дипломатических связей, давала возможность России расширять и углублять свои позиции в Египте.

В Египет потянулись не только высокопоставленные особы царского двора, но и общественные деятели того времени, многочисленные туристы и паломники. Так, в ноябре 1890 года Египет посетили сыновья царя Александра III — Николай (будущий царь Николай II) и Георгий. 9 ноября они прибыли в Порт-Саид на фрегате «Память Азова», затем проследовали по Суэцкому каналу до Исмаилии, откуда направились в Каир. До 14 ноября они знакомились с египетской столицей, после чего посетили Луксор и Асуан. 27 ноября их проводили до Суэца.

В 1898 году Египет посетили братья Александра III, и в том же году по приглашению русского царя 15-летний будущий хедив Аббас II Хельми вместе с братом Мухаммедом Али нанесли визит в Россию. Летом 1900 года Аббас II Хельми побывал в Одессе. В 1909 году принц Мухаммед Али по пути в Японию проехал всю Россию по транссибирскому пути. Летом 1910 года он же совершил поездку в Среднюю Азию и на Кавказ.

Упомянем одну из крупнейших акционерных компаний России — Русское общество пароходства и торговли, созданное в 1856 году и сыгравшее главную роль в развитии торгово-экономических отношений с Египтом: в частности, Общество имело две линии срочного сообщения с Египтом, ему принадлежали железная дорога, суда. Активные политические, а затем и торговые связи с Египтом вызвали интерес к Стране пирамид в литературно-художественных кругах России. Свидетельства тому можно обнаружить в творчестве Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Достоевского, Добролюбова, Гончарова, Толстого, Чехова и многих других русских писателей, поэтов, публицистов, учёных и общественных деятелей. В XIX веке в России широко публиковались очерки и путевые заметки о Египте в таких изданиях, как «Отечественные записки», «Современник», «Морской сборник», «Русский вестник», «Библиотека для чтения» и др. Так, Лев Толстой в период учёбы в Казанском университете на отделении арабо-турецкой словесности изучал арабский язык, историю Африки, знакомился с книгами, посвящёнными арабским народам, их судьбе и культуре. Толстого, в частности, разочаровала нашумевшая в те времена (1844–1845) книга французского писателя Жака Араго «Путешествие вокруг света»: русский писатель не нашёл в ней «достойного уважения к населению Востока». «Путешествие» Араго очень не понравилось мне, — писал Толстой в своём дневнике. — Оно проникнуто французской самоуверенностью, как в учёном, так и в моральном отношении». Француз, увлёкшись экзотикой, действительно не посмотрел в глаза ни одному египтянину, за что Араго осудили и в Стране пирамид.

Позже общественности станет известна переписка Толстого с выдающимся общественным деятелем, главным муфтием Египта Мухаммедом Абдо (1849–1905), возглавлявшим в последние годы своей жизни модернистское течение, связанное с обновлением ислама. Весной 1904 года Абдо, возмущённый отлучением Толстого от церкви, прислал писателю письмо в Ясную Поляну, высоко отозвавшись о философском кредо Толстого, о его влиянии «на всех просвещённых людей». 13 мая 1904 года Лев Николаевич ответил Абдо большим письмом, в котором изложил сущность своих воззрений. Его радовало общение с просвещённым деятелем Арабского Востока, коим был Мухаммед Абдо, исповедовавший, по мнению русского писателя, те же нравственные гуманистические идеалы, что и он сам. Толстого весьма интересовало бабидское движение среди арабов, и он попросил Абдо написать ему об этом движении, но ответ не пришёл: в 1905 году египтянин скоропостижно скончался.

Несколько раз (в 1908, 1909, 1910, 1911, 1913 годах) Египет посетил известный русский поэт Николай Гумилёв, свои впечатления от страны отразивший в сборниках — «Костёр» (1918), «Шатёр» (1921), «Романтические стихи» (1908). Его стихотворения, посвящённые Египту, — «Гиена» («Над тростником медлительного Нила...»), «Зараза» («Приближается к Каиру судно...») — были перепечатаны в египетских газетах.

Упомянем и выдающегося русского египтолога Владимира Семёновича Голенищева (1856–1947). В египтологии Голенищев — звезда первой величины. Спустя полвека после смерти — Владимир Семёнович скончался в Ницце

9 августа 1947 года — он до сих пор считается непревзойдённым знатоком древнеегипетского языка. Голенищев опубликовал свыше полусотни научных трудов, в основном переводов древнеегипетских текстов и комментариев к ним. В Каирском университете он организовал кафедру египтологии, воспитавшую немало крупных учёных. Египетский зал Пушкинского музея Москвы — это почти на сто процентов личная коллекция Голенищева. «Какой другой египтолог открыл, опубликовал и перевёл уникальные рукописи столь большого числа литературных шедевров? — писал о Владимире Семёновиче французский учёный Сен-Фар Гарно. — Какие другие археологи, какие хранители музеев показали себя более компетентными и опытными собирателями, чем этот специалист по эпиграфике?» Именно французу Гарно, кстати сказать, завещал Голенищев свой архив. После смерти Голенищева он был перевезён в Париж и стал основой научного института — Центра Владимира Голенищева.

Между тем на родине имя этого человека известно лишь специалистам. Всё дело в том, что ещё накануне Первой мировой войны Голенищев, женившись на француженке, переехал из Петербурга, где он был хранителем коллекции египетских древностей Эрмитажа, в Ниццу. После революции он ни разу не был в России.

Памятник морякам русского крейсера «Пересвет» в Порт-Саиде. 1970 г.

Голенищеву в жизни везло. Владимир Семёнович был богат. Его отец, царскосельский купец, оставил сыну крупное состояние. Так что Голенищев мог целиком отдаться любимому делу, не заботясь о куске хлеба. А увлёкся он Древним Египтом в 14 лет. На собственные деньги совершал почти ежегодные поездки в Египет, собирал свою знаменитую коллекцию. Даже в Эрмитаже он работал вне штата, без денежного содержания. Но в 1907 году семья Голенищева неожиданно разорилась. У него оставался единственный выход — продать коллекцию. Ведущие учёные России обратились к императору с просьбой выкупить коллекцию Голенищева (свыше шести тысяч предметов) в собственность государства. Но денег для такой покупки не нашлось. После долгих обсуждений, два года спустя, был найден взаимоприемлемый вариант: коллекция передаётся государству, и оно ежегодно выплачивает её владельцу 24 тысячи рублей. И когда в 1912 году в Москве открылся Музей изящных искусств (нынешний Пушкинский), коллекция Голенищева стала его украшением.

О том, насколько крепкими были к началу XX века русско-египетские связи, свидетельствует реакция египтян на русскую революцию 1905 года. Почти во всех газетах появилась рубрика «Революция в России», где подробно освещались события тех лет. В Каире и Александрии был организован сбор средств «жертвам волнений в России». В том же 1905 году в Египте был создан Комитет помощи жертвам террора в России, который собрал к началу 1907 года 1600 фунтов стерлингов. 1000 фунтов было направлено в центральный фонд в Лондоне, 600 оставили изгнанникам, прибывшим из России в Египет. За годы первой русской революции в Египте были созданы Комитет за свободную Россию, Комитет русского фонда взаимопомощи, Касса взаимопомощи русских эмигрантов. Эти организации проводили благотворительные вечера, лотереи, ставили благотворительные спектакли. Сборы были значительными. По сообщению «Морнинг Пост» из Александрии, только во время одного благотворительного вечера в августе 1906 года было собрано 1600 фунтов стерлингов.

Проходили и митинги солидарности. 19 и 20 января 1905 года в Александрии более 5 тысяч человек выступили с протестом против выдачи русскому консульству революционеров-эмигрантов, затем у зданий британского и российского консульств были сожжены королевский и царский флаги. На разгон демонстрантов были брошены войска и пожарные команды. Тем не менее, несмотря на протесты, 27 января 1907 года из Порт-Саида в Россию на пароходе «Корнилов» арестованные были тайком отправлены из страны.

Мы склонны думать, что российская политическая эмиграция, несмотря на гонения и высылки, так и не прекратила своё существование в Египте. На это, в частности, указывают воспоминания Леси Украинки, в течение трёх зим (1910–1912) находившейся в Хелуане. В 1911–1914 годах в стране резко активизировал деятельность профсоюз торговых моряков черноморского пароходства «Регистрация», протестовавший против ареста его руководителя М. Адамовича, что нашло поддержку египетской общественности. В Александрии в те годы даже выходил печатный орган этого профсоюза — газета «Моряк». Однако несмотря на постоянное пребывание в Египте российских революционеров, представителей демократической общественности России, их воздействие на национально-освободительное движение страны было ограниченным, как и воздействие русской революции 1905 года не было таким эпохальным, каким его пытались потом представить некоторые исследователи. «Я знаю, какое огромное значение имела для Египта и всего Востока буря Русской революции», — писал, в частности, русский народник С. Я. Елпатьевский, посетивший Египет в 1906 году. Увы, он хотел, чтобы это было так, но был далёк от действительности. Конечно, связи демократической общественности двух стран налаживались, и XIX век это отчётливо продемонстрировал. И всё же те, кто стоял у руля власти, внимательно следили за флюгером большой политики. Египетские войска приняли участие в Крымской войне против России (1853–1856), в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. В Египте радовались поражению России в войне с Японией в 1905 году. Эти события воспринимались как борьба против великой державы, борьба Востока против Запада, крен в сторону которого Россия в XVIII–XIX веках сделала слишком крутым.

Лозунг в цехе холодного проката в Хелуане.
1968 г.

Вместе с тем в Египте принимали и российских политиков, и деятелей культуры, и других посланцев России, которые, естественно, не могли не влиять на происходившее в стране. В марте–апреле 1903 года в Египте с любовью встречали великого русского певца Ф. И. Шаляпина, о чём позднее, в 1914 году, писал Н. А. Соколов. Но оказалось, что Ф. И. Шаляпин был в Египте и в 1933 году, о чём поведал в 1994 году В. В. Беляков, издавший прекрасную книгу «По следам «Пересвета» — о россиянах в Египте. Если в XIX веке россияне приезжали в Египет полюбоваться экзотикой, то после революций 1905 года и 1917 года Египет для многих русских стал их родиной.

Первые группы русских эмигрантов стали прибывать в Александрию в начале 1919 года, их размещали в палаточном городке в Телль аль-Кебире, что на полпути между Каиром и Исмаилией. Дочь известного русского писателя Евгения Чирикова Валентина, прошедшая в юности через этот лагерь, потом написала об этом «городке палаток» целую книгу. В 1920-х годах английские колониальные власти поменяли русским беженцам место жительства. Их разместили в деревянных казармах в местечке Сиди-Бишр, к востоку от Александрии. Это был целый город уцелевших сподвижников Деникина и Врангеля, живших за забором из проволоки. Над входом его обитатели вывесили трёхцветный российский флаг. Из двух палаток соорудили часовню. Организовали три школы. Оборудовали спортплощадку. Создали театр, духовой оркестр, хор в 40 голосов, выступавшие и в Александрии. Был там свой детский сад, отряд бойскаутов и даже издавался журнал «На чужбине». В мае 1922 года англичане ликвидировали «русский лагерь» в Сиди-Бишр. Часть русских (около 130 подданных) вернулась в конце 1920 года в Россию. Остальные осели в Египте, втянувшись в местную жизнь. Журнал «На чужбине» был своеобразным дневником, в котором повествовалось о всех радостях и горестях русской колонии, например, последним спектаклем Сиди-Бишрского театра была комедия «Шельменко-денщик» Г. Ф. Квитка-Основьяненко, отражавшая настроение колонии...

Русские эмигранты, покинувшие лагерь в Сиди-Бишр, поселились в Каире, Александрии, Порт-Саиде. В Каире они сгруппировались вокруг бывшего российского генерального консула А. А. Смирнова, отказывавшегося служить советской власти и подчиняться приказам Народного комиссариата по иностранным делам. 9 декабря 1917 года Смирнов был уволен со своего поста, но только 6 октября 1923 года, после провозглашения формальной независимости Египта, Каир принял решение не признавать прежнее дипломатическое и консульское представительство России и прекратить ежемесячную выплату зарплаты Смирнову и его сотрудникам. Но вплоть до смерти в 1926 году Смирнов был неформальным лидером русской «белой колонии» в Египте.

В 1928 году в Министерстве внутренних дел Египта было создано бюро по делам русских беженцев. Возгла-

вил его сподвижник Смирнова бывший царский полковник Скорятин. Русские эмигранты потеряли своё гражданство. Им выдали особые удостоверения личности, разрешили получить египетское гражданство. Но подданными Египта стали только немногие. К концу 1960-х годов многие эмигранты умерли или уехали в Европу, и на финише XX века русской эмигрантской колонии в Египте уже не было.

В Александрии русские группировались вокруг представительства Русской православной церкви и Генерального консульства, занимавшего целый квартал в центре города. Многие работали врачами, портовыми служащими, официантами или таксистами. Некоторые выступали в ночных клубах или составляли бродячие труппы артистов.

В Египте жили и работали творческие люди, не нашедшие применения своим талантам в России. Среди них был художник Иван Билибин, приплывший в 1920 году в Египет на пароходе «Саратов» из Новороссийска. Ему было тогда уже 45 лет. Получив аванс у богатого грека, он снял дом в центре Каира и принялся за работу, разъезжая в перерывах по Стране пирамид. Летом 1924 года он переехал в Александрию, где в декабре 1924 года — январе 1925 года местное Общество любителей искусства организовало персональную выставку Билибина и его жены — художницы А. В. Щекотихиной-Потоцкой. «Почти все работы с этой выставки ушли в Америку и Грецию, — писал позже М. Н. Потоцкий, приёмный сын Ивана Яковлевича. — В местной александрийской прессе выставка была высоко оценена». Среди работ, выполненных Билибиным в Египте, были декоративные панно для особняков богатых греков, пейзажи, портреты. Делал он и эскизы декораций и костюмов для балетной труппы знаменитой Анны Павловой, которая показывала в Каирской опере балет Н. Н. Черепнина «Русская сказка». В августе 1925 года семья Билибиных переехала из Александрии в Париж, совершив предварительно ещё одну длительную поездку в Верхний Египет. На прощанье Иван Яковлевич сделал по заказу несколько икон для сирийского православного храма в Александрии и церкви Благовещенья.

Сохранилось письмо Билибина другу, датированное 1921 годом. Он писал из Каира в Париж: «Порою меня очень тянет в Россию... Я стал более ярым националистом, чем когда-либо, насмотревшись на всех этих носителей культуры — англичан, французов, итальянцев и пр. Только сейчас начинаем чувствовать, как много мы потеряли...» С этого горького размышления, видимо, и начался путь художника на родину. 16 сентября 1936 года на теплоходе «Ладога» он прибыл в Ленинград. Через шесть лет он умер там во время фашистской блокады города...

Несомненно, что связи писателей и мыслителей, художников и поэтов Египта и России взаимно обогащали и обогащают русскую и арабскую культуры. Но есть ещё одна область, где эта взаимность особенно блистательна и полезна — это музыкальные традиции наших культур. В России арабская музыкальная школа долгое время была известна широкому слушателю только через обработку в творчестве русских композиторов. Она входила важной составной частью в «музыкальный ориентализм» — течение, захватившее русскую музыкальную культуру второй половины XIX — начала XX века. Русские композиторы Бородин, Балакирев, Римский-Корсаков использовали сюжеты арабской литературы, отдельные песенные мелодии, давая им свою интерпретацию. Однако эти произведения оставались в рамках европейских музыкальных представлений о Востоке. Позже, в период становления египетской национальной композиторской школы, такие сочинения, как симфонические поэмы Римского-Корсакова «Антар» и «Шехерезада» помогли композиторам Египта приобщиться к российскому музыкальному письму.

В русле музыкального ориентализма возник сказочный, красочный облик арабской музыки, приукрашенный в европейском стиле и достаточно далёкий от её реального звучания, однако понятный широкой аудитории. Некий общий портрет арабской музыки, какой её хотели слышать, в принципе популярен и поныне.

Другой канал приобщения к арабской музыкальной культуре был представлен записями, в основном нотными, арабской музыки, сделанными русскими путешественниками, композиторами, военными, побывавшими в Египте и других странах Ближнего Востока. Таким образом поставлялась основная информация как для зарождавшейся науки — российской музыкальной арабистики, так и для композиторского творчества. Так, в 1860-х годах на Севере Африки побывал русский исследователь и композитор Александр Христианович, который опубликовал затем книгу «Исторический эскиз арабской музыки древних времён с рисунками инструментов и сорока нотными записями мелодий в гармонизации Александра Христиановича». Эта работа россиянина, опередившая исследование французского композитора Сальватора Даниэля, и его мелодии были успешно использованы Бородиным и Римским-Корсаковым.

Но более важными стали конфессиональные контакты. Регионы России, приобщённые к исламу в IX–XIX веках, стали вырабатывать и свои традиции, влиявшие на музыкальную культуру. Большинство служителей культа стали получать богословское образование в Египте, и в России можно считать устоявшимся именно египетский стиль таджвида (речитации Корана).

* * *

Корни русско-египетских связей переплетены политическими, экономическими, духовными узами, которые никогда не прерывались и получили новый импульс в 1943 году, когда Советский Союз установил с независимым Египтом дипломатические отношения. Расцвета они достигли после свержения в июле 1952 года королевского режима и прихода к власти офицеров-республиканцев во главе с Гамаль Абдель Насером.

В 1995 году известный египетский общественный деятель Аль-Холи Амаль Митвали Хамид Ибрагим защитил в Институте востоковедения РАН диссертацию на тему «Культурные преобразования в Египте и советско-египетские отношения в годы президентства Г. Абдель Насера (1952–1979)», в которой глубоко проанализировал роль представителей российской культуры в становлении и развитии египетского цирка, балета, других направлений национального искусства.

Несомненно, элементы сословной ограниченности, воздействие общественно-политических воззрений, проявление индивидуализма и многое другое подчас мешали россиянам объективно воспринимать и анализировать восточную действительность, отличать экзотику от арабских реалий. Но российский демократизм и российская культурная общность, сочувственное отношение к угнетённым, действенная солидарность и поддержка восточных народов в их освободительной борьбе, высокая оценка арабской и особенно египетской культуры и её вклада в сокровищницу мировой цивилизации — это традиционные качества русской общественности в её соприкосновении с Востоком, с Арабским миром, с многовековой египетской цивилизацией.

зовский
Таганрогский казак».
итография.

УЗНАВАНИЕ

Илья ***ЗАЙЦЕВ,***
кандидат исторических наук

«УРУС», «МОСКОВ», «КАЗАК»...

Эски дост душман болмас,
карт казак мусульман болмас.
(Старый друг не будет врагом,
старик русский не будет мусульманином.)

Крымско-татарская пословица[1]

Русские и турки, живя бок о бок на протяжении столетий, фиксировали в собственном сознании и творчестве весьма противоречивые образы друг друга. Османы, как, впрочем, русские и другие народы Евразии, по отношению друг к другу вообще в выражениях не стеснялись. В османской и крымской средневековой историографии можно найти нелестные отзывы об окружающих империю народах... Однако существовали и вполне нейтральные определения.

Для обозначения жителей современной территории России турки использовали несколько терминов: *москов* (москоф), *рус* (урус) и *казак*. Термины эти различаются и хронологически, и по реальному этнополитическому содержанию. Когда же произошла первая встреча двух народов и как это отразилось в источниках?

Первый официальный дипломатический контакт между Москвой и Стамбулом состоялся в 1492 году[2]. Вызван он был торговыми интересами обоих государств. Вероятно, первым обозначением жителей России у турок был этнополитоним *москов*. Для османов московские правители, великие князья с начала установления отношений между двумя странами являлись Москов беги (московский князь), затем Москов кралы или Москоф-лулар кралы, то есть московский король или король москвичей. Страна же называлась вилайет-и Москов, то есть страна или область Москвы[3]. Вероятно, именно поэтому в одной из грамот Баязида, датированной ноябрём 1496 года, с удовлетворением отмечалось желание великого

Портрет русского посла. Миниатюра. 1587–1588 гг. Дворец-музей Топ-Капы. Стамбул. Турция.

*Статья написана в рамках проекта «Образ России и русской культуры в Турции: история и современность» по Программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (2006).

князя установить дружественные отношения между двумя государствами, но рекомендовалось обращаться к кафинскому наместнику — шахзаде, сыну самого султана Мехмеда. Ведь по рангу он был равен московскому великому князю.

Кого же тогда турки-османы называли «русскими» — рус?

В анонимной турецкой хронике XVI века (рукопись из собрания бывшего Королевского областного музея в Сараеве) есть отрывок, повествующий о походе 1497 года польского короля Яна Ольбрахта на Молдавское княжество и о турецких нападениях на Польшу в 1498 году. В этом тексте польский король называется Рус беги — «русский князь». Дело в том, что турки, преследовавшие после неудачной осады Сучавы польскую армию, имели дело с отрядами, присланными Яну Ольбрахту великим князем литовским Александром. Поэтому турецкий рассказчик, очевидно участник событий, называет всю польскую армию «русской». В другом фрагменте из этой хроники хорошо видно, что и географически Русью называется Западная Украина. «Пройдя Валахию, акынджи (то есть воины, совершавшие набег. — *И. З.*) ворвались в пределы Руси (Червонной Руси. — *И. З.*). Они взяли огромную добычу и разорили и сожгли всю страну»[4].

Часть славянского населения южнорусских степей между Нижней Волгой и Доном (будущие русские и украинцы) селилась поблизости от османского Азака (Азова в устье Дона) и Кафы в Крыму, становясь, таким образом, подданными султана — зимми (христиане под властью мусульманского монарха). Именно поэтому часть этих русов под таким обозначением и оказалась зарегистрированной в османских переписях упомянутых городов начала XVI века.

Османская и крымская терминология тщательно различает русов и москвичей (москалей-москов): письмо хана Менгли-Гирея на староосманском языке, которое датировано летом 1512 года, повествует о татарском набеге, для которого силы хана были разделены на два отряда: один совершает набег на «русских неверных» (бир бёлюки рус кяфирине акын эдюб); другой — на «московитских неверных» (бир бёлюки москов кяфирине гидюб)[5]. В этом, да и других текстах «русские» — рутены (современные русины) или украинцы Восточной Галиции (так называемой Червоной Руси), среди которых татарам неоднократно случалось брать пленных — «русский полон» (рус эсирлери).

Однако сам термин «рус» в османском словоупотреблении был недостаточно конкретным. Подчас сложно с точностью определить этническое происхождение тех свободных людей или рабов, которых так называли в источниках. В одном из списков «ремесленников двора» падишаха (эхль-и хиреф-и хасса), датированном 1526 годом, среди 590 человек упомянуто 32, к которым применён термин «рус». Среди них двое портных, три ювелира, три ткача шёлка, один меховщик, один изготовитель сабель, один изготовитель лезвий, два изготовителя стрел, один изготовитель луков, пять слесарей, три изготовителя аркебузов, один оружейник, шесть ткачей парчи, одна прачка, один изготовитель перчаток и даже один... изготовитель музыкальных инструментов. Двое из них попали во дворец ввиду их умений; шесть других ремесленников, привезённых во дворец Сулейманом, вероятно, поступили к нему на службу в то время, когда будущий падишах был правителем санджака Кафы, и являлись, таким образом, выходцами из соседних с Крымом областей. Десять других были до этого рабами знатных людей или купцов; двое были из числа 1/5 доли добычи, которая предназначалась правителю после военного похода (пенджик); пять попали к нему как подарки (пишкеш). Остальные семеро были куплены казной. Возможно, большинство из этих русских рабов были захвачены во время татарских набегов на пограничные территории Московии и Польши.

Начиная с середины XVI века в Стамбуле то и дело получают донесения о смелых вылазках «зловещих русов» (рус-и менхус) или «русов из края войны» (харби рус) против османских владений: в действительности это были первые нападения донских казаков на Азак. Например, в приказе хану Девлет-Гирею от 12 июля 1552 года были упомянуты «русы из края войны», которые каждый год появляются «во время ловли рыбы», чтобы грабить сети османской казны. В приказе кафинскому бею от 5 ноября 1556 года речь шла о бандах под командованием «одного из неверных русов» по имени Черкес Хише, которые «уже более двадцати лет» нападают на купцов и путешественников на суше и на Дону.

В 1559 году в докладе кадия Азака, основанном на сведениях, «дошедших от ногаев», сообщается о вторжении «3000 казаков, прибывших от русов» (рус джанибенден нюзуль этмиш тахминен уч бин микдари казак). Вероятно, каких-либо серьёзных отличий между казаками и русами османы в то время не видели: в 1574 году, в связи с нападениями на Аккерман, османские власти будут писать о рус кяфирлери или о рус казаклары (русских неверных или русских казаках) по отношению к одним и тем же действующим лицам. Любопытно, что сам термин «казак» — тюркского происхождения и встречается ещё в знаменитом памятнике конца XIII века Codex cumanicus. Обозначал он вора, разбойника, бродягу, авантюриста или же легко вооружённого солдата, быстрого всадника, возможно, грабительский авангард, а также почтового курьера. Существовало даже выражение казаа чикмак (по-русски: казаковать), обозначавшее уход в степи султана-чингизида со своими спутниками (нёхёр) или простого главы клана, устранённого (по крайней мере, временно) его соперниками.

В 1559–1560 годах во время набегов на Азак Дмитрия Вишневецкого — союзника царя, казаков и черкесов — теряется различие между рус и москов: в актах дивана могли быть использованы оба термина. Это интересное исключение из правил французский тюрколог-османист Ж. Вайнштейн пытался объяснить тем, что союз между этими силами породил у турок некоторое смятение и дезориентировал их. Хотя, скорее, такое смешение терминов было способом оскорбить московита, уподобив его русу, ведь он перестал быть привычным уважаемым партнёром и стал «противником, сообщником разбойников». Появляются обороты вроде «рус, который является беем Москвы» (москов беи олан рус), а «проклятый» Дмитрий Вишневецкий, прежде известный Порте как «один из беев короля Польши», сам отныне рассматривается как «проклятый по имени Димитраш из зловещих русов» (рус-у менхусдан Димитраш нам лаин). Двойственность прекращается после прибытия московских послов в Кафу, объявивших, что царь отныне отказывается от совместных действий с Вишневецким. Из того, что султан, который принял это к сведению, продолжает клеймить «бунтарские идеи и иллюзорные планы как труса Димитраша, так и проклятых русов, черкесов и других врагов», становится ясно, что термин «рус» вновь применяется только к одним казакам[6].

В османской канцелярии в течение всего XVI века наблюдалась немалая путаница, когда заходила речь о различии и точном происхождении казаков. В документах различаются «московские казаки» (Москоф казаклары), под которыми понимаются в основном донцы: их османы считали подданными «московского короля»; «польские казаки» (Лех казаклары) и «русские казаки» (Рус казаклары) — не очень точный термин, который применялся к украинским казакам. Возможно, название «Лех казаклары» касалось реестровых казаков

и тех, что жили на правом берегу Днепра и были более или менее подконтрольны польской короне. Выражение «Рус казаклары» применялось, по-видимому, больше к запорожским казакам.

И в XIX, и в начале XX века русских в Османской империи, особенно в низших кругах, продолжали называть «москоф» (москаль). Средневековый политоним стал этнонимом. Однако там, где турки соприкасались с русскими близко (например, с казаками-некрасовцами или старообрядцами, жившими в стране), наряду с этим употребляли и эпитет «казак»[7]. Например, один знакомый будущего академика В. А. Гордлевского, некий Омер из Бурсы, в 1905 году называл его именно так, хотя к казакам выдающийся отечественный тюрколог никакого отношения не имел.

Иногда к термину «казак» добавляли слово «сары», то есть «жёлтый» — в смысле «блондин, белобрысый». Есть и вполне точно зафиксированные обозначения русских среди турок и крымских татар, как «Сары урус» или «Сары Иван», то есть рыжий (белобрысый) русский или рыжий Иван[8]. Впрочем, этот эпитет по отношению к русским, как эпитет «чёрный» по отношению к китайцам, характерен для многих тюркских народов. Среди казахов, кыргызов и каракалпаков бытует пословица: «Кара кытай каптасы, сары орыс акендей болар» — «Если придёт чёрный китаец, рыжий русский родным отцом покажется». Так же и закаспийские туркмены, по отзывам А. Н. Самойловича, называли русских «Сары урус»[9]. Даже московский титул «царь» османы из-за особенностей передачи русских звуков средствами турецкого языка путали с этим определением, называя Ивана Грозного «Сары Иван Москов кралы», дословно — «Московский король Жёлтый Иван»[10].

В XVIII–XIX веках в представлении народов Османской империи Россия — православная страна, традиционный соперник османов. Более того: иногда в Османской империи забывали, что в России живут не одни только христиане и далеко не одни только русские. Все они определялись одним термином — москоф. Ещё один будущий академик-востоковед, Агафангел Крымский, в жилах которого не было ни капли русской крови и который считал себя украинцем, писал из османского Ливана в конце XIX века, что единственным обозначением для человека из России было москоби (по-арабски — московский). «Один мусульманин-нараб, турок, справился тут у меня, — писал он, — где я научился по-арабски. Я сказал где и прибавил, что восточные языки преподаются также в Петербурге и в Казани. «Как, разве Казань принадлежит русским?» — изумился хаджи. «Ну да». — «Но ведь там жители мусульмане». — «Так что ж. Под властью России живёт много миллионов мусульман». Турок отказался мне верить»[11]. Строго говоря турок, с которым беседовал Крымский, в своём заблуждении был очень логичен. Подданство мусульман по отношению к христианской власти теоретически в исламе недопустимо. Поэтому едва ли не единственной непоричаемой причиной пребывания мусульманина в христианской стране являлся выкуп пленных собратьев по вере. Неслучайно И. В. Виткевич в своих записках о Бухарском ханстве (1835–1836) упомянул фразу из разговора с бухарским кушбеги в ответ на упрёк Виткевича, что в Россию в качестве послов отправляются невежественные и недостойные люди: «Кушбеги отвечал мне, что каферы, неверные, не достойны лучших послов и что для мусульман было бы предосудительно посылать к нам хороших людей. Оттого-то, возразил я, дела ваши идут так плохо; вы презираете людей, которых презирать не имеете никакого права, кичитесь и чванитесь сами собою и сами за то терпите. У царя нашего под рукой более мусульман, чем во всех ваших ханствах, вместе взятых; но они живут свободно, исповедуют веру свою, равно как и ваши подданные пользуются у нас совершенною свободой. Он засмеялся и находил это всё в порядке вещей; как же неверный может не оказывать правоверному преимущества»[12].

Однако и Османскую империю населяли далеко не только турки-мусульмане, но и христиане, многие из которых воспринимали Россию как оплот восточного христианства. Русский консул в Ване надворный советник С. П. Олферьев осенью 1912 года совершил путешествие по землям несториан в районе современной турецко-иранской границы. Он встретил там крайне приязненное отношение османских подданных-несториан к России: например, вместо «русский царь», они говорили «наш царь», а местные курды, ненавидевшие турок (они называли их словом «пис» — грязный), даже просили его, чтобы русский царь помог образовать там «курманджи бейлик» (курдское княжество) под русским протекторатом[13]. В августе 1897 года упомянутый уже Крымский слышал от одного православного священника в Ливане: «Он у меня справился: «Когда же Россия начнёт войну с Турцией? Ведь двадцать лет от последней войны уж подходит к концу». — «Ну так что же», — спрашиваю я. «Как что же?! Да ведь есть в России закон Петра Великого, даже не закон, а просто завещание (васыйие), по которому русские цари обязаны воевать с Турцией в каждые двадцать лет промежутка»[14].

Таким образом, в турецком языке начиная с установления дипломатических контактов между Москвой и Стамбулом в конце XV века и вплоть до начала XX века по отношению к этническим русским, а потом и ко всем жителям страны употреблялся термин *москов* (москоф). Термин *рус* применялся, по меньшей мере, до XVII века как обозначение населения современных Украины (русины, рутены) и южнорусских степей (часто в этом случае становясь синонимом слова «казак»). С XVIII века в официальных османских документах он стал обозначать население России (Русие), однако в просторечии не заменил термина *москов*. Османский термин *казак* поначалу вполне соответствовал русскому слову, но позже стал обозначением русского вообще, особенно среди этнических турок, то есть в неарабских провинциях империи, и в Крыму. Это объяснялось, видимо, казацкими набегами на территорию Османской империи и Крым и активным участием казаков в русско-турецких войнах.

Примечания

1. Пословицы, поговорки и приметы Крымских татар, собранные г.г. А. А. Боданинским, Мартино и О. Мурасовым/Под. ред. А. Н. Самойловича и П. А. Фалева// ИТУАК. Год 28-й. № 52. Симферополь.1915. С. 55 (№ 476).
2. См. подробнее: Мейер М. С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений//Османская империя. Проблемы внешней политики и *отношений с Россией*. М. 1996.
3. Зайцев И. Цари и падишахи//Родина. 2006. № 12. С. 56–57.
4. Олесницкий А. Первые боевые встречи в XV в. турок-османов с Русью (По архивным материалам Юго-славянской Академии наук в Загребе и Королевского областного музея в Сараеве)//Записки Русского научного института. Белград. 1933. Вып. 9. С. 121–122. См. также: Семёнова Л. Е. Из истории молдавско-польско-турецких отношений конца XV в.//Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М. 1979. С. 48, 50.
5. Le khanat de Crimée dans les archives du *musée du palais de Topkapi. Paris. 1978.* P. 101–103.
6. Veinstein G. Une lettre de Selīm au roi de Pologne Sgismond-Auguste sur la campagne d'Astrakhan de 1569//Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 82. Wien. 1992.
7. Гордлевский В. А. Замечания на «Пословицы крымских татар», изданные П. А. Фалевым. Отд. Оттиск из Записок Восточного отделения РАО. Т. XXV. Пг. 1921. С. 27 [115].
8. Олесницкий А. Песни Крымских турок (Текст, перевод и музыка). М. 1910 (Труды по востоковедению, издаваемые *Лазаревским институтом восточных* языков. Вып. XXXII). С. 60; Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М. 2004. С. 196–197.
9. Самойлович А. Н. Песнь о крымских событиях//ИТУАК. 1913. № 50. С. 93.
10. Зайцев И. Цари и падишахи//Родина. 2006. № 12. С. 56–57.
11. Крымский А. Е. Письма из Ливана (1896–1898). М. 1975. С. 289.
12. Записки о Бухарском ханстве. М. 1983. С. 109.
13. Архив РАН. Ф. 688. Оп. 6. Ед. хр. 18. *Л. 45, 62.*
14. Крымский А. Е. Письма из Ливана (1896–1898). М. 1975.

Альфина **СИБГАТУЛЛИНА**

ДО МЕККИ ЧЕРЕЗ СТАМБУЛ

Из века в век Стамбул считался основным перевалочным пунктом для российских мусульман по пути в священные города Мекку и Медину. Здесь паломники, уставшие от волн Чёрного моря, могли передохнуть, набраться сил для продолжения дальней дороги через пустыни и моря, запастись провизией и водой. Если в Средние века путнику из Поволжья или Мавераннахра, чтобы добраться до Стамбула, нужны были месяцы, то со второй половины XIX столетия достижения технического прогресса (поезда, комфортабельные быстроходные суда) сделали дорогу до Стамбула заметно короче. Появилось несколько маршрутов, ведущих в столицу «мемалик-и Османия» (Османской империи).

Первым направлением стало московское. Поездом через Варшаву и Вену путник мог добраться до Стамбула за шесть дней. Этот маршрут был более удобен для тех, кто боялся морских путешествий. Но билет был довольно дорогой — около 100 рублей.

Второе направление можно определить как севастопольское. Пароход из Севастополя до Стамбула ходил один раз в неделю, находился в пути от 30 часов до двух суток в зависимости от погоды. Но ввиду того, что суда были небольшие и довольно ветхие, в штормовую погоду их сильно качало. К тому же в сезон паломничества пассажиров брали гораздо больше нормы, поэтому маршрут был небезопасным. При этом достать билет на этот пароход было сложно.

Батумское направление было удобно для кавказских мусульман. При благоприятной погоде за 7–8 дней, при плохой за 10–12 суток пароход добирался до Стамбула. Рейсы были частые, а суда большие.

Одесским маршрутом пользовались паломники из Туркестана, Поволжья и Урала. Он был удобен тем, что пароходы ходили 5–6 раз в неделю, добирались до места назначения за 32–34 часа. Суда благодаря крупным размерам и хорошей оснащённости вмещали много пассажиров, и качка почти не чувствовалась.

Основная часть паломников собиралась в Одессе. В начале XX века в городе имелись единственная соборная мечеть и мектебе. Мусульмане проживали в разных частях Одессы, поэтому мусульманского прихода как такового не существовало. Приезжим мусульманам оказывал помощь в делах уважаемый в городе имам Сабирджан Сафаров. «Мусульманской» считалась «Московская гостиница», которую держали касимовские татары. До Одессы паломники из Туркестана добирались по железной дороге до Красноводска, оттуда по Каспию — до Баку и дальше — до Ростова и Одессы. Существовал и другой путь: из Ташкента и Бухары путники ехали на поезде до Тулы, а там пересаживались на поезд до Одессы.

Двери покоев, где хранятся священные мусульманские реликвии.

След от стопы Пророка.

Золотой ларец, в котором хранится плащ Пророка Мухаммеда.
Стамбул. Дворец Топ-Капы.

В Одессе, в консульстве Турции, паломники брали визу туриста с пометкой: «До Мекки через Стамбул». Если по незнанию или ошибке виза выдавалась только до Стамбула, то там паломника ждали неудобства: хождение в посольство России, перевод паспорта на турецкий язык, дополнительные расходы и т. д.[1]

Прибыв на Босфор, пароходы должны были ждать светлого времени суток для прохождения пролива. Но ожидание искупалось сполна: утром пассажирам открывался чудеснейший вид на море и панораму величавого города...

Через час пароход бросал якорь за несколько вёрст до пристани (российские корабли не могли приближаться к самому порту); приплывали специальные лодки и за небольшую сумму путешественников и их груз доставляли прямо к таможне. Полицейские, собрав со всех паспорта, проверяли визы, записывали вновь прибывших в свои тетради, проверяли багаж. Если обнаруживался оптовый товар для продажи или табак больше полфунта — всё это облагалось налогом.

Паломники, благополучно проходившие таможню, устраивались в «ханах» — постоялых дворах, или кервансараях. Самыми чистыми и надёжными считались такие заведения в центре города, как «Ярым хан», «Йолдыз ханы» в районе Махмуд Паша. Если там не было мест, то можно было устроиться в большой гостинице «Шариф

Паша ханы», где всегда были рады гостям, а также в «Адлия ханы» или «Балтачы ханы», которые находились вблизи большого стамбульского базара — Чаршы[2].

Плохой репутацией пользовались такие гостиные дворы, как «Финджанджы ханы», «Тахталы хан» и «Шейх Давуд ханы», куда неопытных паломников приводили сладкозвучные зазывалы. Кроме сырости и холода, там были клопы и вши.

Многие паломники находили в Стамбуле земляков: за годы путешествий в Турцию и арабские страны мусульмане из России приобретали или строили недвижимость в различных районах города, создавали свои землячества, благотворительные общества. Некоторые дома российских подданных в Стамбуле служили общежитиями для бедных шакирдов — студентов, прибывавших из России[3]. Российское государство поддерживало создание таких «йурдов» (приютов) в надежде на то, что таким образом российских мусульман легче будет держать под контролем. Да и влияние «османского фанатизма» на изолированно живущих россиян будет существенно меньше. Так, например, посол России в Османской империи в 1864–1877 годах Н. П. Игнатьев в своём секретном письме в Министерство иностранных дел выражал заинтересованность в строительстве подобного заведения[4].

Существовали здесь и «казанские», «узбекские» текке — суфийские обители, основателями которых были выходцы из Бухары или Поволжья. Они принадлежали в основном к накышбендийскому (иначе — накшбандийскому) тарикату, так как вплоть до начала XX века именно это учение (направление) было наиболее распространено среди тюркоязычных мусульман России. В конце XIX века только в Стамбуле насчитывалось более пятидесяти действующих текке накышбендия[5]. Они считались родным приютом для дервишей и паломников из Средней Азии и Поволжья, любой путник здесь чувствовал себя в безопасности. Именно на пути в хадж российские религиозные деятели знакомились с османскими шейхами, находились с ними в духовном общении — сохбет, получая напутствие — иджазе — распространять суфийское учение у себя на родине. К примеру, в Казанском текке около мечети Нур-Османия в разное время побывали известные духовные лидеры поволжских мусульман Шигабутдин Марджани (1818–1889), Зейнуллах Расули (1833–1917), Мурат Рамзи (1854–1934), Абдуррашид Ибрагим (1857–1944). Накышбендийский ишан Зейнуллах Расули, ярый сторонник ветви муджадидия, во время пребывания в Стамбуле, по дороге в хадж (1869), познакомился с известным шейхом Ахмедом Зыяэддином Гюмюшханеви (1813–1893) и принял от него посвящение в тарикат-и накышбендия-и-халидия, впоследствии широко распространив это учение в Поволжье и на Урале[6].

Паломники находились в Стамбуле как минимум неделю и не теряли времени впустую: вели оживлённую торговлю, посещали интересные для мусульман места. Многие считали своим долгом побывать в зийарат (мавзолеях) «святых», коих было довольно много в городе, а также мечетях Айа-София, Султана Ахмета, Султана Фатиха, Султана Баязида, Нур-Османия, Султана Селима, Валиды Султан, Бишекташ, Топхане, Йылдыз, Йералты джамигы и др. Но прежде всего всем хотелось увидеть реликвии пророка Мухаммеда — (отпечаток стопы, одежду (хирка-и саадет) его и его сподвижников (сахаба-и кирам). Российские хаджи также любили ходить в мечети на пятничные проповеди.

Автор «Путеводителя для хаджиев» с восторгом описывает, как здесь ваизы читают проповеди: «В большинстве мечетей после обеда читают вааз. Обязательно нужно послушать стамбульских ваизов, так как они сильно отличаются от наших российских. Стамбульские ваизы достойны всяческих похвал. Их язык и голос чист и прекрасен, сами они, несомненно, с большим ораторским талантом. Без остановки и задержки дыхания они могут говорить в течение трёх-четырёх часов, при этом изъясняясь на доступном языке, не теряют времени на непонятные для присутствующих арабские выражения. Речь начинают с нескольких аятов, объясняют суть, приводят яркие примеры из повседневной жизни, делают заключение после каждой важной мысли. Даже те люди с каменными сердцами, которые никогда не плакали, при их ваазе заливаются горькими слезами. Люди, не познавшие радости, вдруг начинают во время их вааза обретать чувство блаженства и счастья»[7].

Религиозные деятели с передовыми взглядами ходили в библиотеки Айа-София, Баязид (Хамидия), Фатих, в Музей восковых фигур янычаров, в чудесный сад Султана Абдулхамита, где было много бассейнов, озёр, лодок и автомобилей[8]. Для купцов же настоящим музеем представал «Чаршы кябир», большой базар, где продавалась всякая всячина, в том числе антиквариат, золото, серебро. Бывалые путешественники и паломники знали, что самый надёжный банк в Стамбуле — это «Банка-и Османия», ближайшее отделение которого находилось в районе Галата.

Для телесного омовения и очищения перед дальней дорогой паломники посещали турецкие бани «хаммамы», которые сильно отличались от российских парных. В диковинку были и деревянные башмаки, и мраморные столы, и даже сами банщики-массажисты…

В поисках духовной пищи некоторые путешественники забредали в обители малоизвестных для них суфийских братств: «крутящихся дервишей» — мевлевия, «воюющих дервишей» — рифаия, в текке бекташиа, где с интересом наблюдали необычные ритуальные действа.

Стамбул представал паломникам таким великим и красочным, что для его осмотра не хватало и нескольких недель. Но пора было двигаться дальше. Маршрутов в сторону Мекки и Медины из Стамбула было три: через Бейрут и Яффу — по железной дороге Хиджаз прямо до Медины; суэцким направлением — на пароходе до Йанбаг и Джидды и по железной дороге — через Египет.

Третий маршрут был удобен для тех, кто ещё в Одессе покупал билет на пароход до Искандарии. С ним паломник мог задержаться в Стамбуле сколько угодно, а потом сесть на любой российский пароход до этого пункта. Выбравшие египетское направление покупали билет в Стамбуле на почтовый пароход. По дороге путешественники знакомились и с другими городами Османской империи — Галиболу, Чанаккале, Измиром. При хорошей погоде через пять суток их ждал Египет; далее они двигались по железной дороге до Суэца, а оттуда на пароходе до Джидды.

Впереди путников ждало ещё много интересного. Некоторые из них вели дневники, а приехав домой, оформляли их в виде «хаджнаме», «саяхатнаме», то есть путевых записок. Эти произведения интересны не только для литературоведов, но и для историков, ведь зачастую их авторы давали объективную картину жизни и быта народов России, Турции, Египта и Аравии.

…На обратной дороге российских паломников, уже ставших настоящими хаджиями, снова встречал Стамбул — «вечный город» со своей экзотикой, шумом, многоголосьем и памятниками прошлого, коих нельзя осмотреть и за месяцы…

Примечания

1. Кроме всякого рода природных, материальных, физических, технических неурядиц и неудобств, в пути паломников со всех сторон окружали ещё различные аферисты и мошенники.
В целях защиты паломников от поборов и обмана в Казани в 1909 г. была издана даже специальная брошюра (автор Гали Риза) «Путеводитель для хаджиев» с указанием курса валют, цен за места в гостиницах, билетов на поезда и пароходы, виз, таможенных сборов, различных штрафов и т. д.
2. Жизнь Стамбула того периода со всей пестротой и в мелочах можно ощутить по многотомной «Энциклопедии Стамбула». См.: R.E. Koçu. Istanbul ansiklopedisi. Istanbul. 1959.
3. См.: Истанбулда Русия шэкертлэренен, ж,эмгыяте//Эл-Ислах. 1909. № 63. Б. 3.
4. Копия с Секретного отношения Н. П. Игнатьева к товарищу министра иностранных дел. 21.11.1874 г.//Эхо веков. 2002. № 1/2. С. 83–84.
5. См.: Ahmed Mühib Bandırmalızade. Mecmua-i tekaya. — İstanbul, 1980; Mustafa Kara. Din, hayat, sanat açısından tekkeler ve zaviyeler. — Istanbul, Dergah yayınları. 1980. II baskı. S. 424–435.
6. Шэех Зэйнулла хэзрэтлэренен, тэрж,емэи хеле. Оренбург: «Вакыт» газетасы типографиясе. 1917. Б. 9.
7. Гали Риза. Указ. соч. Б. 58.
8. Известно, что в 1880 г. Шигабутдин Марджани подарил библиотеке «Хамидия» экземпляры собственных книг. См.: Мэрж,ани. Казан: 1915; Шиһабетдин Мэрж,ани. Элмэт: «Рухият». 1998. Б. 124, 56.

Александра **МАТВЕЕВА**

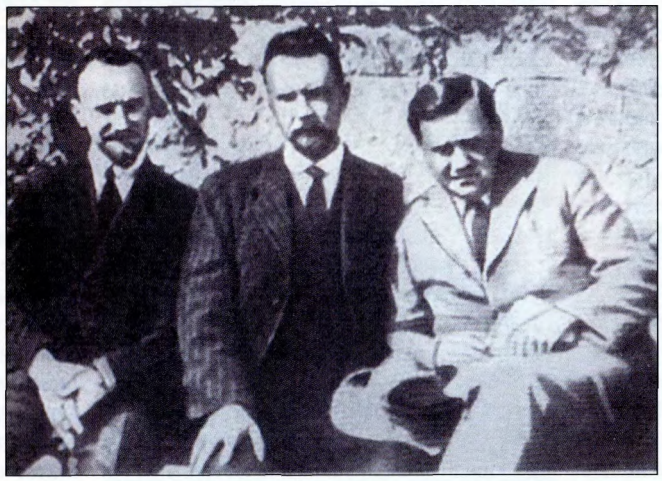
ЕВРАЗИЕЦ ЗДРАВОГО СМЫСЛА

Пётр Савицкий и его Россия

Популярность в современной России евразийских идей вызвана «геополитическим бумом», начавшимся после развала Советского Союза. Поиски стратегии восстановления великой державы привели многих исследователей к анализу событий 1917–1922 годов: особую ценность стали представлять геополитические теории того времени, обосновывавшие интеграционные процессы.

Пожалуй, самой разработанной и систематизированной из них являлась концепция России — Евразии известного российского геополитика Петра Николаевича Савицкого (1895–1968). Центральный компонент евразийской концепции — учение о России–Евразии — был сформирован Савицким ещё в годы Гражданской войны. Первые же опыты геополитического анализа были представлены в его дореволюционных работах[1]. Они были посвящены изучению феномена империй и Российской империи в особенности. В этих работах Савицкий выделил уникальные особенности России, вытекающие из её географического положения, и относил их к особому типу империализма — «континентально-сухопутному», основанному на «хозяйственном равноправии, равном объединении наций»[2]. Этот феномен качественно отличал Российское государство от «колониально-экономических» империализмов, к которым Савицкий причислял все империи, ориентированные на заморскую экспансию, при которой происходит «империализация земель, а не народов»[3].

Савицкий подчёркивал: «В отношении к Российской империи решительно неприменима та экономическая структура, которая вырабатывалась в колониальных империях, созданных западными державами, например империи Британской, где метрополия сосредоточила в себе огромную мощь и всесторонность обрабатывающей промышленности и хозяйственно, в той или иной форме, властвует над колониями. *В России, по естественным условиям, промышленность должна быть как бы рассеяна по всему лицу империи»* (здесь и далее курсив автора. — *А. М.*)[4]. Это указывало на особенное географическое свойство Российской империи — цельность сплошного континентального пространства. Савицкий не признавал деления территории России на Уральскую и Зауральскую части[5].



Лидеры евразийства П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский.

Здесь прослеживается влияние концепции знаменитого историка-слависта В. И. Ламанского, которого позже евразийцы провозгласят одним из своих идейных предтеч. «Невысокий» и «ненепрерывный» Урал, по его мнению, не мог претендовать на статус «грани материка», тем более по сравнению с горными хребтами Северного Китая или Гиндукуша в Средней Азии[6]. Аналогичные суждения высказывал и другой эпигон позднего славянофильства Н. Я. Данилевский в известной работе «Россия и Европа» (1871). Сказалось также и влияние формулировок «географической цельности» России в «Заветных мыслях» (1903) и «К познанию России» (1897) Д. И. Менделеева, которого впоследствии Савицкий назовёт «евразийцем здравого смысла»[7]. Впоследствии свойство географического единства территории России в его геополитической концепции будет увязано с идеей «исторической необходимости» обеспечения цельности её имперского пространства.

В годы Гражданской войны Савицкий продолжил исследовать свойства пространства уже бывшей империи. Этот сложный период в одном из писем своему учителю П. Б. Струве Пётр Николаевич охарактеризовал так: «Сатанинская, но захватывающая наша современность»[8]. Понимая, что «России, которая была, уже нет», не приемля революции, ненавидя большевиков, Савицкий не собирался уезжать из страны, «не прикоснувшись и не узнав, будет ли Россия и какова она будет»[9]. Сначала он отправился на Украину, свою малую родину, где «силою слова и оружия» защищал черниговский хутор от «большевистских банд». Вступил в Добровольческую армию А. И. Деникина. Затем «видел немецкий режим, сражался «как нижний чин» в рядах Русского корпуса, отстаивавшего Киев от Петлюры, пережил падение Киева и вместе с отцом не то уехал, не то бежал из него, видел и касался французов в Одессе и дождался «славного» конца occupation française»[10]. Позже скитался по разным городам Юга.

Служил начальником экономического отделения в Управлении внешних сношений правительства генерала Деникина. В 1919–1920 годах находился в заграничных командировках в качестве представителя администрации Деникина в Париже. В правительстве барона П. Н. Врангеля был помощником начальника отдела Управления иностранных сношений Струве, далее — начальником экономического отделения Управления иностранных дел при Главнокомандующем ВСЮР[11], помощником уполномоченного по устройству русских беженцев при Временном комитете Всероссийского Земского Союза.

Оказавшись в гуще динамичных событий, постоянно изменяющихся перспектив для будущей России, Савицкий постоянно размышлял над историко-философской проблемой геополитического будущего

России. Это нашло отражение в его переписке со Струве, своими родственниками, но системно было изложено в его работе 1919 года «Очерки международных отношений». Проанализировав её, можно утверждать, что к этому времени у Савицкого имелся целостный, концептуальный взгляд на события революции и Гражданской войны.

Савицкий рассматривал революцию как проявление «гражданской смуты», ведущей к «погибели национальной силы»: «Она означает полный национальный разброд, отсутствие власти и распадение государства на множество грызущихся между собой территориальных единиц и партий, настоящих злых шавок государственной действительности»[12].

В Гражданской же войне через борьбу «двух великих полюсов» «живой силы былой Российской Империи» проявляется созидательное начало: «И разве мы не замечаем, как постепенно исчезают с исторической арены шавки Российской революции, непримиримые белорусские и украинские «самостийности», сепаратизмы a la Одесский сепаратизм господ Андро и Рутенберга и ублюдочные образования вроде Уфимской Директории»[13].

Рассматривая феномен «идейных» гражданских войн в мировой истории, Савицкий пришёл к выводу, что они «предуказывают» великую историческую судьбу народа. Например, после гражданских войн времён О. Кромвеля Британия установила мировое океаническое господство; после гражданской войны США превратились в одну из сильнейших мировых держав и т. д. Пётр Николаевич был уверен, что из катаклизма Гражданской войны при любом её исходе Россия вынесет свою «воинственность»: «А раз это так, то едва ли можно думать, чтобы открывающаяся перед нами перспектива была перспективой политического унижения России»[14]. «Воинственность», или «воинская сила», по мнению Савицкого, является основой государственности.

Критикуя решения Парижской мирной конференции, выбросившей Россию за борт с корабля мировых держав, он пророчески заметил, что страны — участники этого «международного судилища» — «горестно ошибутся в своих ожиданиях и в исторической перспективе уготовят себе несколько смешное положение»[15]. По его убеждению, России присуще такое историческое свойство государственности, как великодержавность, существо которого заключается в том, что государства остаются великодержавными «при всех поворотах своей истории»[16]. А это означало, что центростремительные силы снова проявятся в государственном организме и возродят империю. Победит ли в России национальный лагерь Колчака и Деникина с лозунгом Единой Великой России или же большевики, геополитический итог будет тот же самый — собирание пространства России–Евразии.

Ещё в письме к Струве от 2/15 марта 1919 года Савицкий впервые употребил термин «Евразия» применительно к пространству бывшей Российской империи: «За политическое же величие России я ни капельки не боюсь: не мытьём, так катаньем, не добровольцам, так большевикам, а Россия останется властителем во всём круге наших «евразийских» земель, а может быть, и не только в нём, и никакие самостийности, в том числе и финляндско-польские, в исторической перспективе не изменят этого положения»[17].

Позднее, уже в эмиграции, Савицкий писал: «Евразийская концепция знаменует собою решительный отказ от культурно-исторического «европоцентризма»; отказ, проистекающий не из каких-либо эмоциональных переживаний, но из определённых научных и философских предпосылок... Одна из последних есть отрицанье универсалистского восприятия культуры, которое господствует в новейших «европейских» понятиях. Именно это универсалистское восприятие побуждает европейцев огульно квалифицировать одни народы как «культурные», а другие как «не-культурные»... Следует признать, что в культурной эволюции мира мы встречаемся с «культурными» или «культурами» — одни из которых достигали большего, другие — меньшего. Но точно определить, чего достигла каждая культурная среда, возможно только при помощи расчленённого по отраслям рассмотрения культуры. Культурная среда, низко стоящая в одних отраслях культуры, может оказаться, и сплошь и рядом оказывается, высоко стоящей в отраслях других»[18].

Ещё в 1919 году Савицкий замечал, что «воинствующий интернационализм российской советской власти перерождается и неизбежно должен переродиться в воинствующий российский империализм»[19]. Эта позиция была принципиальной. Позже, в другом письме к Струве от 21 января/4 февраля 1920 года, он подчёркивал, что категорически не согласен с убеждениями некоторых представителей антибольшевистского движения вроде барона Нольде и Бориса Савинкова, считавших, что большевики могут пойти на заключение мира с Антантой, «симпатизирующей расчленению России», и тогда «Совдепия войдёт скромным сочленом в мировое сообщество, как, например, Абиссиния или Персия»[20]. Он видел, что, как только советской власти перестал угрожать «бронированный кулак» Германской империи, она стала воссоединять Белоруссию, Украину, Прибалтийские страны. Более того, Савицкий считал, что «если бы Советская власть одолела Колчака и Деникина, то она «воссоединила» бы всё пространство бывшей Российской империи и, весьма вероятно, в своих завоеваниях перешла бы прежние её границы»[21]. Получалось, что пространство «метафизически» само моделирует свою политику, стремясь к своеобразному внешнеполитическому термидору.

Шанс победить у большевиков, как бы это ни было больно признавать Савицкому, был большой, поскольку у них был перевес в организационном отношении. Он писал Струве: «Насколько добровольцы превосходят большевиков воинской своей доблестью — настолько же большевики превосходят добровольцев в творчестве по части гражданского управления вообще и финансовой «решительности» в частности. Имея за собой все преимущества разума, навыков и современных крестьянских настроений, Добровольческая власть даже приступить не может к разрешению такого вопроса, как аграрный, отданная в узы сохранения безусловного status quo и связанная неправильным пониманием права собственности для её политиков, perpetuel et absolu»[22].

Савицкий не мог не замечать и последствия «мелкого» хозяйничанья интервентов, и «отсутствие воли» у правительства Деникина в «борьбе с советской валютой». Всё это порождало и подогревало социалистические настроения среди интеллигенции Юга. «Стихийное «полевение» приходится наблюдать даже в тех кругах, где его никак нельзя было ожидать. Кто только не изображает теперь собой пророка грядущей всемирной, социалистической революции?!» — негодовал он в письме к «Наставнику» от 2 марта 1919 года[23]. Наблюдая эти процессы, и сам Пётр Николаевич потерял веру в возрождение России силами Добровольческой армии[24]. Поэтому он чаще писал о возможностях победы красных.

Савицкий был уверен, что в случае победы большевиков сила «праведников» Белого дела перейдёт, «как сила умирающего богатыря в русской былине — к их победоносному врагу. Красный факел запылает в Европе и Азии, и безумием масс, как и безумием раскалённых национализмом не только малых, но и больших наций (Германия!), не будет ли сопротивление сломлено на многих участках»[25]. Несмотря на свою ненависть к «большевистской тирании», он отмечал: «Цепи» большевист-

ских полков идут в атаку, как шли «цепи» под Эрзерумом»[26]. Эта идея-намёк на историческую связь между Советской Россией и Россией имперской, прозвучавшая из уст сторонника Белого движения, чтившего «святые имена Каледина и Корнилова», в 1920 году[27] отражала стремление к объективному научному анализу событий после 1917-го.

Не менее важен и другой момент. Подход Савицкого к анализу имперского пространства как некого живого организма, к изучению государства как процесса в его истории был характерен для классической западной геополитики. Принципы географического детерминизма (географической обусловленности политической жизни) и органицизм или органические теории империй (представление о государстве-организме, «жизненном пространстве» у К. Хаусхофера или «Большом пространстве» у К. Шмидта.) особенно активно разрабатывались немецкой школой геополитики, начиная с работ её основоположника Ф. Ратцеля (конца XIX — начала XX века). С произведениями этого автора Савицкий был знаком[28]. Но говорить о каких-либо заимствованиях представляется лишённым оснований.

Принципиальное значение в теории России–Евразии играло уникальное геополитическое обоснование неизбежности термидора в Советской России, а потом и в СССР. Организующая сила пространства, по мнению Савицкого, определяет хозяйственное развитие, а политические силы как бы надстраиваются или перестраиваются в соответствии с его (пространства) «исторической необходимостью». Преемственность внешнеполитических форм Российской империи обусловливала и преемственность внутриполитической и экономической форм её организации. Таким образом, прогнозировался возврат к принципам хозяйственно-экономической жизни страны, воплощённым в столыпинской России. Эти принципы рассматривались как «евразийские», то есть как наиболее подходящие для поддержания жизни империи в пределах её границ.

Пётр Николаевич считал, что одной из исторически необходимых потребностей державного организма России является создание крепкого собственника[29]. Отсюда делался вывод, что в случае победы приверженцев «историко-индивидуалистического» пути развития будет идти процесс признания и реформирования собственности; в случае же прихода к власти проводников «абстрактно-коллективистской» линии результат будет такой же: от «ненависти к собственности» к её признанию. Савицкий был уверен, что большевики, в случае их победы, неизбежно придут к осознанию этой внутренней геополитической данности и признают имущественные права среднего собственнического крестьянства. Начала такой эволюции он просматривал уже в 1919 году в «заискивающих фразах Ленина о крестьянах-середняках»[30].

Убеждённость в наступлении термидора была у Савицкого и после окончания Гражданской войны. В статье «Экономические планы большевиков в оценке буржуазного сознания» (Прага, февраль 1922 года), которая не была опубликована из-за резких возражений Струве, Савицкий утверждал, что «если большевикам суждены хозяйственные успехи, если экономическая жизнь России действительно начнёт восстанавливаться при них, это значит, что, сознательно или несознательно, на практике они отказываются от тех хозяйственных принципов, во имя которых они первоначально выступили, и прибегают к началам, формулированным «вульгарными», «буржуазными» экономистами: к различению хозяйствующих трудящихся-субъектов по степени их личной хозяйственной годности, к установлению связи между хозяйственной деятельностью индивида и её результатом, связи, которая находит своё завершение в институте собственности»[31].

Даже в 1930-х годах уверенность в восстановлении столыпинского «хозяинодержавия» не ослабевала. Например, в 1935 году Савицкий заявлял, что интересы колхозников всё равно будут «стихийно устремляться в сторону хотя бы и карликового, но «индивидуального», «приусадебного» хозяйства»[32].

***

После разгрома Белого движения вместе с остатками врангелевской армии Савицкий оказался в эмиграции. Его дальнейшая жизнь напоминала судьбы многих наших соотечественников, оказавшихся на чужбине: Галлиполи (Турция) — Болгария — Прага (Чехословакия). После окончания Второй мировой войны, 21 мая 1945 года, Савицкий, как и многие другие русские эмигранты, был задержан «Смершем» в Праге «с целью выяснения личности»[33] и вскоре доставлен в Москву. В ходе следствия он подробно рассказал об истории возникновения и становления евразийства, его организаторах и активных участниках.

Следствие длилось недолго. По решению Особого совещания при НКВД от 20 октября 1945 года «за принадлежность к контрреволюционной организации»[34] Савицкий был заключён в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Отбывая заключение в Темлаге МВД СССР, 5 января 1947 года он направил письмо Сталину с раскаянием и просьбой о помиловании: «Славянская идея слилась теперь с прогрессивной идеей человечества. Не могу и выразить с достаточной яркостью всю свою жажду служить ей, служить Родине, под верховным Вашим руководством. К этой мечте свелась вся моя жизнь, и свелась не теперь, а тогда, когда 15 лет тому назад, перед лицом японской угрозы я почувствовал кровную связь со всей Советской Родиной, когда я болел её болями в первые месяцы Великой Отечественной войны, когда в марте–апреле 1945 года я оставался в Праге и не ехал на Запад»[35]. Однако просьба осталась без ответа...

По отбытии срока наказания Савицкий вернулся в Чехословакию.

Примечания

1. Савицкий П. Н. Борьба за империю (империализм в политике и экономике)//Русская мысль. М.; Пг. 1915. № 1 и 2; К вопросу о развитии производительных сил//Русская мысль. 1916. № 3; Проблема промышленности в хозяйстве имперской России// Русская мысль. 1916. № 11.
2. Савицкий П. Н. Борьба за империю. № 2. С. 73.
3. Там же. С. 72.
4. Савицкий П. Н. К вопросу о развитии производительных сил. С. 44.
5. Савицкий П.Н. Борьба за империю. № 2. С. 74.
6. Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. Пг. 1916. С. 17; Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе. СПб. 1871. С. 42.
7. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 334. Л. 65.
8. Письма Савицкого Петра Николаевича Струве Петру Бернгардовичу 1919–1924 гг. (Письмо от 2/15 марта 1919 г.)// ГА РФ. Ф. П. Б. Струве 5912. Оп. 2. Д. 100. Л. 7.
9. Письма П. Н. Савицкого, адресованные «Начальнику и Другу» с изложением политических убеждений за 1920 год//ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 323. Л. 1.
10. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 323. Л. 2.
11. ВСЮР — Вооружённые силы Юга России.
12. Савицкий П. Н. Очерки международных отношений// П. Н. Савицкий. Континент Евразия. М. 1997. С. 388–389.
13. Там же. С. 389.
14. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 323. Л. 4.
15. Савицкий П. Н. Очерки международных отношений. С. 384.
16. Там же. С. 390.
17. Письма Савицкого Петра Николаевича Струве Петру Бернгардовичу 1919–1924 гг.// ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 100. Л. 16.
18. Савицкий П. Н. Евразийство// Евразийский временник. Кн. IV. Берлин. 1925. С. 12.
19. Савицкий П. Н. Очерки международных отношений. С. 387.
20. ГА РФ. Ф. 5783. Оп.1. Д. 323. Л. 2–3.
21. Савицкий П. Н. Очерки международных отношений. С. 390.
22. ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 100. Л. 12–13.
23. Там же. Л. 2.
24. Там же. Л. 4.
25. Там же. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 323. Л. 6.
26. Там же Л. 4.
27. То есть ещё до поражения Врангеля.
28. Соколов Д. В. Эволюция немецкой геополитики// Геополитика: теория и практика. М. 1993. С. 126; Гаджиев К. С. Геополитика. М. 1997. С. 9–10; Тихонравов Ю. В. Геополитика. М. 2000. С. 235; ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 333. Л. 19.
29. Савицкий П. Н. Очерки международных отношений. С. 391.
30. Там же.
31. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 188. Л. 3.
32. Там же. Д. 144. Л. 80.
33. ЦА ФСБ России. Д. Р-39592. Л. 1.
34. Там же. Л. 122.
35. Там же. Л. 129 об.

ДРАМА ИСТОРИИ

Борис ***МОРОЗОВ,***
доктор исторических наук

БРИЛЛИАНТЫ КОМИССАРА ФЕНТЕКЛЮЗА

Как Горный департамент переезжал из Петрограда в Москву

80 лет тому назад, в марте 1918 года, советское правительство переезжало из Петрограда в Москву. В сущности, это было бегство из города — «колыбели революции», где большевики чувствовали себя неуверенно. Они боялись и близости германских войск, хотя «похабный», по словам Ленина, Брестский мир был уже заключён, и своих же «коллег» — левых эсеров, сначала вошедших в правительство, но затем покинувших Совнарком в знак протеста против пораженческого мира с немцами. Рабочие Петрограда при первых слухах об эвакуации правительства стали выражать недовольство. Железнодорожники, объединённые в независимый и враждебный большевикам профсоюз — Викжель, могли попросту не пропустить правительственные поезда. Поэтому переезд-эвакуация готовился в обстановке строжайшей секретности.

Как писал впоследствии в своих воспоминаниях управляющий делами СНК Владимир Бонч-Бруевич, он и его особо доверенные помощники готовили для переезда в Москву, кроме двух легальных поездов для отвода глаз, один секретный, на котором и ехал Ленин (как приехали лидеры большевиков в Петроград в пломбированном вагоне, так и уезжали: без электричества, в полной темноте, на станциях выходить всем было запрещено)[1].

Кроме высшего руководства, в Москву переезжали и аппараты ряда старых ведомств, продолжавших функционировать при новой власти. Для них это был окончательный разрыв со старыми традициями, потеря приспособленных для работы помещений, библиотек, архивов. Большинство квалифицированных сотрудников остались в Питере. В Москве начиналась новая эпоха советской бюрократии.

Одним из таких ведомств был Горный департамент, сохранявший пока старое название, но перешедший из ведения Наркомата (бывшего министерства) торговли и промышленности в подчинение Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Горный департамент, восходящий к основанной Петром Великим Берг-коллегии, фактически ведал всеми минеральными ресурсами страны, управлял казёнными горными и металлургическими заводами, контролировал частные предприятия. До 1905 года, входя в состав Министерства финансов, он поддерживал золотые и серебряные запасы страны, обеспечивавшие стабильность рубля. Служащие Горного ведомства (до 1867 года полувоенного) всегда были одними из самых образованных и высокооплачиваемых чиновников: ранее служба в корпусе горных инженеров приравнивалась к службе в гвардии. Во время Первой мировой войны разработка природных ресурсов стала стратегически важной отраслью. Департаменту пришлось тесно взаимодействовать с научными и общественными организациями, помогавшими фронту.

М. Н. Воробьёв. Вид на Неву от Горного института. 1830-е гг.

В годы войны обстановка в царских министерствах во многом изменилась и совсем не походила на ту, которую мы представляем себе из классической художественной литературы XIX века. Работа интенсифицировалась, требовалось всё больше сотрудников, число чиновников пополнилось представителями разных сословий. В департаментах, в том числе в Горном, появились женщины, которые на правах вольнонаёмных служащих работали секретарями, машинистками, телефонистками.

Февральская революция 1917 года, очевидно, во многом отразила эти естественные процессы. Октябрьский переворот привёл к власти в центре и на местах людей во многом случайных, часто некомпетентных, а порой и преступных.

В фонде ВСНХ, находящемся в ГА РФ, сохранилось большое дело 1918 года о расследовании хищений в бывшем Горном департаменте[2]. Именно там отложились уникальные материалы марта 1918-го, связанные с переездом сотрудников и имущества департамента в Москву.

Первое, что бросается в глаза: Горный департамент, получив приказ о переезде, должен был организовать его самостоятельно. Главная проблема была — пе-

ревезти имущество на вокзал и обеспечить его ночную охрану до погрузки на поезд. Служащие департамента должны были сами искать в городе грузовики, извозчиков, грузчиков, договариваться о цене, расплачиваться за всё личными деньгами (сохранённые в следственном деле квитанции и расписки дают редкую информацию о ценах этого времени: например, одна поездка ломовой лошади стоила 100 рублей). Неясна судьба трёх легковых автомобилей и грузовика, принадлежавших самому департаменту. Есть документ с просьбой выделить для них три специальные платформы, но дальше они нигде не упоминаются.

Большевики не дали своих красногвардейцев для помощи в сохранении ценного груза, а ведь среди имущества департамента были редчайшие образцы горных пород, драгоценные камни, золото, платина. Были наняты какие-то солдаты, которые за определённые суммы согласились дежурить ночью на вокзале. (Как пишет Бонч-Бруевич, его единственной надёжной вооружённой силой стала команда латышей: только они с помощью пулемётов смогли защитить поезд Ленина от ставшего у него на пути эшелона с матросами-дезертирами.)

Впоследствии, давая показания, служащие департамента подчёркивали, что эвакуация происходила в обстановке полной неразберихи, сам приказ об её начале то отдавался, то отменялся: как мы теперь знаем, это Бонч-Бруевич «путал» своих врагов.

Чем же было вызвано это расследование и к каким результатам оно привело? Главное подозреваемое в хищениях лицо — новый советский заведующий хозяйственной частью департамента, некий Иван Михайлович Смирнов. В первых документах следствия, начавшегося в Москве в апреле 1918-го, описывается странный процесс получения Смирновым накануне переезда двух ящиков от комиссара Богословского горнозаводского округа инженера Фентеклюза. Фентеклюз предполагал, что в этих ящиках золото, но, когда он вскрыл их вместе со Смирновым, в них оказались пакетики с чёрными бриллиантами (их называли «карбонатами») и белыми алмазами («алмасами» или «баласами»). Затем Смирнов удалился в свою «кассовую комнату», где произвёл подсчёты содержимого пакетов с «третьим лицом», неизвестным инженеру Фентеклюзу, а затем вернулся и выдал ему расписку странного содержания. В своих показаниях инженер утверждал, что сразу обратил внимание на двусмысленность расписки, из которой было неясно, кто у кого принял бриллианты и алмазы, но, когда он указал на это Смирнову, тот категорически отверг все сомнения и вынудил Фентеклюза принять расписку. Когда же допросили то лицо, с которым Смирнов считал драгоценные камни (им оказался инженер Беляев), тот утверждал, будто Смирнов говорил ему, что он не принимает, а сдаёт ценности комиссару Богословского горнозаводского округа.

Эти и другие показания ответственных сотрудников департамента, видевших, как Смирнов получает золото и платину, кладёт их в сейфы, а затем упаковывает якобы для отправки в Москву или сдачи в Госбанк, что не подтверждалось никакими документами, потребовали провести широкое расследование всей хозяйственной деятельности департамента с начала 1918 года. Но оказалось, что сам советский завхоз не собирался переезжать в Москву и с конца марта не появлялся в здании бывшего департамента на Университетской набережной, где он не только работал, но и занимал казённую квартиру. Перед своим исчезновением, уже формально отстранённый от дел, Смирнов сказал, что вообще «никакого имущества бывшего Горного департамента не принимал, а потому не считает обязанным его сдавать». На выданные ему 20 тысяч рублей на эвакуацию не было обнаружено никаких оправдательных документов. В Петроград из Москвы была отправлена телеграмма о подключении ВЧК для его розыска. Удалось ли чекистам найти беглого завхоза,

Промывка золота «старателями» в Сибири.

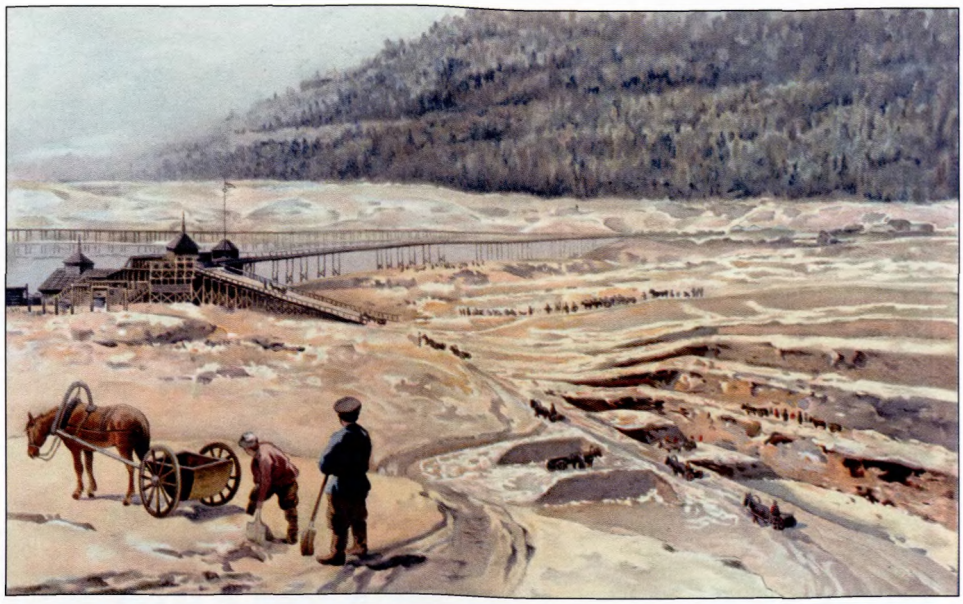
из документов, отложившихся в фонде ВСНХ, неясно. Но ведомственное расследование продолжалось ещё долго, по крайней мере до конца августа 1918 года. В его материалах можно найти много подробностей как о личности самого злополучного Смирнова, так и об изменениях в стиле работы Горного ведомства после революции.

Вот показания одного из немногих оставшихся старых служащих Горного департамента — Александра Сергеевича Веселаго, представителя известной дворянской фамилии, очевидно, дальнего родственника крупного историка, генерала и академика Ф. Ф. Веселаго. Он служил в департаменте с 1908 года, затем был мобилизован на войну и вернулся в департамент в феврале 1918-го. «До августа 1915 года (время, когда Веселаго был призван в армию) карбонаты и алмазы, золото и платина, поступавшие в Горный департамент, принимались экзекутором при особой комиссии, состоящей обыкновенно из представителей инспекторского отделения и вахтёра, запирались в несгораемый сундук. Они хранились в нём под ответственность экзекутора. Выемка производилась по особым распоряжениям и ордерам с соблюдением формальностей, под расписки, которые регистрировались... По поступлению вновь в феврале 1918 года на службу в Горный департамент я нашёл в нём полный хаос. Из старых чиновников остался один... Остальные служащие были, кроме курьеров, люди новые, абсолютно незнакомые с делами Горного департамента. Бумаги составлялись неумело, оставались часто без исполнения. Новые служащие окружили всё какой-то таинственностью, почти по каждому делу отказывались незнанием и отсылали к начальству (перечислены фамилии. — *Б. М.*). Приказы этих лиц исполнялись очень небрежно, особенно относительно денег. Выдача денег задерживалась, деньги казённые хранились не в сундуках, а в карманах служащих...

...Смирнов деньги носил в своём кармане и неохотно с ними расставался, когда приходилось выдавать жалование, почему при его выдаче постоянно происходили недоразумения и даже скандалы...»

Далее Веселаго утверждал, что видел, как Смирнов давал «карбонаты» «неизвестному лицу» без всякой расписки, а также передавал неизвестному же лицу 50 тысяч рублей. Завхоз открыто рассказывал про свои кутежи, говорил, что «прожил много денег», что только «одна девица стоила ему более 500 рублей».

Как же мог попасть такой человек на ответственную должность? Первый советский заведующий Горным департаментом Н. С. Филиппов рассказал следствию, что Смирнов был назначен вместе с ним непосредственно народным комиссаром торговли и промышленности Александром Шляпниковым (1885–1937), но «производил впечатление человека, едва ли получившего среднее образование». Из показаний других сотрудников перед нами предстает личность авантюриста: одним Смирнов говорил, что окончил университет, другим — коммерческий институт, рассказывал, что якобы служил в частных банках, откровенничал, что играл на бирже. Но, когда его первоначально хотели назначить бухгалтером департамента, оказалось, что это просто невозможно «ввиду его малограмотности». Все подтверждали, что Смирнов постоянно хвастался, что ему покровительствуют «сильные мира сего».



На приисках в Сибири.

Более достоверно о личности Смирнова рассказал комиссар Дейчман, который жил вместе с ним в одной казённой квартире в здании департамента. Ему Смирнов говорил, что он бывший вольноопределяющийся солдат-топограф, но отец его — врач, один брат — архитектор, а другой — капитан. Любознательный Дейчман подсмотрел документы Смирнова, и интеллигентные родственники оказались очередной легендой: по документам он происходил из крестьян Бежецкого уезда Тверской губернии. Покровительство Шляпникова, известного в это время революционного деятеля, но в дальнейшем оппозиционера и «врага народа», Смирнов объяснил комиссару тем, что сидел с ним в тюрьме, но о подробностях этого примечательного факта Дейчман не рассказал. Возможно, завхоз не стал сочинять о своих «революционных заслугах», а уголовное прошлое не стали ворошить: и так ясны были его наклонности.

В рассказе Дейчмана дан яркий портрет новоявленного советского чиновника: «В департамент Смирнов пришёл с пустыми руками, а в феврале–марте я видел у него дорогие золотые часы с браслетом — стоят, по-моему, 1500 рублей, платиновое кольцо с крупным брильянтом — стоит 2000 рублей, новые костюмы и пальто. Про часы говорил, что подарила невеста (!). Обедал в дорогих ресторанах... по-видимому, был большой бабник. Водил в свою комнату машинистку. Ездил на авто с бухгалтершей Урало-Сибирской секции Высотской, хвалился, что живёт с ней. Они вместе вели особую учётную книгу Урало-Сибирской секции, куда записывали приход денег и ценностей...» (при допросе Высотская всё это отрицала).

Смирнов с Дейчманом заняли в Горном департаменте казённую квартиру № 10, прежний жилец которой был как раз предшественник красного завхоза — департаментский экзекутор, казначей, смотритель дома и заведующий хозяйственной частью и экспедицией Иван Яковлевич Аптекин. Из его показаний, записанных в Петрограде в конце мая 1918-го, перед нами предстаёт человек иных нравственных правил, поставленный историческими событиями на склоне лет в весьма тяжёлое положение. Аптекин (судя по фамилии, выходец из среды разночинцев) служил в департаменте 40 лет, а в последней должности — 25. Он ещё более подробно, чем Веселаго, рассказал о порядке хранения и учёта золота и платины в Горном департаменте, подчеркнул, что эти ценности «имели не только материальное, но и научное значение». Он полностью сдал содержащие их три сундука со всей документацией Смирнову, причём ходил на службу с ноября 1917 года до конца ян-

варя 1918-го, сдавая дела и не получая за это время ни копейки жалования. Как всё это противоречит прописанным в советских учебниках страшилкам о массовом саботаже чиновников!

Уволенный из департамента Аптекин потерял и жильё. Хорошо ещё, что ему разрешили вывезти из казённой квартиры личные вещи. Смирнов даже милостиво решил заплатить старику за остающиеся в квартире люстры и бра 470 рублей — сумму по тем временам не слишком большую, тем более что проблем у завхоза с деньгами не было. В дальнейшем Смирнов с Дейчманом, обставляя квартиру, велели сторожам переносить в неё казённую мебель и другие вещи из помещений департамента. Притащили даже два бюста — Петра I (из зала Совета) и Пушкина (из кабинета вице-директора, очевидно, ему лично принадлежавший). Об этом сказано в показаниях вахтёра. Дейчман же, оправдываясь, валил всё на Смирнова: якобы тот говорил, что всю обстановку квартиры он приобрёл у прежнего жильца.

Аптекин очень помог следствию. Он восстановил общие передаточные ведомости имущества департамента. Мало того, он извинялся перед новой властью в своей докладной записке (будучи уже безработным!), что «сдаточные описи составлены не так аккуратно» из-за «нервного потрясения». Потрясением для старого служаки были «наветы курьеров и сторожей, арестовывание в Казначействе, подозрительные взгляды новых служащих, угрозы лишить дров в мороз».

Приложенная к докладной записке главная опись даёт примечательную картину обстановки Горного департамента, показывает, что было самым ценным для человека, 25 лет его обустраивавшего: «Зерцало — в зале заседаний (это аллегорический символ горных богатств России; о нём — далее. — *Б. М.*), телефоны — 15, образа — 24, зеркала — 11, портреты: Петра I, Николая I, Александра II, Александра III, Николая II, цесаревича Алексея Николаевича, бюсты — Петра I (тот самый, который притащили комиссары для украшения своей квартиры), Николая I; 17 штук адресов к 200-летнему юбилею Горного ведомства — кожаные с серебряными накладками, некоторые украшены золотыми самородками». Очень подробно Аптекин расписал большие запасы канцелярских принадлежностей: одной бумаги было восемь сортов: от № 1 — «царской» и № 2 — «министерской» до «куртуазной».

После переезда в Москву аппарат бывшего Горного департамента распылился по разным отделам ВСНХ — Горному, Металлургическому, Золотой секции. Все они первоначально помещались в Сибирской гостинице на Никольской улице, 5. От былой величественной обстановки не осталось и следа. Не хватало даже мебели. Так, в следственном деле сохранилась копия отношения из Металлургического отдела в Петроград: «При сём препровождаем Вам две описи на имущество, эвакуированное из Петрограда в Москву из Горного департамента... по которым нами получена лишь часть, а посему просим Вас доставить недостающее имущество: 6 столов, 2 кресла, 8 стульев, 2 столика для пишущих машинок, 2 американских шкафа и 5 корыт для книг, а также несгораемый шкаф № 21».

А. Н. Самохвалов. Партшколовец Сидоров.
1931 г.

Но память о двухсотлетней истории горного ведомства была спасена: обширный архив департамента, включивший в свой состав уникальные документы XVIII века, начиная со времён петровских Рудокопного приказа и Берг-коллегии, летом 1918 года был перевезён в Москву. Неизвестные ещё историкам сведения об этом сохранились в том же следственном деле. И опять решающую роль в этом спасении сыграл старый служащий, бывший вице-директор департамента Александр Иванович Хлопонин.

Его имя встречается ещё в начале следствия, когда он рассказывал, как приходил последний раз в свой кабинет забрать личные вещи, но многого уже не нашёл... Исчезли не только бюст Пушкина (потом стало известно, кому он понравился) и серебряная пепельница со стола — пропали находившиеся в кабинете пробирки с научными образцами платины (наверное, работа того же советского завхоза). 6 июля 1918 года, в день мятежа левых эсеров в Москве, Горный совет ВСНХ выдал Хлопонину удостоверение в том, что «ему поручено обследовать архивы бывшего Горного департамента и руководство эвакуацией его в Петроград». Дело в том, что архив департамента ещё при Временном правительстве был перевезён из Петрограда в Петрозаводск.

Хлопонин успешно организовал доставку огромного (90 ящиков) архива обратно в Петроград, а затем в Москву. Здесь уже сотрудники Горного отдела встретились с проблемой: куда всё это определить на хранение? Московский публичный Румянцевский музей отказал — естественно, он не был рассчитан на работу с такими обширными фондами. Обращались затем в управление Удельного округа, располагавшего большими казёнными помещениями, но также получили отказ. Тогда решили просить самого Бонч-Бруевича. И тот — автор выпущенной в 1918-м брошюры «Сохраняйте архивы» — распорядился поместить ящики с документами Берг-коллегии и Горного департамента в Кремле в подвалах под Оружейной палатой. Такое, хотя и совершенно не приспособленное хранилище, было в какой-то степени гарантией сохранения архива, но, конечно, его научное и практическое использование (а ведь в нём сведения о природных ресурсах России!) откладывалось на неопределённое время.

А какова же судьба чёрных бриллиантов и других драгоценностей? Их бóльшая часть нашлась уже в подвалах Госбанка, когда туда наконец получил доступ проводивший следствие сотрудник Горного совета Целибеев. Там были и деревянные ящички с пакетами, содержащими «карбонаты» и алмазы (очевидно, завхоз-жулик Смирнов не мог вытащить их целиком из помещения департамента), и ящики с золотом и серебром, и те самые юбилейные альбомы-адреса в драгоценных переплётах. Печальное зрелище представляло из себя аллегорическое Зерцало — стоящая раньше в парадной зале бронзовая фигура женщины на постаменте, к которому были прикреплены серебряная доска с выгравированным указом Петра I об учреждении управления горным делом, золотые слитки и монеты. Всё это лежало в ящике, разобранное и повреждённое, и символизировало уже разрушение старого мира. Где это всё сейчас, неизвестно (может, что-то и сохранилось в недрах Гохрана): по крайней мере, в вышедших

К архивам российского Горного ведомства меня привела легенда, записанная моим дядей, профессором Лесотехнического института А. В. Морозовым (в кратких воспоминаниях, которые он начал писать за год до своей смерти в 1987 году), о том, что брат-близнец (в рукописи — «двойник») его отца, а моего деда Виктора Яковлевича — Николай Яковлевич Морозов — перед революцией служил в Петрограде чиновником Горного департамента.

То, что сын крестьянина далёкого Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии (ныне это основная территория Республики Коми) мог оказаться в аппарате центрального учреждения империи, да ещё в отрасли, требовавшей специальных знаний, казалось мне ещё десять лет назад невероятным. Но легенда подкреплялась семейным документом — фотографией, датированной 1916 годом, где Николай Яковлевич действительно запечатлён в мундире Горного ведомства. По более ранним фотографиям, на которых он в форме унтер-офицера, видно, что он служил в Петербурге сверхсрочную службу ещё задолго до Первой мировой. Наконец, в фонде Горного департамента в РГИА я нашёл Николая Яковлевича в списках чиновников в должности «канцелярского служителя» (классного чина он ещё не получил, так как поступил в департамент совсем недавно — в конце 1915 или в начале 1916 года). Вероятно, перевод Н. Я. Морозова из армии в престижное гражданское ведомство, что позволяло избежать фронта, мог произойти по определённой протекции и, конечно, при соответствующих способностях для этой службы.

Изучая историю своего рода, я узнал, что многие мои предки только числились крестьянами, а в действительности ещё с XVII века занимались промыслами и торговлей на Великом северном пути в Сибирь. Прадед, Яков Никитич Морозов, имел патент купца 2-й гильдии, но официально именовался «торговым крестьянином» (это, конечно, тщательно скрывалось в советское время). Все его семь сыновей, будучи обучены специальным навыкам хозяйственного учета, участвовали в семейном деле, служили в частных и казённых торговых заведениях региона, в земских учреждениях. Очевидно, Николай Яковлевич на сверхсрочной службе также занимался письменными делами в полку. Запечатлённый же вместе с ним на фотографии человек в офицерской форме с саблей — его старший брат Иван Яковлевич Морозов, квартирмистр (зав. хозяйством) 322-го Солигаличского полка. А сфотографировались оба брата в Москве, куда приехали навестить моего деда, лежавшего в госпитале после тяжёлого ранения, полученного в 1914 году в Восточной Пруссии.

Следующее упоминание моего двоюродного деда в качестве служащего Горного департамента я нашёл уже в фонде ВСНХ. Николай Морозов не поехал в Москву, а уволился из департмента, очевидно, при первых слухах о переезде: это следует и из платёжной ведомости о получении им окончательного расчёта 2 марта 1918 года.

Естественно, что Николай Яковлевич знал всех действующих лиц этого дела, понимал, что представляет из себя красный завхоз, таскающий вещи из кабинетов к себе в квартиру, носящий казённые деньги в карманах и неохотно выдающий жалованье. Но отказаться от переезда в новую столицу и уйти из важного государственного учреждения, вероятно, его вынудили не только безобразия, но и семейные обстоятельства. В июле 1917 года он женился на жительнице Петрограда, в 35 лет получив такую возможность после многих лет военной службы в нижних чинах. Сохранившаяся в семейных альбомах целая серия его свадебных фотографий с женой и тёщей, где Николай Яковлевич уже не в мундире, а в новом сюртуке имеет вполне «буржуазный» вид, свидетельствует о том, что жизнь шла

своим чередом даже в период очередного кризиса в Петрограде (меня давно умиляли петроградские рабочие-красногвардейцы с винтовками, но в галстуках и шляпах). В дальнейшем Николай Морозов работал на скромных хозяйственных должностях в Ленинграде, скончался в 1936-м, жена пережила его на сорок лет, их дочь умерла в детстве, и семейный архив не сохранился. Лишь несколько лет назад в Петербурге, уже от очень дальних родственников, я получил его обручальное кольцо с выгравированным именем жены «Надя» и датой «15.VI.1917»...

недавно, уже к 300-летию Государственной геологической службы России, ряде изданий эти реликвии — Зерцало и альбомы о праздновании её 200-летия — не упоминаются.

К счастью, не все пришедшие на смену старым чиновникам люди были необразованны и нечестны. Стоит особо выделить человека, который и организовал это следствие, — это новый начальник Горного отдела ВСНХ Николай Михайлович Федоровский. Ему был тогда 31 год, но он считался старым революционером: в юности, в 17 лет, в 1904-м вступил в РСДРП. Потом, после первой революции, как и многие, отошёл от активной борьбы; кончил в 1915 году Московский университет. Он был важным советским чиновником недолго — стал крупным учёным-минералогом, членом-корреспондентом АН СССР.

Символично, что часть оставшихся в Петрограде помещений Горного департамента заняла организация, активно с ним сотрудничавшая в годы мировой войны, — Комиссия по изучению естественных производительных сил Академии наук. Её ответственным секретарём был молодой (35 лет), но уже известный учёный (академик с 1919 года) Александр Евгеньевич Ферсман. А раньше, с 1915 года, он возглавлял структуру, фактически параллельную департаменту, — Комиссию сырья и химических материалов при Комитете военно-технической помощи.

Совершенно ясно, что без помощи старых специалистов большевики не смогли бы управлять страной, выиграть Гражданскую войну, преодолеть разруху. Но довольно скоро эти честно служившие новому режиму люди стали вытесняться с любых руководящих постов, а те, кто дожил до 1930-х, разделили трагическую судьбу старых «идейных» большевиков-интеллигентов. Сам Бонч-Бруевич, которому большевистское правительство во многом обязано своим выживанием в критические моменты 1917–1918 годов, быстро был удалён из Кремля и чудом выжил, тихо занимаясь собиранием литературных архивов и историей религии. Из советских учреждений быстро исчезала культура — и внешняя, и внутренняя. Появился новый тип советского чиновника-бюрократа — страшное явление, которого успел испугаться и породивший его Ленин.

Бывшая столица империи стала медленно умирать — её ждали полная разруха городской жизни в начале 1920-х годов, описанная Гербертом Уэллсом, политические чистки 1930-х и, наконец, блокада; Москва же из патриархально-хлебосольного города превратилась в официоз...

Примечания

1. Бонч-Бруевич В. Д. Переезд Советского правительства из Петрограда в Москву//Воспоминания о Ленине. М. 1965. С. 197–206.
2. ГА РФ. Ф. 3435. Оп. 10. Д. 66–67.

Ярослав ***ЛЕОНТЬЕВ,***
кандидат исторических наук

ПРОВАЛ ДЕЛА «СВИНЕЦ»

В поисках этих документов я провёл много лет. Когда только ещё открывались спецхраны библиотек, в тогдашней «Ленинке» (сегодняшней РГБ) в левоэсеровском журнале «Знамя борьбы», издававшемся в 1920-е годы в Берлине, мною был обнаружен необычный некролог отчаянному боевику и подпольщику Михаилу Богданову. В 1918 году он вместе со своим неразлучным другом Евгением Мальмом был направлен ЦК левых эсеров на работу в ВЧК. Когда их партия ушла в подполье, в 1919-м, Богданов и Мальм «ликвидировали» подосланного к ним в организацию чекистского «казачка» Петрова. В 1921-м, находясь в тюрьме, «Аяксы» (коллективное прозвище, под которым их знали в подполье) сумели раздобыть оружие и, разоружив охрану, успешно бежать из Таганки. В 1922 году они возглавили левоэсеровское подполье в Питере и в короткие сроки создали нелегальную организацию в 300 (!) человек, плативших членские взносы. Спустя два года «Мичман» (ещё одна партийная кличка Богданова) умер в туруханской ссылке[1].

Процитирую официальные ответы из Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ на мои запросы (с небольшими сокращениями).

«Богданов Михаил Алексеевич, 1895 года рождения, уроженец Санкт-Петербурга. Из крестьян. Активный участник революционного движения в России. В 1914 году был осужден за принадлежность к партии эсеров… находился в ссылке. Служил гардемарином на подводной лодке «Барс» Балтийского флота. Участник штурма Зимнего дворца… сотрудник «особой контрразведки» ВЧК, которая наблюдала за Мирбахом… Член Поволжского областного комитета ПЛСР… участвовал вместе с Е. Н. Мальмом в убийстве секретного сотрудника ВЧК Журавлёва… По приговору Московского ревтрибунала от 29 сентября 1920 года оправдан… Арестован ВЧК в Москве 1 октября 1920 года, 7 октября того же года приговор обжалован ВЧК…

Мальм Евгений Николаевич, 1895 года рождения, уроженец Санкт-Петербурга. Образование высшее, окончил естественный факультет Санкт-Петербургского университета… после революции член Петроградского комитета ПЛСР. В июне 1918 года переехал в Москву, где поступил «в Секретный отдел ВЧК в иностранную контрразведку к Блюмкину». Арестовывался ВЧК в связи с убийством германского посла Мирбаха. Научный работник, бактериолог… В 1923–1926 годах находился в ссылке в Сибири. После освобождения в 1926–1927 годах работал на Севастопольской биологической станции АН СССР. Арестован ОГПУ… за участие в подпольной работе…»

Следует отметить, что некоторые моменты в биографиях перекрывали друг друга и не были отмечены в справках архивистов ФСБ. Так, членами и Петроградского, и Поволжского комитетов левых эсеров были оба. А знакомы закадычные друзья были с реального училища. И в партию социалистов-революционеров вступили одновременно в 1913 году. Стоит ещё сказать, что Мальм был сыном обрусевшего шведа, потомственным почётным гражданином. Помимо университета он успел поучиться в консерватории, а между посадками и отсидками выпускал научные работы (например, книгу «Дельфины Чёрного моря» в 1932-м). Богданов успел получить образование инженера-механика[2], послужить, помимо Балтики, мичманом на миноносце «Стремительный» на Черноморском флоте и получить контузию.

Теперь непосредственно об устранении ими Петрова (он же Журавлёв). В известной книге М. Я. Лациса «Два года борьбы на внутреннем фронте» приведён мартиролог погибших чекистов. Там значился и сотрудник ВЧК Петров («убит левыми соц.-революц. в Казани»)[3]. Впрочем, никаких других подробностей в книге не было. Я тщетно искал судебное дело Богданова и Мальма в фонде Московского ревтрибунала в Центральном архиве Министерства обороны. Однако его там не было. Зато в фонде Моссовета в том же архиве обнаружилось письмо на бланке ВЧК за подписью заведующего Секретным отделом Т. П. Самсонова:

«В Президиум Московского Совета

При сём препровождается Вам копия опротестованного В.Ч.К. приговора Московского Ревтрибунала по делу Лев. С.-Р. Мальма и Богданова»[4]. (Увы, сам текст приговора отсутствовал.)

Позднее в фонде Политического Красного Креста в ГА РФ отыскались анкеты Мальма и мастерового И. М. Шамова. Мальм сообщал, что вторично был осуждён Кассационным трибуналом 3 ноября 1920 года к 8 годам заключения за «убийство провокатора и вооружённое сопротивление»[5]. Заведующий обувной мастерской, сапожник по профессии и эсер по партийной принадлежности, Шамов сообщил о том, как по просьбе товарищей по партии принял на работу некоего Петрова и предоставил ему комнату при мастерской, находившейся на станции Малаховка. 5 октября 1919 года Петров и другие левые эсеры устроили там собрание. Затем Петров пришёл домой к Шамову с сообщением, что их «разогнали и попросился у меня ночевать, и ночью я был арестован вместе с ним и доставлен в В.Ч.К., после этого его не видел и где он не знаю»[6]. Известно, что дело находилось под личным наблюдением Дзержинского; среди его служебных пометок есть и такая: «Оправданные и задержанные М. Богданов и Ев. Мальм»[7].

Из этих отрывочных сведений трудно было составить полноценную картину. И всё-таки мне удалось снова напасть на след Богданова и Мальма: в архиве петербургского УФСБ хранится ещё одно архивно-следственное дело в отношении них — по обвинению в руководстве подпольной организацией в 1922 году и проведении нелегальной конференции. Среди многочисленных «вещественных доказательств» (интереснейших протоколов конференции и тезисов руководителей партии — Б. Д. Камкова, А. А. Измайлович, переданных из тюрьмы), в дело подшит машинописный текст 28-страничной рукописи Богданова о событиях 1919–1920 годов. Над заголовком «История одного процесса» имеется надпись, сделанная красными чернилами: Копия. Подлинник, написанный рукой М. Богданова, находится в деле «История партии». Этот документ впервые публикуется ниже с незначительными сокращениями. Орфография и пунктуация подлинника сохранены.

Примечания

1. См.: Знамя борьбы. 1925. № 9–10.
2. В фонде Морского инженерного училища есть его личное дело за 1916 г. См.: РГА ВМФ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 194.
3. Лацис М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. С. 80.
4. ЦАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 12. Л. 98.
5. ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 220. Л. 126.
6. Там же. Д. 273. Л. 121 об.
7. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 29.

Михаил ***БОГДАНОВ***

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРОЦЕССА

Долгая и ожесточённая охота за нами ВЧК, начатая последней ещё в 1918 году скорее после нашего освобождения из Кремля, увенчалась наконец успехом. 19 апреля 1920 года я с моим ближайшим другом и неразлучным товарищем по революционной работе Евгением Николаевичем Мальм были арестованы в Казани, где мы работали уже около года.

Первая попытка ВЧК в этом направлении была неудача. Отчаявшись, путём жестоких репрессий задушить не утихавшее революционное движение пролетариата и крестьянства Поволжья, шедшее почти везде под революционно социалистическими лозунгами партии ЛСР, коммунистическая охранка решила покончить в первую голову с нашей партийной организацией, в которой таился, как ей казалось корень зла (как казалось в прежнее время царской охранке, что всё революционное движение в России вызвано кучкой бунтующих крамольников), покончить с Поволжским Областным Комитетом и с нами двумя, как членами его. И для этой «благородной» цели было пущено в ход не менее «благородное» средство, позорнейшее наследие царского режима, тщательно оберегаемое и культивируемое коммунистическими жандармами — провокация.

Провокатор нашёлся из числа бывших членов Казанской организации ПЛСР, переехавший в Москву для работы в боевой дружине Московского Комитета, некто И. Журавлёв. Он был арестован в Москве осенью 1919 года и под угрозой немедленного расстрела, с одной стороны, и искусно обольщаемый чекистскими следователями, с другой, его слабая, неокрепшая ещё в революционной работе (он работал в партии ещё менее года) душонка не выдержала, и он сделался предателем. Высосав из него всё, что можно было для ликвидации партийного центра и Московской организации, ВЧК решила использовать его старые казанские связи и направила его с отрядом в 35 чекистов в Казань для ликвидации Поволжского Областного Комитета. Журавлёв, принявший в качестве «секретного сотрудника ВЧК» фамилию Петров, явился в Казань 24 октября, разыскал одного из партийных товарищей, работавшего в типографии О. К., заявил, что он приехал только что [из] Москвы с важными известиями от Центрального Комитета, и был приведён ничего, конечно, *не подозревавшим товарищем к нам.* В это время мы были на даче в Немецкой Швейцарии, где помещалась типография. Туда то и был приведён Петров-Журавлёв, которого мы приняли по братски, как принимают своих товарищей в революционной семье. Этой же ночью дача (мы в ней и ночевали в то время, работая по 18–20 часов в сутки) была окружена приехавшим с Журавлёвым чекистским отрядом. Провокатор должен был незаметно отворить им дверь во время нашего сна, но это ему не удалось. Мы проснулись, и чекисты, услышав внутри дачи наши шаги, открыли сразу же бешеную стрельбу по даче, сопровождаемою какими-то неистовыми воплями: «Открывай дверь! Зажигай огонь!». (Впоследствии мы узнали, что причиной такого «нервного» невыдержанного поведения чекистов служили те фантастические сказки о наших боевых подвигах, которыми морочил провокатор их головы). Нам ничего не оставалось делать, как подороже продать свою жизнь осыпавшим нас градом пуль жандармам, и мы вчетвером начали отстреливаться (кроме меня и Евгения на даче осталось ночевать ещё два партийных товарища).

Ещё вечером поведение Журавлёва и сбивчивость его в некоторых вопросах навела меня с Евгением на подозрения, которые ещё больше усилились при замеченной нами попытке его открыть дверь чекистам. Мы решили ни на одну секунду не спускать с него глаз, и когда он попробовал сначала у меня, а затем у одного из наших товарищей, под благовидным предлогом взять револьвер, наши подозрения превратились в уверенность. Прекратив на минуту стрельбу, я начал советоваться с Евгением, как поступить. В жуткой темноте дачи, освещаемой только вспышками револьверных выстрелов, нам надо было, руководствуясь только имеющимися немногими фактами и подозрениями да нашей революционной интуицией, решить вопрос о человеческой жизни. Решил его сам предатель. Почувствовав инстинктивно, что его игра раскрыта, он в панике бросился в окно, чтобы присоединиться к осаждавшим нас жандармам. И так же инстинктивно, обменявшись одним лишь взглядом, я с Евгением бросились за ним к окну с одной мыслью: «Нельзя допустить его предать остальную часть организации».

Разом прогремело два выстрела — из моего Маузера и из Кольта Евгения, — и предатель рухнул бесформенной массой в двух-трех шагах от нас… Интересно, что *один из видных казанских чекистов,* уже через полгода в разговоре с нами об том эпизоде, характеризовал отношение Чека к казни этого предателя так: «Собаке — собачья и смерть».

Чекисты было ошеломлены оказанным нами сопротивлением, т. к. они рассчитывали захватить нас спящими в постели. Пользуясь их смятением, нам всем после часовой перестрелки удалось, выпрыгнув из окна, прорваться сквозь их кольцо и бежать, отделавшись лишь лёгким ранением одного из бывших с нами товарищей.

Предательство Журавлёва не принесло для ВЧК ожидаемых плодов. Мы ускользнули, из других членов организации была арестована лишь одна курсистка. Казанская организация и Поволжский Комитет ПЛСР продолжали существовать, — продолжались и напряжённые попытки Чека ликвидировать всё это. Для этой цели в Казань выезжали даже «высокие» персоны — заместитель Дзержинского Ксенофонтов[1], уехавший в Москву обратно «не солоно хлебавши», и затаивший с этого времени против нас мстительную злобу. Наконец на сцену опять было выдвинуто знакомое и верное оружие — предательство. По рекомендации одного близко стоявшего в партии человека, мы приняли участие в некоем Москвичёве, скрывавшемся как дезертир, и дали ему кой-какую работу (не партийного, конечно, характера). В начале апреля 1920 года этот Москвичёв попался в руки Казанской Чека, которая разведав о его знакомстве с нами, предложила ему за полное забвение прошлых грехов и приличное вознаграждение, предать нас. Москвичёв согласился, и 19 апреля днем, в то время как мы остановились на Рыбнорядской площади, на нас налетела сзади целая туча чекистов, сразу же свалivших нас на землю и подмявших нас под себя с дикими криками: «Сдавайтесь! Руки вверх!».

Всё происшедшее было настолько для нас неожиданно, внезапное падение на каменную мостовую настолько нас оглушило, что в первый момент мы ничего не поняли и чисто инстинктивно постарались освободиться от навалившейся на нас тяжести. Последняя же внезапно исчезла. (Как мы потом узнали, эта банда смертельно испугалась упавшего на землю портфеля Евгения, в котором, как им рассказывал Москвичёв носил он всегда… бомбы). Почувствовав исчезновение этой тяжести, мы поднялись; Евгений бросился в одну сторону, а я, ошеломлённый падением (я больно ударился головой о камень), машинально сделал несколько шагов вперёд по мостовой и обер-

нулся. Не успел я окинуть рассыпавшуюся по тротуару цепь чекистов, как она опоясалась дымками револьверных выстрелов; я услышал треск револьверов, что-то больно столкнуло меня в грудь. Я упал, поднялся сейчас же и тут только сознание разом вернулось ко мне, разом осветив весь смысл происшедшего. Евгения не было уж видно в объятой паникой толпе, метавшейся по Базарной площади, я повернулся и бросился бежать, преследуемый всей бандой, не прекращавшей ни на минуту ожесточённой стрельбы. Свернув с базарной площади на маленькую улицу, я попытался отстреляться и уйти. Сначала это мне удалось, но меня выдала кровь, залившая грудь тужурки (первыми же чекистскими выстрелами я был ранен в правую часть груди). В конце концов, от потери крови, я потерял сознание на каком-то чердаке, куда меня загнали преследователи (которых к тому времени собралась уже целая армия, человек 250), и в этом бессознательном состоянии я и был взят. Через два часа был арестован и Евгений, уже совсем было избежавший погони, но совершенно случайно наткнувшийся на чекистов, мчавшихся по какому-то, якобы нашему партийному адресу. По нему также сразу же была открыта стрельба из револьверов и винтовок, на что он, зная по опыту, как утончённо мучат в чрезвычайных всех инакомыслящих с коммунистами, осмеливающихся к тому же отстаивать своё человеческое достоинство, отвечал им тем же. Лишь после двухчасового боя он в плен был взят, когда из Особого Отдела примчавшийся комиссар сообщил ему, что я уже арестован живым, что со мной ничего не сделано и что нам гарантируется полная защита от каких-либо то ни было оскорблений (я должен отметить, что слово это было сдержано и попытки отдельных чекистов оскорбить нас словом и действием, немедленно пресекались высшими чекистами). Впрочем, этого благородства хватило только на Казань (в Москве нас ждало совсем другое).

Итак, ВЧК могла торжествовать. Мы были в её руках совершенно, казалось, беззащитными…

Чека не удалось арестовать никого из членов партийной организации. Все старания докончить её оказались безуспешными, и, просидев в подвале Особого Отдела около полутора месяцев под усиленно охраной (окно нашего каземата, выходившее на улицу, было огорожено колючей проволокой, около которой всегда ходило два часовых, не позволявших никому приближаться к ней), мы были втроём (т. е. я, Евгений и Дина Ч.[2]) отправлены в Москву с охраной в… 15 человек мадьяр.

Даже ко всему, кажется, привыкшие московские жители в панике шарахались от нашего и комичного и грозного одновременно шествия. Т. к. высланный нам из ВЧК автомобиль испортился у вокзала же, мы тронулись пешком. Впереди (отделившись от нас, шагов на 10 шёл, сгоняя всех с нашего пути свирепыми криками молниеносными взглядами, подкрепляемыми поднятым в воздух внушительным маузером, начальник нашего конвоя, мадьярский кавалерийский офицер. Своими усами, лихо закрученными в стрелку, высоким мадьярским кепи, делавшую его долговязую тонкую фигуру ещё выше, огромным бряцающим палашом и звёздчатыми шпорами, величиной в доброе чайное блюдечко, он до комизма походил на карикатурного Дон-Кихота. За ним маршировало каре из 10 мадьяр с винтовками, взятыми «на изготовку», по углам этого каре ещё четверо отделённых, с револьвером в одной руке и обнажённой шашкой в другой. Но всё внушительное впечатление, производимое этой группой, сменялось невольно недоумением при виде тех, кого так тщательно охраняли: в середине мы, двое совсем молодых и измученных, слабых по внешнему виду молодых людей, вели под руки совсем ослабшую Дину в скромном костюме сестры милосердия.

Все встречавшиеся нам невольно останавливались перед таким даже в коммунистической Москве редким зрелищем, многие даже следовали за нами, надеясь узнать, кого это ведут с такой помпезностью. И наше вступление в недр ВЧК было достойно нашего ареста, — человек 300 собралось за нами к тому моменту, когда мы подошли наконец к Большой Лубянке. Но вот, наконец, и «тихая пристань» с вывеской наверху «Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе…» Ещё 10 минут, необходимых у коменданта ВЧК, и эта нелепая комедия окончилась…

Здесь мы провели около пяти–шести недель, и после двух допросов, сведшихся к описанию обстоятельств, оказанного нами вооружённого сопротивления, нас перевели в Таганскую тюрьму, и наше дело было передано для разбирательства в Московский Трибунал. Через месяц после перевода я и Евгений (Дину одновременно с нами перевели в Бутырскую тюрьму и суду Ревтрибунала её не предали) были вызваны в Трибунал.

Уже в тюрьме мы слышали много хорошего про следователя Н., которому было передано наше дело. Личное знакомство с ним лишь подтвердило эти слухи. На первом же допросе нас Н. решил действовать с нами прямо, «начистоту», и заявил нам: «Я вызвал вас сюда для того, чтобы познакомиться наконец с этими знаменитыми Аяксами и чтобы ознакомить вас с истинным положением дел. Оно таково, что я никак не могу составить обвинительного акта против вас. Данных для него нет никаких, если смотреть на наш суд, как на суд революционный. Да и с юридической точки зрения весь материал по вашему делу (и при этом он похлопал по огромной толстой папке бумаг, лежащих у него на столе) — гроша ломанного не стоит… Ни одного документа, кроме ваших показаний, говорящих лишь о подробностях ваших вооружённых сопротивлений, да показаний «секретных сотрудников», ничем и никем не подтверждённых»…

«Я четыре раза, — продолжал Н., — де-

Левые эсеры идут на заседание V съезда Советов. Впереди — Мария Спиридонова. Москва, 1918 г. Фотограф неизвестен. РГАКФД.

лал доклад в Президиум Трибунала о необходимости прекратить ваше дело. Каждый раз Президиум соглашался со мной, а затем внезапно делал мне внушение и приказывал вести дело дальше. Очевидно, в ВЧК у вас есть сильный враг, желающий во что бы то ни стало добиться для вас серьёзной кары, самому оставшись в тени, и имеющий возможность в нужной мере давить на Московский Трибунал».

Поговорив ещё немного по поводу нашего дела, Н. вдруг заявил нам: будем говорить откровенно, т. к. в ВЧК хотят во что бы то ни стало создать ваш процесс, — то суда избежать нам не придётся. Обвинительный акт я составить должен, так скажите мне прямо, отчего Вы не отказываетесь в инкриминируемых Вам Чекой обвинениях, это я и поставлю в обвинительный акт».

Мы охотно пошли на предложенную нам комбинацию, понимая, что в руках другого, не столь порядочного, как Н. следователя, обвинительный акт будет основан на чудовищных вымыслах провокаторов и примет провокационную, грязнящую партию форму.

В результате через неделю нас снова вызвали в Трибунал, и Н. вручил нам обвинительный акт, состоявший из четырёх пунктов (привожу его в сокращённом виде по памяти):

«1. Обвиняемые БОГДАНОВ М. А. и МАЛЬМ Е. Н., состоя членами тайной антиправительственной политической организации, при аресте их 24 октября 1919 г. на даче в Немецкой Швейцарии в г. Казани сотрудниками ВЧК, оказали совместно с другими, находившимися там же членами этой организации вооружённое сопротивление; эти же обвиняемые убили при этом по взаимному сговору тайного сотрудника ВЧК — ПЕТРОВА.

2. Эти же лица проживали в г. Казани по подложным документам.

3. Они имели при себе огнестрельное оружие без соответствующего на то разрешения.

4. Те же лица, при аресте их в г. Казани 19 апреля 1920 г. сотрудниками Казанской Губчека, оказали вооружённое сопротивление стрельбой из револьверов.

На основании вышеизложенного и по «Положению о Революционных Трибуналах РСФСР» гр-не БОГДАНОВ М. А. и МАЛЬМ Е. Н. предаются суду Московского Революционного Трибунала».

Одновременно с вручением обвинительного акта нам была предоставлена возможность ознакомиться со следственным материалом по нашему делу. Ещё в ВЧК оно было собрано в один толстый том с надписью «Свинец», данной, очевидно, из конспиративных чекистских соображений. Как в обвинительном акте, так и во всех

Мария Спиридонова. Москва, 1917 г. Фотограф неизвестен. РГАКФД.

заключениях чекистских следователей (за исключением, впрочем, следователя по особо важным делам Казанского Особого Отдела — Хмелёва) тщательно избегалось упоминание о том, что мы преследовались, как члены Поволжского Областного Комитета ПЛСРИ[3], и вопрос об суде над нами ставился, таким образом, в плоскость суда над частными гражданами РСФСР.

Кроме этих заключений и наших собственных показаний мы нашли в деле «Свинец» лишь громадные показания о нас Журавлёва и других предателей, наполненные самыми беззастенчивыми фантастическими выдумками о нас. И хотя недостаток времени заставил нас лишь мельком проглядеть эти перлы чрезвычайской деятельности, всё же мы вполне уяснили затруднительное положение Н. при составлении обвинительного акта.

Мы начали готовиться к процессу. Взявшийся защищать нас адвокат Я. С. Липсон[4] (о котором мы до сих пор вспоминаем с чувством тёплого уважения к его симпатичной личности) усиленно рекомендовал нам ввиду явного давления на Московский Трибунал со стороны ВЧК, желающий убить нас чужими руками на «законном основании», требовать перенесения нашего дела в Верховный Трибунал, более независимый от ВЧК.

Однако, посоветовавшись с членом ЦК И. З. Штейнбергом[5] (который являлся нашим официальным защитником от партии, так как в то время мы, отказавшись ещё в конце 1919 года, как и вся партия ПЛСР, от вооружённой борьбы с большевиками стояли на позициях легализованной до некоторой степени правительством части партии, возглавляемой Штейнбергом), мы решили процесса не оттягивать и идти на суд, чтобы использовать эту публичную трибуну для освещения истинного характера революционной деятельности ПЛСР.

Процесс обещал быть интересным, т. к. со временем суда Верховного Трибунала над М. А. Спиридоновой и Центральным Комитетом ПЛСР за организацию террористического акта на графа Мирбаха[6] не было ни одного крупного процесса социалистических партий и наше дело привлекло внимание различных политических парий и группировок. На наш процесс обещали явиться даже «левые» коммунисты, с одним из которых мы вместе сидели в Таганской тюрьме…

Наконец, 29 сентября нас вызвали в Московский Трибунал. Наступало последнее, как нам думалось (и в чём, как показало будущее, горько ошиблись) действие разыгрываемой комедии коммунистического правосудия…

Пустая ещё к моменту нашего прибытия зала судебных заседаний вскоре начала быстро наполняться народом; среди публики всё чаще и чаще стали попадаться дорогие знакомые лица партийных товарищей, с которыми не виделись уже больше года. Один за другим подходили они к нам, чтоб обменяться дружеским поцелуем, перекинуться несколькими словами. Наши конвойные, простые, неиспорченные ещё чрезвычайкой деревенские парни, сначала пробовали было ретиво исполнять своим обязанности, «охранять» нас от публики, но вскоре прекратили это, поняв, что здесь происходит что-то необычное, имеющее глубокий, хотя и непонятный ещё для них, внутренний смысл. И в дальнейшем они всё удивлённее раскрывали свои глаза, и, увлекшись разыгравшимся в судебным зале поединком между коммунистами-судьями и нами, как представителями ПЛСР, совсем забыли о своих обязанностях.

Мы уселись на скамью подсудимых вправо от судейского стола, покрытого красным сукном с портретами Карла Маркса и Ленина на месте прежнего «зерцала». Рядом с нами за отдельным столиком расположился с целой кипой бумаг Я. С. Липсон, напротив — столик общественного обвинителя, которым должен был выступить Смирнов, председатель Коллегии Московского Трибунала, но его ещё нет. Небольшой сравнительно зал Трибунала всё плотнее наполнялся публикой, лишь передняя скамейка была свободной. Да и то немудрено, т. к. она предназначалась для особого сорта зрителей. Один за другим туда подходили и присаживались на две, на три минуты какие-то типы, всё обличие которых с фальшивым взглядом бегающих глаз выдавало, несмотря на их внешний приличный порядочный вид, их несомненную принадлежность к позорной корпорации шпионов коммунистической

(да и царской, вероятно) охранки. Они жадно впивались в нас своими липкими, вызывающими брезгливую дрожь взглядами, запечатлевая в своей памяти «на всякий случай» весь наш облик. Сфотографировав мысленно каждую чёрточку нашего лица, каждого складку нашего костюма, шпик подымался и уходил, уступая своё место следующему. Так продолжалось до самого начала судебного разбирательства, т. ч. в конце концов мы бросили обращать внимание на эту мерзость.

Раздался возглас «Суд идёт», и мы увидели наших судей, поспешно занимавших свои места за судейским столом. Председательское место занял Белорусов, сильно пожилой человек с седыми почти волосами и заурядно осмысленным взглядом хитрых глаз. Справа от него расположился Шиллерт, суровый, плотный латыш, живое олицетворение упрямства и честной, если хотите, ограниченности. Слева — Ерофеев, полная бесцветное и безличное ничтожество, сидевшее во время процесса совершенно безучастно (за всё время он задал один какой-то чрезвычайно глупый вопрос, возбудивший смех всего зала). Присутствовал он на суде, очевидно, лишь для полного комплекта.

Разложив на столе уже знакомое нам дело «Свинец» и огласив состав суда, Белорусов начал чтение состава суда, обвиняемых и т. д.

Не интересуясь этими, хорошо знакомыми нам обстоятельствами, мы начали рассматривать внимательно прислушивающуюся публику. Всё больше и больше знакомых лиц… Вот озабоченная физиономия И. З. Штейнберга, с большой кипой книг, газет и каких-то бумаг. Вот пробирается вперед со своим обычным рассеянным «не от мира сего» видом член ЦК — В. Е. Трутовский[7], с приветливо улыбающейся нам женой. Там кивает нам смуглая характерная голова А. Чилингарьянц[8], мужа Дины, а налево Женя Валдина и другие наши девушки, такие больные, истомлённые непосильной работой, но с тем ярче светящиеся внутренней красотой одухотворёнными лицами[9].

Ещё и ещё… Вот мелькают всклокоченные шевелюры двух максималистов[10] среди совсем незнакомых нам лиц…

Белорусов приступил к обычному формальному опросу — фамилия, звание, образование. Наконец, начался поединок.

— Обвиняемый Богданов, состоите ли членом какой-либо партии?

Невольно улыбнувшись этой бюрократической формальности, я отвечал:

— Да, имею честь состоять членом партии левых социалистов-революционеров интернационалистов.

Публика встрепенулась, и скучающее выражение исчезло с лиц судей. Белорусов начал задавать вопросы, громче и внимательнее выслушивать ответы.

— Состоите ли членом какого-либо профсоюза?

— Да, состою, — отвечал я, — членом профессионального союза трудового крестьянства.

— Такого союза не существует, — оживился угрюмо сидевший до этого времени Шиллерт.

— Этот профсоюз существует в данный момент вследствие преследований коммунистического правительства нелегально, но скоро будет я, надеюсь, существовать и легально.

Ответил я под одобрительный шёпот зала.

— Как вы относитесь к Советской власти? — продолжал обычный опрос Белорусов.

— С 1917 г. и по настоящий момент я признаю и борюсь, как член партии ЛСР за доподлинную власть свободно избранных трудовых Советов.

— Так, что же по вашему, сейчас нет власти Советов, если вы боретесь за неё? — задал мне Белорусов «ехидный» вопрос.

— РКП[11] в своей диктатуре над трудящимися настолько далеко ушла во всей своей внутренней политике от принципов советской демократии, провозглашённых октябрьской революцией.

— Но ведь Россия за эти три года далеко ушла от октября 1917 года, — с улыбочкой заметил Белорусов.

— Да, только не вперёд, а назад… — ответил ему с места Евгений.

Дальнейшие вопросы, требуемые формальностями делопроизводства не вызывали возражений. После такого же точно допроса Евгения, Белорусов приступил к чтению обвинительного акта, уже приведённого мною выше и, окончив его, обратился ко мне с вопросом, признаю ли я себя виновным в перечисленных преступления[х]?

— Фактическую сторону дела, изложенную в обвинительном акте, — отвечал я, — признаю, но виновным себя не признаю, ибо не признаю права Московского Трибунала, как филиального отделения РКП, судить меня, представителя ПЛСР, [з]а мою революционно-социалистическую деятельность, за которую я несу ответственность не перед РКП, а перед трудящимися России и [в]сего мира.

Такой же ответ дал и Евгений, и Трибунал перешёл к детальному рассмотрению нашего обвинения. До обеденного перерыва Трибунал копался в нашем революционном прошлом, время от времени пытаясь вытащить кое-[ч]то из провокационного материала дела «Свинец». В час дня был объявлен перерыв на обед, и мы отправились обедать в столовую для арестованных и конвоиров. Трогательно было смотреть на наших конвойных, совершенно переменивших своё отношение к нам, пытавшихся во время обеда подсунуть нам лучшие куски из того жалкого количества еды, которое полагалось в столовой на обедающих и неутомимо расспрашивающих нас о партии ЛСР, о её позиции в аграрном и других вопросах.

В два часа Трибунал возобновил заседание и теперь перешли уже к инкриминируемым нам обвинительным а[к]том преступлениям. Второй и третий пункты обвинения совершенно не затрагивались Трибуналом, т. к. ясно было, что и проживание по фальшивым документам и ношение оружия «без установленного на то разрешения» являются неизбежными для членов революционной партии, подвергающейся бешеным гонениям правительства. Но к нашему удивлению, так же мало внимания Трибунал уделил и последнему пункту (а также и первой части пункта I — вооружённого сопротивления 24 октября 1919 г.). Очевидно, даже до их судейского сознания дошла простая истина, что, даже отказавшись от вооружённой борьбы с РКП, революционер социалист имеет право отстаивать всеми силами, способами, своё человеческое достоинство, если к нему применяются методы арестовывавших нас чекистов.

Таким образом, центром тяжести всего судебного разбирательства стал вопрос об убийстве провокатора Журавлёва-Петрова. Одновременно с этим явно определилось стремление Трибунала во что бы то ни стало квалифицировать этот факт, как простое уголовное деяние и тем получить основание для нашего осуждения. Одно за другим отклонялись ходатайства Липсона о вызове свидетелей, которые могли бы охарактеризовать казнь Журавлёва, как и всю нашу деятельность, с точки зрения революционных традиций, полное соответствие её с принципами октябрьской революции и т. д. Настроение публики постепенно становилось всё напряжённее.

После того, как я полностью признал факт убийства нами двумя Журавлёва и описал обстоятельства этого, Шиллерт задал мне негодующий вопрос.

— Так значит, вы убили Петрова без санкции всего Областного К[омите]та вашей партии? И у вас не было даже официального постановления вас двоих, как единственных в тот момент членов ОК?

— Признавая факт моего участия в убийстве Журавлёва, виновным я себя не признаю, ибо я убивал его по тому же праву, по которому убивали в старое время провокаторов, продававших революционеров царской охранке, против чего в то время большевики не восставали.

Белорусов обиделся за Журавлёва и стал на защиту его чести, доказывая, что его провокатором считать нельзя, т. к. он «честно раскаялся в своих заблуждениях и преступлениях против Рабоче-Крестьянского Правительства, вступил в единственно революционную партию коммунистов-большевиков и был послан в Казань, как член РКП с боевым заданием по борьбе с контрреволюцией».

— Да, возразил Мальм, — Журавлёв поехал в Казань, как член РКП, а явился к нам, как бежавший из Москвы от преследований той же РКП, левый эсер. Если это не чистейшей воды провокация, то объясните мне смысл этого слова. И в царской охранке попадавшие туда слабые «честно каялись» в своих преступлениях и боролись с революцией, как боретесь и вы.

Услышав такую «еретическую» отповедь, Белорусов как-то даже испуганно спросил.

— Так вы не видите никакого различия между провокатором царского охранного отделения и сотрудником нашей рабоче-крестьянской чрезвычайной комиссии?

— Ни малейшего, — твёрдо выразил Евгений. — Как тех, и других провокаторов мы убивали, убивали и будем убивать.

Наконец, эта комедия судебного разбирательства подошла к концу, и нам было предоставлено последнее слово. Как было нами решено заранее, Евгений от последнего слова отказался вовсе, а я сказал лишь несколько слов о том тупике, в который зашла русская революция…

Липсон сказал сильную красивую речь, яркими красками обрисовав нашу революционную деятельность до момента ареста… В убийстве же Петрова-Журавлёва и в вооружённом сопротивлении при арестах, коммунистическое правительство должно обвинять не нас, а себя, ибо оно посылало к нам провокаторов, относительно которых не только у революционеров, но и просто у обывательски порядочных людей не может быть двух мнений. При нашем аресте государственные органы, говорил Липсон, первыми применяли такие методы, которые у всякого уважающего себя человека, не говоря уже про революционеров, неизбежно должны были вызвать соответствующий отпор, что мы и сделали. Свою речь Липсон закончил требованием прекращения дела и нашего немедленного освобождения. Липсону устроили почти что овацию, которую Трибунал поспешил прекратить, проворно удалившись в совещательную комнату для вынесения приговора…

Театральная площадь в дни V съезда Советов. Москва, 4 июля 1918 г. Фотограф А. Дорн.

Наши конвойные давно забыли свою обязанность караулить нас и, полубросив винтовки, жадно смотрели в рот Белорусову, за казённым языком приговора ловя что-то волнующее их, глубоко задевающее струны их нетронутой ещё крестьянской души. И он будто почувствовав, что нельзя дальше натягивать это жуткое напряжённое ожидание последних роковых слов (так неизбежны казались далее трафаретные — «к высшей мере наказания»…), и закончил скороговоркой:

— что подсудимые БОГДАНОВ и МАЛЬМ действовали, как члены партии левых Соц. Рев., и преступления их вызваны мелкобуржуазной природой её, и ввиду того, что ПЛСР отказалась в настоящую минуту от вооружённой борьбы с Советской властью, Московский Трибунал постановляет подсудимых БОГДАНОВА Михаила Алексеевича и МАЛЬМ Евгения Николаевича от наказания избавить и из под стражи освободить…

В зале продолжает царить мёртвое молчание, так неожиданны для всех были последние слова, прочитанные Белорусовым. Он, медленно оглядев зал, сложил бумагу, по которой он читал и опустился на своё кресло. Это нарушило очарованное молчание, охватившее присутствовавших, раздался гром оглушительных аплодисментов, на нас ринулась целая толпа, в которой мы переходили из одних объятий в другие, поздравления и поцелуи были без конца.

Примечания

1. Ксенофонтов Иван Ксенофонтович (1884–1926) — рабочий, большевик с 1903 г., активный участник Октябрьской революции в Петрограде и на Западном фронте (входил в комитет 2-й армии), был избран членом ВЦИК; с декабря 1917 по апрель 1921 г. член коллегии ВЧК; в 1919–1920 гг. заместитель председателя ВЧК, одновременно председатель Особого трибунала ВЧК и Верховного трибунала при ВЦИК; позднее управделами ЦК РКП(б).
2. Речь идёт о Дине Чилингарьянц — активистке Петроградской организации ПЛСР.
3. Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов).
4. В тексте документа ошибочно — Липсон Я. С. Правильно: Либсон Яков Николаевич (1882–1938) — профессиональный адвокат, до революции помощник присяжного поверенного, присяжный стряпчий Московского коммерческого суда; в последующем один из руководителей Московского комитета Политического Красного Креста; перед арестом — член Московской городской коллегии защитников, расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.
5. Штейнберг Исаак-Нахман Захарович (1888–1957) — государственный и политический деятель, публицист, правовед, доктор философии, теоретик левого народничества, член ЦК ПЛСР с момента учредительного съезда; в декабре 1917 — марте 1918 г. нарком юстиции; с июня 1918 г. находился в Швейцарии в качестве участника Заграничной делегации ЦК; после непродолжительного ареста в 1919 г. был освобожден по распоряжению Ф. Э. Дзержинского и вёл переговоры с руководством ЦК РКП(б) о легализации левых эсеров; в 1920–1922 гг. являлся лидером «легалистского» крыла партии; с начала 1923 г. — в эмиграции.
6. Открытое заседание Верховного Революционного Трибунала при ВЦИК по делу «о контрреволюционном заговоре» ЦК ПЛСР состоялось 27 ноября 1918 г. В общей сложности суду предавались 14 человек, включая убийц графа Мирбаха Н. А. Андреева, Я. Г. Блюмкина, начальника Боевого отряда ВЧК Д. И. Попова и военного руководителя левых эсеров Ю. В. Саблина (последние четверо не входили в состав ЦК). Из всех обвиняемых на скамье подсудимых находились лишь М. А. Спиридонова и Ю. В. Саблин, остальные были осуждены заочно. Трибунал требовал применить к Спиридоновой и Саблину высылку за пределы Советской России на 5 лет, но затем, «принимая во внимание их особые прежние заслуги перед революцией», приговорил их к заключению в тюрьму сроком на один год. Спустя два дня Президиум ВЦИК амнистировал их.
7. Трутовский Владимир Евгеньевич (1889–1937) — государственный и политический деятель, экономист, публицист, теоретик левого народничества, член ЦК ПЛСР с момента учредительного съезда; в декабре 1917 — марте 1918 г. нарком по делам местного самоуправления, затем комиссар Московского областного комиссариата местного хозяйства; за участие в выступлении 6–7 июля заочно приговорён к трём годам заключения, однако, несмотря на аресты в период 1919–1920 гг., реально приговор к нему был применён лишь в 1921 г., после чего Трутовский постоянно находился либо в заключении, либо в ссылке; перед последним арестом работал экономистом в Алма-Ате, расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР. Упоминаемая в документе его жена — Мария Алексеевна Трутовская.
8. Чилингарьянц Айрат Биглярович (ок. 1895 — ?) — студент Политехнического института в Петрограде, привлекался к дознанию в 1915 г. как дашнак и находился под надзором полиции, затем был на военной службе; являлся одним из руководителей Петроградской организации ПЛСР во второй половине 1918 — начале 1919 г.
9. Валдина Евгения Георгиевна (ок. 1897 — ?) — курсистка истфака Бестужевских курсов, состояла в ПЛСР с 1917 г.; работала в партийном издательстве «Революционный социализм», на подпольной работе на Украине; в 1919–1920 гг. работала в аппарате ЦК партии.
10. Максималисты — члены Союза социалистов-революционеров максималистов.
11. Российская коммунистическая партия.

ЛЕЙТМОТИВ

ПОДЖОГ И ВЫСТРЕЛ

Эти два события в календарном времени разделяет срок достаточно большой (почти два года), чтобы они не показались связанными напрямую, то есть чтобы второе не показалось ответом на первое.

Но во времени историческом, по последствиям в жизни народов, — эти события, в сущности, одновременны, однотипны и однопричинны.

Февраль 1933-го — в Берлине подожжён Рейхстаг.

Декабрь 1934-го — в Ленинграде застрелен Киров.

В Берлине поджигатель на месте преступления схвачен, допрошен, вину признал, осуждён, казнён.

В Ленинграде убийца на месте преступления схвачен, допрошен, вину признал, осуждён, казнён.

Пропагандистское освещение событий противоположно по целям, но однотипно по методам. В Германии гитлеровцы обвиняют в поджоге коммунистов, коммунисты — гитлеровцев.

В Советском Союзе сталинцы обвиняют в покушении троцкистско-зиновьевских фракционеров, по тогдашней терминологии — фашистских наймитов; в ответ антисталинцы обвиняют в этой провокации сталинцев. Даже сорок лет спустя главной версией оставалось предположение, что это Сталин подстроил убийство Кирова в своих целях.

Результаты — подобны.

В Третьем рейхе — мгновенные облавы на коммунистов. Чрезвычайные распоряжения — в обход конституции. Террор, опрокидывающийся на все «ненадёжные» слои общества: коммунистов, либералов, евреев. Повальная «чистка» аппарата. Народ сплачивается вокруг фюрера. Партийное знамя нацистов со свастикой становится государственным флагом Германии.

В Советском Союзе первыми под топор идут дворяне, мгновенно высланные из Ленинграда, за ними — прочие «ненадёжные» слои общества. Чрезвычайные суды ведутся помимо юридических правил, приговоры без обжалования исполняются немедленно. Идёт повальная «чистка». Народ сплачивается вокруг вождя.

Воистину, если бы Маринус ван дер Люббе и Леонид Николаев впрямь действовали в составе заговорщиков, большей успешности их действий не вообразишь. Но дело в том, что ни в каких заговорах они не участвовали. Ни тот, кто поджёг, ни тот, кто стрелял.

Есть над чем задуматься.

Семь десятков лет историки просеивают факты и свидетельства, ища следы умысла *или хотя бы намёки на рациональный образ* действий этих людей. Опубликованы горы исследований. Читатели журнала «Родина» имели возможность вникнуть в фактуру событий. Читатели газеты «Время новостей» недавно получили новые очерки (29 ноября 2007 года — об убийстве Кирова, 13 февраля 2008-го — о 75-летии поджога Рейхстага).

Резюмирую кратко.

По версии немецкого журналиста, редактора газеты «Вельт» Свена Феликса Келлерхоффа, 24-летний ван дер Люббе, оголтелый коммунист и отчаявшийся безработный, поджигая Рейхстаг, мог, конечно, думать, что этот пожар запалит мировую революцию. Но никакая компартия ему этого не поручала; ни голландские, ни немецкие, ни болгарские коммунисты не имели к поджогу никакого отношения. Келлерхофф уверен и в том, что Гитлер и другие нацистские вожди ничего заранее о поджоге не знали и опять же не имели к нему никакого отношения. Молодой голландец был поджигателем-одиночкой.

В компартии руки бы ему оторвали, если бы знали, к чему приведёт такая самодеятельность.

Тридцатилетний Николаев, нормальный карьерный партиец, ни в каких фракциях не состоял, никаких заговоров знать не знал. С чего же он погнался за Кировым по коридору Смольного? В соответствии с современными детективно-эротическими вкусами выдвигается амурная версия: Киров де имел виды на жену Николаева Мильду, которая в 1934 году пребывала в доме отдыха вдали от мужа. Сколь ни неловко комментировать эту версию, но рискну заметить, что портретно-психологически она плохо вяжется с обликом действующих лиц предполагаемого треугольника: Николаев рядом с соперником просто красавец; Мильда близка к эталону комиссарши с маузером, но настолько далека от эталона любовницы, что плохо срабатывает даже для такого «ходока», как Киров. Но если «что-то» и было, не это главная причина убийства. А что? По версии директора питерского Музея Кирова Татьяны Сухарниковой, банальная истерика карьериста, которому в партии застопорили продвижение и даже хотели по мобилизации упечь «на транспорт», а когда он отказался, выгнали из инструкторов Института истории партии. Он послал жалобу на имя Сталина, ответа не дождался и выместил злобу на том партийном вожде, который был в пределах досягаемости. *Разрядив пистолет в Кирова, упал рядом с* ним, потеряв сознание от ужаса. Где и был найден. Такой вот убийца.

Есть что-то общее в непредсказуемости этих акций. Есть вообще что-то общее в психологическом типе людей первой половины XX века, не знающих предела безоглядной решимости, независимо от объекта. У Гитлера главным юридическим душителем коммунистов после Лейпцигского процесса стал некто Роланд Фрайслер, глава «народного трибунала». Кто такой? Побывал в русском плену в годы Первой мировой войны, вступил в России в партию большевиков, вволю покомиссарил. Потом вернулся в фатерлянд и перевернулся на 180 градусов. Аналог-антипод — наш Вышинский, при Сталине юридический душитель врагов народа, перешедший к большевикам (как не без чёрного юмора замечает Келлерхофф) прямёхонько от меньшевиков. Перевернулся — и с успехом.

Но главный психологический тип той эпохи — железный функционер, который использует любую непредсказуемую ситуацию для железной цели. Как использовал Лейпцигский процесс для разоблачения фашизма Георгий Димитров, талантливый коминтерновский оратор. Как использовал его талант сам Коминтерн (речи Димитрову писал в системе Коминтерна Отто Куусинен, в будущем — известнейший советский деятель; в тюрьму Димитрову материалы передавались через «нелегальные каналы»). Главное же — как использовали каждый свою ситуацию мгновенно ориентировавшиеся диктаторы Гитлер и Сталин. И тот, и другой ощущали мощный подпор настроений, или, можно сказать, массового остервенения людей, — решимость народов, чувствовавших, что подступает Вторая мировая война.

Не подвернись им ван дер Люббе и Николаев — использовали бы любой другой повод и всё равно осуществили бы: в Германии — диктатуру нацистов, в СССР — диктатуру большевиков. А потом сшиблись бы насмерть.

Но каков жуткий жребий «стрелочников», простодушно лезущих под колёса Истории!

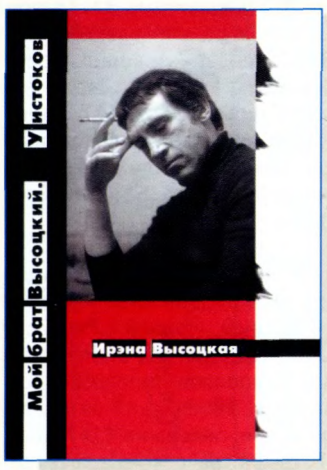
Их-то как оценить?

А сказано: «Невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк, 17; 11).

Лев АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

Сысоев Вячеслав. Потешки — не глум, возьми себе на ум. Балагурщины, бывальщины, досюльщины, завиральщины. — *М.: Издательский Дом ИНФРА. 2004. — 208 с.*

Вы спрашиваете: откуда у городского человека все эти завиральщины, бывальщины, балагурщины, досюльщины и озорные разговоры? Не задумываясь, назову точный адрес: из деревенского детства. Всё оттуда. Из русской глубинки, где жил, живёт и всегда будет жить наш язык в устах его творца — народа.
Телефон: (495) 485-45-44 (справки о наличии); E-mail: books@infra-m.ru. Internet: www.infra-m.ru. Издательство «Яуза»: 109507, Москва, ул. Клары Цеткин, 18/5. Тел. 745-58-23.



Высоцкая И. Мой брат Высоцкий. У истоков. — *М.: Ризалт, 2008. — 214 с.*

Воспоминания написаны Ирэной Высоцкой, чей отец был родным братом отца Владимира Высоцкого. «У нас — одни корни. И я хочу в связке с Володей хоть немного, штрихами набросать их. Чтобы образ этого обаятельного и мужественного человека стал для кого-то ближе и понятнее». Второе, дополненное издание книги содержит множество редких фотографий из семейных архивов.

Елисеева О. И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. — *М.: Молодая гвардия, 2008. — 597[11] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).*

Новая книга известной писательницы и историка Ольги Елисеевой посвящена повседневной жизни русского дворянства золотого века Екатерины II.

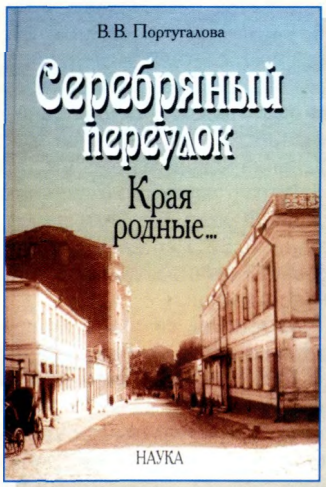
Рассказывая о житье-бытье вельмож и старосветских помещиков, самой императрицы и заезжих путешественников, автор старалась показать не только их носовые платки, свечи и грязные колёса дорожных карет, но и то, как дышали, чувствовали, любили и ненавидели наши предки в то славное, уже далёкое, но по-прежнему притягательное время.

Для решения подобной задачи нет способа лучше, чем дать возможность читателю самому прикоснуться к подлинным документам эпохи. Вот почему такое важное место в книге занимают тексты, созданные два столетия назад: воспоминания, корреспонденция, политические памфлеты, донесения и т. д.
127994, Москва, Сущёвская ул., 21. Internet:http://mg.gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru.

Серов Д. О. Администрация Петра I. — 2-е изд. — *М.: ОГИ, 2008. — 288 с. — (Нация и культура/Новые исследования: История).*

Работа известного историка, доцента Д. О. Серова — первое систематическое исследование персонального состава государственного аппарата России первой четверти XVIII в. Книга основана на многолетних архивных разысканиях автора. Собранный и проанализированный им материал позволяет не только понять, как воплощались в жизнь петровские реформы, но и по-новому взглянуть на первостроителей Российской империи.

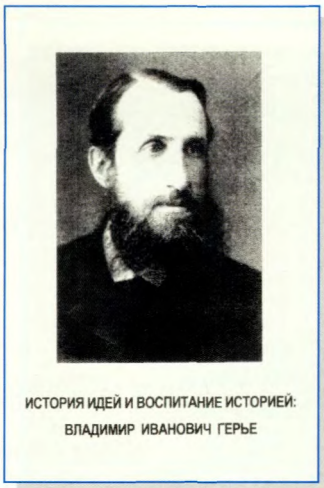
Для историков, историков права, студентов-гуманитариев и всех интересующихся отечественной историей.



Португалова В. В. Серебряный переулок: Края родные... — *М.: Наука, 2007. — 134 с.*

Книга, созданная любителем истории столицы, посвящена прошлому одного из старейших переулков города. В основу повествования о небольшом Серебряном переулке, входящем в ареал Приарбатья, легли многочисленные архивные сведения, данные научной, мемуарной, художественной литературы, рассказы современников — старожилов Арбата.

В книге использованы материалы из Музея-квартиры А. С. Пушкина на Арбате, фотографии из Центрального исторического архива г. Москвы, архивов Научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева, Комитета по культурному наследию г. Москвы, Центрального военного клинического госпиталя им. П. В. Мандрыка, личного фотоархива.



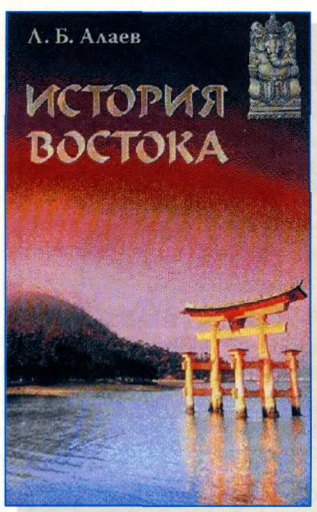
История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье/ Под ред. Л. П. Репиной. — *М.: ИВИ РАН, 2008. — 352 с.*

Книга посвящена В. И. Герье (1837–1919). В сборнике представлены статьи о жизненном пути и научном наследии выдающегося российского историка, а также некоторые документы, связанные с его биографией, творчеством и педагогической деятельностью.

Воскресенский А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. — *М.: Аспект-пресс, 2007. — 190 с.*

В книге прослежены пути эволюции политических систем и политических режимов стран Востока, связанные со спецификой их политической культуры. Показаны разные — успешные, проблемные или неуспешные — пути модернизации соци-

ально-экономической системы стран Востока, проанализированы модели демократии и раскрыта сущность и содержание модели азиатской демократии.

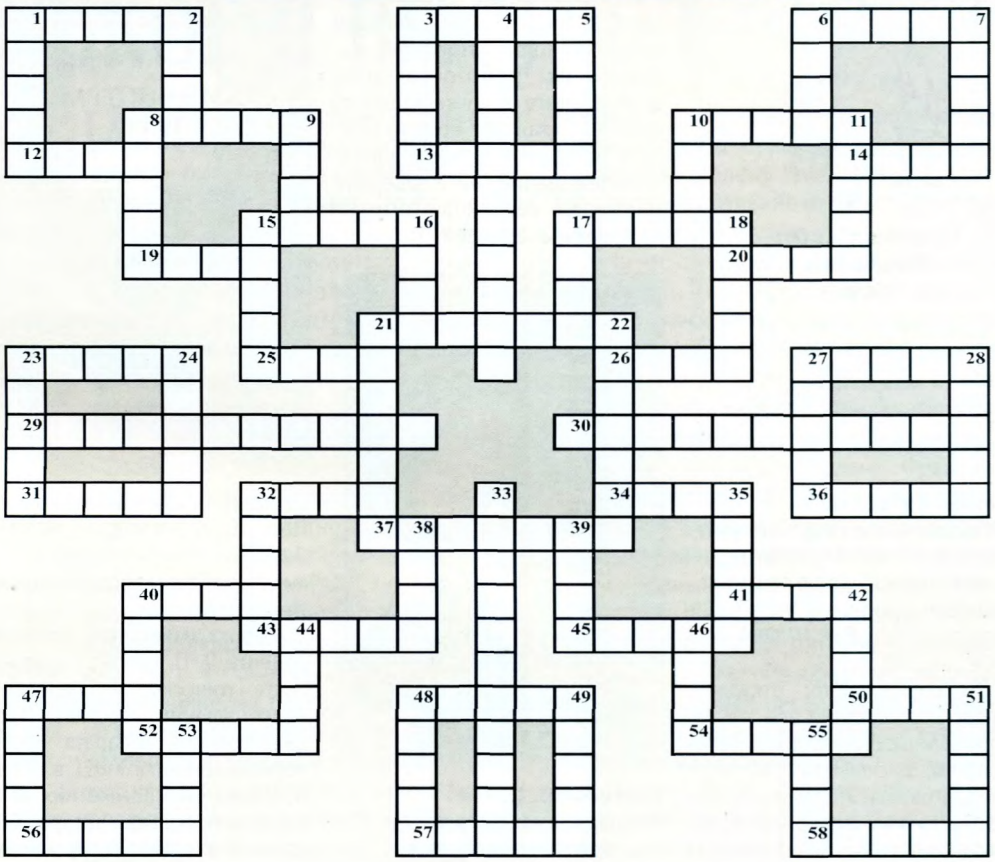


Алаев Л. Б. История Востока. — *М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2007. — 496 с.*

Учебник предназначен для выработки у студентов цельного представления о закономерностях исторического процесса и о месте в нём Востока в древности, в Средние века и в Новое время.

Ответы на кроссворд № 4:
1. Капица. 2. Капище. 3. Курень. 4. Цусима. 5. Сажень. 6. Сапега. 7. Печора. 8. Лежень. 9. «Целина». 10. Фелонь. 11. Калита. 12. Царица. 13. Нартов. 14. Фатиха. 15. Дежнёв. 16. Сестра. 17. Чертог. 18. Чернов. 19. Щедрин. 20. Вертов. 21. «Иванов». 22. Сварог. 23. Ушаков. 24. Ошанин. 25. «Кресты». 26. Крюков. 27. Атлант. 28. Стасов. 29. Мечник. 30. «Пенаты». 31. «Восток». 32. Корнет. 33. Корчма. 34. Кортик. 35. Галифе. 36. Барчук. 37. Куница. 38. Сулица.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КРОССВОРД



Составил В. Иванов.

По горизонтали:
1. Крейсер 2-го ранга, участвовавший в обороне Порт-Артура в период Русско-японской войны 1904–1905 годов. **3.** Устаревший женский головной убор с кружевами. **6.** Русский зодчий XVI века, один из создателей храма Василия Блаженного. **8.** Сказочный крылатый конь. **10.** Первый период мезозоя. **12.** Старинная испанская серебряная монета. **13.** Река в Московской области, на которой стоит Новоиерусалимский монастырь. **14.** Стоянка кочевников, ставка хана. **15.** Иностранка, обычно француженка при детях, воспитательница, гувернантка. **17.** Член Общества вольных каменщиков. **19.** Двухколёсная телега в Крыму, на Кавказе. **20.** Глава мусульманской общины. **21.** Владелец усадьбы середины XVIII века, на территории которой был высажен первый сад в Москве. **23.** Северная часть Киева, расположенная на равнине, на правом берегу реки Днепр. **25.** Кружевной воротник. **26.** Верховный бог варягов. **27.** Вид повинности крестьян. **29.** Мореплаватель, начальник 1-й русской кругосветной экспедиции. **30.** Литературный журнал, основанный А. С. Пушкиным. **31.** Старое название разбирательства по гражданскому делу. **32.** Привилегированный слуга, управляющий хозяйством князя. **34.** Советский художник, автор плаката «Антанта». **36.** Легендарный король древних бриттов. **37.** Сезонное торговое предприятие. **40.** Престол, княжение на Руси. **41.** Ларец для хранения мощей святых. **43.** Русский ледокол. **45.** На Руси XV–XVII веков воин придворной охраны. **47.** Штраф за убийство свободного человека в пользу князя в Древней Руси. **48.** Старинный военный головной убор. **50.** Река, на которой в 1480 году состоялось «великое стояние» между русскими и татарами. **52.** Центральное госучреждение на Руси. **54.** Военный чиновник 8-го ранга. **56.** Командир казачьей сотни. **57.** Феодал в Монголии. **58.** Колокол, который бьёт тревогу.

По вертикали:
1. Дружинник, личный охранник хана. **2.** Боевое построение пехоты. **3.** Уральский город художественного литья. **4.** Польский король. **5.** Прут для телесного наказания. **6.** Молодое пиво или брага. **7.** Река, на которой в 1854 году произошла битва между Англией, Францией, Турцией и Россией. **8.** Эшафот, место казни. **9.** Героическое сказание викингов. **10.** Карты для гадания. **11.** Библейский город. **15.** Здание для объездки верховых лошадей. **16.** Французский живописец-импрессионист, автор картины «Руанский собор». **17.** Пошлина на провоз товара на Руси. **18.** Русский патриарх, летописец. **21.** Легендарный русский богатырь. **22.** Областной центр России, основан в 1147 году. **23.** Небольшой сторожевой отряд. **24.** Российский артист балета. **27.** Буква греческого алфавита. **28.** Сорт крымского белого вина. **32.** Русский историк. **33.** Русский писатель, автор романа «Сожжённая Москва». **35.** Русский сатирический журнал В. Курочкина. **38.** Старое название верхнего яруса театра. **39.** Собрание священнослужителей одного храма. **40.** Древний город в Крыму. **42.** В древнем Риме жрец — толкователь воли богов. **44.** Клятва на Руси. **46.** Русская мера длины. **47.** Глава российского правительства в 1903–1906 годах. **48.** Популярный в 1920 годы исполнитель песен и романсов. **49.** Предводитель крестьянской войны 1670–1671 годов. **51.** Старая улица в Москве. **53.** Советский кинорежиссёр, снявший фильм «Тегеран». **55.** Строение для сушки хлеба в снопах.

РОДИНА

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «РОДИНА»!

Подписку на наш журнал можно оформить на почте по одному из трёх каталогов, а также непосредственно в редакции. Перед тем как выбрать наиболее удобный способ подписки, ознакомьтесь, пожалуйста, с их особенностями.

Подписка на почте

Организацией подписки и распространением журналов, выписанных на почте, занимается одно из трёх агентств, которое вы выбрали. Поэтому, если вы не получили очередной номер, необходимо узнать в своём почтовом отделении, доставлен ли туда ваш экземпляр журнала. Если журнал не дошёл до почтового отделения, обратитесь в своё агентство по указанным ниже телефонам. Редакция не располагает информацией о подписчиках, а также о рассылке журнала в почтовые отделения.

По вопросам доставки журналов, выписанных на почте, обращайтесь по телефонам:
Каталог «Роспечать» (***индекс 73325***) — (495) 101–25–39
Каталог «Почта России» (***индекс 63436***)— (495) 234–03–-08
Объединённый каталог «Пресса России» (***индекс 40687, 16398***)— (495) 995–95–70

Редакционная адресная подписка

Читатели, воспользовавшиеся этим видом подписки, будут получать журналы непосредственно из редакции. Вы можете оформить годовую подписку на 2007 и 2008 годы или на любое количество номеров этих периодов. Также можно получать издания, информацию о которых вы найдёте в текущих номерах журнала. Журналы прошлых лет можно выписать после подтверждения наличия их в редакции.
Пожалуйста, внимательно ознакомьтесь с правилами редакционной адресной подписки, помещёнными на обратной стороне квитанции.
Внимание! После оплаты в Сбербанке обязательно отправьте в редакцию информацию о заказанных изданиях и адресе заказчика любым из способов: по телефону, по почте или по электронной почте. В противном случае могут возникнуть проблемы с отправлением нужных вам номеров.
Стоимость подписки на журнал «Родина» в 2008 году не изменилась и составит 95 рублей за один номер с доставкой.
Все издания отправляются подписчикам заказной бандеролью.

По всем вопросам приобретения и доставки изданий из редакции журнала «Родина» обращайтесь к Светлане Михайловне Бусуёк по телефону (495) 203–45–36 или по электронной почте svetlana@istrodina.com.

Контрольный листок подписки

Фамилия _____ Имя _____ Отчество _____
Индекс, адрес _____ Личный номер _____

«Родина»
Подписка на 200_ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Сумма оплаты

ИЗВЕЩЕНИЕ

Форма № ПД - 4

Наименование получателя платежа: **ООО "Компания "Родина-пресс"**
ИНН **7704567977,** КПП **770401001**
Счет получателя платежа: **40702810900740093054**
Наименование банка: **ЗАО "ГЛОБЭКСБАНК"**
БИК: **044525243** Корр. Счет: **30101810000000000243**
Плательщик:_____ Адрес:_____

№	назначение платежа	количество	сумма
1	**Журналы "Родина" с доставкой по цене 95-00 за экземпляр, в том числе НДС 10%**		
2	С. Антоненко. Мормоны в России. С доставкой по цене 300-00 за экземпляр, в том числе НДС 10 %		
3	**Журнал "Родина" - Автовыпуск с доставкой по цене 120-00 за экземпляр, в том числе НДС 10%**		

кассир

Всего к уплате, (в т. ч. НДС 10%):

Банковские сборы в стоимость подписки не входят и оплачиваются отдельно

Плательщик (подпись): Дата:

КВИТАНЦИЯ

Форма № ПД - 4

Наименование получателя платежа: **ООО "Компания "Родина-пресс"**
ИНН **7704567977,** КПП **770401001**
Счет получателя платежа: **40702810900740093054**
Наименование банка: **ЗАО "ГЛОБЭКСБАНК"**
БИК: **044525243** Корр. Счет: **30101810000000000243**
Плательщик:_____ Адрес:_____

№	назначение платежа	количество	сумма
1	**Журналы "Родина" с доставкой по цене 95-00 за экземпляр, в том числе НДС 10%**		
2	С. Антоненко. Мормоны в России. С доставкой по цене 300-00 за экземпляр, в том числе НДС 10 %		
3	**Журнал "Родина" - Автовыпуск с доставкой по цене 120-00 за экземпляр, в том числе НДС 10%**		

кассир

Всего к уплате, (в т. ч. НДС 10%):

Банковские сборы в стоимость подписки не входят и оплачиваются отдельно

Плательщик (подпись): Дата:

Купить журнал «Родина» можно:

в Москве в киосках компании «Метро-Пресс», фирменном киоске ЗАО «Родина-Пресс» в вестибюле ст. метро «Пушкинская»; в фирменных магазинах «Союз», «Московском Доме книги» на Новом Арбате; в Санкт-Петербурге в киосках ООО «Курьер-Пресс» (Законодательное собрание, Исаакиевская пл., д. 6; Бизнес-центр «Петровский форт» на Финляндском вокзале); в Екатеринбурге в магазине «Искатели» (ул. Халтурина, 55, ТРЦ «Карнавал», цокольный этаж). Тел.: (343) 310-17-95, (9222) 11-19-16; в Калуге в киосках Калужского агентства «Роспечать». Тел.: (4842) 54-09-46

ИЗДАНИЯ, КОТОРЫЕ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В РЕДАКЦИИ

Новый выпуск Вестника Архива Президента РФ посвящён становлению и развитию Красной армии после Гражданской войны. Опубликованы недавно рассекреченные документы высших органов власти СССР, в том числе из личного архива И. В. Сталина и Политбюро.

Также можно приобрести Вестник, посвящённый Л. И. Брежневу и спецвыпуск журнала «Родина» «История российского автопрома».

Внимание! Эту сторону квитанции необходимо заполнять только в случаях оплаты подписки в отделениях Сбербанка Москвы и Московской области.

Личный номер:

Отметьте продолжительность вашей подписки по месяцам:

«Родина» 200_ год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

- Пожалуйста, чётко заполните в квитанции графы с фамилией и адресом.
- Оплатите в Сбербанке и вышлите в адрес редакции (127025, г. Москва, Новый Арбат, 19, отдел подписки журнала «Родина») контрольный листок с указанием заказанных номеров журнала.
- Сейчас можно оформить подписку на журналы 2007 и 2008 годов, а также спецвыпуск «История российского автопрома» и книгу С. Антоненко.
- При подписке на журналы предшествующих лет необходимо получить подтверждение наличия их в редакции.

Антоненко С. Мормоны в России. Это не просто повесть об истории мормонов, это энциклопедия, своеобразный русский мормониум. В мире их сегодня 12 миллионов, в России — 18 тысяч. Как зародился мормонизм? Чем он привлекает людей? По каким правилам живут мормоны? На эти и многие другие вопросы вы найдёте ответы, прочитав книгу.

По вопросам приобретения этих изданий обращайтесь по телефону (495) 203–45–36 или по электронной почте svetlana@istrodina.com к Светлане Михайловне Бусуёк.

Альбина **АБАЙХАНОВА**

ПОЛСОТНИ ТОНН ПРОТУХШЕЙ РЫБЫ

Острые углы советской торговли Ставропольского края

В послевоенную эпоху попытки советской власти отказаться от товарно-денежного обращения были уже прочно забыты, а торговля стала важнейшим социальным явлением. В 1960 году на долю государственной и кооперативной торговли приходился 81 процент личного потребления в стране, в 1965-м — 85,8 процента, к концу 1970-х — уже 90,8 процента[1]. Значительно возросла роль торговли и в Ставропольском крае. По статистике, объём розничного товарооборота в расчёте на одного жителя (в ценах соответствующих лет) в 1965 году составил 342 рубля, в 1975-м — 808, в 1985-м — 1139 рублей, в то время как по стране — соответственно 454, 827 и 1168 рублей. Следовательно, объём розничного товарооборота в расчёте на душу населения как по стране, так и по краю возрос в 2,6 раза. В то же время в результате неблагоприятных тенденций в экономическом развитии страны среднегодовой темп прироста общего объёма розничного товарооборота существенно снизился — с 8,2 процента в 1966–1970 годах до 3,7 процента в 1981–1985 годах[2].

Торговое обслуживание на Ставрополье имело сложную структуру. Оно включало в себя государственную торговлю, представленную Министерством торговли РСФСР, кооперативную, а также слабо развитую в крае ведомственную торговлю, имевшую ОРСы, продснабы, торги. Последние действовали как торговые организации при промышленных, строительных и транспортных управлениях, объединениях, комбинатах, рудниках, шахтах. Село обслуживалось, как правило, потребительской кооперацией. Краевой союз потребительских обществ представлял из себя крупнейшую организацию, которая торговала на селе товарами промышленного производства, заготавливала и перерабатывала сельскохозяйственное сырьё, производила в подсобных хозяйствах продукты животноводства. В колхозах и у населения края в 1960 году (а это, как известно, время активного наступления партийного руководства на личные хозяйства граждан) было закуплено 300 тонн мяса, 500 тонн винограда, 2000 тонн растительного масла[3].

Как известно, на Ставрополье расположены курортные города, первые из них основаны ещё в 1780-х годах. В послевоенную эпоху этим населённым пунктам уделялось повышенное внимание, отражённое, к примеру, в постановлении Совета министров РСФСР от 24 февраля 1965 года «О мерах по дальнейшему развитию курортов Кавказских Минеральных Вод, Теберды и баз отдыха и туризма в Ставропольском крае на 1965–1970 годы». Торговое обслуживание курортных городов и курортников осуществляли три основных организации: курортпродторг, курортпромторг, контора предприятий общественного питания. Товары для курортторгов выделялись Министерством торговли РСФСР за счёт централизованных фондов, причём в повышенных количествах. Так, в 1965 году для четырёх курортторгов городов с общим населением в 200 тысяч человек было выделено 2914 холодильников и 8710 телевизоров, а для

Ставрополь. Центральный универмаг.
Май 1950 г. РГАКФД.

сельского населения края в 1 миллион 300 тысяч человек — только 2533 холодильника и 11 116 телевизоров[4].

Но в целом, как и повсюду в стране, в Ставропольском крае преобладали предприятия государственной и кооперативной торговли. В конце 1950-х — начале 1960-х годов магазины были небольшие, на 1–2 рабочих места. В 1960-м розничной торговлей в крае занималось 5859 магазинов, в которых работало 20 500 человек, или 3,4 рабочих места на одну торговую точку. Малые площади магазинов и небольшой штат продавцов не позволяли применять торговые новшества и уменьшать неистребимую примету советской торговли — большие и просто огромные очереди. Магазины часто располагались в ветхих, неприспособленных зданиях, где порой отсутствовали даже складские и подсобные помещения. При Хрущёве постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 8 августа 1960 года «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» был объявлен курс на строительство крупных предприятий торговли, которые позволили бы вводить самообслуживание, торговлю по образцам, по предварительным заказам и использовать новейшее торговое оборудование. Начался этот процесс и в Ставропольском крае. В 1963–1965 годах в Ставрополе были построены Центральный универмаг, крупные магазины «Пассаж», «Восход», «Заря», «Восток», Дома торговали в Кисловодске и Пятигорске. Всего за семилетку (1959–1965) было построено и вновь открыто 1850 магазинов; многие торговые точки, в том числе на селе, подверглись реконструкции. При этом выделенные средства на строительство объектов торговли осваивались не полностью. Так, в 1965 году трест «Севкавкоопстрой» из выделенных 1,3 миллиона рублей освоил только 752 тысячи, или 57,8 процента от общей суммы, а строительно-монтажные работы были выполнены на 72,6 процента. Из 66 магазинов, подлежавших открытию в 1965-м, в первом квартале было открыто только шесть. Из 16 столовых, 8 хлебопекарен, складов на 7500 квадратных метров, овощехранилищ на 600 тонн, запланированных к открытию в том же году, не было открыто вообще ничего[5].

Кроме того, внутри Ставропольского края существовали значительные диспропорции в товарном обращении на душу населения в городской и сельской торговле. Так, в 1970 году весь товарооборот в Кочубеевском районе с численностью населения 61,3 тысячи человек составил 28,3 миллиона рублей, в Красногвардейском (43,3 тысячи) — 19,7 миллиона, в Предгорном (83,9 тысячи) — 28,6 миллиона, в то время как в Ессентуках (64,9 тысячи) — 75,5 миллиона, Кисловодске (89,6 тысячи) — 109,4 миллиона рублей. Такая разница в показателях объясняется тем, что распределение товарного фонда между организациями государственной торговли и торговыми предприятиями потребкооперации было неравномерным. И это при том, что сельское население в середине 1960-х годов составляло 61 процент всего населения Ставропольского края. В 1965 году товарооборот на душу населения на селе составил 280 рублей, тогда как в городах он составлял 660 рублей, то есть был в 2,4 раза выше[6]. В сельскохозяйственных районах большинство населения удовлетворяло свои потребности прежде всего благодаря личному подсобному хозяйству. Так, доля собственного подворья в потреблении сельским населением мяса, молока, картофеля, овощей, фруктов к середине 1980-х годов составляла от 85 до 95 процентов[7].

Это тем более показательно, что при Хрущёве активно проводились мероприятия, направленные на сближение города и деревни. Как известно, в программе КПСС, принятой в 1961 году, было записано: «Постепенно колхозные деревни и сёла преобразуются в укрупнённые населённые пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями. В конечном счёте по культурно-бытовым условиям жизнь сельского населения сравняется с городским, личное подсобное хозяйство постепенно себя изживёт экономически».

Политика государства, направленная на запрещение содержания скота в личной собственности граждан, проживавших в городах и рабочих посёлках, а также постоянная работа по «утрачиванию значения личного подсобного хозяйства колхозников» нанесла значительный вред. Это сказалось и на обеспечении продуктами животноводства как городского, так и сельского населения, в связи с чем резко сократилось потребление мясо-молочной продукции.

Трудности в обеспечении населения продуктами питания, особенно мясо-молочной продукцией, появились и на благодатном Ставрополье. В 1967–1968 годах с учётом выделенных рыночных фондов и получаемых отчислений от сверхплановых закупок скота на местное снабжение населения края расходовалось 22–23 тысячи тонн мясопродуктов. В связи с увеличением численности городов и рабочих посёлков контингент, подлежавший обеспечению мясо-молочной продукцией за счёт государственных ресурсов, к 1971 году составил 755 тысяч человек, что на 30 процентов больше, чем в 1968-м. Однако уровень снабжения этого контингента не только не возрос, но и сократился. Если в 1968 году было реализовано 34,4 килограмма мяса на душу обслуживаемого населения, то в 1971-м этот показатель составил всего 28 кило. Всё это вело к систематическим перебоям в продаже населению мяса и мясопродуктов и ненормальному снабжению бюджетных учреждений[8].

До конца советской власти проблема насыщения внутреннего рынка мясом и молоком так и не была решена. К середине 1980-х (если верить данным советской статистики) на Ставрополье по некоторым продуктам питания (хлеб, яйца, сахар) была достигнута или даже превышена рациональная норма потребления. Однако что касается мясных и молочных продуктов, а также фруктов и овощей, то она была ниже предлагаемых Продовольственной программой 1982 года норм.

Значительное затруднение составляет определение потребления непродовольственных товаров. Преобладание продовольственных товаров в структуре товарооборота отражало неразвитость промышленного производства товаров народного потребления. Постоянным дефицитом в 1960–1980-е годы были мебель, ковры, различные виды посуды, одежда, обувь, детские игрушки.

В Ставропольском крае эта тенденция проявилась ещё ярче. Обладание цветным телевизором, мебельным гарнитуром, тем более автомашиной и дачей относилось к уровню повышенного благосостояния.

При этом прилавки магазинов были завалены никому не нужными товарами низкого качества, не отвечавшими требованиям ГОСТов, РТУ и ТУ. В 1966 году Госторгинспекцией была организована проверка филиалов Пятигорского швейного объединения, в результате чего было выявлено: наибольшее количество бракованных изделий изготавливалось в Кочубеевском филиале (32%), а наименьшее — в Черкесском филиале (9%). На предприятиях кожевенно-обувного объединения «Кавказ» было проинспектировано 12 683 пары кожаной обуви, из которых было снижено в сортности 246 пар, или 1,9 процента, забракована 681 пара, или 5,4 процента[9].

Социологическое исследование, проведённое в 1986 году в пяти районах края — Арзгирском, Благодарненском, Георгиевском, Минераловодском и Турк-

Цветоводы Ставропольского края осматривают цветы перед их отправкой в магазины. РГАКФД.

менском, выявило, что 72 процента опрошенных высказали недовольство качеством и ассортиментом продовольственных товаров, 40 процентов покупателей ежедневно ездят за мясом, колбасой, молочными продуктами в райцентр или город, а 67 процентов недовольны питанием в столовых и кафе, объясняя это низким качеством пищи, небольшим ассортиментом блюд, плохим санитарным состоянием помещений общепита. Вместе с тем покупатели честно отметили, что на прилавках постоянно залёживаются товары низкого качества: плавленые сырки, шпик свиной, детские молочные смеси, маринованные помидоры и огурцы, джемы и варенья, кое-какие кондитерские изделия, выпускаемые республиками Закавказья[10].

Но, пожалуй, самые большие трудности в эти достаточно благополучные для советской власти годы торговля испытывала со складами и технологическим оборудованием. Безусловно, магазины, имеющие холодильники, холодильные прилавки, кассовые аппараты, в эпоху Брежнева становятся повсеместным явлением городской жизни. Резко уменьшилось использование ледников для хранения продовольствия. В отчётных документах руководителей краевого управления торговли и правления крайпотребсоюза убедительно говорилось о возросшей материально-технической базе государственной и кооперативной торговли. И тем не менее в Невинномысском, Будённовском, Георгиевском торгах потребительской кооперации только в 1978-м и за три месяца 1979 года было испорчено 50 тонн свежемороженой рыбы. За это же время санитарно-эпидемиологическая служба по этой же причине изъяла из продажи городских и сельских магазинов 50 тонн рыбопродуктов, плавленого сыра, кисломолочной продукции[11].

Итак, в 1960–1980-е годы в Ставропольском крае расширилась сеть предприятий розничной торговли, произошла массовая замена небольших торговых помещений новыми магазинами, торговые площади которых позволяли применять индустриальное технологическое оборудование. На этом фоне существенно увеличился общий объём розничного товарооборота, преимущественно в городской местности. Но в то же время замедление экономического роста в 1970-е годы, остаточный принцип выделения ресурсов на развитие отраслей, непосредственно связанных с удовлетворением потребностей людей, негативно сказались на обеспечении спроса населения на товары и услуги. Рост цен и повальный дефицит качественных товаров вызывали не только привычные очереди, но и осознанное недовольство населения своей повседневной жизнью.

Примечания

1. Бернвальд А. Р. Региональные проблемы товарного обращения. Новосибирск. 1984. С. 6.
2. Экономическое и социальное развитие Ставрополья в одиннадцатой пятилетке. Ставрополь. 1986. С. 101; Наше благосостояние сегодня и завтра. М. 1988. С. 42–43.
3. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 1852. Оп. 14. Д. 1190. Л. 35–36.
4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК) Ф. 1. Оп. 23. Д. 216. Л. 64.
5. Там же. Л. 16, 49, 55.
6. Народное хозяйство Ставрополья в девятой пятилетке. Стат. сборник. Ставрополь. 1976. С.153; Народное хозяйство Ставрополья за 70 лет. Ставрополь. 1986. С. 8–9; ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 23. Д. 216. Л. 67.
7. Никифоров Л. В. Социально-экономическая интеграция города и села (содержание, цели, пути, условия). М. 1988. С. 186.
8. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 35. Д. 56. Л. 60–61.
9. Там же. Оп. 24. Д. 213. Л. 1, 2.
10. Коробейников С. Как развиваться торговле на селе?//Агитатор Ставрополья. 1987. № 12. С. 14.
11. Ставропольская правда. 1979. 25 апреля.

Елена ***БЕСПАЛАЯ***

«БЕЗ ТЕБЯ Я, КАК БЕЗ ЖИЗНИ...»

Александра Муравьёва, Екатерина Трубецкая, Мария Волконская, Александра Давыдова, Наталья Фонвизина и другие «достойные женщины исполнили долг супружеской верности с героическим самоотвержением. Большею частью молодые, красивые, светские, они отказались добровольно от обаяний света, от отцов и матерей и пришли за тысячи вёрст, влачить дни свои в снегах Сибири», — писал в своих мемуарах декабрист Н. И. Лорер. Судьба одной из них — Марии Волконской — до сих пор вызывает полемику среди исследователей.

Она родилась 25 декабря 1805 года в семье Николая Николаевича Раевского, прославленного генерала, героя войны 1812 года, который, по словам поэта Василия Жуковского, «был в Смоленске щит, в Париже — меч России».

П. Ф. Соколов. Портрет М. Н. Волконской с сыном Николенькой. 1826 г.

Ж.-Б. Изабэ. Портрет С. Г. Волконского. 1814 г.

Генерал обладал твёрдым, решительным характером: «Всё в доме Раевских проходило под знаком этого характера, все решения принимались с согласия главы семейства. Его не просто слушались, его боготворили»[1]. Мать — Софья Алексеевна, дочь библиотекаря Екатерины II А. А. Константинова и Елены Михайловны, единственной дочери Михайлы Ломоносова, — была, как отмечал князь И. М. Долгорукий, «дамой весьма вежливой, приятной беседы и самого превосходного воспитания». Она сумела привить своим шестерым детям любовь к знаниям. Они прекрасно знали литературу, философию, иностранные языки, были музыкально образованны. Младшая, Мария, к тому же обладала великолепным голосом и «чрезвычайно привлекательной наружностью; высокая брюнетка с чёрными («как смородина») горящими глазами, смуглым лицом, с немного вздёрнутым носом, с гордой, но плавной походкой, она вполне оправдывала данное ей прозвище «девы Ганга»[2].

Круг общения семьи Раевских, проживавшей в имении Болтышка Киевской губернии, был довольно широк, в него в том числе входили декабристы и молодой Пушкин. Находясь в 1820 году в южной ссылке, поэт нашёл в лице знаменитого генерала «попечительного друга», дружеское внимание которого никогда не забывал, а Мария вдохновила его на прекрасные поэтические строки. На Марию Раевскую обратил внимание и активный деятель Южного общества, герой войны 1812 года, генерал-майор Сергей Григорьевич Волконский. Отец благословил Марию на брак с генералом, который был старше её на 17 лет. По одной версии, Раевский-старший, зная о принадлежности Волконского к тайной организации, заставил его подписать в день свадьбы бумагу с отречением от тайного общества. По другой, со слов сына декабриста И. Д. Якушкина Евгения, встретив со стороны князя решительный отказ, всё же согласился на брак, потому что партия была слишком выгодна. Сам же Волконский писал в своих мемуарах следующее: решившись просить руки Марии через Михаила Орлова, он предупредил своего товарища, что если его участие в тайном обществе является помехой для женитьбы, то он скорее откажется от своего счастья, чем изменит своим политическим убеждениям.

Замужество Марии, по мнению родителей, обещало «блестящую, по светским воззрениям, будущность». Мать князя Сергея — статс-дама А. Н. Волконская, дочь фельдмаршала князя Н. В. Репнина — была близка к царскому двору. Отец — генерал от кавалерии Г. С. Волконский, в прошлом генерал-губернатор Оренбурга, сподвижник Суворова — член Государственного совета, старший брат — генерал-лейтенант Н. Г. Репнин-Волконский, генерал-губернатор в Малороссии.

Свадьба состоялась в январе 1825 года. Вместе супруги пробыли всего три месяца.

После ареста князя родные Марии Николаевны объявили, что не осудят её, если она расторгнет брак с мужем, который, по их мнению, обманул всех[3]. Но Мария решила разделить с ним все тяготы жизни. Родные, считая, что «жестоко покидать младенца» ради мужа, стали настаивать на том, чтобы она осталась с ребёнком. Просил её об этом и князь Сергей. Но она лично обратилась к Николаю I с прошением о поездке в Сибирь.

«Что за трогательное и возвышенное обречение! — писал П. А. Вяземский, встретивший Волконскую и Муравьёву накануне их отъезда в Сибирь. — В них точно видна не экзальтация фанатизма, а какая-то чистая, безмятежная покорность мученичества, которое не думает о славе, а увлекается, поглощается одним чувством»[4]. В романе «Декабристы» Лев Толстой писал: «Она поехала за мужем в Сибирь только потому, что она его любила; она не думала о том, что она может сделать для него, и невольно делала всё... больше счастия ни одна женщина не могла бы дать своему мужу»[5]. Марией Николаевной двигало чувство долга. «Облегчить его душевные

страдания, долг сладкий моему сердцу, и будьте уверены — это цель моей жизни», — писала она из Сибири свекрови 30 апреля 1827 года[6].

Но Волконская стремилась к мужу и из чувства привязанности к нему. «Милый друг, — напишет она мужу 17 декабря 1826 года, — теперь я могу тебе сказать, что я много терпела, чтобы достигнуть своей цели. Но я теперь еду и всё, всё забуду; без тебя я, как без жизни; одни обязанности мои к сыну могли меня заставить скитаться в разлуке с тобой...»[7].

Расставание с Николенькой было для неё одним из самых трудных моментов жизни: «К несчастью для себя, я вижу хорошо, что буду всегда разлучена с одним из вас двоих». И нравственный выбор сделала в пользу мужа, считая, что её сын счастлив, а муж несчастен. Из всех жён декабристов, последовавших за мужьями в Сибирь, не было детей только у Трубецкой и Нарышкиной, остальные были вынуждены оставить своих детей на попечении родственников. Анастасия Якушкина, имевшая на руках двоих детей, не поехала к мужу в Сибирь по его настоянию: Иван Дмитриевич не хотел, чтобы его дети росли без матери. Когда же они подросли, Анастасия Васильевна стала просить разрешения на выезд, но ей в прошении было отказано.

Простившись с близкими людьми, Мария Николаевна устремилась в Сибирь. Желая сократить путь, она схватила вожжи и поехала прямо по льду, который стал вздуваться под копытами резвых лошадей. Только после того как «мы три раза опрокинулись, — писала княгиня В. Ф. Вяземской, — я излечилась от своего нетерпения; кибитка моя разлетелась вдребезги, целый злосчастный день её чинили»[8]. Когда же она наконец добралась до места назначения, преодолев шесть тысяч вёрст, то увидела своего героя, князя Сергея, в кандалах: «Вид его кандалов так воспламенил и растрогал меня, что я бросилась перед ним на колени и поцеловала сначала его кандалы, а потом — его самого».

Для Марии Николаевны наступила трудная, полная лишений жизнь: сначала, до сентября 1827-го, в Благодатском руднике, затем — в Читинском остроге, с августа 1830 года — в Петровском заводе. Жить приходилось в крестьянской избе со слюдяными окнами и дымящейся печью. «Странным показалось бы, если бы я вздумал подробно описать, как они сами стирали бельё, мыли полы, питались хлебом и квасом, когда страдания их были гораздо важнее и другого рода, когда видели своих мужей за работою в подземелье, под властью грубого и дерзкого начальства», — писал декабрист А. Е. Розен[9].

В январе 1828 года умер ребёнок Волконских. Так оборвалась ниточка, которая связывала княгиню с Россией. Она стала просить отца ходатайствовать о получении разрешения на проживание с мужем в остроге. «Я не в состоянии, как прежде, видеть своих подруг, и у меня бывают такие минуты упадка духа, когда я не знаю, что будет со мною дальше. Один вид Сергея может меня успокоить; я могла бы быть счастливой и спокойной только возле него», — писала она родным в январе 1829 года. В письме от 5 июля 1829 года она делится со свекровью: «Сегодня Сергиев день, милая маменька, и, с тех пор как мы женаты, я имею в первый раз счастие провести его с мужем. В первый год я была в Одессе, а он в лагере; 1826 год был преисполнен страданием для нас, а с тех пор этот день не совпадал никогда с нашими свиданиями»[10]. В сентябре 1829 года умер генерал Раевский. Глядя на портрет Марии, он произнёс слова, ставшие для дочери самым большим утешением: «Вот самая удивительная женщина, какую я знал».

Преодолеть горести помогло ожидание рождения ребёнка. Но девочка Софья умерла в тот же день, в августе 1830-го.

Источником духовной силы, которая помогала выдерживать удары судьбы, по мнению внука Марии Николаевны, была верность «началам веры и добродетели, полученные воспитанием в строго-нравственной и просвещённой семье Н. Н. Раевского»[11]. Декабристы Евгений Оболенский, Михаил Бестужев-Рюмин в своих мемуарах писали о том, что приезд Трубецкой и Волконской, «этих двух высоких женщин, русских по сердцу, высоких по характеру», благотворно подействовал на всех сибирских узников, соединив их с тем миром, от которого те были «оторваны политической смертью». Поэт-декабрист Александр Одоевский назвал их «ангелами-хранителями».

Женщины, в том числе и Мария Николаевна, писали письма родственникам декабристов, не имевших права на переписку. «Пока во мне останется хоть искра жизни, я не могу отказать в услугах и утешении стольким несчастным родителям», — делилась она с матерью в июле 1833 года.

В 1832 году в семье Волконских родился сын Михаил, а два года спустя дочь Елена (Нелли). «Я жила только для вас, — писала она в «Записках», — я почти не ходила к своим подругам. Моя любовь к вам обоим была безумная, ежеминутная». Сергей Григорьевич оказался таким же заботливым и любящим отцом.

Вскоре после рождения дочери Сергей Григорьевич, также как и другие декабристы, был переведён на вольное поселение. С 1837 года Волконские поселились в 18 верстах от Иркутска. После их переезда местная власть стала выделять из денежных средств Марии Николаевны всего 2 тысячи рублей. Денег не хватало, и тогда княгиня обратилась к генерал-губернатору с просьбой удвоить сумму на воспитание детей. Вскоре последовал ответ: «В Сибири учителей нет, а потому воспитание детей требует не расходов, а лишь одного попечения родителей». Волконский, имевший участок в 15 десятин земли, обратился к губернатору Восточной Сибири с просьбой дать ему под расчистку 55 десятин на 40 лет. И снова отказ: выделили только 15. Сергей Григорьевич занялся любимым делом — хлебопашеством, и добился в этом больших успехов. Образ жизни «опростившегося» князя шокировал многих, но занятия сельским хозяйством не только скрашивали однообразную жизнь, но и позволяли не зависеть от помощи родных и «тратить на прихоти, баловство детям свою трудовую копейку».

В 1842 году в связи с бракосочетанием наследника престола Александра Николай I разрешил детям декабристов учиться в Европейской России при условии, что они откажутся от фамилии своих отцов. Мария Николаевна потеряла покой, опасаясь, что детей отберут силой. «Отказаться от имени, это такое унижение, подвергнуть которому своих детей я не могу... По совести, перед Богом и людьми, я не должна этого делать», — писала она в письме к брату Александру, обращаясь к нему с просьбой ходатайствовать по этому вопросу[12]. Узнав о том, что родители сами решают судьбу детей, она успокоилась, а о пережитых чувствах написала в мемуарах следующее: «Я вас схватила и стала душить в своих объятьях, покрывая вас поцелуями и говоря вам: «Нет, вы меня не оставите, вы не отречётесь от имени вашего отца». Рождение детей в семье государственного преступника, приписанных к крестьянскому сословию, лишало их будущего. Волконская добилась разрешения царя на обучение сына Михаила в гимназии Иркутска. К этому времени она уже проживала в этом губернском городе, вскоре и Сергей Григорьевич получил разрешение присоединиться к семье.

Пребывание декабристов в Иркутске не всем нравилось. Как-то повела Мария Николаевна свою дочь в театр, вскоре появилось распоряжение о запрете жёнам «государственных преступников» посещать общественные места увеселений. Княгиня Волконская написала об этом сестре Екатерине. Письмо дошло до шефа жандармов А. Ф. Орлова, и через некоторое время местное начальство получило «строгое предписание делать разницу

Н. А. Бестужев. С. Г. Волконский с женой в камере, отведённой им в Петровской тюрьме. 1830 г.

Титульный лист первого номера журнала «Полярная звезда». 1855 г.

между государственными преступниками и их жёнами, которые, добровольно последовав за мужьями, не подлежат строгости закона». Мария Николаевна сумела превратить свой дом в центр иркутской общественной жизни. По словам выпускника лицея Б. В. Струве, приехавшего в Иркутск в 1848 году на службу к генерал-губернатору Н. Н. Муравьёву, в доме князей Волконских и Трубецких «собиралось всё более просвещённое общество губернского города. Главы этих домов... постоянно проживали в своих домах, записанных по городским спискам на имя жён, просторных и роскошно убранных по образцу лучших столичных барских домов»[13]. После окончания с отличием гимназии в 1849 году Михаил Волконский, опять же с согласия царя, поступил на службу к Муравьёву в Главное управление по делам Восточной Сибири чиновником особых поручений.

Улучшение условий жизни лишь создавало иллюзию светской жизни. Незадолго до амнистии произошёл случай, о котором Сергей Михайлович рассказал в своих воспоминаниях: «Княгиня пишет сыну, в то время находившемуся в служебной командировке на Амуре, что приходил в дом сборщик городских повинностей (в то время это называлось «за трубу»), и в книге значилось: «За трубу в доме преступницы Волконской». Рассказывая об этом в письме к сыну, Мария Николаевна прибавляет: «Я никогда не видела твоего отца в таком гневе».

Причиной тоски и беспокойства Марии Николаевны было опасение остаться навсегда в Сибири, не повидав родину и близких людей: «Первое время нашего изгнания я думала, что оно, наверное, кончится через 5 лет, затем я себе говорила, что будет через 10, потом через 15, но после 25 лет я перестала ждать. Я просила у Бога только одного: чтобы он вывел из Сибири моих детей». Вероятно поэтому она, вопреки мнению мужа, стала настаивать на том, чтобы выдать дочь Нелли замуж за чиновника Д. В. Молчанова, работавшего у генерал-губернатора Муравьёва.

Елена Волконская покинула Сибирь вместе с мужем в сентябре 1850 года, став, по выражению С. М. Волконского, первым голубем, выпущенным из ковчега. «Много ходит невыгодных для Марии Николаевны слухов про её жизнь в Сибири, говорят, что даже сын и дочь её — дети не Волконского», — напишет Евгений Якушкин, посетивший отца в ссылке. Эту фразу взяли на вооружение некоторые исследователи.

Так, О. И. Попова в работе «История жизни М. Н. Волконской» поставила цель нарисовать образ княгини, «не прикрашенный тенденциозными и сентиментальными вымыслами», и пришла к выводу о том, что княгиня не нашла своего счастья с Волконским и сама не дала ему этого счастья[14]. Сославшись на письма Е. И. Якушкина и декабриста Ф. Ф. Вадковского, причину драмы она увидела во взаимной привязанности Марии Николаевны и декабриста Александра Поджио, которая, по её мнению, длилась долгие годы, в результате которой и появились на свет дети княгини Волконской. Эту версию рассмотрела Н. П. Матханова в предисловии к книге «Записки, письма. Александр Викторович Поджио» и высказала следующее мнение: «Судя по воспоминаниям и письмам товарищей, А. В. Поджио был действительно очень дружен в годы каторжного заключения с Волконскими, был привязан к их сыну, М. С. Волконскому. Дружеские отношения А. В. Поджио с Волконскими, к сожалению, вызывали и до сих пор вызывают чрезмерное любопытство, продиктованное далеко не научными интересами», но «ни одного не только прямого указания, но и намёка на особый характер отношений А. В. Поджио и М. Н. Волконской не обнаружено. Никаких прямых утверждений в воспоминаниях и письмах декабристов, их родных и друзей также не найдено».

Не находит подтверждения и версия О. И. Киянской о том, что «по мере того, как нормализовывался быт государственных преступников на каторге и по-

селении, отношения в семье Волконских ухудшались, и в августе 1855 года, когда в Сибирь доходит известие о смерти Николая I, Мария Волконская уезжает из Иркутска. Уезжает, поскольку, видимо, совместное существование супругов становится просто невозможным»[15].

Волконский, проводив жену и дочь до Красноярска, вернулся в опустевший дом. На душе у Сергея Григорьевича было спокойно. «Придёт возможность мне — примкну к ним, не придёт, что вернее, я здесь их счастьем буду радоваться», — писал он своему другу И. И. Пущину. «О себе не говорю — накликал на себя этот удел: и всё-таки совесть чиста, и готов предстать пред суд Божий без упрёка в тщеславии или эгоистически в чём: родина и убеждения были причиною моего немалого самопожертвования», — делился с сыном Михаилом. Год прошёл в ожидании, наконец 26 августа 1856 года, в день коронации Александра II, Михаил Волконский был приглашён в Кремль. Здесь ему был передан документ о помиловании декабристов. «Никто ещё не совершал путешествия в Иркутск в столь краткий срок, как Михаил Сергеевич. Он ехал пятнадцать дней и несколько часов. Но последние часы он уже не мог ни сидеть, ни лежать», — отмечал внук Сергей. Когда же «прощение» было передано декабристам, Сергей Григорьевич, оставив местному географическому обществу свою богатейшую библиотеку, «в неделю распорядился и уложился».

В сентябре 1856 года вся семья Волконских собралась в Москве. Перед ними распахнулись двери многих салонов, гостиных. «Дом их стал модным, беспрестанные посещения дам-аристократок, ищущих знакомства с княгиней и Неллинькой, — писала вдова декабриста А. Е. Ентальцева Пущину, — к Сергею Григорьевичу также беспрестанно являются для представления или для возобновления старого знакомства»[16]. В 1857 году, после смерти Молчанова, княгиня Волконская вместе с дочерью уехала за границу для лечения. Покидая страну, она взяла с собой мешочек русской земли. Через год к ним присоединился генерал. В европейских странах Волконским посчастливилось встретить Герцена, Тургенева, Толстого.

Мария Николаевна «достигла цели своей жизни»: семья её вернулась на родину, детям были возвращены права потомственных дворян, княжеский титул. Но всё, что даровала жизнь княгине, было оплачено высокой ценой — здоровьем. Как она выглядела по возвращении домой, можно представить по образу Натальи Николаевны, созданному Толстым в романе «Декабристы»: «Всякий, взглянув на Наталью Николаевну, должен был понять, что от неё ждать нечего, что она уже давно когда-то положила всю себя в жизнь и что ничего от неё не осталось. Осталось достойное уважения что-то прекрасное и грустное, как воспоминание, как лунный свет».

По возвращении из-за границы княгиня, не заезжая в Москву, переехала жить в имение зятя Н. А. Кочубея, в село Воронки Черниговской области. Возможно, здесь она и работала над своими мемуарами. Не разделяя политических взглядов мужа, Мария Николаевна тем не менее в своих «Записках» неоднократно отмечала, что он «достойнейший и благороднейший из людей», который вместе с другими декабристами заслужил уважение соотечественников. Отношение Сергея Григорьевича к жене было трепетным и нежным до конца жизни: «Молю Бога о ней, о маме, равно как и о тебе, — писал он сыну в письме от 24 мая 1861 года. — Вашим счастьем вполне буду сам счастлив, лишь бы Бог тебе и мне сохранил наш общий клад — твою мать и мою жену»[17].

Здоровье Марии Николаевны ухудшалось. От мужа, который находился в имении Фалль под Ревелем у своей невестки, скрыли безнадёжность её положения. Болезнь самого Сергея Григорьевича не позволила приехать к умирающей жене. «Что мне писать о моей грусти — вы и сами вообразите: лишиться — не сказав даже вечное прости той, которая всеми лишениями общественной жизни принесла в дань моему опальному быту — горько мне, и не обидев вас, скажу — усиливает мою скорбь», — писал он Николаю Кочубею, в имении которого и скончалась Мария Николаевна 10 августа 1863 года. Эта утрата надломила Сергея Григорьевича. «Когда я вернулся к нему в Фалль, — писал сын Михаил, — то нашёл его очень изменившимся... Весною 1865 года, ослабевая всё более и более, он решился переехать в Малороссию к дочери, ближе к могиле своей жены». Сергей Григорьевич Волконский умер 28 ноября 1865 года и был похоронен рядом со своей женой в селении Воронки Черниговской губернии.

Портрет М. Н. Волконской.
1860 г. Фотография Дисдери и К°. Париж.

Примечания

1. Романов В. Я летаю на собственных крыльях//Факел. М. 1990. С. 28.
2. Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. Биографии и портреты. СПб. 1996. С. 531.
3. Романов В. Указ. соч. С. 34.
4. Цявловская Т. Г. Мария Волконская и Пушкин//Прометей: Ист.-биогр. альманах. Т. 1. М. 1966. С. 70.
5. Пластова Т. Ю. Образ истории в романе Л. Н. Толстого «Декабристы» (1860–1863)//Толстой о Толстом. Материалы и исследования. Вып. 1-й. М. 1998. С. 28.
6. Попова О. И. История жизни М. Н. Волконской//Звенья. М.; Л. 1934. С. 65.
7. Модзалевский Б. Декабрист Волконский в каторжной работе на Благодатском руднике//Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825–1925. Л. 1926. С. 358.
8. Цявловская Т. Г. Указ. соч. С. 62.
9. Волконский С. О декабристах (по семейным воспоминаниям). Пг. 1922. С. 66.
10. Русские пропилеи. Т. I. Материалы из истории русской мысли и литературы. М. 1915 г. С. 73.
11. Волконская М. Н. Записки М. Н. Волконской. С предисловием и приложением издателя. СПб. 1904. С. IX.
12. Караш Н. Декабрист С. Г. Волконский на вольном поселении//Прометей. Т. 9. М. 1972. С. 29.
13. Там же. С. 34.
14. Попова О. И. Указ. соч. С. 27.
15. Киянская О. И. Декабрист Сергей Волконский//Отечественная история. 2004. № 6. С. 98, 111–112.
16. Розанова С. Лев Толстой и пушкинская Россия. М. 2000. С. 134–135.
17. Попова О. И. Указ. соч. С. 117.

Ольга ***ИЛЮХА,***
кандидат исторических наук

НОВЫЙ МИР «ДИТЯТИ-КОРЕЛА»

Будни и праздники сельской школы в Карелии

В конце XIX — начале XX века в Карелии благодаря усилиям государства, земства и церкви была создана довольно густая сеть начальных школ (в советское время этого уровня удалось достичь лишь перед Второй мировой войной). За один лишь 1896–1897 учебный год в Олонецкой губернии открылось 117 учебных заведений[1].

В карельской семье ребёнка провожали в школу, как и вообще за пределы дома, с молитвой, благословением. В южной Карелии применялся языческий обряд: мать, бабушка или какая-то другая из старших женщин становилась на порог — границу «своего» и «чужого» мира, а ребёнок должен был проползти между её ног. Этот обряд относится к числу переходных, связанных с изменением статуса, среды обитания, он выполняет также функцию оберега. Отправляя ребёнка на учёбу в отдалённую местность, ему, как и любому отъезжающему члену семьи, могли дать ладанку с землёй из подполья и золой из печи[2].

Для того чтобы ребёнок не испытывал затруднений в разговорной речи, над его головой разламывали горячий овсяный хлеб, произнося слова заговора: «Так же как этот овсяный хлеб разломится над головой, так прорвётся твоя речь». Как и вепсы, карелы совершали эти ритуальные действия и при поступлении ребёнка в школу, иногда детскую голову посыпали крошками хлеба[3].

Учитель К. И. Дмитриев отмечал, что при поступлении в школу карельский ребёнок испытывает удивление, страх и стеснение, вызванные сменой обстановки: «...дитя-корел переходит в совершенно новый для него мир, новую для него сферу предметов и явлений, которых он дома не видел и о которых не слышал. Более же всего всматривается в учителя, следит за его движениями, исподтишка меряя с головы до ног, а главное, что учитель и товарищи-ученики говорят на непонятном ему языке...»[4]. Начинающему учителю рекомендовалось учитывать такое состояние ребёнка и первые уроки начинать «слегка, ласково, поинтереснее», чтобы ребёнок полюбил школу.

Заслуживает внимания официально санкционированный сценарий первого учебного дня в карельской школе: «Перед молебном учитель делает выставку учебных предметов: на классном столе, под портретом Государя, раскладывает совершенно новенькие доски, тетради, перья, карандаши, линейки, кубики-буквы, раскрыты книжки с картинками и т. п.

Молебен. После молебна учитель и священник уходят в учительские комнаты, предоставляя ученикам [возможность] знакомиться между собой, причём старшие ученики показывают детям-новичкам учебные вещи, буквы на кубиках,

Земский учитель с учениками.
Олонецкая губерния. 1898 г.

разъясняя (по-карельски), что по этим буквам они будут учиться — это «О», а это «А», это доска, а это книга, тут мальчик катается, здесь он упал, а тут бабушка варит картошку. Между прочим старшие ученики, предупреждённые учителем, объясняют, что учителя зовут так-то, при входе его и батюшки надо поклониться и сказать: здравствуйте, И. П., здравствуйте, батюшка. Ученики хором здороваются... Учитель и священник спрашивают детей, кого как зовут. Достаточно, если ребёнок буркнет: «Ваня», «Пеша», «Шаша», «Паша», «Федя», за что стоит по голове погладить.

При помощи старших учащихся учитель рассаживает новичков за парты. Между ними усаживает на первое время по одному на каждую парту ученика среднего отделения. Когда все рассядутся, учитель, обращаясь к средним и старшим, жестом руки предлагает всем встать: «Встаньте». Шум, произведённый вставанием старших, привлекает внимание новичков; учитель сажает (жестом руки)...»[5].

В этом кратком сценарии, как в капле воды, отразились принципиальные моменты организации школьной жизни: патриотический и православный дух, внутришкольная субординация и языковая ситуация, приоритет наглядности в процессе обучения, использование элементов ланкастерской системы, когда старшие дети участвуют в обучении младших. В 1902 году с целью облегчения первых контактов русского учителя с карельскими детьми был опубликован перевод наиболее распространённых карельских имён на русский язык: «Дегор, Дюрги — Егор, Григой — Григорий, Макой — Макар, Закки — Захар, Ехрой — Ефрем.... Мари — Марина, Мардю — Мария, Марпу — Марфа...»[6]

Впрочем, создание школьной сети, обеспечивавшей возможность учиться, не означало, что проблема всеобщего начального образования решена. Надо было ещё заинтересовать крестьян и создать соответствующие для учёбы условия. Одним из таких шагов школы навстречу интересам населения стало установление сроков учебного года в зависимости от местных особенностей хозяйственной жизни: начинался учебный год в августе–ноябре, а заканчивался в марте–июне. Школа приспосабливалась к крестьянскому календарю, учитывая деревенские традиции и потребности семей в рабочих руках детей.

В тех селениях северной Карелии, откуда целые семьи каждую осень уезжали на сёмужьи промыслы в Поморье, начало учебного года откладывалось на конец ноября. В некоторых школах устанавливалось дифференцированное начало учебного года: младшие ученики начинали учёбу раньше, чтобы педагог мог уделить им максимум внимания, старшие ученики в это время были заняты сельскохозяйственными работами. В дни местных престольных праздников занятия в школах прерывались, школы не работали и на первой неделе Великого поста. В эти дни полагалось говеть, читать духовную литературу и по возможности ходить к исповеди и причастию[7].

По подсчётам одного из учителей Олонецкой губернии, собиравшего сведения в течение десяти лет, наиболее распространённой причиной пропуска занятий было плохое состояние одежды и обуви (40 процентов случаев). Дети 10–12 лет занимались домашними работами, так как отцы и старшие братья уходили на заработки. В целом пропуски занятий по домашним обстоятельствам составляли 24 процента всех случаев; 13 процентов приходилось на случаи «нерадивости учеников или родителей»; 9 — на пропуски по болезни[8].

Большинство пропусков занятий было вызвано причинами экономического характера. Вместе с тем учителя замечали, что наиболее «аккуратно» учебные заведения посещают те дети, чьи отцы в своё время ходили в школу[9]. Директор народных училищ Олонецкой губернии Г. Попов, выступая в 1906 году на съезде инспекторов в Петрозаводске, отмечал: «...нельзя считать разумным силой (здесь и далее подчёркивание, как в документе. — *О. И.*) тащить в школу; по отношению наших сельских детей к школе есть полная надежда всюду достигнуть более высокого принципа — всеобщности обучения благодаря желанию детей учиться, а родителей — учить своих детей...»[10]. Тем не менее в борьбе за школьную дисциплину порой применялись нестандартные меры. Так, учитель Тулмозерского училища Н. Попов приобрёл лодку и отправлялся на ней собирать детей, не явившихся в школу в урочный час[11].

Существовал целый ряд причин психологического, ментального порядка, влиявших на отношение детей и их родителей к школе. Одной из проблем, заставлявших отцов и матерей вступать в непосредственные контакты с учителем, был вопрос школьной дисциплины. Он довольно часто поднимался в конце XIX века, но по мере отказа школы от физических методов наказания терял свою остроту. Школьные наказания, с точки зрения карелов, были излишне строгими. Публичная порка воспринималась ими как недопустимая мера. Известно, что местные волостные суды практически не использовали в своей практике наказаний розгами, поскольку карельский крестьянин не мог допустить такого позора и, по словам современников, «решился бы на самые крайние средства, чтобы избежать этого»[12]. Деспотизм преподавателей вызывал у детей страх перед школой, неприязнь к ней и протесты родителей. Напротив, учителя, отличавшиеся «кроткими дисциплинарными мерами», пользовались не только уважением, но и любовью населения, привлекали в школу большое количество детей.

На рубеже XIX–XX веков вопрос о наказаниях в школе становится предметом внимания как церковного ведомства, так и Министерства народного просвещения. Циркуляром Синода от 25 февраля 1891 года было запрещено применение в школе жестоких и унизительных мер наказания. Судя по отчётам церковно-приходских школ многонациональной Олонецкой епархии за 1890-е годы, постановка в угол, на колени, земные поклоны таковыми не считались и находили применение в учебных заведениях края[13]. Но в карельской местности, боясь потерять учеников, их использовать опасались.

Учащихся поощряли похвалой, иногда письменными принадлежностями, книгами или брошюрами. В праздничные дни учителя устраивали чаепития для детей, раздавали сладости. Ученикам, отличившимся в учёбе, торжественно вручались похвальные листы и подарки. Вручение наград старались приурочить к какому-либо школьному празднику. Подобные официальные публичные церемонии награждения школьников были принципиально новым явлением в деревне. Новым был и сам факт награждения детей. Официальные бумаги фиксировали статус ученика и подчёркивали его отношения с государством. Похвальные листы, благодарственные письма, грамоты становились предметом гордости семьи, неграмотные родители бережно хранили их за божницей вместе с другими памятными и ценными бумагами.

В процессе освоения нового культурного пространства дети сформулировали особые «школьные» приметы: «Нельзя оставлять книгу раскрытой — всё забудешь»; «Хорошо класть раскрытую книгу на ночь под голову — твёрже будешь помнить». Выработались и особые способы «защитной магии». Например, «чтобы учитель не был сердитым и более щедро ставил отметки, подают ему новое перо, подсыпают соли под учительский стол и стул, читают про себя «Отче наш»»; «чтобы не быть спрошенным, в парту втыкают булавку, находят сучок на парте, держатся за

него и повторяют: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его»[14].

Особые детские страхи были связаны с экзаменами. С 1897 года в церковно-приходских школах Олонецкой епархии были введены экзамены в каждом отделении, то есть после каждого года учёбы. Устанавливался и более строгий порядок выпускных экзаменов. Отныне письменные работы проходили через пять инстанций: испытательную комиссию, уездного школьного наблюдателя церковно-приходских школ, уездное отделение, епархиального наблюдателя и епархиальный училищный совет. Устрашающая обстановка экзаменов приводила к детским суицидам[15]. У школьников Карелии перед экзаменом было принято класть на ночь под подушку коробочку с пауком, чтобы «увидеть во сне, какой билет достанется», какую отметку поставят. Утром паука надо было выпустить, чтобы не произошло «что-либо нехорошее»[16]. Признав вред экзаменов в начальной школе, I Всероссийский съезд по вопросам народного образования (СПб, декабрь 1913 — январь 1914 года) принял резолюцию о необходимости их отмены[17].

Учителя настойчиво искореняли детские суеверия. Важнейшим средством борьбы с ними было посещение церкви. Религиозная обрядность, церемониал церковной службы, её зрелищность вызывали у детей интерес, способствовали их приобщению к православной вере. Педагоги организовывали паломнические походы. Их объектами для школ северной части Карелии был Соловецкий монастырь, на юге Карелии — Александро-Свирский монастырь и церковь в деревне Колатсельга, где находился чудотворный образ Святого Пантелеймона. Паломничество являлось существенным фактором, привносившим нравственные ценности православия в повседневную жизнь детей. В крупных селениях школьники участвовали в крестных ходах. Например, в селе Видлицы 19 февраля 1911 года — в день празднования 50-летия отмены крепостного права — состоялся крестный ход, к которому присоединилась колонна учеников местной школы[18].

В повседневном воспитании школьников большое значение имела коллективная молитва. С особым трепетом к этой традиции относилась церковно-приходская школа. В 1914 году в чин утренней молитвы, с которой начинался каждый учебный день, было введено краткое моление «о даровании победы русскому воинству на поле брани над врагами».

Свидетельство об окончании начальной школы.

Учителя, получившие светское образование, к воспитанию религиозного чувства у своих подопечных относились не столь ревностно. Камнем раздора между светскими учителями и священнослужителями, преподававшими Закон Божий, подчас становилась организация новогодних ёлок к Рождеству. Обычай, пришедший в Россию из лютеранской Германии, вызывал неприязнь Православной церкви. Святейший синод неоднократно издавал указы, запрещавшие устройство ёлок в школах. Однако яркий, полюбившийся детям праздник был «освоен» русским светским обществом и с середины 1860-х годов стал обычным явлением в городских школах[19].

Постепенно это модное веяние проникало и в сельскую школу. В конце XIX века устройство рождественских ёлок стало повсеместной традицией в земских и министерских школах Карелии. Проведение ёлки было своего рода общественным смотром школы, «народным экзаменом», что требовало серьёзной подготовки. Директор народных училищ Олонецкой губернии Д. П. Мартынов отмечал в 1895 году: «...на ёлки собирается вся деревенская отборная публика: лицом в грязь нельзя ударить, — напротив, надо для поддержания чести и значения училища в глазах общества привести всех в удивление и восторг»[20]. Многочисленные «гости», приезжавшие на праздник из соседних сёл, нередко удалённых на 20 и 30 вёрст от школы, размещались в семьях родственников, как это бывало в дни больших церковных праздников.

«Ёлочные» мероприятия в школе строились по специальной программе. В соответствии с методическими рекомендациями, разработанными столичными педагогами, праздник *следовало начинать с чтения* евангельских глав, рассказывающих о событиях Рождества Христова, и только после этого переходить к его светской части. На практике светская составляющая праздника явно преобладала, ёлка имела много общего с обычными литературными вечерами. Иногда празднество сопровождалось фейерверком или проигрыванием пластинок на граммофоне — диковинными для крестьян вещами. В качестве подарков дети получали «бонбоньерки с конфектами» и книжки. Украшения для ёлки — флажки, фонарики, фигурки животных, персонажей сказок — ученики готовили под руководством преподавателей по специальным выкройкам, в изобилии помещавшимся в приложениях к детским и педагогическим журналам.

В одном из отчётов дирекции народных училищ отмечалось: «...мы можем похвалиться, что в большинстве училищ Олонецкой губернии, даже в глухой кореле (Карелии. — *О. И.*), выразительное чтение положительно процветает, и развитию этого искусства особенно содействуют публичные чтения детей на ёлках, на народных чтениях и на других школьных торжествах, ибо успехи детей награждаются в таких случаях публичными одобрениями и подарками, а это средство сильное»[21].

Публицист М. А. Круковский, путешествовавший по Карелии и создавший множество ярких образов детства, поведал о том, что после того, как детям в школе отказали в устройстве праздника, они сами «срубили дерево, обрядили его тряпочками и конфетными обёртками и зажгли на нём свечи»[22]. Почитание ели, уважительное отношение к ней в день новогоднего праздника в некоторой мере созвучно карельской языческой традиции создания «карсикко» (памятных деревьев) путём оставления на них приметных знаков, в том числе разного рода украшений.

Если учителя земских и министерских школ в конце XIX века могли констатировать, что «ёлки крепко прижились и крепко полюбились детям и самим отцам», то в официальных отчётах церковно-приходских школ беглое упоминание о проведении детских ёлок впервые появляется лишь в 1912 году. Годом ранее разразился скандал в северной Карелии, где учительницы

села Вокнаволок вслед за детской ёлкой в церковно-приходской школе разрешили танцы для взрослых, вызвав негодование местного священника[23].

Школьные мероприятия привлекали внимание не только взрослых, но и детей дошкольного возраста. Наряду с праздником ёлки интерес младших детей вызывали торжественные шествия школьников. Такие церемонии обычно устраивались в тёплое время года, например в мае, когда в школах отмечался день памяти славянских просветителей Кирилла и Мефодия. В 1898 году на страницах «Олонецких губернских ведомостей» сообщалось о таком празднике в земской школе села Ялгуба Петрозаводского уезда. Перед зданием украшенной школы состоялся молебен, после чего нарядно одетые школьники с букетами зелени и флагами в руках строем направились в соседнюю деревню. В газетной заметке дано любопытное описание того, как реагировали на это событие жители деревни: «Многие оставляли свои неотложные полевые работы и спешили посмотреть на школьный праздник. Но всего поразительнее было, как дети четырёх и даже трёх лет, держа в руках маленькие флаги, шли навстречу шествию и пристраивались к нему...»[24].

Стремясь разнообразить жизнь сельских школьников, отдельные учителя пытались организовать школьные театры. Успехов в этом деле добилась учительница Л. А. Иорданская. К организации спектаклей и постановке «живых картин», изготовлению костюмов и декораций она привлекала и своих бывших учеников, уже закончивших учёбу. Спектакли устраивались как в здании школы, находившейся в деревне Верхние Видлицы, так и в соседних селениях. В репертуаре были небольшие детские пьесы и отрывки из «взрослой» русской классики. В наиболее ответственных случаях занавес и декорации доставлялись с Видлицкого завода[25].

С конца 1890-х годов в школах Карелии, как и в других местностях России, начали устраивать праздники «древонасаждения», которые к тому времени уже стали традицией в США и некоторых странах Европы. Их сценарий был стандартен и прост: беседа о ценности леса и торжественное шествие детей по деревне завершались посадкой деревьев. За один лишь 1902 год в Олонецком уезде школьники посадили сотни деревьев[26].

Похожую воспитательную направленность имели праздники «Майского Союза», также заимствованные из европейского педагогического опыта. Общества с таким названием создавались в школах для организации детского движения в защиту птиц. Членами союза могли быть только мальчики, которые брали обязательства не разорять птичьих гнёзд, не ловить и не убивать птиц, убеждать и удерживать других от проявления жестокости. Было положено начало новому школьному ритуалу — изготовлению и установке скворечников и кормушек для птиц, достигшему своего апогея в советское время. В 1904 году по разрешению Министерства народного просвещения «Майский Союз» был учреждён в Усланском училище Олонецкого уезда. В должности попечителя этой детской организации губернатор утвердил купца второй гильдии Юлия Тейфеля. Однако широкого распространения в дореволюционной Карелии это движение не получило[27].

Школы устраивали празднование собственных юбилеев, торжественные церемонии по случаю переезда в новое здание, что давало детям представление о культуре корпоративного праздника и корпоративных традициях. Учебные заведения Карелии не оставались в стороне от значительных для всей страны событий. Например, отмечалось 200-летие основания Санкт-Петербурга, 200-летие Полтавской битвы, 300-летие дома Романовых. В мае 1903 года в районе Марциальных Вод — первого российского курорта, где неоднократно бывал Пётр I, — состоялось празднество, посвящённое его памяти. Ученики близлежащих училищ подготовили специальную программу, в которую было включено пение народных песен, декламация стихов о царе. На торжество прибыло местное начальство, инспектор народных училищ, учителя из округи и множество крестьян-карелов. Работа, проводившаяся в школах губернии по организации праздников, получила официальное признание. В 1904 году на международной научно-промышленной выставке «Детский Мир» в Санкт-Петербурге епархиальному наблюдателю церковных школ Н. К. Чукову была присуждена бронзовая медаль «за руководство школами и устройство школьных праздников и чтений»[28].

Большое воспитательное значение имели проводившиеся школами благотворительные мероприятия, число которых резко возросло в годы Первой мировой войны. Школьники шили и вязали тёплые вещи для фронтовиков, комплектовали посылки с подарками. Учителя устраивали школьные благотворительные спектакли и праздники, средства от которых направлялись в фонд Красного Креста, проводили «кружечные сборы» пожертвований в дни сельских ярмарок. В 1915 году почти все учащиеся Олонецкой губернии участвовали в акции «Ковш зерна», организованной Комитетом великой княжны Татьяны Николаевны: собирали деньги, продукты, одежду и другие вещи в пользу пострадавших от военных действий.

В своих ежегодных отчётах учителя отмечали, что организация школьного отдыха и развлечений придавала школе семейный характер, создавала атмосферу, благоприятную для успешной учебной работы. Проведение школьных праздников, устройство спектаклей, ярких церемоний за пределами школьного здания было действенным способом привлечения внимания к школе не только родителей, но и других жителей деревни, служило средством «вербовки» будущих учеников, вызывало уважение основной части крестьян и в конечном итоге способствовало укреплению позиций школы в деревне.

Примечания

1. Отчёт о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой губернии за 1896–1897 учебный год. Петрозаводск. 1898. С. 6.
2. Линевский А. М. Карелы//Советская этнография. Сб. статей. Вып. V. М.; Л. 1941. С. 101.
3. Virtaranta P. Lyydiläisiä textejä II. Helsinki. 1963. S. 305–306; Винокурова И. Ю. Дети в некоторых обрядах и представлениях вепсов//Обряды и верования народов Карелии: человек и его жизненный цикл. Петрозаводск. 1994. С. 60.
4. Дмитриев К. И. О преподавании русского языка в корельских школах//Труды третьего съезда инспекторов народных училищ Олонецкой губернии. 3–8 июня 1908 г. Петрозаводск. 1908. С. 171–172.
5. Там же.
6. Отчёт о съезде инспекторов народных училищ Олонецкой губернии (организованном на средства Олонецкого губернского земства) с 1 по 15 июля 1902 г. Петрозаводск. 1902. Приложение 1. С. 8.
7. Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 240. Оп. 3. Д. 2/25. Л. 5; Ф. 335. Оп. 1. Д 9/145. Л. 81–82; Государственный архив Архангельской области. Ф. 28. Оп. 2. Д. 26. Л. 1.
8. С. Я. Из жизни наших школ//Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 15. С. 9.
9. Олонецкие губернские ведомости (далее — ОГВ). 1903. 27 февраля. С. 3.
10. НА РК. Ф. 335. Оп. 1. Д. 11/173. Л. 12.
11. ОГВ. 1903. 27 февраля. С. 3.
12. Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс. 1917. С. 91.
13. Отчёт о состоянии церковно-приходских школ Олонецкой епархии за 1891–1892 учебный год. Петрозаводск. 1893. С. 31.
14. ОГВ. 1900. 5 сентября.
15. Синова И. В. Российское общество и дети на рубеже XIX–XX вв.//Клио. 1998. № 2. С. 66–67.
16. ОГВ. 1900. 5 сентября.
17. Резолюция I Всероссийского съезда по вопросам народного образования (22 декабря 1913 г. — 3 января 1914 г.). СПб. 1914. С. 3.
18. НА РК. Ф. 335. Оп. 1. Д. 6/90. Л. 46.
19. Душечкина Е. В. Русская ёлка: История, мифология, литература. СПб. 2002. С. 126.
20. Мартынов Д. П. Отчёт о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1894 г. Петрозаводск. 1895 г. С. 21.
21. Там же. С. 34, 38.
22. Круковский М. А. Своя ёлка//Мирок. 1914. № 12. С. 354.
23. НА РК. Ф. 411. Оп. 1. Д. 11/161. Л. 1, 6, 18.
24. ОГВ. 1898. 3 июня. С. 2.
25. НА РК. Ф. 335. Оп. 1. Д. 9/145. Л. 64.
26. Отчёт о съезде инспекторов Олонецкой губернии 1–15 июля 1902 г. Петрозаводск. 1902. С. 19.
27. НА РК. Ф. 335. Оп. 2. Д. 3/46. Л. 2–8.
28. Чуков Н. К. *Исторический очерк развития церковных школ в Олонецкой епархии*. Петрозаводск. 1910. С. 22.

Татьяна ***ПАШКОВА,***
кандидат исторических наук

СМЕРТЬ ГИМНАЗИСТА КОЛЫШКИНА

Изнанка «школьной революции» 1905–1906 годов

Рано утром 10 марта 1905 года в дешёвом номере одной из гостиниц города Выборга раздался револьверный выстрел. Он оборвал жизнь Бориса Колышкина, 15-летнего ученика V класса Второй Санкт-Петербургской гимназии. 12 марта на Преображенском кладбище состоялись многолюдные похороны погибшего гимназиста, о чём на следующий день в разделе «Хроника» сообщила читателям газета «Русь»[1]. 14 марта в той же газете появилась большая статья за подписью Н. Симбирского, в которой покойный Боря Колышкин был назван «жертвой школьного режима»[2]. Почему же гибель воспитанника Второй гимназии приобрела такой общественный резонанс?

«Отцвели уж давно хризантемы в саду».
Почтовая карточка. Начало XX в.

КАК ЭТО БЫЛО

Юный самоубийца оставил предсмертную записку, содержание которой стало достоянием гласности уже 14 марта: её передал корреспонденту «Руси» брат Бориса. Это письмо было написано «дрожащим детским почерком на какой-то странной бумажке, видимо финляндского происхождения: одна сторона синяя с узорами, другая белая». В записке говорилось следующее: «Прошу никого не винить из-за моей преждевременной смерти. Я делаю последний шаг из-за некоторых преподавателей СПб. 2-й гимназии. Известите моих дорогих родителей о моей смерти. Посылаю им последнее прости. В гор. Петербург, на Пушкинскую ул., д. 10., кв. 102. Колышкин».

Предсмертное письмо несчастного мальчика стало поводом для громкого разбирательства. Попечитель учебного округа, доложив о происшествии министру народного просвещения и создавая специальную комиссию, оговорился, что «родители… склонны видеть причину несчастья в гимназическом режиме; несомненно, что и общество так же отнесётся к этому печальному происшествию». Чтобы избежать обвинений в предвзятости, окружное начальство включило в состав комиссии лиц, стоявших, по его мнению, «вне… школьной рутины, с мнениями и взглядами вполне независимыми»[3]. Выбор пал на директора известной частной гимназии и издателя журнала «Русская школа» Я. Г. Гуревича, окружного инспектора С. В. Певницкого и профессора Санкт-Петербургского университета И. И. Боргмана.

Комиссия приступила к работе 14 марта, в тот же день в столичных газетах появилось соответствующее объявление[4]. К этому времени общественности уже были известны некоторые подробности дела. Упоминавшийся выше сотрудник газеты «Русь» Симбирский в статье «Юношеская трагедия» привёл материалы интервью, взятого у старшего брата Бориса Колышкина, и опубликовал письмо одного из его гимназических товарищей, чьё имя осталось читателям неизвестным. Николай Колышкин сообщил, что Борис «был добрый, мягкий и способный мальчик. Много читал, никогда не отлучался из дому, все свои маленькие сбережения тратил на книги»[5]. Родные не замечали в нём никаких «ненормальностей», «занимался он усердно, но за последнее время у него пошли какие-то нелады в гимназии». Мать стал часто вызывать к себе инспектор, причём говорил с ней «оскорбительно грубо», в присутствии сторожей делал выговоры за сына. Госпожа Колышкина сильно переживала по этому поводу, говоря Борису, что у неё слабое сердце и ей вредно выносить подобные оскорбления. После таких вызовов в гимназию мальчик «сильно скучал, отказывался от еды, избегал людей».

В среду, 9 марта, на квартиру Колышкиных пришёл школьный сторож, чтобы сообщить, что господин инспектор опять вызывает мать к 7 часам вечера, а Борис сидит наказанный в карцере. В 5 часов ученик явился домой; узнав о случившемся, он «изменился в лице, молча ушёл в свою комнату и стал готовить уроки». Через некоторое время мальчик попросил у матери 10 копеек на карту для черчения и вышел из дома. Живым его родные больше не увидели. Старший брат, почуяв неладное, вместе с вернувшейся из гимназии в слезах матерью бросился в полицию, дал телеграммы на Николаевский и Финляндский вокзалы с подробным описанием примет беглеца, но всё было тщетно. Ночью родные вспомнили, что недавно в Выборге произошла трагедия с их знакомым, учащимся Петровского коммерческого училища Владимиром Овечкиным (о его самоубийстве 9 марта рассказала газета

«Новое время»)[6]. Эта история обсуждалась в семье Колышкиных, и в ходе разговоров Борис узнал, что именно в Выборге «можно, во-первых, купить револьвер без особого разрешения, а во-вторых, остановиться в гостинице без особого вида на жительство». Утром первым поездом родственники выехали из Петербурга, но опоздали: мальчик застрелился за полчаса до их приезда[7].

Гимназический товарищ Бориса, передавший своё письмо в редакцию газеты, характеризовал его как человека «с тихим и спокойным характером», со способностями «выше средних». Колышкин был любим не только в семье, но и в классе. Конечно, в школе он «был более подвижен, чем дома, иногда шалил; но все его шалости носили совершенно невинный, детский характер». Однако, по мнению автора письма, педагоги относились к Колышкину предвзято, а инспектор «старался всегда выставить его каким-то «чудовищем». В разговорах с матерью (о чём было известно одноклассникам) он называл Бориса «нахалом» и «негодяем», заявлял, что у него «бесстыжая морда», что над ним, как дамоклов меч, висит исключение из гимназии. Все придирки и угрозы Колышкин переносил спокойно, поскольку «отличался твёрдостью характера», но «в последнее время стал проявлять некоторое беспокойство по этому поводу».

14 марта комиссия, созданная начальством учебного округа, начала своё собственное расследование. Ознакомившись со всеми представленными материалами и свидетельствами, комиссия шаг за шагом весьма тщательно реконструировала события, предшествовавшие самоубийству Колышкина. 8 марта Борис был наказан оставлением в школе после уроков за то, что в раздевалке «сшиб с ног одного ученика IV класса», но самовольно ушёл домой. На следующий день он был записан в штрафной журнал за уклонение от наказания, а также за избиение «товарищей палкой по спине». Итогом мальчишеских «подвигов» стало помещение виновного на два часа в карцер. По свидетельству очевидцев, Борис отнёсся к новому взысканию спокойно, но затем инспектор Н. Ф. Варницкий якобы пригрозил, что немедленно пригласит мать ученика «для личных объяснений и предупредит её о возможном исключении сына из гимназии». Что произошло после возвращения мальчика из школы, нам уже известно.

ЧЕМУ ЖЕ УЧАТ НАС СЕМЬЯ И ШКОЛА?

Комиссия проявила интерес не только к сиюминутным обстоятельствам, послужившим толчком к принятию гимназистом рокового решения, но и к его положению в гимназии в целом, отношениям Колышкина с учителями и товарищами. Здесь как раз стали всплывать важные подробности, которые позволяют нам заглянуть в «замочную скважину», посмотреть на школьный класс начала XX века и жизнь его обитателей как бы изнутри.

Из отзывов сверстников выяснилось, что Боря Колышкин был самым обыкновенным 15-летним мальчишкой, живым и жизнерадостным. Одноклассники вспоминали его как «добряка», «хорошего товарища», «общего любимца», «весёлого», «резвого», «заступавшегося за младших», «любившего читать». Ученики старших, 7-го и 8-го, классов, в том числе два его репетитора — Нечаев и Тамаркин, утверждали, что Колышкин был «не злым», «добродушным», «не способным на дурные поступки и жестокости». Те из них, кто познакомился с Борисом во время экскурсии в Нарву, когда он был «чайным старшим» (то есть, видимо, отвечал за устройство походного стола), отмечали, что пятиклассник был «душой общества и всех веселил». Хорошо отзывались гимназисты и о семье Колышкиных, называя её «доброй», «симпатичной», «дружественной», «резких замечаний или выговоров, телесных наказаний никогда не было».

Пожалуй, единственный недостаток Бори, о котором упомянули ребята, — это его скрытность. Семиклассник Тамаркин заявил, что однажды Борис высказывал желание отправиться на Дальний Восток, как бы «стремясь найти выход из тяжёлого положения, просил у товарищей на что-то 10 рублей и был грустен». Ничего более определённого свидетель сообщить не смог, но тем не менее пришёл к выводу, что «мысль о самоубийстве, по-видимому, существовала у него в последнее время». Пятиклассник Латышев, с которым Колышкин часто вместе шёл из школы домой до Невского проспекта, рассказал комиссии: Борис больше месяца назад «проговорился, что хочет покончить с собой, но товарищи тогда отговорили его».

Проступки Бориса являлись вполне типичными для молодых людей его возраста. Об этом лучше всего свидетельствуют записи в кондуитном журнале, начинавшиеся с октября 1901 года. Из них следует, что Колышкин подвергался наказаниям за то, что вырезал на столе свою фамилию, за шумное поведение на уроке, ходьбу по классу и пение на рисовании и французском языке, опоздание на молитву, предоставление недельных сведений без подписи родителей и уничтожение на них отметок, выход из класса перед приходом преподавателя, порчу стены в коридоре каблуками, нанесение ученику удара в глаз, игру в лапту на гимназическом дворе, несмотря на запрет оставаться там после уроков... Итак, ничего экстраординарного мальчик не совершал. Его никогда не застигали за истязанием младших, воровством, курением или распитием спиртных напитков (а такие случаи во Второй гимназии бывали). Как утверждали одноклассники, да и кое-кто из учителей, он был «лучше многих в классе», некоторые ученики вели себя гораздо «шаловливее».

Посмотрим теперь, как обстояли у Колышкина учебные дела. Здесь у него, конечно, были проблемы, но они всё-таки не носили катастрофического характера. Так, из срочных ведомостей за 1903/04 учебный год (IV класс) явствует, что у Бориса имелись тройки по Закону Божию, латыни, математике, истории, географии, французскому и немецкому, а также двойка по русскому языку, которую он исправил на переэкзаменовке. Внимание и прилежание были оценены на 3 («добропорядочно»), а поведение — на 4. Успехи, прямо скажем, неважные, но при всём при том по баллам Колышкин занял 31-е место в классе из 41-го, стало быть, были гимназисты, учившиеся хуже. Что же в таком случае привело к трагической развязке?

Родные Колышкина виновниками его гибели прямо называли преподавателя истории П. К. Тихомирова, воспитателя В. И. Протасова, помощника классного наставника В. Г. Попова и инспектора Варницкого. Госпожа Колышкина заявила, что историк, зная о слабой памяти ученика, «нарочно спрашивал мальчика в конце четверти, требуя знания всего пройденного». Попов и Протасов оказались причастными к событиям, непосредственно предшествовавшим трагедии. Именно им принадлежали последние записи в кондуитном журнале от 8 и 9 марта. Кроме того, Протасов, по мнению родных, «особенно строго и сурово обращался с учениками во время своего дежурства».

Однако главные претензии были предъявлены инспектору, выполнявшему одновременно функции классного наставника в V классе, где учился Колышкин. Мать мальчика утверждала, что Варницкий «грубо обращался с ней самой, слишком сурово и несправедливо относился к её сыну». За последний год Капитолина Фёдоровна дважды встречалась с инспектором. Первая встреча произошла после того, как Борис, несмотря на занятия с репетитором, которого порекомендовал Варницкий, нахватал двоек. Женщина была оскорблена тем, что разговор шёл в шинельной в присутствии сторожей, её даже не пригласили в приёмную. Инспектор требовал забрать Бориса из гим-

назии, а не менять репетитора, при уходе «никто не потрудился открыть ей двери». Во время второго (последнего) визита в гимназию вечером 9 марта мать выслушала, что у её сына «нахальная морда» и что он будет исключён из гимназии решением педсовета. Весьма характерно, что на вопрос членов комиссии, почему за разрешением конфликта семья не обратилась к директору, Колышкина ответила, что боялась ещё больше повредить Борису. Эта деталь, как представляется, не лучшим образом характеризует обстановку в гимназии.

Надо сказать, что трагическая смерть Бориса всколыхнула всю школу. В протоколах педагогического совета от 14 марта отмечалось, что «ученики старших классов… пришли в страшное возбуждение. Прежде всего они решили идти все за гробом покойного 12 марта». Директор А. И. Давиденков, не осмелясь принять решение самостоятельно, обратился к попечителю округа. Последний ответил отказом под предлогом боязни за гимназистов: «…как бы они не подверглись оскорблениям и побоям со стороны хулиганов». В результате доступ на кладбище был разрешён только ученикам V класса и депутатам от других классов. Это известие ученики встретили неодобрительно, на переменах «жаловались г. окружному инспектору на гимназическую жизнь», в III и IV классах разбили несколько стёкол.

На похоронах Колышкина было много гимназистов из других школ в форменной одежде с выломанными гербами (вероятно, для того, чтобы их труднее было опознать). Некоторые ученики Второй гимназии несли венок с красной лентой, на которой было написано «угнетённому от угнетаемых». По словам преподавателей, молодые люди из других учебных заведений «вели себя шумно, открыто курили», один из гимназистов «говорил речь… на тему об угнетённости»[8]. Таким образом, для учащихся несчастье с Борисом стало серьёзным поводом к пока ещё сдерживаемому взрослыми, но вполне явному протесту против школьного режима.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА

22 марта родители учеников и некоторых выпускников Второй гимназии подали прошение попечителю округа с целью «восстановить репутацию глубоко уважаемого» Варницкого, «считая его невинным». В этом письме отношение инспектора к ученикам называлось «чутким и гуманным», исполнение им своих обязанностей — «добросовестным и тактичным». Дальше в прошении формулировались две весьма «продуктивные» идеи, которые впоследствии были подхвачены педагогическим коллективом: если искать причины трагедии в гимназии, «то не в одном лице, а в общих недостатках всей… средней школы»; причина не может лежать в школе, тем более что Колышкин не был пансионером, её «надо искать глубже — в психической ненормальности мальчика».

Теперь самое время разобраться, какую позицию в этом громком деле заняли учителя. Из девяти педагогов, опрошенных комиссией 18 марта, двое никак не сформулировали своего мнения о причинах случившегося, четверо (А. И. Давиденков, П. К. Тихомиров, А. Е. Антонов и В. Г. Попов) не нашли удовлетворительных объяснений самоубийству ученика, двое (Н. П. Кузнецов и В. И. Протасов) весьма осторожно и с оговорками признали, что «гимназический инцидент мог послужить некоторым толчком к последнему решению»; Протасов также придерживался гипотезы, хотя и не настаивал на ней, о том, что на поступок Колышкина повлияла смерть Овечкина. Наконец, главный фигурант, инспектор Варницкий, отрицал свои грубые отзывы о покойном и, хотя и был в курсе того, что вызовы матери в школу производили на Бориса тяжёлое впечатление, настаивал на поисках причин трагедии «вне гимназии».

Члены комиссии, произведя расследование, в целом встали на сторону жертвы и её родственников. В докладе от 31 марта Боря Колышкин был охарактеризован вполне положительно — как шаловливый, но добрый мальчик, старавшийся исправиться, сильно привязанный к матери, которую он настолько боялся огорчить

Гимназисты встречают императора Николая II. РГАКФД.

своими школьными неурядицами, что предпочёл наложить на себя руки, чем быть исключённым из гимназии. К показаниям Колышкиной Гуревич, Певницкий и особенно профессор Боргман отнеслись с сочувствием и полным доверием. Тем не менее они так и не рискнули назвать поимённо преподавателей, на которых намекала предсмертная записка покойного. Члены комиссии ограничились констатацией, что выяснить это обстоятельство «оказалось невозможным»[9]. В итоге был вынесен довольно мягкий вердикт: «Не признавая возможным обвинить какое-либо отдельное лицо из персонала 2-й гимназии... и вообще не признавая возможным возложить всю ответственность...на гимназию... считает своим долгом указать на... недостаток индивидуализации в деле воспитания и на некоторый формализм в отношении к учащимся. Слишком большое внимание обращается на соблюдение внешнего порядка, нарушение которого нередко вызывает строгие взыскания... Добрые, сердечные отношения к детям подчас заменяются сухими, чисто формальными».

Однако даже такое заключение вызвало настоящую бурю на педсовете, состоявшемся 25 апреля. Учительский коллектив решил поступить по принципу «нападение — лучшая защита». Прежде всего была обвинена в предвзятости и бездоказательности сама комиссия. Результаты её деятельности назывались бесплодными, поскольку «смерть Колышкина остаётся такою же загадочною... какою она была» до разбирательства. Довольно лицемерно, если не сказать цинично, прозвучали слова о том, что комиссии следовало поглубже заглянуть во внутренний мир мальчика и познакомиться основательнее с его психикой, учесть критически-переходный возраст, *болезненную нервность матери* и пригласить для расследования компетентного врача. По мнению учителей, комиссии «необходимо было задаться вопросом: *«да был ли здоров мальчик, не было ли в нём самом уже достаточной причины для того, чтобы покончить с своею жизнью»* (выделено мной. — *Т. П.*).

Все, даже косвенные упрёки в излишней строгости, педагогами были отвергнуты. Большое раздражение вызвало также то, что комиссия, по мнению педсовета, «не стесняясь, относилась к некоторым преподавателям прямо как к лицам, виновным в преждевременной смерти ребёнка, опрашивала их с нескрываемым оскорбительным недоверием». Всю ответственность за случившееся работники гимназии, по сути, возложили на самого ученика и его родственников, намекая на их психическую неуравновешенность и нездоровье. Борис теперь был представлен как закоренелый злодей, который «ещё в третьем классе систематически обманывал гимназию и своих родителей, подделывал тетради с недельными сведениями для двух сторон... постоянно обижал учеников младших классов и колотил их», на него «пробовали действовать всяческим образом и разговорами и увещаниями, и просьбами, и угрозами, и наказаниями, но он никак не мог отрешиться от своей слабости давать волю рукам».

Гимназисты выполняют гимнастические упражнения в присутствии императора Николая II. РГАКФД.

Большинством в 7 голосов педсовет *принял заявление, содержание* которого выходило далеко за рамки этого конкретного трагического случая: «Разве формализм не есть основание всего теперешнего школьного режима? Программы преподавания, ограничивающие строгими рамками всё, что должно быть пройдено в отдельном классе... правила, регламентирующие чуть не каждый шаг ученика и учителя, правила о взысканиях, циркуляры, которые, парализуя в корне всякую попытку к самодеятельности школы, доходят до того, что указывают, каким тоном преподаватели должны давать свои уроки, постоянная опека гимназии со стороны окружного начальства — где же тут проявить неформальную, свободную деятельность?.. В происшедшем несчастии... виноват тот школьный режим, который *вырыл пропасть между семьёй и школой;* виновато то хаотическое положение, в котором уже много лет находится русское учебное дело...»

Самоубийство Колышкина, как луч прожектора, высветило всё неблагополучие тогдашней гимназической системы. Бездушная и неповоротливая, не поспевавшая за потребностями общества, школьная машина с её жестокой и неадекватной системой наказаний прежде всего калечила слишком впечатлительных и эмоциональных воспитанников, среди которых и оказался Борис. Жёсткость и грубость учителей и воспитателей по отношению к детям порождались безнаказанностью. Казённая гимназия представляла собой своеобразное «государство в государстве», ревниво охранявшее свой внутренний уклад от каких бы то ни было влияний извне. Поэтому вмешательство посторонних сил, спровоцированное смертью гимназиста, огласка, критика, пусть даже весьма умеренная, повергли её в шоковое состояние. Однако при всём при том даже такое чрезвычайное происшествие не повлекло за собой серьёзных последствий. Мальчика не стало, а виноватых не нашлось. Никто из причастных к трагедии учителей не понёс никакого наказания, по крайней мере на их карьере этот эпизод никак не отразился.

г. Санкт-Петербург

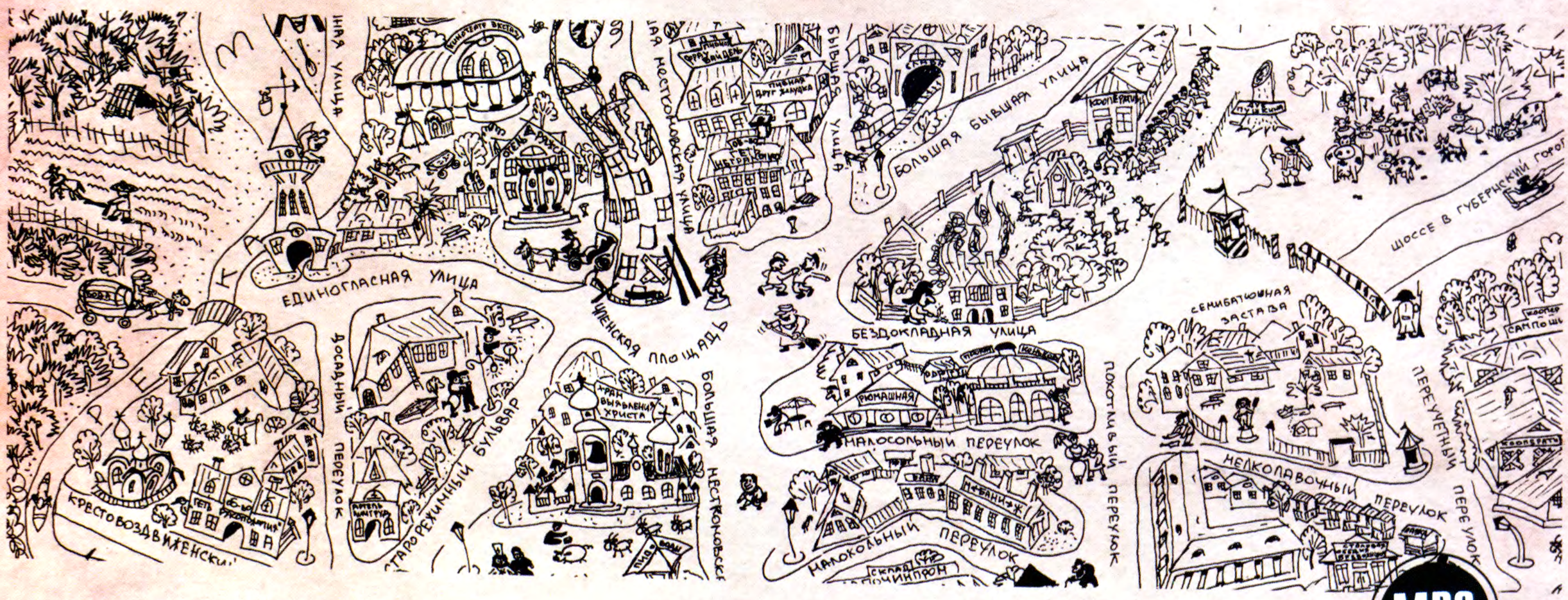
Примечания

1. Русь. 1905. № 64. 13 марта. В заметке были неверно указаны возраст (14 лет) и класс (I) Б. *Колышкина, а также фамилия* директора Второй гимназии — А. И. Давиденко (вместо Давиденков).
2. Там же. № 65. 14 марта.
3. Здесь и далее цитируются материалы архивного дела о самоубийстве Б. *Колышкина, хранящегося в Центральном* государственном историческом архиве (ЦГИА) Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Д. 10249.
4. Санкт-Петербургские ведомости. 1905. № 63; Русь. 1905. № 65; Новое *время. 1905. № 10245.*
5. Русь. 1905. № 65.
6. Новое время. 1905. № 10420. 9 марта.
7. Русь. 1905. № 65.
8. ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 4390. Л. 11–12.
9. Там же. Л. 23 об.

Scanned By Bill_G

Издательский Дом СОЮЗ
представляет

И.ИЛЬФ и Е.ПЕТРОВ



MP3

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ГОРОДА КОЛОКОЛАМСКА

"Издательский Дом СОЮЗ" 105064, Москва, Нижний Сусальный пер. д. 5. Тел.: (495) 261-45-16;
publisher@headq.soyuz.ru; www.soyuz.ru